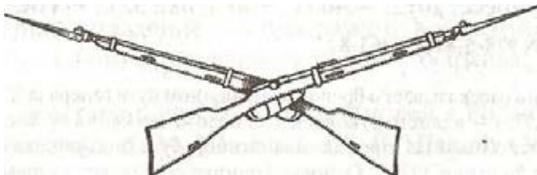

B. Chwraut

В. М. МОЛЧАНОВ

ПОСЛЕДНИЙ БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ,
СТАТЬИ, ПИСЬМА,
ДОКУМЕНТЫ

2-е издание, исправленное и дополненное

МОСКВА

АЙРИС ПРЕСС

2012

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8
М76

**Книга удостоена диплома 3-й степени
V открытого конкурса
Издательского Совета Русской Православной Церкви
«Просвещение через книгу — 2010»
(в номинации «Лучшая историческая книга»)**

Составитель: *Л. Ю. Тремсина*

Научный консультант: д. и. н. *С. В. Волков*

Серийное оформление *А. М. Драгового*

Молчанов, В. М.

М76 Последний белый генерал. Устные воспоминания, статьи, письма, документы / В. М. Молчанов; составл. Л. Ю. Тремсиной; коммент. С. В. Волкова. — 2-изд., испр. и доп. — М. : Айрис-пресс, 2012. — 400 с. + вклейка 32 с. — (Белая Россия).
ISBN 978-5-8112-4463-8

Книга рассказывает о боевом и жизненном пути генерала В. М. Молчанова (1886-1975) — видного руководителя Белого движения на Восточном фронте Гражданской войны, продолжавшего борьбу с большевиками на Дальнем Востоке до осени 1922 г. Основу сборника составляет впервые публикуемое на русском языке интервью генерала Молчанова — его устные воспоминания, записанные на магнитофон Б. Рэймондом, сотрудником библиотеки Калифорнийского университета в Беркли в 1970 г. В сборник включена также серия статей «Борьба на Востоке России и в Сибири» (1974 г.). Впервые публикуются редкие архивные материалы и фотографии из личного архива сына автора и Музея русской культуры в Сан-Франциско.

ББК 63.3(2)612.8
УДК 94(47)

© The University of California at Berkeley, текст
на англ. яз., 1972

© Молчанов М. В., текст, архивные материалы, фотографии, 2009

© Музей русской культуры в Сан-Франциско,
архивные материалы, фотографии, 2009

ISBN 978-5-8112-4463-8

© ООО «Издательство «АЙРИС-пресс», 2009

**ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЫРАЖАЕТ
ИСКРЕННЮЮ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ**

Михаилу Викторовичу и Алле Борисовне Молчановым (США) —
за предоставление для публикации многочисленных фотографий
и документов из семейного архива;

**Руководству Библиотеки им. Бэнкрофта при Калифорнийском
университете в Беркли (США) и лично С. Снайдер —**
за разрешение опубликовать текст интервью генерала Молчанова:

Проф. Борису Рэймонду [Романову] (Канада) —
за ценные советы в ходе подготовки текста интервью к изданию;

**Музею русской культуры в Сан-Франциско (США)
и лично Председателю Правления Музея Н. А. Корецкому —**
за предоставление для публикации архивных материалов
и фотографий;

Алексею Авенировичу Ефимову (США) —
а предоставление для публикации фотографий из личного архива

Родственникам генерала В. М. Молчанова в России:
**Анатолию Сергеевичу и Линнее Львовне Молчановым (Санкт-
Петербург), Татьяне Михайловне Тибендис (Новосибирск) —**
за предоставление для публикации воспоминаний
и фотоматериалов из семейного архива;

Родственникам Н. К. Молчановой в России:
Д. К. Скордули, Л. М. Шахиной и А. В. Шахину (Москва) —
за предоставление для публикации материалов
из архива семьи Скордули;

**Заведующему отделом краеведения Елабужского государственного
музея-заповедника Д. А. Галимову —**
за предоставление фотоматериалов и участие в составлении
комментариев;

С. А. Жилину и Е. И. Кудрин (Ижевск) —
за поиск новых архивных материалов для публикации
в настоящем издании;

С. П. Петрову (США) -
за предоставление для публикации воспоминаний
о генерале Молчанове;

Российскому государственному архиву кинофотодокументов —
за разрешение опубликовать кадры кинохроники парада
во Владивостоке в 1922 г.;

а также всем, кто оказал содействие

в подготовке материалов для книги:

руководству Регионального отделения устной истории Библиотеки
им. Бэнкрофта при Калифорнийском университете в Беркли
(США) -

проф. Р. Кандида-Смиту и В. Герачи;

членам Правления Музея русской культуры в Сан-Франциско

Ю. А. Тарале и М. К. Меняйленко, сотруднику Музея И. Франкьену;

члену Приходского совета Православного храма Св. Иоанна
Крестителя в Беркли (США), многолетней старосте храма,

проф. О. П. Раевской-Хьюз;

сотруднице Библиотеки им. Бэнкрофта в Беркли (США) **Б. Страде;**
администратору Сербского кладбища в г. Колма (США)

В. Челоне-Крулджач;

С. К. Томсон (США), М. К. Сакович (США),

С. К. Простневу (г. Воткинск), А. С. Забегалину (США);

Р. Х. Хисамову (г. Чистополь), И. Л. Рыжову (г. Уссурийск),

Е. П. Шемякиной (г. Ижевск)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В настоящем сборнике представлены воспоминания белого генерала Викторина Михайловича Молчанова (1886—1975) — видного лидера Белого движения на Восточном фронте Гражданской войны. «Последний белый генерал» покинул Приморье вместе с остатками Белой армии в конце 1922 года и летом следующего года эмигрировал в США, где прожил в городе Сан-Франциско более 50 лет.

Впервые в России публикуется текст многочасового интервью генерала Молчанова, проведенного и записанного на магнитофон в 1970 году сотрудником Библиотеки им. Бэнкрофта при Калифорнийском университете в г. Беркли, русским эмигрантом Борисом Рэймондом (Романовым) — в рамках программы записи устных воспоминаний выдающихся русских эмигрантов, живших в Калифорнии. В 1972 году текст интервью, переведенный на

английский язык, был напечатан в Университете Беркли в виде сброшюрованного ротаторного издания. К настоящему времени из примерно двенадцати часов оригинальной аудиозаписи на русском языке сохранилось чуть менее половины. Данное издание включает точную расшифровку трех сохранившихся продолжительных фрагментов аудиозаписи (с сохранением стиля устной речи), а остальные фрагменты текста, аудиозапись которых не сохранилась, переведены «обратно» с английского языка на русский (научный редактор перевода — д. и. н. С. В. Волков).

В сборник также включены незавершенные воспоминания В. М. Молчанова «Борьба на Востоке России и в Сибири», подготовленные им вскоре после записи интервью и напечатанные в 1974 году в виде статей в журнале «Первопоходник» (Лос-Анджелес). Два публикуемых письма В. М. Молчанова, написанные в 1974 году подполковнику Г. Н. Блинову, характеризуют участие генерала в посмертной публикации книги «Ижевцы и Воткинцы» его близкого друга и соратника, полковника А. Г. Ефимова.

Тексты снабжены подробными комментариями, основная часть которых составлена д. и. н. С. В. Волковым. В Приложении 1 представлены архивные материалы, относящиеся к различным периодам жизни генерала. Приложение 2 включает статьи о генерале В. М. Молчанове, написанные в разные годы. Две из них были подготовлены специально для настоящего издания: статья А. С. Молчанова, родного племянника генерала, о семье Молчановых, разобщенной Гражданской войной, и статья С. П. Петрова (сына генерала П. П. Петрова), знавшего Викторина Михайловича лично. Текст сборника дополнен многочисленными фотографиями из личного архива сына автора и других источников, большинство из них публикуется впервые.

Л. Ю. Тремсина

К ЧИТАТЕЛЯМ*

С большим удовольствием и радостью представляю российским читателям первое полное издание воспоминаний моего отца, генерала Викторина Михайловича Молчанова, дополненное многочисленными фотографиями из нашего семейного архива.

В течение долгих лет отец не хотел писать воспоминаний. Он был очень прямолинейным и честным человеком и считал, что если будет писать правду, то его резкие суждения могут многих задеть. Когда папе было уже больше 80 лет, он всё же согласился записать интервью для библиотеки Калифорнийского университета в Беркли. Текст этого интервью, «Последний белый генерал», проведенного Борисом Рэймондом, составляет основу данной книги.

Когда текст интервью был переведен на английский язык для публикации в Университете Беркли в 1972 году, папа жалел, что не записывал его сразу на английском языке, чтобы избежать неточностей перевода. Он сказал еще, что если эти воспоминания когда-нибудь будут публиковать на русском языке, то в этом обязательно должен будет участвовать человек, разбирающийся в военной истории. Поэтому я очень рад, что в подготовке этой книги к изданию принимал активное участие военный историк С. В. Волков.

После того, как интервью было напечатано на английском языке, в 1974 году папа начал публиковать свои воспоминания о Гражданской войне «Борьба на Востоке России и в Сибири» в журнале «Первопоходник», выходившем в Лос-Анджелесе. Видимо, у него было желание написать воспоминания более подробно и точно. Однако вскоре он тяжело заболел и в январе 1975 года скончался, не успев закончить публикацию своих статей.

Читатели заметят, что во время интервью, записанного в 1970 году, мой отец не хотел говорить о своих родственниках, оставшихся в России, старался резко уйти от обсуждения этой темы. Это, конечно, не случайно. В первые годы после нашего приезда в Америку в 1923 году родители переписывались с родственниками моей мамы, Наталии Константиновны (урожденной Скордули), а через них и с Молчановыми. Мама умерла в начале

* Подготовка текста к публикации Л. Ю. Тремсиной.

1931 года, и папа продолжал переписку, но вскоре он получил от родственников письмо с просьбой больше не писать, так как для них это становилось опасным. С того момента наша связь с родными в Советской России полностью прервалась. Папа всех их очень любил, но боялся им навредить и поэтому никогда ничего о них не рассказывал — даже мне. Дело в том, что в те времена в Америке были люди, сочувствовавшие красным, и папа боялся, что информация о том, что у него — белого генерала — остались 1) СССР близкие родственники, может каким-то образом туда пойти и родные могут из-за этого пострадать. Единственное, что я знал о наших родственниках в России — это были их лица на фотографиях, присланных еще в 20-е годы и бережно хранившихся у папы в альбоме.

Я искренне рад, что спустя почти 70 лет наша связь с родственниками в России была восстановлена: сначала с семьей Молчановых, а совсем недавно — и с семьей Скордули. В 2000 году наша близкая знакомая Евгения Бейли (урожд. Никоненко), которая часто бывает в Париже и выписывает оттуда газету «Русская мысль», обнаружила в этой газете заметку Сергея Молчанова из Новосибирска о том, что он разыскивает родственников генерала В. М. Молчанова. В заметке был дан телефон, по которому я сразу позвонил, а затем написала по Интернету и моя дочь Анна. Ответила жена Сергея, что он по долгу службы отсутствует, и просила позвонить в декабре того же, 2000 года. Я так и сделал, и тогда я впервые разговаривал не только со своим двоюродным племянником Сергеем, живущим в Новосибирске, но и со своим двоюродным братом Анатолием из Санкт-Петербурга — сыном младшего брата моего отца, Сергея Михайловича Молчанова. Так мы установили контакт и теперь постоянно общаемся. К сожалению, по состоянию здоровья я не могу поехать в Россию, но в 2008 году в Санкт-Петербурге провела несколько месяцев моя внучка Анастасия — по программе для студентов, изучающих русский язык. Она, конечно, встречалась с нашими родственниками Молчановыми. И теперь мне хотелось бы поблагодарить своего двоюродного брата Анатолия, написавшего для приложения к книге моего отца статью о семье Молчановых.

Во время подготовки этой книги к изданию с помощью Л. Тремсиной удалось установить связь и с моими родственниками по линии матери — семьей Скордули в Москве. Они прислали нам удивительные материалы — письма и фотографии, отправленные

моими родителями из Калифорнии в 20-е годы. Из них я узнал о крайне тяжелой жизни моей семьи в первые годы эмиграции (я тогда был еще слишком мал). В одном из писем моя мама просила родственников прислать фотографию моего двоюродного брата Кости Скордули, но затем связь прервалась. Сейчас Кости уже нет в живых, но его сын Дмитрий уже теперь, спустя более 80 лет прислал мне его детскую фотографию...

В ходе подготовки издания я также встретился с моим давним знакомым Сергеем Петровым (сыном генерала П. П. Петрова), с которым мы не виделись около 50 лет. Сергей любезно написал для книги интересную заметку о моем отце.

К сожалению, папа не дожил до того времени, когда Россия стала свободной и появилась возможность издать в Москве книгу его воспоминаний. Конечно, он был бы искренне рад тому, что теперь российские читатели имеют возможность познакомиться с описанием событий Гражданской войны не только с «красной», но и с «белой» стороны, понять их трагедию и извлечь уроки для будущего России.

Михаил Викторович Молчанов*

Калифорния, июль 2009 г.

От составителя: Михаил Викторович Молчанов скончался 7 марта 2010 г. в возрасте 88 лет.

---

* См. также: *Молчанов М. В. Воспоминания о моем отце, генерале В. М. Молчанове // Ефимов А. Г. Ижевцы и Воткинцы. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 384-394.*

ПОСЛЕДНИЙ БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

Устные воспоминания
генерала В. М. Молчанова

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ*

Когда в 60-х гг. прошлого столетия я принимал участие в программе записи на магнитофон устных воспоминаний русских эмигрантов, живших в Калифорнии, невозможно было себе представить, что они когда-либо могут быть опубликованы на Родине этих людей, вынужденно покинутой ими после Гражданской войны. Однако теперь, четыре десятилетия спустя, в России впервые публикуется текст многочасового интервью генерала Викторина Михайловича Молчанова, проведенного мной в начале 1970 года в рамках программы Регионального отделения устной истории Библиотеки им. Бэнкрофта при Калифорнийском университете в г. Беркли.

После окончания Калифорнийского университета в Беркли (по двум специальностям: социология и библиотечное дело) я с 1964 года работал библиографом по изданиям на русском языке в библиотеке того же университета. В 1966—1970 гг. я активно участвовал в указанном выше проекте записи устных воспоминаний русских эмигрантов — провел четыре продолжительных интервью. Первым из них было интервью с профессором Г. К. Гинсом, бывшим членом Омского правительства. В 2007 году я с удовольствием написал об этом в небольшой заметке, которая была включена в приложение к его книге «Сибирь, союзники и Колчак»**, опубликованной издательством «Айрис-пресс». Во время подготовки книги Гинса к изданию я обратил внимание Л. Ю. Тремсиной (составителя настоящего издания) на историческую значимость другого интервью — с белым генералом В. М. Молчановым, который жил в эмиграции в Калифорнии с 1923 года.

Следует отметить, что Отделение устной истории в ходе осуществления проекта предоставило мне свободу выбора кандидатов для интервью, и я искал их, используя свои знакомства в «русской колонии» (как она тогда называлась) Сан-Франциско и его окрестностей. Идея провести интервью

---

* Перевод с английского Л. Ю. Тремсиной

** Рэймонд Б. Мои встречи с Г. К. Гинсом // Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 649-650.

с генералом Молчановым принадлежала моему отцу, Дмитрию Герасимовичу Романову, который во время Гражданской войны служил у Каппеля. Он был очень доволен тем, что я записывал воспоминания русских эмигрантов о Гражданской войне. С его помощью я познакомился с генералом Молчановым, с которым отец встречался в Свято-Троицком соборе в Сан-Франциско. Однако Викторин Михайлович не сразу согласился поделиться со мной своими воспоминаниями. В конце концов мне удалось его убедить, подчеркивая необходимость подробного освещения роли Белого движения в антибольшевистской борьбе в России.

Для записи интервью в январе 1970 года я приезжал к генералу восемь или девять раз (примерно через день), наша беседа обычно длилась около полутора часов. Со свойственной ему прямоотой Викторин Михайлович всегда искренне отвечал на мои вопросы, большую часть которых я готовил заранее. Мне очень помогало то, что к этому времени я уже был знаком с историей Гражданской войны на Восточном фронте.

Для записи интервью я привозил с собой большой магнитофон с «катушками». В конце каждого визита я останавливал запись и в следующий раз продолжал с того же места. В результате было записано несколько катушек с магнитофонной лентой. После завершения записи интервью следовала обычная процедура, принятая в Региональном отделении устной истории: сначала текст интервью на русском языке был напечатан на машинке одной из сотрудниц Отделения, затем я перевел его на английский язык. Перевод был напечатан, и я передал его генералу Молчанову для проверки. В 1972 году проверенный английский перевод интервью был напечатан и передан в архив Бэнкрофтской библиотеки. Позднее было отпечатано еще несколько экземпляров, которые были переданы в другие библиотеки.

Мною было предложено название устных воспоминаний В. М. Молчанова: «Последний белый генерал», поскольку он являлся последним здравствовавшим в то время знаменитым белым генералом. Кроме того, генерал Молчанов покинул Российскую землю в числе самых последних белых бойцов, отступивших в ноябре 1922 года из Приморья в Китай.

Я искренне надеюсь, что записанное нами интервью с «последним белым генералом» будет представлять интерес

University of California

Bancroft Library/Berkeley

Regional Oral History Office

Victorin M. Moltchanoff

THE LAST WHITE GENERAL

An Interview Conducted by

Boris Raymond

© 1972 by The University of California at Berkeley

для российских читателей — как специалистов-историков, так и всех интересующихся историей Гражданской войны в России.

Борис Рэймонд (Романов)*

июль 2009 г.

Галифакс, Канада

---

* Борис Рэймонд (Борис Дмитриевич Романов) родился в 1925 году в Харбине (Китай). В США с 1941 г. В 1944 г. был призван в американскую армию и принимал участие в боевых действиях в Европе. После войны окончил Калифорнийский университет в Беркли со степенями бакалавра и магистра по специальностям социология и библиотечное дело. Позднее получил степень магистра по истории в Манитобском университете и в 1978 г. — докторскую степень (PhD) по библиотечному делу в Чикагском университете. В 1974—1990 гг. работал профессором социологии и библиотечного дела в Университете Далхаузи в г. Галифакс (Канада). В настоящее время является почетным профессором того же университета.

Основные публикации: Интервью с русскими эмигрантами (Г. К. Гинс, В. В. Федулenco, А. Н. Ленков, В. М. Молчанов) для Библиотеки им. Бэнкрофта при Калифорнийском университете в Беркли (1966—1972 гг.); *B. Raymond, Krupskaja and Soviet Librarianship* (1979); *B. Raymond, D. R. Jones, The Russian Diaspora: 1917-1941* (2000).

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1972 г.*

Генерал Викторин Михайлович Молчанов — фигура поистине историческая, он неоднократно упоминается во многих советских книгах о Гражданской войне.

Встретиться с генералом для записи интервью было не так уж просто — события Гражданской войны далеко не всегда являются приятной темой воспоминаний для их участников. Мне, однако, повезло: мой отец, Дмитрий Герасимович Романов и генерал Молчанов были прихожанами одного Православного храма. Поэтому летом 1969 года я смог лично познакомиться с генералом. После некоторых колебаний Викторин Михайлович любезно согласился поделиться со мной своими воспоминаниями о Гражданской войне. Я обратился в Славянский Институт** по поводу оплаты расходов на расшифровку аудиозаписи и публикацию текста, а генерал Молчанов начал в это время подбирать многочисленные материалы, которые он затем использовал во время записи нашего интервью.

Викторину Михайловичу за восемьдесят, но он всё такой же высокий, с прекрасной осанкой***. Его лицо излучает энергию, а живые светло-голубые глаза полны не только воспоминаниями о прошлом, но и свежим восприятием настоящего. Он очень гордится своими бойцами, которыми командовал во время Гражданской войны. Многие из них теперь живут в районе Сан-Францисского залива, и он регулярно встречается с ними на ежегодных собраниях.

Мы встречались в течение месяца, в январе 1970 года, в его доме в Сан-Франциско, где генерал живет со своей очаровательной супругой. По русской традиции я редко имел возможность уйти, не отведав приготовленных ею угощений.

Интервью было проведено на русском языке. Когда запись наших бесед на магнитофон была завершена, я провел несколько насыщенных, но приятных дней в Беркли, занимаясь переводом текста на английский язык. Затем он был напечатан и отправлен генералу для проверки и редактирования. Будучи по натуре

---

* Перевод с английского Л. Ю. Тремсиной.

** Center for Slavic and East European Studies, University of California at Berkeley.

*** В английском оригинале использована пословица: «прямой, как шомпол». — *Прим. перев.*

человеком точным и аккуратным, он потратил на эту работу довольно много времени, но теперь она наконец завершена, и рукопись готова к публикации.

В ходе интервью Викторин Михайлович изложил не только ясную и подробную картину военных действий во время Гражданской войны в Сибири, но и то, что интересовало меня еще больше — картину сомнений, разногласий и смятения внутри Белого движения. Всё это препятствовало действиям его лидеров, которым приходилось вести войну с партизанами, хотя многие из них не были профессионально к этому подготовлены.

Генерал Молчанов поднялся до командования одним из лучших соединений армии адмирала Колчака, и затем события заставляли его играть в Белом движении всё более важную роль. Когда многие белые лидеры уже прекратили борьбу и уехали во Францию или Харбин, генерал Молчанов и его бойцы оставались «стержнем» антибольшевистского сопротивления в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке.

Настоящее интервью, включающее личные воспоминания о заключительных этапах Белой борьбы в Восточной Сибири, а также документы, которые впервые публикует генерал Молчанов*, являются, на мой взгляд, очень важным дополнением к описанию Гражданской войны в России.

Борис Рэймонд (Романов)

2 февраля 1972 г.

Социологический факультет
Виннипегский университет
Виннипег 2, Канада

От составителя: текст напечатанного в 1972 г. английского перевода интервью В. М. Молчанова предварялся также предисловием директора Регионального отделения устной истории Библиотеки им. Бэнкрофта В. К. Баум, в котором представлены общие сведения о проекте записи устных воспоминаний русских эмигрантов. В настоящей издании это предисловие не входит.

---

* Документы опубликованы не были. — Прим. сост.

В. М. МОЛЧАНОВ

ПОСЛЕДНИЙ БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

Интервью, записанное Б. Рэймондом

(Библиотека им. Бэнкрофта, Калифорнийский университет
в Беркли, США) в 1970 г.

От составителя: Публикуемый текст интервью (устных воспоминаний, записанных на магнитофон) состоит из семи фрагментов. Фрагменты 2, 4, 6 представляют собой точную расшифровку сохранившихся фрагментов магнитофонных записей. Стиль оригинала полностью сохранен. В квадратные скобки заключены пояснения от редакции и отдельные слова, добавленные для стилистической целостности текста.

Фрагменты 1, 3, 5, 7 (аудиозаписи которых не сохранились) содержат «обратный» перевод на русский язык соответствующих (фрагментов английского перевода интервью* (перевод с английского Л. Ю. Тремсиной, научная редакция перевода выполнена д. и. н. С. В. Волковым). В угловых скобках (О) добавлены слова и фрагменты, которые отсутствуют в указанном тексте английского перевода интервью, но сохранились в первоначальной аудиозаписи этого перевода, начитанного на магнитофон Б. Рэймондом.

Деление текста на главы соответствует делению, выбранному в английском переводе интервью.

/Фрагмент/: перевод с английского языка]

I. ДЕТСКИЕ ГОДЫ И ОБУЧЕНИЕ

Молчанов: Что Вы хотели бы обо мне узнать?

Рэймонд: *Викторин Михайлович, наверное, мы могли бы начать с таких вопросов: где Вы родились, где учились и как решили пойти на военную службу?*

М.: Да, я с удовольствием Вам об этом расскажу. Я родился 5 февраля (н. ст. — *Ред.*) 1886 года в городе Чистополе Казанской

---

* *Moltchanoff V. M. The Last White General. Oral history transcript, tape-recorded interview conducted by B. Raymond [Romanoff]. University of California, Berkeley, 1972.*

губернии. Мой отец¹ был начальником местного почтового отделения и заведовал строительством телеграфных линий. Его жалование было небольшим — около сорока пяти рублей, но ему также предоставлялся дом, дрова и керосин для освещения.

Мой отец был сыном священника, и поэтому он иногда говорил, что один из нас будет учиться в духовной семинарии, где обучение было бесплатным. Моей матери, брату и мне эта идея не очень нравилась.

Когда мой старший брат, который был старше меня на полтора года, закончил начальную школу в нашем небольшом городке, нас обоих отправили учиться в реальное училище в соседнем городе Елабуге², уездном центре Вятской губернии. Мы оба закончили это реальное училище в 1904 году. Положение моего отца было таково, что он ни при каких условиях не смог бы оплачивать высшее образование для нас обоих, поэтому я решил, что мой брат должен иметь преимущество. Я сказал ему, что он может поехать в Томск для поступления в университет, в то время как я решил поехать в Москву и посмотреть, какие возможности там могут представиться. Я думал, что если смогу найти способ бесплатно поступить в одно из высших учебных заведений в Москве, то я так и сделаю. Я надеялся поступить бесплатно.

Как бы там ни было, я приехал в Москву и остановился в гостинице. За комнату в этой гостинице я платил, кажется, 50 копеек в день. Затем я пошел в Московский инженерный институт³, подал туда свой аттестат об окончании реального училища, а затем подал его и в Московское высшее техническое училище⁴, это были в Москве еще два высших учебных заведения. Хотя мне было интересно сельское хозяйство как таковое, я не особенно стремился поступать в Сельскохозяйственный институт, так как мне пришлось бы еще целый месяц ждать вступительных экзаменов, а у меня не было денег, чтобы прожить в Москве этот срок.

Военное училище

М.: Я сдал экзамены в инженерный и технический институты, получив в обоих хорошие баллы. Меня приняли в оба института, но я не нашел денег на вступительный взнос, и поэтому я пошел в Московское военное училище⁵, которое оставалось для меня

последней возможностью. В то время в военные училища принимали только тех, кто закончил среднюю школу, и обучение в них, конечно, было бесплатным.

Я был тогда очень худым, но любил гимнастику. Доктора из чего училища осмотрели меня и нашли вполне здоровым, хотя и очень худым. Однако мне сказали, что, несмотря на то что я прошел меди ци некий осмотр, в учили ще было только 110 мест, а записалось уже около 500 человек. Так что надежды у меня было мало.

Однако через несколько дней я получил по почте уведомление о том, что я принят. Думаю, это произошло благодаря тому, что и успешно прошел медицинский осмотр, и благодаря хорошим Каллам, которые я получил на экзаменах в два института. Когда и прибыл в училище, они очень заинтересовались моими способностями по части гимнастики и с радостью приняли меня.

Это было в сентябре, и у меня был целый месяц до 1 октября, чтобы принять окончательное решение. В этот первый месяц нас сильно муштровали — заставляли очень рано вставать и очень строго с нами обращались, чтобы проверить на выносливость. Мне это понравилось. Многие другие ушли, а мне это очень понравилось. Из двухсот принятых примерно тридцать ушли. Они не смогли выдержать этот первый месяц.

После первого октября я был приведен к присяге, и с тех мор считался зачисленным на военную службу. Так началась моя военная служба.

Затем началась Японская война, и наше обучение в училище было ускорено. Например, было сокращено время, проводимое в поле. Нас будили в четыре часа утра. Сначала мы должны были стрелять на стрельбище, затем начинались наши занятия. Мы работали с четырех часов утра до десяти часов вечера.

Р.: Как долго продолжался курс обучения в обычное время, не во время войны ?

М.: Два года. Это для пехоты. Три года для инженерных и артиллерийских училищ. Это, конечно, офицерские училища, по окончании которых производили в чин подпоручика.

Сначала я думал, что в этом военном училище не будет особой дисциплины, но дисциплина там оказалась очень строгой. В нашем училище совсем не было «революционеров». Совершенно не было «революционного духа», несмотря на то что некоторые юнкера до этого учились в университетах и там познакомились с радикальными студенческими настроениями.

Конечно, такие настроения были очень распространены среди студентов Московского университета, «революционеры» были даже в некоторых духовных семинариях. Но в нашем военном училище их совершенно не было.

Когда в 1905 году началась революция, наше училище было единственным учебным заведением, которое власти считали абсолютно надежным. Даже в Александровском военном училище в Москве, куда принимали только детей офицеров⁶, даже там среди юнкеров были волнения, и правительство было вынуждено поместить их в училищные казармы, а 1-й Драгунский полк получил приказание их охранять.

Юнкера из нашего училища немало послужили по части охраны от разных революционных банд, которые бродили по улицам Москвы. Мы спали одетыми, с винтовками наготове и могли по первому же вызову выйти на улицы, чтобы охранять порядок.

Р.: Что думали в то время юнкера из вашего училища о революционно-настроенных студентах?

М.: Чтобы ответить на этот вопрос, мне нужно немного вернуться назад, к реальному училищу в Елабуге. Когда началась война с Японией, мы, восемнадцать реалистов, вместе заканчивавших учиться, попросили разрешения пойти добровольцами на фронт. Мы объявили, что не будем учиться, пока не получим ответа, и отправили свой запрос телеграммой Государю Императору через уездного воинского начальника, полковника. Его фамилия была Занфилов⁷. Он пришел к нам и сказал: «Я обещаю, что отправлю вашу телеграмму, но прошу вас продолжать учиться до тех пор, пока вы не получите ответ от Государя Императора».

Мы согласились, и через два дня после нашего разговора тот же самый полковник приехал в парадной форме и прочел нам телеграмму от Государя Императора, в которой Он благодарил нас за наш патриотический порыв, но требовал, чтобы мы продолжили учение и закончили реальное училище. Он обещал, что после этого позволил бы нам пойти на войну с Японией.

У нас в реальном училище были такие настроения: если в Елабугу приезжал новичок из другого учебного заведения, мы сразу расспрашивали его по поводу его взглядов, и если он говорил что-то не так, мы колотили его. Мы, реалисты, колотили тех, у кого, по нашему мнению, были революционные, или непатриотические, настроения.

Р.: Как Вы объясните тот факт, что у вас было такое твердое отношение к революции, в то время как у студентов других учебных шведений такого не было?

М.: Я объясняю это исключительно тем, что все наши учителя были настроены патриотически. Они были патриотами и открыто говорили о трудностях и недостатках правительства, но они нам объясняли, что нигде не бывает правительства без недостатков. В то же время они всегда были убежденными патриотами. Например, я помню одного из моих учителей, Михаила Тимофеевича Славина. Даю Вам честное слово: он никогда не учил нас грамматике, как это предполагалось. Он приходил и класс немного навеселе, но всегда говорил нам, что России нужны люди, которые доверяют правительству.

Наши учителя всегда объясняли нам, что Россия может оставаться великой державой, только если не будет революционного движения, и что оно остановит развитие страны. Эти учителя были наиболее лояльными, даже наш учитель-поляк был глубоко предан России, хотя про поляков мы нередко слышали, что они не были верны Государю Императору.

Р.: Таким образом, Ваши антиреволюционные взгляды имели своей основой то, чему Вас учили в школе. Везде ли в России учителя были патриотами?

М.: Не могу Вам сказать, это очень сложный вопрос. Ведь бывало и так, что революционеры успешно проникали в церковно-приходские школы, потому что каждой из них обычно заведовал только один священник, и революционеры могли туда проникнуть.

Р.: Почему в то время в России были такие революционные настроения?

М.: Я думаю, что было бы невозможно жить без революций. Русскому человеку всегда нужно на что-то жаловаться. И всё, что при этом нужно сделать, — сказать ему что-то, и он пойдет. Может быть, у меня к этому предвзятое отношение. Наши архиереи считают русского крестьянина чуть ли не святым, а я видел, что русские мужики могут вести себя и как звери. Я приведу Вам один небольшой пример: я видел, на что они способны. В Елабужском уезде был один помещик, Алашеев⁸, которого крестьяне сами выбрали в I Государственную Думу. Когда в 1917 году началась революция, мужики пришли к нему (те же самые, которые его выбрали) и сказали: «Пришла революция, мы должны перерезать

Вам горло. Вы — хороший человек, но мы должны перерезать Вам горло». И они это сделали. В этом участвовали девять человек. Когда в 1918 году я был начальником военного гарнизона в Елабуге, мне привезли девять гробов из той деревни, где это произошло, она находилась в семи верстах от города. Эти люди прикончили убийц Алашеева и привезли их тела мне, чтобы я их похоронил. Я догнал их и заставил похоронить убитых. Я видел, какое возмездие учинили эти крестьяне над убийцами своего помещика. И какое возмездие! И эти же самые мстители позже организовали свою роту в одном из моих полков в Белой армии⁹.

Р.: Как я понял, Вы считаете, что тогда революционные настроения были неизбежны?

М.: Да. Я не знаю ни одного места, где это не было неизбежно. Например, я служил на Кавказе и общался с офицерами-турками, и они тоже были настроены революционно. Между прочим, они называли себя «младотурками» и были в оппозиции своему султану или паше. Подобно им и мы, молодые офицеры, тоже потом называли себя «младотурками».

Р.: Давайте вернемся к Вашей жизни в военном училище. У меня был вопрос: почему в Вашем училище не было революционных настроений?

М.: Все наши офицеры были прекрасными людьми. В качестве примера расскажу Вам о капитане Тулаеве¹⁰, грузине, который командовал второй ротой. У него была черная борода и черные глаза, и он очень строго с нами обращался во время наших строевых занятий. Но после занятий он мог прийти ко мне и сказать: «Викторин Михайлович, не могли бы Вы сделать для меня вот это?» Я был тогда портупей-юнкером, то есть одним из старших юнкеров до производства в офицеры.

Во время революции 1905 года наше училище проявило себя действительно прекрасно. Я приведу пример из личного опыта. Я командовал отделением юнкеров. Капитан пришел и приказал собрать моё отделение, так как революционеры осадили военную тюрьму. Он велел мне вести себя осторожно, не стрелять просто так и стрелять только поверх голов.

Мы пошли туда: ворота закрыты, охрана была внутри. Я подошел очень близко к тюрьме и приказал первой шеренге отделения стать на колени, а второй — стоять и стрелять поверх голов. Затем я закричал: «Уходите!», и мы трижды выстрелили

м их сторону. И затем они, то есть революционеры, испугались и убежали. Мы никого не убили, потому что стреляли поверх их голов.

Другая история. Недалеко от нас находилось Высшее техническое училище¹¹; мы часто встречались со студентами этого училища (многие из которых были революционно настроены) и даже пили чай вместе с ними. Большинство из них не были настоящими революционерами; просто среди них было несколько агитаторов, которые вели свою работу и подталкивали студентов к революционным волнениям. Между большинством студентов и юнкеров не было никакой ненависти, и мы жили по соседству очень дружно.

Р.: *Вы когда-нибудь спорили друг с другом по поводу революции?*

М.: Нет, этого никогда не было. Студенты знали нашу ситуацию, а мы знали их. Мы обычно смеялись над ними и говорили, что они приехали не учиться, а организовывать беспорядки. И мы вместе смеялись.

Р.: *Кто толкал этих студентов к тому, чтобы становиться революционерами?*

М: Главари революционных студентов, агитаторы — те, кто умел выступать и вести за собой других. Но мы, юнкера, всегда говорили, что мы принесли присягу и будем ей верны. После революции 1905 года в наше училище были переведены некоторые неблагонадежные юнкера из Александровского военного училища (куда принимали только детей из военных семей), поскольку наше училище показало себя таким надежным. Наследник Цесаревич Алексей Николаевич был назначен шефом нашего училища, и оно получило наименование Алексеевское военное училище. Это было наградой за то, как мы проявили себя во время революции.

Например, был такой случай. На Садовой улице восстал 2-й гренадерский полк¹². Наше училище получило приказание разоружить их. Моей роте было приказано выступить. Садовые улицы шли вокруг Москвы. Стоял декабрь, было холодно, много снега. Наш командир сказал: «Господа, мы должны показать, кто такие юнкера, мы должны одолеть их психологически».

Мы пришли туда и стали очень красиво маршировать. Он приказал нам стрелять по окнам; затем приказал солдатам, сидящим в казармах, выбросить оружие в окна. Вдруг он крикнул: «Через минуту я взорву всё здание!» Нас было всего сто юнке-

ров, а их было больше трех тысяч, но они подчинились приказу капитана. Позже мы спросили солдат, находившихся внутри: «Почему вы сдались? Нас ведь было совсем мало». И солдаты ответили: «Вы бы видели, как вы маршировали. Так отчетливо и в таком порядке, что нас одолел страх».

Р.: *Вы сказали, что у Вас почти не было денег, когда Вы приехали в Москву. Как Вы смогли поступить в военное училище?*

М.: Обучение в военном училище было полностью бесплатным; единственное, на что я тратил деньги, — это был табак. На это мне присылали немного денег из дома.

Р.: *А как насчет формы и учебников?*

М.: Все это предоставлялось нам бесплатно. У нас были прекрасные преподаватели не только военного дела, но также инженерного искусства, профессора химии, технологии и других предметов. Мы получили очень хорошее общее образование, не только военное, но мы также изучали иностранные языки, Закон Божий, философию и другие предметы.

Р.: *Много ли было таких военных училищ в России?*

М.: Да. В Петербурге было Павловское военное училище¹³, Константиновское артиллерийское училище¹⁴ и Михайловское училище¹⁵. В Москве было два военных училища: Александровское и Алексеевское. Александровское было одним из старейших¹⁶, а Алексеевское — новым. Были также училища в Киеве, Казани, Омске, Хабаровске, Иркутске и Оренбурге¹⁷.

Р.: *В чем были различия между этими училищами? Какое из них считалось самым лучшим и престижным?*

М.: Трудно сказать. Из пехотных училищ самым лучшим считалось Павловское училище в Санкт-Петербурге. Почему — точно не знаю. Позже, когда я стал офицером, я узнал, что в некоторых училищах дисциплина была более вольной. А Павловское училище в Петербурге было всем известно своей строжайшей дисциплиной. У нас в Алексеевском училище не было такой строгости. Мы все поступали туда по своему желанию, в отличие от детей военных, которые были обязаны идти в одно из этих училищ.

В Америке существует Вест-Пойнт, которая была академией для всех родов войск, а у нас в Российской Империи были военные училища для каждой военной специальности: кавалерии, артиллерии, инженерных войск, пехоты, авиации. Николаевское училище было кавалерийским¹⁸. В Москве такого не было, но

было и Твери — Тверское военное училище¹⁹. Затем было Чугуевское кавалерийское училище²⁰ на юге. Насколько я помню, было только три кавалерийских училища.

Р.: *Много ли было артиллерийских училищ?*

М.: Нет, было два: в Санкт-Петербурге и в Одессе — Сергиевское артиллерийское училище²¹. Но позже, конечно, появились и другие.

После окончания училища я был произведен в подпоручики. Первые шестьдесят выпускников имели возможность выбрать одну из тех вакансий, которые были на тот момент в различных полках. Нам предоставляли полную информацию о каждом из полков: где он расквартирован, какова его история, традиции и есть ли там вакансия. Мы могли выбрать вакансию в порядке старшинства, установленного в соответствии с набранными баллами.

Поскольку у меня были хорошие баллы, я стоял в списке двадцать третьим. Я хотел поступить в пехотный полк, один из старейших полков — Эриванский, 13-й Гренадерский Эриванский полк²², который был расквартирован около Тифлиса на Кавказе. Но потом этот полк решил выбрать другой юнкер, стоявший в списке прямо передо мной. Сначала он хотел пойти в артиллерию, но потом передумал и выбрал ту вакансию, которую наметил себе я.

II. СЛУЖБА НА КАВКАЗЕ

М.: Я не знал, что мне делать. Я стоял в очереди и должен был принять решение. Мой капитан подошел ко мне и сказал: «Вы ведь хотели поехать на Кавказ. Теперь, когда той вакансии уже нет, почему бы Вам не пойти в инженерные войска?» Так и выбрал 2-й Кавказский [саперный. — *Ред.*] батальон, расквартированный в Тифлисе. Мне понравилась история 2-го саперного батальона, который участвовал во всех турецких войнах и был награжден орденом Святого Георгия и многими другими наградами.

Когда я прибыл в Тифлис, я увидел, что среди офицеров было много революционеров. Это описано в книге «Осиное гнездо» В. Биркина²³. Он тогда служил поручиком на Кавказе и написал об этом. В числе более старших офицеров Биркин только что

прибыл с Японской войны, где был награжден, и для нас он был уже известным человеком, которому мы доверяли, особенно молодежь. Мы, шестнадцать подпоручиков, восхищались им. Мы сразу выяснили, кто из офицеров был заражен революционными идеями и кто был их лидером, — это был поручик князь Вачнадзе²⁴, социалист-революционер. Он был не единственным. Дело в том, что большинство грузин имели склонность к революционным идеям, потому что они хотели независимости от России. То же самое касалось и многих армян.

Р.: *Когда Вы прибыли в Тифлис?*

М.: Мы закончили военное училище 24 марта 1906 года; я был сразу произведен в чин подпоручика. Я получил отпуск на 28 дней и в апреле 1906 года прибыл в Тифлис. На Кавказ я приехал впервые, и мне сразу там очень понравилось. В наших полках были кавказские традиции. Все офицеры по традиции чувствовали, что все они — «один за всех и все за одного». Но когда началась революция и дисциплина среди солдат ухудшилась, офицеры разделились на две группы: одни — монархисты, другие — те, кто были подвержены тем или иным революционным настроениям. Среди офицеров, закончивших пехотные училища, был только один офицер, настроенный относительно революционно — из Киевского военного училища. Я, конечно, принадлежал к твердому ядру монархической группы.

Однажды мы поехали в лагерь в Александрополь, около Карса²⁵, который теперь находится на границе с Турцией. Вдруг ко мне в палатку заглядывает солдат (я тогда временно командовал ротой, так как был там самым старшим из подпоручиков). Он доложил, что среди солдат началось волнение: они взяли винтовки и решили идти освобождать из ближайшей крепости заключенных-революционеров. Это было во время пика революционного брожения, в 1906 году.

Эта история закончилась так. С папирсой в руке я вышел поговорить с этими солдатами, имена их я к тому времени уже знал. У одного из них была папироса во рту, я выбил ее у него изо рта и приказал ему стать во фронт, что он обязан был делать. Солдат ответил: «Не собираюсь, я не хочу больше служить». Я приказал другим солдатам арестовать его. После этой истории весь наш батальон — кроме моей роты — был разоружен. В нашей роте сохранялась дисциплина, потому что я был строг с солдатами, и поэтому нам разрешили оставить оружие.

Р.: *В то время вы, офицеры, еще не потеряли свой авторитет среди солдат?*

М.: Нет, не потеряли. Солдаты были убеждены, что они могут мне доверять. Должен Вам сказать, что я всегда старался хорошо с ними обращаться. Я говорил им: «Мне не важно, чем вы занимаетесь во внеслужебное время, но когда вы на службе — вы **должны** вести себя, как следует, и выполнять приказания».

Например, в моей роте был солдат, который напился и ограбил дома на окраине города. Командир гарнизона арестовал его и позвонил мне, чтобы спросить, что делать с этим солдатом. Я просил прислать его ко мне. Когда солдат пришел, я сказал ему:

— Ты причинил ущерб на такую-то сумму, — и спросил его, есть ли у него деньги, чтобы заплатить.

Солдат сказал:

— Нет, Ваше благородие, у меня нет денег.

А я сказал:

— Ладно, я заплачу за тебя, но больше никогда такого не делай, потому что у меня не бесконечное количество денег.

Солдаты меня за это полюбили. Я наказывал их за нарушения дисциплины только во время службы. За то, что они делали и свое личное время, я их не только не наказывал, но, наоборот, защищал.

Р.: *А сколько Вам, молодому поручику, платили?*

М.: Когда я командовал ротой, я получал 177 рублей золотом, что считалось очень хорошим жалованьем. Но когда я только начинал свою службу на Кавказе, я получал всего 62 рубля 50 копеек в месяц (это при том, что на Кавказе платили в полтора раза больше обычного). На эту сумму невозможно было прожить, потому что у нас было много вычетов: на библиотеку, подписку на газеты и на угощения для приезжающих именитых особ. У нас была прекрасная библиотека, выписывали много газет и разной другой периодики.

Кроме того, мы должны были сами покупать себе форму. После производства в офицеры мы получили по 300 рублей на основную форму, но, конечно, мы должны были покупать еще многое другое. По мере снашивания мы должны были сами приобретать себе новые сапоги и всю форму. Мы должны были сами покупать себе белую форму и сами ее стирать и чистить. На Кавказе, где было очень жарко, это приходилось делать очень часто. Особенно это касалось наших белых фуражек, которые

пачкались очень быстро. Мы не могли их чистить, поэтому все время покупали себе новые белые фуражки. Она стоила рубль, и каждый раз, когда фуражка загрязнялась, мы должны были ее выбрасывать. Так что прожить на наше жалование было довольно трудно. Многие офицеры снимали квартиры вместе. Нам платили двадцатого числа каждого месяца, и когда мы расписывались в получении жалования, то обычно брали еще аванс. В конце концов нам стали платить больше.

Р.: *Как выглядела ваша форма?*

М.: Летом у нас были белые кители, поверх которых мы носили кожаную портупею с шашкой и револьвером. Мы никогда не снимали револьверы, так как нас часто посылали для противодействия революционным бандам. Мы патрулировали улицы города и охраняли все тюрьмы для политических. Даже гражданские тюрьмы охранялись военными.

Когда мы ездили в военный лагерь, мы получали дополнительно рубль в день, и после того как нам подняли жалование, на него стало уже вполне возможно прожить.

Р.: *Вам в инженерной роте нужны были лошади?*

М.: О да, конечно, мне нужна была лошадь, но я ее сам не покупал. У меня была казенная лошадь. В целом было трудно прожить на жалование младшего офицера, и многие были вынуждены покинуть службу.

Р.: *Как вы проводили свободное время?*

М.: Вы знаете, у нас практически не было свободного времени. По крайней мере два раза в неделю у нас были специальные вечерние лекции, и мы должны были решать различные тактические задачи. У нас действительно оставалось для отдыха только воскресенье. По будним дням у нас никогда не было времени, но в субботу вечером и в воскресенье у нас оставалось немного времени для общения. Мы часто ездили в Тифлис — ходили в оперу или театр, посещали своих друзей-военных. Но со штатскими мы общались мало, так как у нас не было особой возможности завязать дружбу с кем-либо из них.

Р.: *А как вы знакомились с девушками?*

М.: Можно было пойти в офицерское собрание и познакомиться там или в доме у друзей. Но меня тогда молодые особы не интересовали, потому что я был увлечен прежде всего военной службой. Если бы не Гражданская война, я бы, наверное, никогда и не женился. Вообще в нашем батальоне считалось, что те офи-

церы, которые женились, должны были покинуть батальон, так как «младотурки» полагали, что, когда нужно будет идти на войну, за женатыми будет тянуться «хвост». Поэтому в нашем полку женитьба для молодых офицеров считалась дурным тоном.

Р.: *Общались ли Вы с местным грузинским населением?*

М.: Да, местное население было очень интересным, я любил ходить в их рестораны и гулять по большим тифлисским базарам. Там был огромный базар под названием Майдан, где можно было найти всё, что угодно, но обстановка там была полностью азиатская. Позже я познакомился с офицерами-грузинами и армянами и иногда встречался с ними. Конечно, возможностей для этого у меня было немного, потому что мы были заняты шесть дней и неделю. Вы знаете, даже после окончания учений мы должны были посещать лекции на военные темы.

Р.: *Так что у Вас практически не было «блестящей светской жизни»?*

М.: Нет, совершенно не было. Я не знал никакой блестящей светской жизни. Откуда может быть такая жизнь, если в кармане пусто?

Вы знаете, как раз во время моей службы там Сталин ограбил государственный банк²⁶ в Тифлисе?

Р.: *Вы участвовали в аресте Сталина?*

М.: К сожалению, нет.

Р.: *Сколько времени вы провели в Тифлисе?*

М.: С 1906 по 1908 год. Затем мне достался несчастливый жребий, и меня перевели на Дальний Восток. В то время никто не хотел туда ехать, и каждый офицер должен был тянуть жребий, и если он вытягивал не ту палочку, то он должен был ехать на Дальний Восток.

Климат на Кавказе был замечательный, хотя там было довольно холодно зимой и жарко летом. Летом, чтобы облегчить себе жизнь, мы часто поднимались высоко в горы и там проводили учения. Конечно, для инженеров в тех местах не было особых трудностей, потому что реки, через которые мы строили мосты, были довольно узкими. Там была довольно большая река — Кура, но мы не должны были строить через нее особенно много мостов.

Р.: *Что еще Вы делали на Кавказе в те два года Вашей службы?*

М.: Одно из самых интересных впечатлений осталось у меня от участия в карательной экспедиции, которая была послана на Кавказские горы, в Персию.

Р.: Как случилось, что Вас туда отправили?

М.: Меня всегда посылали в самые трудные места, так как я стремился к этому и очень любил свою службу. Отправили меня еще и потому, что я хорошо разбирался в подрывном деле и возглавлял команду подрывников. Это было в 1907 году. Мы прошли на кораблях из Баку в Ленкорань — город, расположенный недалеко от персидской границы, до которого иначе как по воде трудно было добраться.

Дело в том, что Российское правительство жаловало татарам и азербайджанцам различные российские военные чины, что давало им возможность носить офицерскую форму. Конечно, это были чины недействующей армии, атак называемой милиции²⁷, которая не имела настоящей власти. Однако местные князьки очень любили надевать свою красивую офицерскую форму и ходить по улицам Тифлиса, демонстрируя ее.

Вот однажды один из таких персидских азербайджанских князей напал на 19 соседних деревень и угнал их скот. Мы были посланы в карательную экспедицию против него. Экспедиция поднялась на тысячу саженей в горы, где даже летом иногда всё еще шел снег. Моей задачей было проведение разведки крепости этого князька. Он готов был вернуть угнанный скот и пообещать в будущем ни на кого не нападать, но в обмен хотел получить почетный чин в Императорской Армии.

Во время проведения фотосъемки я заметил, что ко мне со стороны крепости приближается всадник. Он подъехал и по-русски спросил, где старший офицер. Я ответил, что это я. Он сказал, что хан требует меня к себе в гости. Я, конечно, знал, что если горец приглашает кого-нибудь к себе в дом, то бояться нечего — таковы их правила гостеприимства. Поэтому я не волновался.

Я согласился идти, и они галопом пригнали мне лошадь и предложили ехать на ней в крепость. Перед входом стояла ханская охрана, которая отдала мне честь. Я въехал в крепость, где меня гостеприимно встретил хан. Он заверил меня, что он не противник Русского Царя и Русской Армии, что забрал скот из соседних деревень только потому, что они первыми атаковали его деревню. Он обещал, что с готовностью вернет скот в эти деревни, если Российское правительство пожелает ему чин генерала.

Конечно, я знал, что в чин генерала милиции производили очень редко, но в чин полковника — довольно часто (опять же

не в Армии, а в милиции). Я также знал, что хан будет очень рад этому чину, потому что тогда он сможет ходить по Тифлису, и все солдаты должны будут отдавать ему честь, так что он будет чувствовать себя очень важным. Я согласился доложить об этом генералу Снарскому²⁸. Конечно, всё это было довольно забавно, но таков был один из путей сохранения мира в этих краях.

Когда я вернулся к своему генералу и доложил ему о разговоре с ханом, он немедленно потребовал от меня ответа, — как я смел нести такие разговоры. Я ответил: «Ваше Превосходительство, я просто повторяю Вам требование хана». Я также доложил ему, что эту крепость мы взорвать не сможем, так как это была и не крепость, а сакли, слепленные из земли и высушенных солнцем кирпичей. Генерал рассердился и посадил меня под арест на тридцать суток. Затем он сам пригласил хана и договорился с ним, что ему будет пожалован чин полковника милиции. Однако он всё продолжал сердиться на меня.

Но когда мы вернулись в Тифлис, нас встретил наместник на Кавказе, граф Воронцов-Дашков²⁹. Он подошел ко мне и со смехом сказал:

— Я слышал, что Вас посадили под арест на тридцать суток.

Я ответил:

— Так точно, Ваше Высокопревосходительство.

Тогда он сказал:

— Я поговорю об этом с Вашим генералом. Вам не нужно будет отсиживать этот срок. — И добавил, смеясь: — Соглашение, которое заключил генерал, — это, можно сказать, то же самое, что Вы пообещали хану, не так ли? — И он опять засмеялся.

Прошло немного времени, и генерал сказал мне, что граф потребовал у него освободить меня от наказания и что он этому очень рад.

Когда мы возвращались из этой миротворческой кампании, мы должны были пройти около 240 верст.

Р.: *Извините, Викторин Михайлович, где Вы были по отношению к Тифлису? К югу или к северу?*

М.: К югу, на границе с Персией. Но на обратном пути мы не смогли найти дорогу назад, и местные жители сказали нам, что мы сможем пройти, если пойдём через горы. Но никто туда не ходил, потому что там сидели разбойники, которые никого не пропускали. Мой командир приказал мне идти туда и в качестве переводчика послал вместе со мной князя Михаладзе³⁰, прави-

теля этого района. Он также дал мне десять казаков, которые ехали на местных лошадях. Казаки должны были оставить своих лошадей и ехать на местных, которые лучше умели спускаться с гор, приседавая на задние ноги.

Мы отправились в дорогу. Справа от нас был обрыв. С другой стороны была очень узкая тропа, и проводник велел нам отпустить поводья лошадей и не пытаться управлять ими, потому что они сами знали, куда идти.

Кавказ в то время был совершенно диким. Там было очень красиво, великолепно, и очень много диких животных. Вдруг я увидел какие-то источники, гейзеры. Проводник сказал нам, что мы очень скоро прибудем туда, где сидят разбойники. Действительно, вскоре мы услышали выкрики, ко мне подскакал всадник и спросил, кто мы такие. Я ответил, что мы — русские офицеры, хотим перейти через горы.

Всадник и переводчик переговорили между собой, и затем всадник сказал мне: «Хан такой-то требует, чтобы вы двигались дальше. Не стреляйте, иначе мы всех вас убьем». Я знал, что это так и будет, потому что заметил по всему перевалу укрытия с пулеметами, а у нас были только револьверы и шашки. Сам хан вышел ненадолго и сказал: «Я никогда не воевал ни с Государем Императором, ни с Русской Армией, и я считаю себя российским подданным, но я отказываюсь подчиняться такому негодю, как князь Михаладзе. Если бы он пришел один, мы бы его убили, но поскольку он с Вами, мы его пропускаем».

Затем хан пригласил нас к себе на ужин и ночлег. Он хорошо нас накормил. Подавали в основном баранину. Вина, конечно, не было, поскольку они магометане и не пьют. Хан сказал мне, что милиция не служит Государю Императору, что они просто воры и сам князь Михаладзе тоже вор, что местная милиция крада у всех скот и продавала его, и они были настоящие враги Государя Императора. Он просил меня доложить об этом генерал-губернатору, что я при встрече с ним и сделал. Хан несколько раз приезжал в Тифлис под чужим именем.

Чтобы найти дорогу назад, он велел мне двигаться от его дома направо (это было, конечно, на обратном пути, когда мы искали короткую дорогу).

Р.: *Сколько было человек в этой экспедиции?*

М.: Было 2 батальона, около 1 000 солдат, одна горная батарея, а также казаки.

Наконец я нашел тропу, про которую мне говорил хан, и довольно скоро мы вышли на хорошую дорогу и тогда стали двигаться быстро. После того как мы тогда первыми прошли по этой дороге, власти наняли рабочих, чтобы расширить ее. С тех пор, вместо того чтобы идти до персидской границы 240 верст, можно было пройти всего 40 верст по этому короткому пути.

Р.: *Вы вернулись в Тифлис в июле 1907года и оставались там да 1908 года?*

М.: Да, я бы никогда добровольно не оставил службу на Кавказе, но, как я уже сказал, в армии были сложности с заполнением вакансий на Дальнем Востоке. Добровольно офицеры просто не хотели туда ехать.

Мой непосредственный начальник, командир бригады генерал Червинов³¹ довольно долго не хотел меня отпускать. Он говорил, что я ему очень нужен, потому что я закончил военное училище и умел поддерживать дисциплину в батальоне. Действительно, я приучил своих солдат к дисциплине, и они стали по-другому относиться к занятиям, проявляли интерес к учениям.

Большинство офицеров считали, что нужно сохранять старинные правила инженерного искусства, которые в то время уже устарели (такие как строительство редутов, которые навлекали на себя весь артиллерийский огонь противника), однако всё еще Пыли включены в наши устаревшие руководства по военно-инженерному делу. Казалось, что никто не хотел пересматривать, менять эти правила.

/Фрагмент 2: расшифровка аудиозаписи/

М.: Мы знаем прекрасно, что полагается тут положить бревно в столько-то вершков и оно выдержит вот столько-то. Эти вычисления дойдут до генерала, он вам положит'резолюцию, что проверил, — вы можете, и готово дело. Ни к чему заставляли нас проделывать всю эту математику, ни к чему. Всё это понемногу начало меняться.

Р.: *Ваш генерал Червинов знал, что Вы интересовались новыми [методами]?*

М.: Вы знаете, нахалом, что ли, я был? Я — к нему, встретился с Червиновым, он говорит:

— Ну, как Вам нравится здесь?

Я говорю:

— Не особенно, Ваше Превосходительство. Мы пришли из пехотного училища, никто нам не преподает искусство инженерное.

А он на меня так посматривает и говорит:

— А что Вы хотите?

Я говорю:

— Ваше Превосходительство, вот, например, мне задача: построить полковую церковь. Говорят, что посещать будет столько-то и так далее. Я делаю это просто по книжке, я беру столько-то: вот на такой-то высоте давление будет такое-то (сопротивление материала и так далее — всё это у нас есть). А меня заставляют всё это снова вычислять. И нет никаких книг, которые бы помогли. Для чего это всё?

— Я, — говорит, — вам покажу, к чему. Найдите, кто еще желает заниматься, я с вами буду заниматься в собрании (это в лагере было). — Вместо того чтобы отдыхать после завтрака, вы будете со мной сидеть. И я не буду отдыхать, и вы не будете отдыхать.

— Слушаюсь, Ваше Превосходительство.

И вот он нам показал:

— Конечно, вы правы, что это давно нужно бросить. Но у нас там наше Военное министерство, Главный инженер не разрешает.

А я его спросил:

— А Главному инженеру сколько лет? И когда он учился? И когда возобновлял он свои знания?

Оказалось, что он никогда не возобновлял. Я говорю:

— Куда же ему это, Ваше Превосходительство?

Р.: *Главный инженер Военного министерства? Это был военный человек?*

М.: Да, военный инженер обязательно во главе должен был быть.

Военные инженеры должны были строить крепости, в поле они ничего не знали. Для этого нужны были инженерные войска, которые хорошо изучили полевое дело. Например, вам дается чисто фортификационная задача: удержать такую-то полосу. Что вы делаете? — Делаете окопы, которые необходимы, затем прорубаете просеки, чтобы у вас обстрел был виден, и так далее... Легко это всё было. А то, что они проповедовали, старое — совершенно ни к чему.

1909-й год всё перевернул, тут началось повсюду учение.

III. СЛУЖБА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Р.: *Но до этого я хотел спросить: генерал Червинов не хотел нас отпускать?*

М.: Не хотел, а потом в конце концов я говорю: «Ваше Превосходительство, меня два раза назначали на несуществующую должность, поэтому я не участвовал, по Вашему приказанию». Меня: «Подпоручик Молчанов назначается заведовать складами» — в общем, по хозяйственной части назначали. А я не шел, и хозяйственной части никакой никогда не хотел. Вышло так, что в это время [нужно было] вытаскивать жребий, а я не имел права вытаскивать жребий как состоящий на должности.

Р.: *Что значит вытаскивать жребий?*

М.: Жребий на Дальний Восток — никто не хотел на Дальний Восток. У нас специальные войска, не выпускали из училища прямо, а отсюда. А когда должность вы занимаете в батальоне: не просто офицер, а квартирмейстер, казначей, адъютант, заведующий школами... А я уже передал другому [должность] заведующего школой подрывников в это время. Я говорю: «Ваше Превосходительство, мне неудобно перед своими. Я должен тянуть — что будет». И он в конце концов решил: мне тянуть. Я вытянул — первый номер. Другой берет за мной — второй номер вытаскивает, а там остальные все пустые.

Р.: *А почему никто не хотел на Дальний Восток? Там жизнь хорошая была?*

М.: Прекрасная жизнь, нотам не было дисциплины, потому что всё офицерство пополнялось из Европейской России — те, которые в чем-нибудь проштрафились. Вот он не годится — его отправляют в Сибирь. Он получает хорошие прогонные деньги (за каждую версту), едет туда. Я, например, когда ехал под Верхнеудинск³², тысячу с чем-то рублей получил, а дорога мне стоила, может быть, полтораста рублей с моими всеми вещами.

Р.: *Но, конечно, там климат был гораздо суровее?*

М.: Да, но там были свои выгоды. На Кавказе считалась служба на окраине. Для пенсии было так: 4 года вы прослужили — вам 5 лет считается на пенсию. А на Дальнем Востоке вы два года прослужили — каждые два года засчитываются на пенсию как три. Если бы война кончилась и я вернулся бы во Владивосток, то я уже был бы старше себя по пенсии, потому что война

тоже давала [прибавку выслуги]. И если вы служите на Дальнем Востоке пятилетку, — вы получаете прибавку жалованья. И по чинам там продвижение быстрее. Например, я еще поручиком был — получил роту штабс-капитана.

Р.: *Вы когда выехали из Тифлиса?*

М.: В конце 1908 года. В Новый год я был в дороге, на новый 1909 год.

Р.: *Куда Вы попали в Сибири?*

М.: Берёзовка, около Верхнеудинска, 8 верст западнее Верхнеудинска. 2-й Восточно-Сибирский саперный батальон³³ тогда назывался. Я в январе 1909 года приехал.

Р.: *Сразу холод Вас ударил ?*

М.: Да я не боялся, не особенные холода. Меня холода не смущали, я жил в Казанской губернии, в Вятской губернии, там холода были, и в Москве холода были.

Теперь какие могут быть разговоры: вот во Владивостоке мы жили на Русском острове. Вы не имеете права уехать без разрешения командира части. Если я еду в город, — спрашиваю разрешения: «Господин полковник, разрешите мне поехать в субботу в город».

А он спрашивает: «На сколько?»

Вы отвечаете так: вы не говорите, на сколько дней, а на сколько денег вы едете: «На двести рублей».

«Завтра вернетесь, можете ехать».

Деньги мы накапливали — некуда девать было. Поедешь туда, поедешь в какой-нибудь театр сперва (всегда там был, во Владивостоке), потом в кафешантан — встретиться с публикой, с другими офицерами, кутнешь как следует и возвращаешься.

Р.: *Двести — это мало было, раз он говорил, что на следующий день возвращайся ?*

М.: Это мало. Конечно, мало. Там вы поедете в театр, затем в кафешантан. Если вы собрались компанией — бутылка водки вместо 40 копеек там стоит 5 рублей. Там всё дерут уже! Зато весело было — повеселишься, девчонки танцуют там и всё, знаете...

Р.: *А насчет того, что пьянство в офицерстве было — это неправда?*

М.: Абсолютная. У нас нельзя было пьянствовать. Вы могли выпить в собрании и так далее. Но чтобы пьянствовать — вас сейчас же на секундаж!

Р.: А кормили хорошо вас?

М.: Кормили прекрасно. Мы, например, на Дальнем Востоке платили за две еды (обед и ужин) в офицерском собрании 9 рублей в месяц.

Р.: Это Вам приходилось платить из вашего жалованья? А солдат кормили даром?

М.: Да. Было дело на Кавказе, когда мы с Биркиным вместе сидели на котле Его Императорского Величества, то есть на солдатском котле, платили только, я не помню сейчас, сколько копеек в день. Тогда, конечно, всё дешево было.

Я Вам сейчас скажу: даже я когда артельщиком был в военном училище, то содержание юнкера стоило 42 копейки в день, это еда вдень. Вам давали завтрак, обед и ужин. Обед — это большие две еды: щи с мясом, потом второе — котлеты или что-нибудь такое тоже мясное, в постные дни — постное. 42 копейки обходилось. Третье блюдо — в нашем училище отказались, только в воскресенье давали сладкое блюдо. Это в 1905 году.

Р.: А кто платил эти 42 копейки?

М.: Государство платило. Мы, юнкера, ничего не платили.

Р.: Говорят, что среди офицеров было много карточных игроков?

М.: А где этого не было? Играли мы, я и сейчас люблю играть. Но ведь по одежке протягивай и ножки — что вы можете проиграть или выиграть, денег не было.

Например, когда у нас устраивался полковой, батальонный праздник, — с вас деньги берут, вы угощаете массу гостей, высоких гостей.

[Остановка записи, продолжение в другой день.]

Р.: Вы говорили мне о том, что когда к вам приезжали на Кавказ...

М.: Да, приезжали — наместник, например, приезжал. Тогда уже были автомобили у него, но он на автомобиле не приезжал. Он приезжает на тройке лошадей, в коляске и кругом него сто конвойцев. И конвойцы его были красивее одеты, чем Государя Императора. Это, знаете, кавказская форма — терцев и кубанцев. Это красота была такая! И он ехал кругом, по всему городу, люди останавливались, все кланялись ему. Картина была замечательная. И затем... где это было в России?.. Никогда это не допускалось: когда, например, он уезжал, — выбегали наши

солдаты и в воздух стреляли. Тут, в Тифлисе, в воздух стреляли, холостые патроны были. Всё это было по-военному, традиция... Они ничего плохого не делали.

Р.: *Но это Вам стоило [денег], это удовольствие?*

М.: Стоило это удовольствие, да.

Р.: *А как же так было, что офицеры должны были платить за всё?*

М.: За всё платили мы. Не было средств, государство было бедное, ведь не отпускали ничего, подумайте: солдат получал сначала 50 копеек, потом 75 копеек в месяц. Он табаку не мог купить на это, махорки не купить; в первое время сахару не было. Как же можно солдата воспитывать, если вы не дадите ему сахару к чаю и так далее, хлеба ему к чаю хорошего. Мы же, так называемые «младотурки», мы ходили по начальству и говорили: «Давайте: воспитывать — одно, но надо и кормить солдата. Нельзя только его кормить, но не дать ему сладкого, не дать ему покурить». И мы, офицеры, у нас деньги есть — мы делимся с солдатами. Васька Биркин придет, бывало:

— Дай своим дуракам, — принесет пятьсот папирос.

Я говорю:

— Вот, ребята, смотрите, Вася Биркин-то вас назвал дураками, а пятьсот-то дал.

— Так пускай, — говорят, — Вы ему скажите, чтоб получше бы назвал, как больше даст! — Мы хохотали.

Мы, офицеры, знаете, сколько денег тратили на своих солдат, чтобы им доставить какое-то маленькое удовольствие. Затем мы взяли на себя такую обязательную задачу, чтобы каждого солдата знать всю «преисподнюю»: женат ли он, какие дети, где отец и мать, откуда он происходит и так далее. Я знал своих 200 человек — 249 человек в роте, — знал каждого происхождение, откуда он и какое его семейное положение.

Р.: *Эти солдаты, они что, были добровольцы или военнообязанные?*

М.: Военнообязанные.

Р.: *Сколько лет они служили?*

М.: У нас в инженерных войсках они служили 3 года. Потом уходили в запас.

Р.: *Обратно к себе на село?*

М.: Да, ему давали возможность туда добраться, всё как следует.

*Р.: Большинство из тех, кто были в инженерных войсках, — раб-
бочие из города или крестьяне?*

М.: Все в саперных частях должны были быть грамотные, чего не было на самом деле. Потому что я лично считаю, что это было какое-то, знаете... Какой-нибудь сын купчика всегда попадал в пехоту, а не в инженерные войска и не в артиллерию, где нужно было дольше служить.

Вдруг однажды мне дают пополнение 14 человек, и выходит, что у меня из 14 человек только 4 человека грамотные, а эти — неграмотные.

Р.: В инженерных и артиллерийских войсках на год дольше было ?

М.: Да, и все должны были быть грамотными.

Я подал рапорт и говорю, что мне их не надо, возьмите их куда угодно. Тогда их взяли в пехоту, это было во Владивостоке, в стрелковой части. Мне прислали грамотных из других частей, но уже таких — сорванцов, негодных солдат. Вы понимаете, какую проделали штуку. Хорошо, я взял их, собрал этих 10 человек и говорю: «Ну, ребята, я знаю, почему нас оттуда отпустили так легко — вас сюда назначили за ваши проступки, которые вы там делали. Но, —я говорю, —смотрите у меня, не делайте этого! Вам некуда будет деваться! Вы только попадете в каторжные работы и будете там сидеть. Вы должны отслужить, как следует, то, что вам осталось — лишний год». Не было случая, знаете. «Сейчас я забуду, что у вас там ваш кондуит, мне это не нужно, снова начинайте службу у меня. Будет записываться всё то, что вы делаете». Все отличными солдатами всегда бывали.

Р.: Значит, Вы попали в Сибирь?

М.: В Верхнеудинск — Березовка около Верхнеудинска.

Р.: Попали во 2-й Восточно-Сибирский батальон в 1909 году.

М.: Потом (я не знаю, нужно ли Вам это) у меня получилась история. Как я Вам говорил, с самого начала, как приехал туда, я явился командиру роты штабс-капитану Чернявскому, который был во время войны переведен из Московского гренадерского батальона. Он мне сразу заявил:

— Вы, подпоручик, и не думайте соваться в роту. Роту обучают фельдфебели и унтер-офицеры. Вы не лезьте. Он мне докладывает.

— А что же прикажете мне делать?

Р.: Вы тогда получили роту?

М.: Нет, я был младшим офицером 4-й саперной роты. Это был интересный батальон: когда я приехал, он держался по военному составу: все люди налицо и все лошади налицо. В саперном батальоне было около 2,5 тысяч лошадей. Всё держалось как бы под мобилизацию, он мог двинуться куда угодно сразу. Для чего это — не знаю. Война прекратилась, надо заниматься обучением, а тут знаете... Вот тут-то я увидел пьянство: офицерство пьянствует. Я сейчас же посмотрел: шикарное офицерское собрание.

Был такой в батальоне капитан Атрошенко³⁴, который всё время показывал... приезжает реализовать деньги: у него всегда плюс-минус ноль. А он в это время заводит прекрасную библиотеку для солдат — у нас чего не было... Например, Японская война — у нас на всех языках все книги были. Затем, прекрасная чайная для солдат и тут же лавочка, где продается всё почти что даром. Например, пиво продавалось по три с половиной копейки. Если он захотел: первая бутылка 3 копейки, вторая бутылка — 4 (три с половиной нельзя). Если 3 копейки есть — пускай одну выпьет, а вторую он и не будет пить. На следующий день придет, он опять за 3 копейки выпьет первую бутылку. Довольно было прибыли, прибыль не нужна была, но всё оборачивалось. Всё устроили: прекрасные картины — для их поучения, что хочешь — читай (выписывали разные газеты).

Оказалось у нас томяков много, томских, сибиряков — так мы из Томска выписывали газету, и была газета у них. И этот Атрошенко всё делал на деньги казенные, так умел прятать деньги. Завёл свою моторную лесопилку. Затем двум офицерам, которые построили большой бот, он субсидировал деньги на покупку мотора. Они потом вернули ему. Эта лодка нам пригодилась при наводе понтонных мостов. Пошел рапорт, узаконили, деньги полностью правительство дало на эту лодку. А это сделали офицеры. Всё было в этом 2-м Восточно-Сибирском саперном батальоне...

Р.: Вы начали говорить, что Вы увидели пьянство. Это кто, капитан Чернявский?

М.: Да. Вы знаете, я знал, что делать. Я офицеров подобрал: «Мы должны учить солдат. Вы посмотрите — ни дисциплины нет, ничего. Что же мы будем здесь делать?» Я стал в роту ходить. Он молчит, на меня волком смотрит, когда мы встречаемся. Он — мой начальник прямой. В собрании он еле руку мне подает — я вижу, что он на меня злой.

Переводится из моего же училища, раньше меня вышел в офицеры, 1905 года выпуска, приятель мой (сейчас забыл фамилию), поручик он уже был (а может еще тоже подпоручик). Приехал, мы с ним встречались юнкерами, и тут очень обрадовались друг другу. Я его пригласил в ресторан в Верхнеудинске, в лагерях мы стояли под Верхнеудинском, когда он приехал. В субботу после занятий (занятия кончались в 12 часов) пошли пообедать с ним в ресторан. Сидим за столом, взяли бутылку вина, еще ее не откупорили, разговариваем с ним, нам закусочку готовят и так далее. И водки не пили, а только заказали бутылку белого вина. Приходит Чернявский этот, пьяный, входит. Мы оба встали, раскланялись с ним. Он говорит:

— А что вы здесь, господа, делаете?

Я молчу, а этот говорит ему:

— Вот, Викторин Михайлович пригласил меня обедать. Пообедаем...

— Ну, — он говорит, — вам нечего здесь делать, уходите!

Я говорю:

— Знаете что, Михаил Михайлович, я знаю другой ресторан, пойдемте мы туда. Уйдем отсюда.

Официанту послал:

— Бутылку поставьте обратно, запишите за мной, я не понесу ее с собой. Натя деньги, только бутылка эта будет моя.

Уходим с ним в прихожую, где берем свои фуражки. Тот выходит и говорит, ко мне обращается:

— Ах вы, сволочь, — удирать? — замахивается.

Я — раз, бах! — ему в голову.

Р.: *Вы выстрелили?*

М.: Выстрелил. Ему попал, понимаете, так. Он упал. Я сейчас же позвонил в госпиталь, позвонил командиру полка — как суть да дело (в этот же день вечером).

Р.: *Вас сразу арестовали?*

М.: Я сам явился командиру полка, командиру батальона, рассказал всё, и комендантский офицер явился — я тут рассказал. Вечером суд чести выносит постановление, что я поступил так, как нужно было офицеру поступить. Чернявский лишается всех чинов и орденов и исключается с военной службы. Это может отменить только Государь Император.

Р.: *Он был серьезно ранен?*

М.: Нет, он потом выздоровел, вот так под кожей прошла, его только ошеломила пуля, контузия была. Когда я командиру

доложил, такой голос у него был: «Почему же Вы эту собаку не убили?»

Р.: *Все, значит, его уже знали?*

М.: Знали, да. Но командир саперной бригады 2-го Сибирского корпуса предает меня суду за покушение на убийство своего непосредственного начальника — каторжные работы, лишение всех чинов. А по суду чести я оправдан. Но суд должен состояться, так мне объяснили. Приехал генерал-прокурор, и он мне сказал: «Вы поступили правильно, но суд должен состояться, и Вы должны будете получить наказание. Но Вы получите такое наказание, которого Вы не ожидали». Суд состоялся. Командир моей части заявил, что в этот момент я не подчинился Чернявскому, так как я был его непосредственным подчиненным как заведующий солдатской лавочкой. Это уже... нужно было что-то сделать.

Суд происходил в одном из бараков стрелкового полка.

Р.: *Чернявский присутствовал на суде?*

М.: Нет, Чернявский уже сидел под арестом, затем его должны были судить, свидетелем он не был. Всё это на основании показаний моего друга, Михаила Михайловича (забыл фамилию). Когда меня судили, позвали в свидетели официантов, они всё это подтвердили. Все знали, что самое легкое наказание будет, но всё здание окружено со всех сторон солдатами и офицерами гарнизона, которые [ждали]: как осудить могут меня? Суд меня приговаривает к 30 суткам ареста, и всё! Затем идет суд над ним, меня не вызывают. Его на три года в крепость запёрли! У нас такие законы были.

Р.: *Этот случай Вам повредил карьеру?*

М.: Нет, никак. Во всём гарнизоне меня считали героем каким-то. Потому что все должны были бы так поступить. После этого я к командиру обратился:

— Господин полковник, все-таки мне неудобно оставаться в этом батальоне. Разрешите мне поговорить с генералом Алексеевым³⁵, командиром бригады.

Он говорит:

— Пожалуйста. Он тогда-то приезжает, и Вы поговорите с ним.

Я говорю:

— Вы, генерал, меня предали суду, но теперь мне неудобно здесь оставаться.

Р.: *Это тот же генерал Алексеев, который потом стал...?*

М.: Нет, этот, наверное, скоро и умер. Он меня понял и говорит:

— Я Вас переведу в Иркутск, на запад немного, в 6-й Восточно-Сибирский саперный батальон.

Я туда направился, и все-таки молва-то ведь [шла] — знали. Я явился командиру батальона: «Я такой-то».

Он говорит:

— Я Вас знаю. Но Вы имейте в виду, что здесь абсолютно все на вашей стороне, а главное — не стесняйтесь. Я Вас назначаю в такую-то роту, где скоро нужен будет заместитель. Вы можете быть этим заместителем, потому что капитан Николаев там такой, он уже старик, не может справляться с ротой. Нужна, — говорит, — дисциплинка!

А сам он ничего в дисциплине не понимал, такой он Александр Александрович... (я вспомню его фамилию) был командир полка очень славный, но он уже не знал никакого дела, даже на лошадь верхом ему уже тяжело было садиться. Он ходил себе с сигарой только, покурит и всё. Ему отрапортуют, — он: «Ну и прекрасно». Но вместе с тем он сразу меня отметил, что я с ротой занимаюсь, что рота показала на выпусках из школ — лучшие ученики. Я с ними занимался: «Ты плохо это знаешь, ты приходи ко мне, или я приду в роту, тогда соберемся, я всё это разьясню вам, это всё легко». Занимался с ними.

Потом наш батальон переводят — это было в 1909 году (я так зиму там пережил) — во Владивосток. Меня посылают квартирьером во Владивосток, поездом с командой в 8 человек, узнать там всё. Я еду туда, устраиваюсь. Узнаю, что мы будем стоять на Русском острове. Весь батальон будет стоять на Русском острове, будет разбросан, столько-то людей на такой-то высоте, и так далее. Я всё это распределил, еду встречать батальон, который идет по Амуру.

Р.: *А что такое Русский остров?*

М.: Русский остров — это во Владивостоке, разделяет Владивостокскую бухту на две части: Амурский залив и Уссурийский залив. Он закрывает вход во Владивосток. Это очень интересный остров, туда никто не мог попасть. Вы, например, гостей хотели кого-нибудь пригласить: военный мог проехать, но если гражданский — он должен был получить от коменданта крепости разрешение приехать.

Р.: *Остров был посредине залива?*

М.: Да. На Русском острове стояли: 9-я Сибирская дивизия, саперный батальон, три крепостных артиллерийских полка. Полки,

в которых было по 20 с чем-то рот, каждая рота имела свой участок и имела орудия дальнего и так далее — всех калибров. Это был очень сильный укрепленный форт. Главное: высота здесь была, там громадный железобетонный форт построили. Во Владивостоке на суше было 7 фортов, я на шестом форту был помощником начальника минной обороны. В случае войны в минах я должен был драться.

Мы располагались на этом Русском острове. Вот там, я бы сказал, учение уже шло всюю!.. Замечательное было учение в том отношении, что командир нам дал свободу, оказались все ротные командиры молодые. Я командовал третьей саперной ротой, первой саперной ротой командовал поручик немного старше меня (на один год), второй ротой — штабс-капитан, а телеграфными ротами командовали два молодых офицера (один — окончивший политехническую военную школу³⁶). Дело пошло. У нас никакого пьянства и быть не могло — мы каждый день были заняты. Я в 5 часов вставал, ел и шел в роту. Мне приносили обедать в роту, — а мне пройти было 40 шагов до моей квартиры от роты, — у меня не было времени пойти туда. Я всё время смотрел, чтобы пища была и так далее, я с ними жил. Уходил, когда они окончательно спать ложились.

Р.: *Когда Вас произвели в командиры роты?*

М.: В начале 1910 года.

Р.: *Какой чин у Вас тогда был?*

М.: Поручик.

Р.: *До которого года Вы были во Владивостоке?*

М.: Четыре года, до войны, до 1914 года. С 1910 г. четыре года я провел там.

Р.: *И занимались больше всего изучением военного дела?*

М.: Да. Всё время изучением военного дела. Всё менялось с каждым годом, уставы менялись, все методы, подходы к физическому образованию — всё это переменялось. У нас один офицер каждый год отправлялся в гимнастическую офицерскую школу в Хабаровске, вторая школа была во Владивостоке (наших перебрасывали в Хабаровск). Этот человек должен был идти впереди своих частей, роты и так далее. Он проделывал всю гимнастику, которую только нужно было, вплоть до «солнца». По очереди офицеры там были, мне не удалось пойти, потому что я был командиром роты. Командиры роты исключались.

В смысле изучения военного дела всё было положено — несчастная Японская война. Все мы, части на Дальнем Востоке,

готовились больше всего к войне с Японией. Все наши маневры происходили на две стороны, одна сторона — японцы, другая — русские. Все военные игры (на картах) происходили таким же образом. И вот в 1912 году я как бы «командовал» японским саперным батальоном, уже в чине штабс-капитана. Послан был в Хабаровск, куда съехались представители абсолютно всех частей. Вся эта «война» происходила на картах. От меня как от командира саперного батальона требовалась поставка: сколько я могу поставить таких-то людей и какие я могу за такое-то время выстроить окопы и так далее, с вычислениями давать это всё. У меня всё это делалось легко. Я знакомился со всем делом, как бы нужно было воевать. Тут же сидят генералы, офицеры Генерального штаба, которые решают тактические задачи. Всё это проходило в меня. И вот тут-то я узнал, что для того, чтобы удерживать — русским или японцам -Хабаровск, необходимо взять станцию Ин (от Благовещенска до Ина не было никаких поворотных станций, не было никаких мастерских для починки паровозов), что мне и пригодилось в Гражданскую войну.

Занятия были очень серьезные, во всех отношениях. Даже в чисто саперном деле, в подрывном, например: какие можно будет взрывы делать, какие мы должны фугасы устраивать и так далее. Мы делали их почти на тех же самых местах, на которых действительно нужно было их делать. Были такие фугасы: он выбрасывал камни вперед, массу камней. Никакой шлем не спасет — раздробит голову. И мы это проделывали почти на том же самом месте, где это должно [было] быть в действительности.

Был командующий войсками округа — не офицер Генерального штаба, а из сибиряков — генерал Лечицкий³⁷, который во время Японской войны командовал полком и потом дошел до того, что командовал 1-м корпусом в Петербурге, близко около Государя, и Государь его назначил на Дальний Восток главным (тогда, когда там были выше его чином командиры корпусов). Один — генерал от кавалерии Плешков³⁸, знаменитый кавалерист, а другой — генерал от артиллерии, который, я не знаю, знал ли артиллерийское дело хорошо, это командир 1-го корпуса, а потом он и комендантом крепости Владивостока был. Но знаю только, что он хорошо молился Богу и иконы все знал, и только если приезжал, смотрел делал, то расспрашивал солдат об иконах и так далее. Это командир корпуса был. С такими мы пошли на войну. Его не взяли, конечно, на войну, он там где-то в Иркутске был.

Р.: Сколько всего приблизительно было войск на Дальнем Востоке до войны ?

М.: В самом Владивостоке стояло не менее 50 000: две дивизии, потом эти полки громадные. Если бы началась война, тогда были бы замкнуты еще целая бригада, два полка, от первой дивизии от Никольска-Уссурийского они туда вошли. Во Владивостоке были рефрижераторы, под землей всё это было сделано, где было на 2 года примерно на 100 000 всяких припасов: мясо, сухари, консервы различные и так далее. Причем мясо ежегодно подменялось. Мы получали его, мясо было австралийское, не русское, туши по 12 пудов (каждый пуд 40 фунтов). Постепенно сменялось, шикарное мясо это было. Я однажды там был: вы входите и вёрсты идете под землей, это всё там различные склады. Тут же был еще устроен аэродром (ангар. — *Ред.*) под землей для маленьких аэропланов, тогда о больших не думали. Очень была интересная крепость, считалась она самой сильнейшей крепостью во всем мире.

Р.: Там флот тоже стоял?

М.: О да, разведочный флот. Но флот не столько нам нужен был. Но там был минный батальон, это в инженерных частях. В этом минном батальоне было больше 10 судов — закладчиков мин. Интересно, что если бы им приказ был дан, они бы через два часа заперли оба входа: в этот залив и в этот залив, настолько быстро работа шла. Мины выбрасывались и становились точно на те места, на которые нужно было.

Р.: А большого флота не было?

М.: Не было, потому что мы его потеряли в Японскую войну. Там стояли тогда «Аскольд», «Жемчуг», несколько миноносцев. «Аскольд» был большой бронированный крейсер, «Жемчуг» — просто крейсер. Это из больших. Из маленьких были броненосцы и маленькие подводные лодки. Но подводные лодки были не такие уж совершенные, как у других, западных, но были. Командовали ими молодые офицеры, тоже, я бы сказал, «младотурки» нашего флота, мичмана. Такие были командиры, что на этой подводной лодке куда угодно пойдет, ему только прикажи.

Р.: Вы, армейские офицеры, встречались с моряками в офицерском собрании?

М.: О да, у нас не было такой розни. Одно время было это безумие — обвинять их в Цусимском бою, что они сдали там и так далее. Одно можно: обвинять тех, которые послали этот никуда

не годный флот. Безобразно было! Что же их винить, они были такие, как и все русские офицеры, русские патриоты. Нечего и говорить — дрались прекрасно. С негодными средствами пошли против современного в то время японского флота.

Р.: *Вы уже намекнули, что большие перемены произошли в армии с 1905 года до начала войны. Начали больше учиться и так далее. Какие перемены произошли с 1905 до 1914 года? Что происходило?*

М.: Я бы сказал, что совершенно невозможно было узнать армию. Уже везде пришли к тому заключению, что нельзя массой брать, надо устраивать атаку или оборону на индивидуальных соединениях (советы их называют «точки»). Это до большой войны было. После Японской войны началось брожение, мы все спрашивали: почему мы потеряли войну (*здесь и далее: проиграла войну. — Ред.*). Никто не мог дать ответа, когда мы знали, что мы превосходили их силами, превосходили артиллерией, в конце концов, превосходили в пулеметах. Мы знали, что японцы отступают, а Куропаткин³⁹ приказывает отступать. Вот теперь у меня есть книжка, где Куропаткина называют изменником. А по-моему, он просто дурак был. Мне пришлось встретиться с Куропаткиным, когда он был Главнокомандующим на Северном фронте в эту, во вторую войну⁴⁰. Это смех был, просто обидно было, что такие у нас генералы есть. Он, и еще другого сунули, болгарина — Радко-Димитриев⁴¹.

Начальник производит впечатление на всех — на солдат, на офицеров, сразу его узнают. Русский имеет что-то такое, что он распознает каждого. Однажды было ужасное наступление под Ригой, на Северном фронте...

Р.: *Извините, об этом Вы расскажете в следующий раз.*

М.: Разница какая была: начали учиться. То, что школа давала, — этого было мало, необходимо больше было знать. Стали читать лекции, читать доклады. Если у вас есть какая-нибудь идея, вы имели право заявить командиру, командир должен был дать вам возможность рассказать об этом другим офицерам. Вы должны были делать доклад. Затем этот доклад вкратце сообщается высшему начальству, как оно его примет и так далее. Была известная система, которая мне очень нравилась, потому что вы действительно могли что-то сделать. Многое можно было сделать в армии, пришло время для инициативы. Перед этим инициативы ни на низах, ни наверху никакой не было, а исполняли чисто по уставу. Этого нельзя де-

лать, воевать по уставу нельзя, потому что меняется обстановка самого боя. К примеру, я получил генерал-лейтенанта за что: так и в приказе по армии было написано генералом Лохвицким⁴², что производится генерал-майор Молчанов «за неисполнение приказа Главного командования». По выходе туда мне было приказано выступить на юг, а я пошел на север, потому что выяснил, что весь мой противник находится на севере, а не на юге. А там находится Унгерн⁴³, который должен прийти ко мне в подчинение.

Р.: *Началась инициатива молодых офицеров, это Вы и называете «младотурки»?*

М.: Это и есть «младотурки», которые хотели учиться, хотели узнать абсолютно все причины этой войны, почему эта война неудачная. И нам так и не могли объяснить, никто не мог объяснить.

Р.: *Это были патриотические молодые офицеры, которым было стыдно, что Россия проиграла войну с Японией?*

М.: Стыдно нам было, что такое может быть. Когда мы спрашивали, никто нам не мог сказать, потому что сразу задевались высокие лица. Это было большое дело, это началось брожение такое, что я считал, что офицерская революция идет. Мы были против всяких социалистических влияний, за Государя Императора, как было: «За Веру, Царя и Отечество» — и плюс учиться.

Р.: *Но никто Государя Императора не обвинял в том, что он лично недостаточно был строг?*

М.: Я знаю, что не обвиняли, всё это так. Я лично обвиняю, что он не мог убрать Сухомлинова⁴⁴ (которого видели все его...), военного министра в то время, когда началась война.

Р.: *А в эти годы, в 1906—1909 годах, когда началось брожение офицеров-патриотов, «младотурок», тогда как относились Вы и другие молодые офицеры к Императору?*

М.: Мы беспрекословно, 100 процентов, 1000 процентов были за него. У нас не было абсолютно никакого... Мы жалели его, что он окружен не теми, кем должен быть... Мы жалели его.

Р.: *Но Вы не считали тогда, что он чересчур слабый?*

М.: Я никогда его не считал чересчур слабым. Может быть, вся его ошибка, что он был чересчур русский христианин, вот и вся в его жизни была ошибка. Он русский христианин: он не допускал, чтобы вот ему тут рядом человек говорит, обещает это сделать, и он этого не сделает. Он доверял людям...

Р.: Значит, вы, офицеры, тогда не обвиняли Императора в потере войны с Японией?

М.: Никогда. Обвиняли Военное министерство, которое должно было сделать всё, чтобы эту войну выиграть, убрать Куропаткина. Такой был там тоже Гриппенберг⁴⁵ (к сожалению, у нас тогда все генералы были с немецкими фамилиями), командующий 2-й армией. Куропаткина оставили Главнокомандующим на Японском фронте, а Гриппенберг не мог с ним согласиться, он уехал из армии. Его признали, что он бежал, — он совсем не бежал. Он не мог, потому что Гриппенберг знал, что он со своим корпусом может разбить японцев, а ему не давали. А этот Гриппенберг, может быть, почище русский был, чем этот самый Куропаткин.

Р.: Много ли было сопротивления против вас, молодых офицеров на Дальнем Востоке, от генералов и высшего командования насчет курсов?

М.: Абсолютно не было, нам помогали. Например, такой, как генерал Лечицкий и начальник штаба крепости барон Будберг⁴⁶ (в то время был полковником), и даже такой как Ирман⁴⁷, командир корпуса и командир крепости. Этот человек был, безусловно, сто-процентный русский, и во время войны ему пришлось переменить фамилию на Ирманов. Прекрасный был человек, прекрасный офицер, который мог повести за собой. Не такой — фон-барон приехал... А он со всеми [общался], он приезжал к нам в роту. Приедет — он меня выгонял из роты: «Идите в офицерское собрание обедать, а я здесь останусь, пообедаю с ними». Я говорю: «Ваше превосходительство, оставайтесь». Он там с ними щи, кашу ел.

Р.: Значит, за эти годы от 1907 до 1914 молодое офицерство сумело поднять армию?

М.: Армия окрепла. Больше стало веры, что оно совершенно право, что его поддерживали офицеры Генерального штаба, которые приезжали, с удовольствием читали лекции. Это большое значение имело. И не сухие лекции, а где можно было обсуждать, спорить. Это главное.

Р.: Инициатива этих реформ — откуда она?

М.: Это всё исходило от молодых офицеров. Это незаметно, может быть, было для этих стариков, но это исходило снизу: «Если мы недоучки — давайте учиться. А скажите нам, почему мы потеряли войну?» — никто ничего не может сказать.

Я разговаривал с Будбергом: «Вот у вас когда-нибудь в Генеральном штабе возникали такие же [вопросы]?» Он говорил,

что возникали, очень часто возникали прения по этому поводу, и всё подходило к тому, что многого не могли сделать благодаря тому, что Государь верил этому Куропаткину. Куропаткин такие писал верноподданничи телеграммы, что Государю, просто как человеку, Государю — как не поверить самому большому человеку в военном деле? И всех обвинял он, этот Куропаткин. И тот же Государь Император — вот тут я не знаю, как это назвать, — он не обвинил тех, кто уехал оттуда, но вместе с тем он и не отменил ничего куропаткинского, он его оставил Главнокомандующим, когда тот командующим показал себя ни к ч-рту негодным. И назначил Линевица⁴⁸, командовал он армией у него. Линевиц — это лично храбрый, может быть, человек, но он абсолютно не годился для командования армией, он ничего не знал, он ничего не понимал. Ему броситься в бой — это другое дело. Генералу совершенно не надо бросаться в бой, а руководить армией он не мог. Начальник штаба у него был, руководил, так он ему, как рассказывают свидетели:

— Оштановитесь, нельзя же так много работать, ну оштановитесь.

Потом, говорят, он идет:

— Ну, гошпода, шпать ухожу, ухожу в объятия Нептуна.

Ему говорят:

— Морфея, Ваше Высокопревосходительство.

— Вщё равно, из одной мифологии.

Р.: *Вы мне не докончили рассказывать, Викторин Михайлович, кроме Владивостока много было войск на Дальнем Востоке?*

М.: Ода, конечно. Я сейчас по дивизиям Вам скажу. 1-я, 2-я, 3-я, 5-я, 7-я, 8-я — шесть дивизий, это три корпуса. В дивизии было 14 000.

Р.: *Это на всем Дальнем Востоке?*

М.: Да, но ведь Вы считайте, что все эти Забайкальские войска — они сейчас же на полном ходу, посадил — и готовы приезжать. Там находились две дивизии и 2-й Сибирский корпус, затем в Омске, в Томске находились всегда наготове второочередные полки для всех этих дивизий: 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й и пошло — вы знаете, сколько сибирских было войск? Это всё сразу подается туда быстро. Железная дорога работала, как часы. Эта китайская дорога в русских руках находилась, Маньчжурская китайская дорога⁴⁹, замечательная она, по часам работала.

Р.: *Там был генерал Хорват⁵⁰ ?*

М.: Генерал Хорват, да.

Р.: Вы его сами встречали?

М.: Я его встречал однажды, он приехал. Ну, так было, знаете. Он что-то часа три пробыл на станции, и я должен был к нему явиться. Явился и сейчас же ушел. Хорват — он большой политик был с китайцами, главная его заслуга [в этом] была. А там у него, в военном отношении, — командир бригады Корнилов⁵¹, он оттуда прибыл. И он знал, доверял ему, и тот фактически всю военную часть вел.

Р.: Русские войска были в Китае в это время в полосе отчуждения, в Харбине? Русские войска охраняли линию?

М.: Конечно, целый корпус был, не меньше 40 000, охранял эту железную дорогу. Забайкальский жандармский корпус⁵² назывался, но это армейские соединения были — по дивизиям, по полкам. Это только политическое было название, и подчинялись они якобы министру финансов. Но это была настоящая армия, она так же пополнялась.

Р.: Где стоял этот корпус — в Харбине?

М.: Да, главный штаб был в Харбине.

Р.: У Вас никогда не было причин ездить в Харбин?

М.: Харбин я только проезжал. И потом однажды, когда мы уже из Маньчжурии (станция Маньчжурия) проходили на Дальний Восток эшелонами, сдавши оружие китайцам.

Р.: Нет, до войны.

М.: Только проезжал мимо, никогда не бывал.

Р.: Потому что мне интересно было Ваше впечатление от Харбина до войны.

М.: Никакого впечатления нет. После войны, я говорю, что я только ночью приехал, по секрету пассажирским поездом вперед (а мой [эшелон] шёл там) — свидеться с генералом Дитерихсом.

Р.: Насчет этого мы потом поговорим. А впечатления насчет Владивостока какие у Вас ?

М.: Владивосток ведь, собственно говоря, — это крепость.

Р.: Тогда молодой это был город? Когда он был построен ?

М.: Он давно был построен, очень красивый город. Американцы говорили: «Если бы нам в руки Владивосток, красивая гавань, мы бы его сделали мировым портом». Нам, конечно, хватало того, что было там.

Р.: Там были рестораны, кафешантаны?

М.: О да, там было много ресторанов. Ведь это еще международный город был до 1910 года, порто-франко⁵³ было там.

Там продавалось, например, шампанское — 3 рубля бутылка, всё дешево было, сигары, всё было.

Р.: *Климат хороший был там?*

М.: Я не знаю... Там, конечно, туманы, так же как здесь. Зима мягкая. Снег если выпадает, его тайфуны сгоняют либо в тот, либо в другой залив. Мне нравилось там. Мы уходили, один год стояли на Светланке, в лагере, а потом на Сунгари, в Муравьеве-Амурском мы стояли. Во Владивостоке очень хорошо было. Мы жили, например, на Русском острове, потом нас перевели с Русского острова в Гнилой Угол, это уже в конце [бухты] Золотой Рог. Этот Гнилой Угол потому так и назывался, что оттуда туман шел.

Р.: *Вы рассказываете мне это всё как военный человек, как офицер. Вы всё свое время занимались только военными делами? У Вас никаких других интересов не было?*

М.: Абсолютно никаких, и не было времени. Всецело было только — готовить солдат к войне. И, видите, это сказалось. В 1916 году, в конце, перед самой революцией моя рота, которой я четыре года командовал во Владивостоке, отличилась под Перемышлем (а я-то уехал раньше, это не знаю, когда Вам рассказать — потом). И я получил неожиданно награду, Монаршее благоволение так называемое. Интересно было написано, за что я получил эту Монаршую награду, а это благодарность от Государя Императора: Государь Император объявляет мне Монаршее благоволение за подготовку роты в мирное время к войне. Сказалось то, что я над ней работал, оценили. Там они, в Перемышле были, а я здесь.

IV. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Р.: *Расскажите мне, пожалуйста, доведем это до начала войны. Вы ощущали, что война начнется?*

М.: Да. Когда мы читали газеты, все и узнали про убийство Фердинанда⁵⁴. Мы, офицеры, прекрасно знали, что наша Россия и Государь Император никогда не оставят Сербию, а Франц-Иосиф сразу предъявил ультиматум Сербии. Тут уж мы собирали собрание и говорили: «Господа, война будет». Я первый был рад, что война будет, иза два дня до объявления войны я подал [рапорт] о переводе меня в действующую армию. Тут-то мне и накачал этот...

Р.: Расскажите, пожалуйста.

М.: Я подал рапорт командиру батальона о том, что «прошу отправить меня на театр военных действий, так как я чувствую, что война будет объявлена на днях». За это мне... чуть не дошло до этого... Командир-то славный был, он меня очень любил, отправил по команде — дошло до Саввича⁵⁵. Тот говорит: «Как он имеет право это делать? Тридцать суток под арест! Никакая не война». Я думаю: «Что же мне делать?»

Я тогда должен подойти к тому: когда я был в военном училище, нас навещал, конечно, не менее двух-трех раз Великий Князь Константин Константинович⁵⁶, которому мы все были подчинены, все военно-учебные заведения. Вот он обходит [строй], высокий (я стою во фронте):

— А это что за холера? Какой худой!.. Это что с тобой, больной, что ли?

Командир говорит:

— Ваше Императорское Высочество, да он у меня первый гимнаст.

— Нет, не может быть. Гимнаст гимнастом, но он худой. Почему же, Тулаев, Вы не даёте ему яйца и молоко добавочное? Дать ему яйца и молоко добавочное!

В следующий раз приезжает — мы там обедали. Он подходит, а я сижу вот так: старшинка тут сидит, и там старшинка сидит, а тут по 4 человека у вас, вы должны им разливать то, что подают, раздавать порции. Он подходит:

— Ну, здравствуй, холера, — поздоровался за руку, — как себя чувствуешь?

Я говорю:

— Благодарю Вас, Ваше Императорское Высочество, ем яйца и пью молоко. Терпеть не могу молоко!

— Пей! — Он мне говорит. — Ну, знаешь, что я скажу: когда будет плохо в жизни, — напиши мне. Я помогу

Понимаете, я вспомнил это (это было в 1905 году). Потом он меня всё расспрашивал, как мы этих [революционеров] разгоняли и так далее, я всё с ним разговаривал. Его боготворили все.

Р.: Когда Вы ему написали?

М.: Когда война была уже объявлена, а меня вот-вот посадят (когда Саввич заявил, что на 30 суток меня посадит). Я ему составил: «Вот, когда я был в военном училище, Вы, Ваше Императорское Высочество, говорили, что можно к Вам обратиться

будет (напомнил ему это всё). Я не к Вам обращаюсь, а за то, что я хочу быть на войне, меня сядут на 30 суток под арест». Подписался: штабс-капитан, в кавычках «холера».

Р.: *И послали личное письмо?*

М.: Телеграмму! Где тут письмо — мне надо быстро! Через два дня командир хохочет, Александр Александрович Воронкевич⁵⁷, вызывает меня в свою канцелярию и говорит:

— Ну, Викторин Михайлович, наделали делов. Саввич-то пляшет, не знает, что делать, злой как не знаю что. Получил телеграмму от заведующего делами Великого князя Константина Константиновича (а я сказал, показал командиру телеграмму, что я посылаю): «Когда Вы думаете и каким образом Вы отправите на театр военных действий штабс-капитана Молчанова?» — [Саввич:] «Немедленно его отправить! — вроде того, что, — убрать его скорее отсюда!»

И я уехал, сейчас же меня отпустили. Вот вам, — это был Великий князь.

Р.: *И куда Вас направили?*

М.: Я не знал. Я должен был явиться в Москву, в Инженерное управление. Явился: в 5-й Сибирский саперный батальон⁵⁸.

Р.: *В каком месяце это было?*

М.: В начале сентября 1914 года я туда приехал, в 5-й Сибирский саперный батальон.

Р.: *Где он стоял?*

М.: На войне был. Я не знал, меня отправили из Москвы в Варшаву, а там явиться опять-таки коменданту, который меня направит в тот корпус. Где-то в Польше он был. Но вот, я нашел всё, явился. И меньше чем через месяц я уже стал командовать этой ротой, потому что командиром оказался трус, который повел нас, роту: приказано идти и занять такие-то окопы, чтобы их привести в порядок, они разрушенные. Стали обстреливать, и он:

— Надо идти обратно.

А я говорю:

— Потерь нет, как Вы имеете право делать это? Вы приказ получили. Вы должны его выполнить, не считаясь ни с какими потерями. Я Вам советую сейчас развернуть роту и не идти по дороге, которая обстреливается, потому что там деревья, там шпалят они всё, что идет по дороге. Не идите по дороге, идите развернутым фронтом.

— Ведите Вы сами!

Он ушел, его сразу сменили, я остался командовать ротой. И командовал я, пока не был назначен...

Р.: *Какой Ваш чин был тогда?*

МЛ: Штабс-капитан.

Р.: *Штабс-капитан и командир роты в 1914-м году Вы были?*

М.: Да, в 1914-м году. А в 1916 году я уже...

/Остановка записи./

М.: Первым долгом я хотел бы сказать, что все мы, офицеры, стремились на войну, боялись, что она скоро окончится, и не будешь на войне. Я поэтому-то и старался выбраться скорее и поехал не со своей ротой, а попал совершенно другой ротой командовать. Это, конечно, была наша ошибка.

Теперь мое впечатление: даже до тех пор, пока я добирался до своей роты, которой мне пришлось командовать, я видел перевязочные пункты, где было полно наших раненых. И меня первым долгом поразило, что сестры страшно заботятся о них, а они все ранены в пальцы, это были полки второй очереди. Это меня заинтересовало, я остановился и спрашиваю сестер:

— Что вы нянчитесь с ними, ведь они же «палечники»! Они на воздух выставляют пальцы, чтобы их ранило в пальцы.

Сейчас же тут офицера одного спрашиваю:

— Откуда у вас это пополнение?

— Это пополнение — бывшие во время Японской войны на войне, были в Маньчжурии и попали в плен к японцам. И у них был такой разговор, что уж если неплохо было у японцев — у азиатов, чего ж бояться немцев?

И вот только что мне тут офицер передал, как целый батальон поднял белые тряпки и перешел к немцам.

Р.: *Это было в сентябре—октябре 1914 года, в самом начале войны?*

М.: Да, это было в начале войны, потом это взяли в руки, и упадничество прекратилось. Но я на это обратил внимание, я стал разговаривать с офицерами. Я говорю: «Чего вы нянчитесь с ними? Его надо плетью огреть. Он палечник, в пальцы ранен». И оказалось — это всё второй очереди, конечно, это не было с первой очереди, и именно те полки, которые «прославились» в Японскую войну. И там они были запасные, и тут попали

в запасные. Они уже большого возраста были, им, может быть, и тяжело было воевать.

Другое, что меня поразило, — это то, что начальство не жалело офицеров. В бой посылались целиком роты со всеми офицерами, что, конечно, было сразу заметно: выбывают кадровые офицеры, ничего не сделав фактически, потому что он командовал каким-нибудь взводом, даже ротой не командовал. А всё больше прапорщиков, прапорщиков, прапорщиков... Из запаса сперва, те еще более-менее были подготовлены к войне, а затем уже которые просто сейчас же прошли 6 месяцев (или 4 месяца даже) школы, и по сути они ничего не понимали, ничего не знали. Никакой дисциплины не понимали, абсолютно ничего. Потом уже немного лучше стало, когда образовались школы прапорщиков, и их там по 6 месяцев все-таки «приводили в христианскую веру», а то была распушенность такая страшная. Это было примерно весь 1914 год, такая нехватка была. Когда освободились от этих полков, назначили более суровых командиров, которые стали рассматривать, не жалеть «палечников», предавали уже потом их военно-полевому суду, — это [явление] сразу прекратилось, «палечники».

В этом же 1914 году вся война была: абсолютно зарылись в окопы, сидели. Никаких вылазок нельзя было делать, близко друг от друга были. Были такие попытки наступления с нашей стороны (это была так называемая... под Волей Шидловской под Варшавой), но они не только не привели ни к чему, а наоборот, мы понесли страшные потери совершенно зря. И, может быть, этих бы потерь не было, если бы произвели атаки ночью, что было вполне возможно. А днем расстреливали, как я не знаю что! Иди по открытому месту, когда можно было — справа был лес и слева лес — лесом обойти. Это была тактика старых русских генералов, фамилии я могу назвать. Начальником штаба был у Гурко⁵⁹ генерал Милеант⁶⁰, окончил две академии. По-видимому, это была ошибка — назначать на такие должности с двумя академиями в голове. Когда ему командир полка говорит:

— Я возьму, да дайте мне ночью атаковать.

— Я не признаю ночных атак.

Что значит признавать или не признавать? Есть положение, есть уставы, есть примеры и так далее.

Это закончился 1914 год. Начался 1915 год, тогда уже готовились мы к большой победе, что мы перейдем в атаку, выйдем

их и пойдём дальше. Что [не будет] тех ошибок, которые сделали уже в первое наступление на Пруссию. Генерал Самсонов⁶¹... его армия попала в плен, он застрелился, прекраснейший генерал.

Первым долгом началось так называемое Брусиловское наступление⁶², он прошёл далеко, и пошло всё это — Австрию разбивали-разбивали. Попали и мы, частично наш корпус, нас перевели под Люблин, к югу. Нам сразу стало легко, мы брали полно пленных. До того, что мои саперы ставят проволочные заграждения, укрепления делают, и там саперы. Поговорят-поговорят, потом приводят мне 28 человек. «Пришли, — говорят, — к вам». Славяне все эти были. Легко было там воевать.

Р.: Чехи?

М.: Я бы не сказал — чехи. Чехи — их брали. Это только разговоры, что они там помогали. Даю Вам честное слово, я там не был, но из всего того, что я слышал, чехов в большинстве брали, а вот словенцы — те переходили добровольно. Был такой случай: я с начальником дивизии еду без всякой охраны, только шофер и с ним солдат (как всегда это было — винтовкой вооружен, а у нас с ним только револьверы). Вдруг с нашей стороны из леса выскакивает человек 30 австрийцев. Кричат: «Стоп, пане! Стоп, пане!» А потом увидели: «А, буде добры, дженерале! Мы ищем, куда нам сдаваться». Мы сказали: «Вот идите по этой дороге, там вас примут где-нибудь». Они пошли, с оружием в руках, мы даже оружие их не брали. И с оружием в руках прошли.

Это было совершенно другое — воевать с немцами или с теми. Тяжелая война была. И в конце концов, 1915 год, вдруг ни с того ни с сего (были мы под Люблином) оказалось, что наша артиллерия не может стрелять — нет снарядов. У пехоты нет уже патронов. Затем Молодечненский прорыв, и наш корпус бросили на север, и мы в конце концов попали под Ригу. И эту всю войну я уже потом провел под Ригой. Война была чисто окопная, наступать, конечно, ни те, ни другие не могли. И только уже когда наша армия разложилась, немцы могли наступать, а до этих пор не могли. У нас такие окопы были, столько было новых орудий, минометы появились, которыху нас раньше не было, прекрасные (и масса) пулеметы. И мы готовились, что 1917 год будет совершенно решительный год. Предварительно, я Вам рассказывал, там эта так называемая «пулеметная горка», где морские орудия 12-дюймовые стреляли, всё улетало вверх. Это предварительно всё было. А как я потом узнал уже, когда это всё кончилось,

что мы, оказывается, и не должны были далеко продвигаться, а должны там с запада двинуть тех, а мы должны только тут на себя подтягивать войска. Но мы ничего не подтянули, потому что у нас не получилось то, что надо. Ничего не подтянули.

В 1916 году образовались инженерные роты в каждой дивизии, это уже отдельная часть — инженерная рота. Я получил назначение командира инженерной роты 3-й Сибирской дивизии. Она состояла из саперной роты (это длинная история, думаю, что Вам ни к чему). В этой инженерной роте было у меня больше 800 человек, там была и антигазовая команда, была маскировочная команда, где у меня сидели эти художники. Вы меня простите, но всё это было ни к чему. Они писали, расписывали окопы, потом это преподносилось Государю Императору. Всё это неправильно было, на самом деле этого не было. За те окопы, которые я строил, я получил благодарность, а меня бы нужно было, что я не донес вовремя и не настоял на том, чтобы этих окопов не было, — расстрелять! Окопы на болоте: привозили землю за две версты из тыла, строили дороги из двухвершковых досок, потому что болото идет. На кой ч-рт было? Ведь это нас спасало только от тех пуль, которые летят сверху, от шрапнели, которая летит оттуда. А когда они стреляли гранатами из-за этих окопов — у нас не было задней стенки, не из чего было делать. И это всё преподносилось Государю Императору такими ловкими людьми Генерального штаба, как был такой полковник Генерального штаба Балтийский⁶³, начальник штаба дивизии был.

Это всё было совершенно никчемное дело, и когда я возвышал свой голос относительно этого... И вот здесь был мой технический начальник, начальник инженеров корпуса, военный инженер полковник Дельников⁶⁴ (он здесь был, умер в прошлом году). Когда я ему говорил официально, что нужно что-то делать, что эти окопы [негодные] — нужно отойти всего на две версты. Тут никто не будет сидеть, ни один порядочный немец не сядет на это место, на болото. Зачем на болоте сидеть? Но нет, — нельзя, ни шагу! Отошли, отдали треть России, потом говорят: «Ни шагу назад». Это неладное дело. Почему немцы высиживали: знали, что они будут сидеть, — они занимали сухие места, а мы в болотах сидели? Но ничего нельзя было поделаться. Он говорит: «Если Вы, Викторин Михайлович, начнете еще и дальше кричать, на Вас командир корпуса и так зол». А почему он зол на меня, я Вам расскажу.

Германская газовая атака

Это под Вил... когда мы стояли на позициях⁶⁵, и была 14-я стрелковая дивизия на позициях, главным образом 55-й (третий)⁶⁶ полк стоял. И мы, саперы, там работали. Положение наше (фронта) было выдвинутое, а немцы шли прямо. Здесь расстояние было самое большее до 200 шагов, а в нескольких местах сходились почти до 70 шагов и меньше. Даже могли ручные гранаты бросать друг в друга, ловкие были такие выбросить. Немцы пустили газы, хлор. Я сижу в своей палатке, всего 200 шагов от передовых линий. И ложки у меня тут же есть, где эти взрывчатые вещества и так далее. Артиллерия не стреляла по нас, потому что попадали бы в свои окопы. Лежу и читаю — получена из Варшавы небольшая газетка. Читаю, что неделю тому назад на Западном фронте немцы пустили газы. И спасение от них — это простая тряпка, смоченная водой, приложенная [показывает. — *Ред.*] — не дышать. Это было в первый раз. Я прочел и вдруг слышу: начинается беготня около палатки. Вбегает денщик и кричит мне: «Газы!»

Р.: *А уже знали про газы?*

М.: Только неделю назад. Никто не знал ничего, нас не предупреждали, я из этой газеты узнал. Ни масок нет, ничего нет.

Моя кровать — специальные были для военных действий, гунтеры назывались, — ящик в ногах. Я говорю: «Бери всё, рви на части и раздавай всем». При мне уже только взвод был, а три взвода на фронте были, а этот взвод оставался, просто его очередь не пришла. А три взвода все работают ночью, это было примерно в 4 часа утра. Когда я выбежал: по земле стелется зеленый туман. Люди бегут, падают и все задыхаются: на коленях стоят, руками упираются и ищут воздуха — как раз они получают весь этот газ. Стрельба прекратилась. Я бегу в окопы и беру свой взвод, приказываю унтер-офицеру за мной следовать, чтобы эти с повязками были, но все-таки мне всё время приходилось отдавать приказания, я отрывал её. Когда мы заняли окопы — никого живого нет в окопах, этот батальон, который занимал, бежал. И все они погибли, конечно, тут же. Просто падали, на коленях стояли и умирали. Винтовки не работают — я приказываю чистить винтовки. Вычищены винтовки. Те, в масках все, поднимаются и идут. Как только начинаем стрелять — они снова скрываются. Они боялись, что есть еще газы... Но у них все-таки хорошие

маски были. Потом мы взяли пленных, и нам показали, потом разобрали — прекрасные маски были. В общем, кончилось тем, что ко мне не может подойти никакое подкрепление, ни одного офицера нет, кроме меня. Я принял на себя командование.

Р.: *Как же Ваши глаза не повредились этим газом ?*

М.: На глаза он не действовал, действовал только на дыхательное горло. Это хлор, потом хуже газы были. Второй раз был я под газами, когда ехал верхом, это был, как назывался, горчичный газ, миндальный — миндалем пах. У меня была уже маска на лошадь и на меня. Со мной ординарец ехал, он маску надел, а я не мог в маске дышать, я ее снял — и ничего, не отравился. А они по батареям стреляли, батареею заглушили нашу. Я подъехал к одной батарее, там все в масках были, но все они получили этот газ.

Р.: *Вернемся к первому разу. Вы остались, подкрепление не подходит...*

М.: Не подходит. Затем к вечеру, только что я помню — я очнулся в госпитале, в Жирардове. Не знаю, как я [туда] попал. Потом мне сказали, что когда пришел батальон сменить меня (ночью уже это было дело), я всё рассказал, а потом — меня увезли без сознания. Но у немцев, видимо, что-то случилось, они прекратили стрельбу, или газовые снаряды все вышли.

Да, еще когда я сидел в окопах, вдруг ко мне вылезает из землянки пьяный стрелок. Я говорю:

— Ты откуда?

— Так что спал, в землянке спал.

Я говорю:

— Ты знаешь пулемет?

— Так точно, знаю, я пулеметчик.

— Бери, разбирай пулемет, чисти моментально.

Он почистил, и вот потом, как только немцы покажутся, — у нас пулемет работать начинает, они боятся идти. Потом пленные говорили, что газы не подействовали, что у нас хорошие маски, что стреляют и пулеметы, и ружья. Потом другой пьяный с ним. Тот говорит: «Приятеля там надо разбудить, он мне поможет». Два пьяницы спасли положение.

Р.: *Почему пьяницы не заболели от газа?*

М.: Потому что они были закрыты совершенно, газ шел вперед, не попадал к ним в землянку. Она хорошо была закрыта. Они там подвыпили и спали.

Р.: Вы начали мне рассказывать, что Вам сказали, что командир корпуса на Вас сердится и злится.

У1.: Вот я подхожу к этому. Когда я лежал в госпитале, ко мне приезжают доктора, какие-то профессора моментально приехали в Петербурга (у нас в Петербург было сообщение такое: автомобиль шел 100 верст в час). Уже привезли, меня мучают — всё спрашивают, спрашивают. Я думал: «Что же я буду делать?» Мне говорят, что меня продержат неделю в госпитале, что испытания какие-то будут делать. Я посмотрел: моя форма висит. Ночью, когда все спали, я переоделся и ушел. Ушел и, надо же, ведь натолкнулся — своей роты двуколка едет с продуктами, и я поехал к себе в роту. Но у меня оставался только один взвод, три взвода погибли. Тогда погибло 10 000 человек от газов. Хоронили, бульдозеры рыли ямы, их хоронили в эти ямы.

Р.: Но немцы не сделали тогда никакого прорыва?

М.: Нет.

Р.: И Вас не наградили за то, что Вы остановили их атаку?

М.: Когда меня вызвал командир корпуса, генерал от инфантерии Васильев⁶⁷, старик, он мне говорит:

— Почему Вы оставили позиции?

Я говорю:

— Какие, Ваше Высокопревосходительство, позиции я оставил?

— Да как же, Вы ушли.

Я говорю:

— Разрешите, Ваше Высокопревосходительство, мне Вам не отвечать, а пусть ответит полковник Дельников, который производил тут...

Полковник Дельников стоит и говорит:

— Ваше Высокопревосходительство, Вы ошибаетесь. Капитан Молчанов продержался до тех пор, пока его не сменили. У него только 38 было саперов и два стрелка, и всё.

Меня представили к Георгиевскому кресту, и он не пропустил. Что? Почему? — Не пропустил, и больше ничего! Другие награды мне не могли давать, потому что все награды, которые я мог получить, они были (между прочим, они у меня все целы).

Р.: А Георгиевского креста Вы так и не получили?

М.: Я получил от Колчака, потом. А этот не получил, нет. А так все награды получил. Кроме того, я получил еще французский Круа де Легер и сербский Белого Орла V степени (два

у меня есть иностранных). И я получил еще, но не прислан был орден, английский орден Виктории (Victoria Cross). Мне было сообщение через армию, что я получил его (награжден. — *Ред.*), но революция началась...

Р.: Victoria Cross — это очень-очень редкий орден.

М.: Да, он давался также, как наш Георгий. И так же — французский Круа де Легер.

Февральская революция

Р.: Где Вы были, когда началась первая революция?

М.: Это было под Ригой.

Р.: Вы знали до начала — до того, как царь подал свое... ?

М.: Абсолютно, я Вам сейчас расскажу Начальник дивизии был генерал Триковский⁶⁸. Мы с ним были в хороших отношениях: когда были в резерве, всегда играли в винт, нас целая компания была 4 человека. Он нас как генерал всегда угощал, в самой Риге.

Как разлетом 1916 года приезжал Гучков⁶⁹, был на празднике 9-го Сибирского полка. Я, конечно, там был, так как я был в 3-й дивизии. Длинный стол был такой, вырытый в земле, сидели на земле. Хороший стол, вырыли как следует, сидели. И он начал говорить:

— Правительство у нас очень слабое...

Я говорю:

— Господа, неужели мы допустим этому мерзавцу разговаривать?

Гучков — это был председатель Промышленного комитета, который потом всё требовал отречения Государя Императора. Это, знаете, прохвост. Тогда мы на заднем сидели, далеко от него, закричали:

— Перестаньте говорить революционные речи!

Командир полка «съел», смолчал. А Гучков и говорит:

— Революционных речей нет, я говорю то, что есть.

— Не желаем слушать! — орем. — Крышка!..

Теперь, знаете, так. Триковский мне говорит:

— Вы знаете, там брожение есть. И у меня есть (только никому не говорите) секретное предписание подготовиться к походу на Петроград. — Настолько наша дивизия была крепкой. — Как ваши?

Я говорю:

— У меня никакого не может быть, ничего абсолютно. Мы можем выйти когда угодно.

Это подходило к 1917 году теперь. Ничего не было у нас, никакого [брожения].

Каким образом это было, я Вам скажу. Вместо гороха стали выдавать крупу — чечевицу. Оно еще до меня не дошло, когда я уже узнал, что солдаты протестуют против этого. Мне еще не попала эта крупа. Я сейчас же в интендантское управление, к докторам обратился: как эту крупу сделать, чтобы она была бы съедобная, потому что ее качество в смысле протеина очень хорошее — такое, как гороха. Мне говорят, что нужно по крайней мере пять раз ее кипятить и всё сливать, а потом уже можно есть. Я позвал артельщика, позвал поваров и говорю: «Вот что, милые мои, если попадет эта чечевица, я узнал уже, как с ней обращаться». И у меня прекрасно ели, и ничего этого не было.

А потом вдруг, когда мы стояли в лесу (все эти землянки), в полку начинают всюду прибиваться к деревьям [таблички]: «Не ешьте чечевицу! Офицеры не едят, почему мы должны есть ее?» — и так далее.

Я своему подпрапорщику говорю:

— Смотрите, пожалуйста, чтобы у нас этого не было. Потому что чечевица у нас съедобная, мы ее едим, сыты все — и больше ничего.

— Да, — говорит, — у нас ничего не будет.

Фельдшера я за бока:

— Соберите, объясните, какие ее качества по сравнению с горохом. Они совершенно те же самые, только неприятный вкус, а мы этот неприятный вкус уничтожили тем, что моем по пять раз.

Пять раз вскипятят котел, выливается всё, процеживается и снова. И прекрасно было, ели и никто не замечал. Но все-таки мне вдруг начинают говорить, когда я иду:

— Что же, Ваше Высокоблагородие, ведь это только у нас, а где же это все знают? Это только Вы знаете. Ведь едят-то Бог знает как, дух идет от их котла — не приведи Бог!

Я говорю:

— Я тут уже ни при чем. Постараемся и им в полки дать знать, что нужно делать. Это временное, пройдет. Будем стараться, опять будет горох...

Потом ко мне приходит один писарь мой (позже он был военным чиновником) и говорит:

— Знаете, я Вам скажу: что-то мутят стрелки 9-го полка.

Р.: *Это в каком году?*

М.: Это в 1916 году, осенью. Он говорит:

— Мутят, приходят к нам и всё говорят, что скоро будет революция, все мы должны пойти за революцией.

Я говорю:

— Хорошо, там посмотрим, что будет. У нас никаких не может быть требований в смысле пищи.

В смысле пищи у нас никогда никаких недоразумений не было, потому что всегда было всё, я старался всегда доставать. Мало того: мне, например, присылали воблу. Я накопил этой рыбы, которую мне присылали знакомые с Волги, и, когда другие голодали, у меня рота никогда не голодала. Я выдавал им по вобле, или когда по половинке выходило. Выдавал по четверти или больше сала, которое у меня сам подпрапорщик делал из свиней в Польше (мы накопили Бог знает сколько). Еще мало того, когда мы отходили, так я говорил: «Ребята, зря не отступайте, а собирайте белые грибы». И ночью где-нибудь мы стояли на стоянке — я польку уговаривал, чтобы она мне их высушила за ночь. У меня 40 фунтов грибов было. У нас: картошка есть (мяса не было в достатке при отходе), сало есть, рыба есть, грибы есть. Мы такой грибной суп делали! Поэтому у меня никаких не было разговоров.

[Фрагмент 3: перевод с английского]

М.: Продовольствие, которое мы получали <в 1916 году>, в основном было очень хорошим, за исключением этой чечевицы. Большую часть года снабжение было замечательное, включая мясо и всё остальное. Я никогда не слышал, чтобы на Северном фронте не хватало хлеба (в других местах, возможно, и были недостачи).

Когда началась революция, снабжение стало гораздо хуже. Уже в 1916 году появилось много революционных агитаторов, и, конечно, среди солдат настроения были плохими. Это началось постепенно из-за индивидуальной агитации. Но в моей роте боевой дух был на высоте вплоть до самого конца. Все хотели окончания войны, и мы, офицеры, тоже говорили: «Конечно,

мы тоже хотим окончания войны, тут нет вопросов». И поэтому вплоть до отречения Государя у меня не было никаких проблем с дисциплиной среди солдат. Но потом, с началом революции, всё, конечно, стало разваливаться.

Р.: *Могли бы Вы рассказать о том, как Вы впервые услышали об отречении Государя ?*

М.: Я Вам расскажу. Однажды я был в штабе командира дивизии, который был расквартирован недалеко от наших позиций, и он сказал мне:

— Вы знаете, я слышал, что Государь Император отрекся от Престола.

Вообще мы узнали об отречении только через 24 часа. Не знаю, кто скрывал эту новость. Он спросил меня:

— Все ли были рады, что это произошло?

Я ответил:

— Нет. Никто совершенно не радовался.

Четвертым взводом у меня командовал фельдфебель Василий Новицкий, однажды он сказал мне:

— Вы знаете, господин капитан, если Вы перейдете на сторону революции, то мы за Вами не пойдём.

Я был поражен и ответил:

— Что же вы будете делать?

И он сказал:

— Мы будем бить и стрелять тех, кто перейдет на сторону революции.

Уже после отречения Государя они мне сказали:

— Мы хотим кончить войну, но не хотим поражения и не хотим оказаться в немецком плену.

После отречения все сочувствовали Государю Императору и никто его не обвинял. Но, конечно, некоторые солдаты говорили: «Жаль, что жена у него — немка».

И мне трудно было им это объяснить. Я пытался разъяснить, что все правящие династии связаны семейными узами и что на самом деле Государыня уже стала русской. Но большинство из них отвечали: «Он должен был жениться на русской, пусть даже не царской крови. Женившись на ней, он бы возвысил ее. Не надо было ему жениться на немецкой принцессе».

Через несколько дней после начала революции солдаты пришли ко мне и сказали:

— Мы хотим собрать митинг.

Это были делегаты, выбранные от всех подразделений моей роты. Я сказал:

— Пожалуйста. Соберитесь в такое-то время, я приду вместе с офицерами, и мы поговорим.

Как только я пришел, кто-то меня спросил:

— Почему Вы не социалист-революционер?

Я в ответ:

— А Вы — социалист-революционер?

-Да.

Тогда я спросил:

— А что это означает — быть социалистом-революционером?

И чем больше я его расспрашивал, тем становилось очевиднее, что он точно не знал, что это означает. Тогда я спросил:

— Ладно, сколько человек из вас, солдат, — социалисты?

Выступавший на митинге ответил:

— Мы считаем, что все социалисты.

А я сказал:

— Нет, за всех не отвечайте. Я уверен, что не все здесь понимают, что означает быть социалистом или революционером. Я вот точно не понимаю.

Я обратился к своей роте, собранной на этот митинг:

— Понимаете, я — офицер, я изучал не политику, а военное дело.

Тогда они мне сказали:

— Мы заставим вас стать революционером.

А я ответил:

— Как Вы меня заставите — силой?

Тогда кто-то из них пробурчал:

— Да, силой.

А я ответил:

— Вы смотрите, я сплю с револьвером и не побоюсь выстрелить. И я не промахиваюсь.

В ту же ночь кто-то украл мой револьвер, и еще очень хорошую шинель у моего денщика.

Р.: *Это было в феврале?*

М.: Нет, это было уже в марте. В феврале всё еще было спокойно. Я вызвал своего денщика и приказал ему объявить солдатам, что они должны вернуть мне револьвер, потому что у меня есть еще один, так что красть нет смысла. Им стало стыд-

но, и однажды кто-то подбросил револьвер мне в палатку, пока меня там не было.

После этого я сказал своим солдатам: «Я больше не приду на ваши митинги. Устраивайте их, сколько хотите, но меня не трогайте. Я в них не участвую. Я объявляю во всеуслышание, что митинговать с вами больше не собираюсь». Тогда они написали обо мне два больших листа, где описали, каким я был хорошим офицером, как я заботился о них, как я хорошо их кормил и всячески защищал, но что теперь пришла революция: «Он, — то есть я, — не современный офицер».

Председателем Совета солдатских и офицерских депутатов 12-й армии был еврей из Риги, адвокат. Он пришел говорить со мной, и когда я показал ему этот документ, он сказал:

— С этой бумагой, которую Вам дали солдаты, Вы могли бы стать чуть ли не Главнокомандующим, но они пишут, что Вы не должны оставаться даже командиром роты, потому что Вы не соответствуете духу революции.

В общем, я наконец распрощался с этими солдатами. Это было уже зимой 1917 года, вскоре после захвата власти большевиками.

Я получил новое назначение — штаб-офицера, заведовавшего всеми инженерными делами корпуса. Главного инженера только что отправили в отставку. Я не мог быть назначен без выборов, так что штаб — десять человек — сказали:

— Ладно, давайте выберем Молчанова. Другого кандидата нет, так что Молчанов автоматически получает эту должность.

Это было веселое время... На должность командира корпуса выбрали не одного, а троих: прапорщика, фельдшера и фельдфебеля. Прапорщик был неплохим человеком, но глуповатым. Я должен был докладывать обо всех инженерных делах этой «тройке», которая числилась в качестве командира корпуса.

Р.: *Что произошло с предыдущим командиром корпуса?*

М.: Это был старый генерал, который там и оставался. Даже большевики хорошо к нему относились, и никто его не трогал. Он жил рядом и не принимал участия в том, что происходило.

Р.: *Почему Вы в то время не бежали?*

М.: Я объясню почему. Из-за того, что некоторые офицеры скрылись (как, например, главный инженер корпуса, который бежал на юг), ко мне тут же приставили охрану из двух человек, и куда бы я ни шел, они всюду меня сопровождали.

Затем я получил очень интересное распоряжение: постараться эвакуировать российское военное имущество от наступающей немецкой армии. Это было большое количество инженерного оборудования, артиллерийского снаряжения и в особенности телефонного и другого оборудования для связи. Мне дал и автомобиль с шофером, и я должен был ездить с места на место, чтобы организовать эту эвакуацию. Всё это делалось по приказанию нового красного командования. Нашей армией командовали некоторые генералы и комиссары.

Р.: *Это была уже Красная армия?*

М.: Нет, Красная армия формировалась где-то в другом месте. Это была старая армия, которая постепенно расформировывалась, но оставалась на позициях вплоть до подписания перемирия с немцами. Во главе этой старой армии стоял генерал. К сожалению, мне удалось эвакуировать только один эшелон с оборудованием — двадцать шесть вагонов — в основном это было очень дорогое телефонное оборудование, а также артиллерийские снаряды. Всё это я отправил в сторону Петрограда, подальше от немцев.

К сожалению, больше поездов мне не могли предоставить, потому что железные дороги перестали работать. До этого, и особенно до 1916 года, они работали, как часы. При Керенском ситуация уже стала ухудшаться, и потом у нас совсем уже не было поездов.

В германском плену

М.: В феврале 1918 года немцы вдруг начали наступление. В то время я находился на железнодорожной станции Венден⁷⁰, где пытался найти хоть какой-нибудь поезд, чтобы вывезти перевязочные средства, запасы которых там оставались (а в <наших> городах их в то время очень сильно не хватало).

Я сидел в маленькой комнате, когда вдруг услышал, что немецкие солдаты приказывают кому-то остановиться. Я не знал, что делать, так что я выбил окно и стал стрелять наружу из револьвера. Немецкий солдат бросил в моё окно ручную гранату, и я был ранен шрапнелью в обе ноги. Сидевшая у меня за пазухой собачка, которая сопровождала меня с начала войны в 1914 г., была убита прямо на мне. Я был вдвоем со своим денщиком, украинцем по фамилии Сыч, который был очень мне предан и

отказался покинуть меня даже тогда, когда другие солдаты хотели убить его за преданность офицеру. Он перепрыгнул через забор и протянул руку, чтобы помочь мне перелезть, но я понял, что не могу этого сделать, потому что ноги мои не двигаются. Так меня взяли немцы, и я оказался опять в Вендене в качестве военнопленного в одном из наших госпиталей, в котором теперь были немецкие доктора.

Один из немцев заговорил со мной по-русски. Он был одним из тех балтийцев⁷¹, которые бежали, когда большевики захватили власть. Многие из этих балтийцев перешли на сторону немцев.

Сначала я очень плохо себя чувствовал, потому что почти сутки после ранения они не перевязывали мои раны — у них почти не было перевязочных средств. Меня поместили в госпиталь, доктора там были немцы, а сестры — все латышки. У меня было по четыре раны на каждой ноге. Доктора сказали мне, что осколки будут выходить сами, и только в 1968 году у меня наконец вышел из ноги последний осколок шрапнели. Он был совсем маленький, но всю жизнь причинял мне боль.

Когда я там лежал, я вдруг осознал, что левая нога у меня полностью потеряла чувствительность и я не могу ею пошевелить. Немецкий доктор хотел сделать операцию и ампутировать ее, но мне удалось уговорить его делать мне массаж — непрерывный массаж в течение нескольких дней, чтобы восстановить кровообращение. Доктор согласился попробовать и посмотреть, поможет ли это. Час за часом одна сестра за другой массировали мою ногу.

Однажды ночью я вдруг проснулся и понял: «Боже мой! я чувствую боль в ноге». Я позвал сестру, и она позвала доктора. Он сказал: «Ваша нога спасена». Я находился в этом госпитале довольно долго. Кормили они ужасно — у немцев почти не было продовольствия, они сами голодали. Самое лучшее, что они могли дать, была жареная селедка. У них не было бинтов и йода. В госпитале было немного оборудования, которое они захватили у русских.

Немцы были очень хорошими солдатами, просто замечательными. Какая у них была дисциплина, даже когда у них ничего не было! Например, хлеб, который они ели, так называемый *Kriegsbrot* {нем. хлеб военного времени. — *Ред.*}, состоял в основном из какой-то искусственной целлюлозы и небольшого количества пшеницы. Он был твердый, как доска, и его нужно

было пилить пилой. У них не было никаких жиров, а было только так называемое масло Гинденбурга, которое представляло собой спрессованную смесь фруктов и ягод, которую они намазывали на хлеб. Вообще у них почти ничего не было, кроме соленой селедки и картошки. Я научил их, что не нужно жарить селедку, а надо есть ее в сыром виде, как мы обычно делали в России.

Я был ранен 20 февраля 1918 года и оставался в этом госпитале до апреля (до какого числа — точно не помню). Затем я, как военнопленный, должен был каждую неделю являться командиру немецкого гарнизона. Доктора спасли мне жизнь тем, что оставили меня в госпитале, иначе немцы эвакуировали бы меня в тыл, где я точно погиб бы от голода, подобно многим другим.

Другие офицеры, которые были в плену у немцев, сразу стали надевать обратно свои погоны и спрашивали меня, почему я этого не делал. Я сказал: «Нет, я не буду. Вы сами надевали себе эти погоны? Кто их снял? Их сняли большевики, не правда ли? А теперь вы берете и сами их надеваете. Нет, я не буду сам надевать обратно свои погоны».

Я регулярно являлся немецкому лейтенанту по имени Вальтер Рин, и он каждый раз, когда видел меня, говорил, что единственное, что мне нужно, чтобы выбраться из этого места, — это подписанный им пропуск. У него на столе уже лежали готовые пропуска. Ему оставалось только поставить свою подпись, и у меня был бы пропуск, по которому я мог бы выбраться из Вендена, перейти линию фронта и вернуться домой. Он часто напоказ уходил из своей конторы, как бы намекая, что я должен взять один из этих пропусков и подписаться за него. Должен Вам сказать, что у меня была врожденная способность повторять почерк других людей. Наверное, я мог бы подделывать банкноты, но я этого, конечно, не делал. Я долго сидел и не мог решиться взять один из этих пропусков.

Р.: Почему этот лейтенант не подписал Ваш пропуск сам?

М.: Он был немецким офицером, и это было бы против его чести. Он не имел права этого делать, поскольку я, в конце концов, был военнопленным. Но он хотел, чтобы я вернулся домой. Однажды он ушел с улыбкой, и я взял один из пропусков и подписался за него.

Между прочим, красные войска стояли к северу от Пскова. Это был последний город, занятый немцами. Дальше уже проходила линия фронта. Мне сказали: «Когда придете на

последнюю станцию, сойдите направо и найдите какого-нибудь крестьянина, чтобы он провез Вас мимо немецких застав». Когда я сошел с поезда, крестьяне попросили у меня тысячу рублей, и, конечно, у меня такой суммы не было, и я показал им всё, что у меня было, — 270 рублей керенками. Наконец один из этих крестьян кивнул и согласился меня провезти.

Когда мы проезжали мимо немецких застав, он улыбался каждому часовому, снимал шапку и говорил: «Guten Tag, Guten Morgen». И немецкие солдаты его пропускали. Наконец мы подъехали к последней немецкой заставе, и он ее объехал, так как знал, что они его не пропустят. Эти мужики были очень умные, они всё знали.

Возвращение в Советскую Россию и увольнение из армии

М.: Наконец я прибыл на русскую заставу и пошел в один из полков, находившихся на передовой. Командир полка — молодой подпоручик, бывший кадровый офицер, у него в штабе было много девиц, и он весело проводил время. Он дал мне пропуск до Ярославля⁷², где находился штаб 12-й армии, которая там расформировывалась.

Р.: Как вели себя по отношению к Вам красные солдаты, когда Вы пересекали линию фронта?

М.: Они потребовали, чтобы я предъявил им документы. Я сказал:

— А что у меня есть? Я только что бежал из немецкого лагеря для военнопленных.

И они сказали:

— Ладно, проходи и иди к нашему командиру.

Р.: Они Вас как-нибудь оскорбляли из-за того, что Вы были бывшим офицером?

М.: Нет, совершенно. Из-за того, что я бежал от немцев, они даже хорошо ко мне относились. И командир полка дал мне не только пропуск, но и немного денег, чтобы добраться до Ярославля, и сказал, что там, в Ярославле, мне заплатят за то время, что я провел в лагере для военнопленных.

Когда я прибыл в Ярославль, мною никто не интересовался. Солдаты иногда устраивали волнения в городе, но никто не обращал на меня внимания прежде всего потому, что я не носил

погон. После того как приказали их снять, я больше их не надевал. Я снял погоны после того, как большевики пришли к власти и выпустили приказ их снять. Я просто сам их снял — не хотел, чтобы кто-нибудь их с меня снимал.

Р.: *Вы в то время не собирались бежать на юг?*

М.: Нет, я не собирался бежать на юг. Я сразу хотел ехать в Сибирь.

Р.: *Что Вы думали о начавшейся революции и о будущем в период после прихода большевиков к власти и до Вашего плена? Вы предполагали, что будете играть активную роль в борьбе против большевиков?*

М.: У меня было мало времени на размышления. Я был очень занят тем, что пытался сохранить это оборудование и отправить его в тыл. Кроме того, в то время на фронте не было офицерских организаций, и, я бы сказал, около 50 процентов новоиспеченных прапорщиков, которых присылали на передовую в конце войны, были очень революционно настроены, так что большинство молодых офицеров не собирались организовывать какие-либо антибольшевистские организации.

Во-первых, я все равно не признал Временное правительство, так что революция сначала не особенно меня коснулась. Когда правительство Керенского издало приказ, что все офицеры должны ему присягнуть, я постарался сделать так, чтобы меня отправили в инспекционную поездку по разным местам, так что я не должен был приносить присягу. Когда я вернулся, я доложил командиру корпуса, что я не приносил присягу Керенскому. То есть я так этого и не сделал.

Р.: *Поскольку Вы были открытым монархистом, не пытались ли солдаты-большевики убить Вас?*

М.: Нет. Вы знаете, некоторые офицеры сами поступали жестоко, возможно в некоторой степени они сами были в чем-то виноваты. Я знаю такие случаи, когда командир роты брал из солдатской кухни всё, что хотел, брал самые лучшие куски мяса и никогда не платил за это, и солдаты молчали. И потом, хотя это было в инженерном батальоне, они сказали командиру: «Мы тебя за это уьем».

Когда я что-либо брал, я всегда приказывал, чтобы мне давали не больше солдатской порции, и я всегда платил. Я никогда не крал у своей роты и не пользовался никакими привилегиями, из-за чего, я думаю, некоторые офицеры и пострадали. Даже

генерал приходил в мою роту, чтобы поесть из общего котла, потому что мы всегда хорошо питались.

Р.: *Если я правильно Вас понял, отношение солдат к офицерам после революции во многом определялось тем, что некоторые офицеры до революции плохо обращались с солдатами ?*

М.: Да. Это было потому, что некоторые офицеры плохо обращались со своими солдатами. Но тех офицеров, кто хорошо себя проявил, часто вообще не трогали. Меня, например, не трогали. У нас никогда не бывало случаев, чтобы срезали шашкой погоны или чего-либо подобного. Но я всегда был с ними откровенен. Я всегда им говорил, что я не революционер и не смогу им стать и что я уйду из их армии, что Красная армия была не для меня. Моя военная карьера была кончена.

Р.: *Многим офицерам Троцкий приказал присоединиться к Красной армии. Происходило такое во время Вашей службы ?*

М.: О да. Это было еще до того, как немцы взяли меня в плен. Я знаю, что многие офицеры пошли к Троцкому добровольно. Например, был такой полковник Шапошников⁷³, который потом стал знаменитым советским командиром. Они сами выбрали свою карьеру.

Р.: *Вы собирались это делать?*

М.: Может быть, я во многом не прав, но я считал генерала Корнилова предателем, несмотря на то что до войны я провел с ним вместе много времени на маневрах в Сибири. Я считаю, что он был предателем, потому что он стоял в Петрограде под красным знаменем и говорил зажигательные речи. И еще того хуже: он пришел к Государю Императору после отречения и сказал: «Полковник Романов, считайте себя арестованным». Не могли они найти какого-нибудь другого прохвоста, чтобы он сказал это Государю Императору?

Когда в Риге некоторые офицеры заводили со мной разговоры о карьере в Красной армии и говорили, что красные брали молодых офицеров в свою новую Красную армию, я отвечал: «Если хотите — идите к этим прохвостам. Я не пойду».

Когда я вернулся из немецкого плена, командир того полка, в который меня отправили, пытался уговорить меня пойти в Красную армию. Но я сказал, что не смогу.

Р.: *Почему Вы не хотели идти в Красную армию?*

М.: Потому что я ко всему этому относился с презрением. Как я мог не презирать армию, в которой командиры участвовали

во всяких политических делах? А я совершенно не интересовался политикой. И их командиры и комиссары ничего не понимали в военных делах. Я считал себя чисто военным человеком, который не должен вмешиваться в политику.

Р.: *Итак, Вы оказались в Ярославле?*

М.: Да, я добрался туда и затем был совершенно свободен. Я получил свое выходное пособие, несколько сотен керенками, и решил ехать в Камышлов. Это было за Уралом, где расформировывался 6-й Сибирский армейский корпус. Меня перевели туда. Я еще не был уволен со службы, но учитывая, что я бежал от немцев, они отправили меня туда и платили мне до тех пор, пока я не уехал. В штабе этой армии мне выдали документы, чтобы я мог вернуться домой в Елабугу. Выдал мне их очень дружелюбный латыш, коммунист, который заведовал увольнением офицеров. Он даже дал мне две бутылки водки.

Р.: *Почему Вы поехали в Елабугу?*

М.: Только потому, что там жила моя мать. Елабуга находилась в Вятской губернии. Там жил и мой брат (Александр Михайлович Молчанов. — *Ред.*), он был волостным мировым судьей. Я приехал туда и явился в революционный военный комитет. В этом комитете все были бывшие офицеры, и они советовали мне скрыться, потому как «они возьмут Вас военным инженером на правый фланг 5-й красной армии». Так я стал скрываться по разным окрестным деревням.

Я знал, что в Красной армии сильно не хватало спецов, и их брали насильно. Конечно, я не хотел им служить. Скрываться мне было легко, стоило мне только сказать: «Я — брат Александра Михайловича», и местные жители прятали меня, особенно жившие в тех краях татары, которые очень его любили. Всё это было в апреле 1918 года, до начала Гражданской войны.

Из Камышлова я плыл пароходом по реке Каме сразу после ледохода. Я был в одной из кают первого класса. Во втором классе были крестьяне, в третьем — солдаты Красной армии, которых перебрасывали на новое место. Среди пассажиров был анархист с черной бородой и черными глазами, который агитировал людей не слушать большевиков и не подчиняться им.

Но когда красноармейцы поднялись из третьего класса в первый, этот анархист закричал на капитана, чтобы тот отправил их обратно в их каюты, потому что он заплатил деньги, а они — нет. Мне этот анархист говорил, что Россия может быть спасена,

только если свергнут большевиков и что всё, что существовало в России, теперь должно быть уничтожено и всё построено от основания заново.

Р.: В каком это было месяце и почему Вы плыли на этом пароходе?

М.: Это было в апреле 1918 года, и я добирался из Камышлова в Елабугу. По земле тогда нельзя было добраться, потому что железной дороги в Елабуге не было (ближайшая проходила в шестидесяти верстах к северу). Кругом повсюду были беспорядки, и ехать на лошади мне не советовали. Банды, которые бродили по окрестностям, были не красные, а просто бандиты. Среди них были и крестьяне, и уволенные со службы солдаты. Даже красные командиры не имели над ними власти. Так что я мог добраться из Камышлова до Елабуги только по реке. Эти банды убивали всех интеллигентов и офицеров, которых только могли поймать.

Когда я приехал в Елабугу, оказалось, что вся интеллигенция была уничтожена. Там побывал отряд красногвардейцев, который не относился к числу регулярных частей Красной армии. Они убили священника⁷⁴, потому что оба его сына были офицерами. Они перебили всю его семью и сбросили их тела в реку под лед. Хватали и всех зажиточных. В Елабуге была очень состоятельная семья купцов-миллионеров Стахеевых⁷⁵, все они были убиты. Они торговали пшеницей и до революции занимали в городе ведущее положение. Стахеевы построили городской собор⁷⁶ и хотели, чтобы он был самым высоким во всей России. Они также настаивали, чтобы в соборе служил священник высокого духовного звания и пел прекрасный хор. Они заплатили много денег, чтобы храм и хор были самыми лучшими.

Елабуга была процветающим городом, там жило много богатых людей. Но всё вращалось вокруг семьи Стахеевых. Это был не помещичий город, а типичный купеческий.

Между прочим, все свои военные награды я отправил с фронта своей матери в Елабугу. Она пришла в ужас — испугалась, что кто-нибудь их обнаружит и узнает, что ее сын — офицер. Но она спрятала их под половицы в доме, и их никто не нашел.

Когда я вернулся в Елабугу, у меня уже было увольнение от революционного комитета Камышлова, позволявшее мне вернуться в город, где я когда-то учился. Как я уже говорил, в этом революционном комитете состояли офицеры, которых заставили в нем служить. Позже они были у меня в Белой армии.

Мне посоветовали пойти к доктору и получить свидетельство, что я физически негоден, потому что ноги у меня действительно были в плохом состоянии. Доктор был хороший человек, и он предупредил меня, что председатель революционного комитета в Елабуге — большевик и что, несмотря на мои медицинские свидетельства, он насильно призовет меня в Красную армию и отправит на фронт, где 5-я армия красных уже воевала против начавшегося в то время восстания на Волге.

V. БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

В мае или июне 1918 года в Самаре произошло антибольшевистское восстание, и Казань была занята белыми при содействии чешских войск. В то время я скрывался — жил у своего брата, примерно в 25 верстах от Елабуги (в селе Алнаши⁷⁷. — *Ред.*). Красные знали об этом. Но они не могли меня найти, потому что когда они отправляли очередной продовольственный отряд, чтобы реквизировать в тех краях урожай, а заодно найти и меня, я всегда уходил и прятался у каких-нибудь знакомых моего брата, татар. Всё, что мне нужно было им сказать, — это что меня прислал мой брат и что я скрываюсь от большевиков, — и они сразу же прятали меня от обысков. Эти татары были сильно настроены против большевиков, и я запомнил это на будущее.

Наконец, когда Белое движение начало распространяться из Казани и достигло Елабуги, местная красная власть была сброшена. Но те, кто пришли к власти, не освободили арестованных офицеров (в городской тюрьме их сидело около 260 человек). Глава новой власти боялся их освобождать — он считал, что среди арестованных прапорщиков, которые не были кадровыми офицерами, могли быть красные.

Интеллигенция Елабуги знала меня и доверяла мне. Они потребовали, чтобы новые власти меня вызвали, так как знали, что я закончил реальное училище в Елабуге и был из этого города.

Р.: *Вы до этого приезжали в Елабугу после того, как закончили реальное училище?*

М.: Да. Только один раз, перед войной, всего на один день отпуска.

Для меня было очевидным, что всё крестьянство было против красных. И даже солдаты, которые раньше склонялись к крас-

ным и дезертировали из армии <во время революции>, были полностью против большевиков. Они сбежали из армии, потому что устали воевать, но они не хотели поддерживать красных. Это было мне вполне понятно, поскольку я хорошо знал, что солдаты ничего не понимали в политике. И это был один из недостатков офицерского корпуса Императорской армии, что мы совершенно не разбирались в политике и не знали, что происходит в Божием мире. Я никогда не пытался убеждать солдат в том, что они должны воевать против большевиков, — я чувствовал, что это произойдет само собой.

Впервые во главе белого соединения

М.: Однажды, около одиннадцати часов ночи, когда я уже спал, меня разбудили и сказали, что в селе сход, меня и моего брата пригласили на это очень важное собрание. Мы пошли туда, и этот волостной сход сообщил нам, что они решили восстать против большевиков и просят нашей помощи. Было это в июле 1918 года.

Я спросил их: «Что у вас есть из оружия?» Они стали подсчитывать. Там было довольно много солдат, вернувшихся с передовой, но военных припасов у них было немного. Было две винтовки, несколько шашек, и больше ничего. Но они решили, что хотят драться, организовать боевую дружину, и назначили меня ее командиром. Было около ста добровольцев для пехоты и двадцать конных. Я решил взять вестовыми юных двенадцатилетних мальчишек. Они всё знали и везде бегали, и они очень хотели помочь. Это был мой разведывательный дивизион. Командовать ими я назначил кадрового фельдфебеля.

Гражданская власть постепенно перешла к моему брату, хотя формально она считалась под контролем Волостного совета. Вместо того, чтобы называть его Волостным советом, мы называли его Волостной администрацией. Члены его не были большевиками, и они хотели продолжать работать для своей волости.

Р.: *Это было до или после свержения красных в Елабуге?*

М.: Это было сразу после их свержения, и я не особенно хотел возвращаться в Елабугу, поэтому я остался там, у брата. Большинство жителей были против большевиков. Они хотели порядка. Я бы не сказал, что все они были монархистами. Но все они хотели порядка. Они говорили: «Нам не нужны никакие

социалисты. Если Государя Императора больше нет, тогда должен быть кто-то, кому мы можем доверить власть». Но было понятно, что с этого начиналась поддержка определенной партии, а не восстановление власти Государя Императора. Ведь Государь Император был еще жив, и мы знали, где он находился. Таким было настроение людей, по крайней мере, в Вятской губернии и в части Казанской губернии. Насчет соседней Самарской губернии я ничего не могу сказать.

Вятская губерния (конец XIX в.)

Я должен был встретиться с некоторыми из этих социалистов-революционеров. Мой брат просил меня познакомиться с одним из них. <Его фамилия была Сапожников.> Мы с ним встретились и приятно поговорили. Я понял, что это был русский человек,

который любил свое Отечество и желал ему всего лучшего. Он не был социалистом. Поскольку Государя уже не было, он понял, что были необходимы государство и правительство, которые будут служить людям, а не грабить их.

Мы решили, что наш первый бой с красными произойдет тогда, когда они придут со стороны Уфы. Они уже двигались от Уфы к северу, в сторону Перми, потому что им было уже тяжело там оставаться — в Уфе был организован антибольшевистский 2-й Уфимский корпус⁷⁸. Так что белые начали двигаться, и Уфа стала одним из центров белого сопротивления против красных. Один из красных командиров, маршал Блюхер⁷⁹ (тогда, конечно, он еще не был маршалом) вынужден был бежать оттуда.

Между прочим, я очень хорошо изучил весь этот район и знал его как свои пять пальцев. Мне доложили, что вокруг много большевиков. Когда началось восстание белых, местные жители стали хватать этих большевиков и уничтожать их. Это невозможно было остановить, убивали их сами крестьяне.

Р.: *Много их было убито?*

М.: Мне сказали, что около двадцати, но я подозреваю, что несколько больше, но мы даже не могли за этим уследить. Мне сообщили, что на нас наступают две роты красных. На самом деле они бежали из Уфы, переправились через Каму и двигались по направлению к нашему селу. Впереди катил в экипаже комиссар отряда с женщиной. Мы забрали деньги, комиссар был расстрелян, а женщину посадили в тюрьму. Ночью часовой пытался ее изнасиловать. Когда я узнал об этом, я потребовал, чтобы часовой был расстрелян⁸⁰, и сказал, что если он не будет расстрелян, я оставлю командование отрядом и вернусь в Елабугу.

Мой брат возглавлял тогда гражданскую администрацию, а я — военную. Платили нам очень хорошо. Я получал 40 рублей в день, офицеры — 20, а солдаты — 10. Кроме этого, купцы и крестьяне из округа очень хорошо снабжали нас продовольствием. Нам предоставили лошадей и тарантасы, так что когда нам нужно было выдвинуться из села на передовую, мы могли не идти пешком, а ехали на этих тарантасах.

Когда звонил церковный колокол, все выскакивали из своих домов, хватали любое оружие, которое было, — дробовики, вилы, и мы в конце концов нашли шесть винтовок и револьверы — и мчались на лошадях на передовую.

Эти две роты красных продолжали наступать по направлению к нам. Моя разведка доложила мне, что они не входили в деревни, проходили мимо. Я понял, что они остановятся в соседней ложине, где было очень удобно стать на ночлег, так как с военной точки зрения там была удобная оборонительная позиция. Лощина была примерно в одну версту длиной.

Это было в предгорьях Урала, где местность пересеченная. Я приказал атаковать красных утром, на заре, но никто не захотел, потому что они боялись, что их всех перестреляют. Решили атаковать ночью. Я назначил 6 человек с винтовками прикрывать северный выход из лощины. Конница должна была идти с востока, чтобы создать панику. А с юго-запада должны были наступать мои основные силы — 150 человек с вилами и ручными гранатами.

Всё произошло, как я рассчитывал. Мы захватили примерно 75 винтовок у красных, все они были взяты в плен или убиты. Только командир с адъютантом ускакали на хороших лошадях. Остальные сдались. И мы даже захватили пулемет Льюиса.

Р.: *Что вы сделали с пленными?*

М.: Захваченных в плен мы сразу отпустили. Я сказал им: «Идите по домам». Я совершенно не пытался их удерживать. Командиры умчались еще до начала боя, они даже не дождались момента, когда решится исход боя. У них были очень хорошие лошади, и это была типичная ситуация. Командирам разных соединений часто удавалось удирать от нас.

Это была Красная армия, но солдат я отпустил. Я сказал: «Если вы хотите драться, то деритесь вместе со мной. Если вы не хотите драться или хотите драться против меня, — идите по домам». Потому что я знал, что эти люди не будут воевать за красных. Они не хотели воевать, а только хотели вернуться домой и там остаться. Я говорил: «Сдавайте оружие и идите куда хотите, я могу даже дать вам проходное свидетельство». Я был уверен, что они не будут воевать. Если их мобилизуют, они будут стрелять в воздух. Боевой дух у красных был очень низким, и в конце концов они вынуждены были во время атак выставлять сзади своих войск пулеметы.

К этому времени у меня был отряд в 500 человек, жители <этого села и> соседних деревень просили нас начать мобилизацию, потому что они не хотели идти добровольцами, боялись мести красных. Но они хотели, чтобы мы их мобилизовали, потому

что они стремились воевать против большевиков. Но я не имел права никого мобилизовывать, так что я этого не делал.

Вскоре власть в Елабуге была совершенно дезорганизована, и поручик Серов, который был начальником гарнизона, уже не мог ничем управлять. Офицеры всё еще сидели в тюрьме. Я наконец прибыл в Елабугу и взял на себя командование гарнизоном. К тому времени Казань уже была сдана белыми и взята красными. Это было уже в августе 1918 г. Мимо Елабуги, вверх по реке проходило много пароходов с беженцами. В Елабуге никого не оставалось. Что касается чехов, то от них не было никакой помощи. Как-то раз они пришли, притесняли жителей, крали, потом реквизировали транспорт, чтобы вывезти добычу.

Я начал организовывать в Елабуге военную власть, и всё шло очень хорошо. Я освободил из тюрьмы всех бывших офицеров, предоставив им выбор. Те, кто хотел работать у меня, могли влиться в мои кадры, те, кто не хотел — были отправлены в тыл. Только восемь офицеров-сибиряков просили отправить их обратно в Сибирь, все остальные остались воевать вместе со мной. Я просил каждого из этих офицеров рассказать о себе.

[Фрагмент 4: расшифровка аудиозаписи]

Просил их рассказать про себя, [написать] маленькие записки: что он, где воевал, когда и кем произведен в прапорщики и так далее. Было много прапорщиков запаса, возраст — им было уже под 30 лет. В тех [записках], что я им дал, был вопрос: мобилизован или добровольно поступил, последнее получаемое содержание его. Один пишет вдруг ответ такой: «Мобилизован». Кем? Зачем? — «Не знаю». Получаемое содержание: «Поживем, увидим». На вопросы не отвечает. Я вызываю его. Оказывается, он преподаватель математики в гимназии был, математическая шишка, совершенно не интересуется другим миром, он только математикой интересуется. Я думал, что ненормальный человек. Врач мне говорит: нормальный, с ним разговаривал. Я его отсылаю в Уфу, это потом уже (я немного забежал вперед, но интересный факт я вспомнил — какие были люди). Я отзываю его, говорю: «Поезжайте в Уфу, там Вас применят более по месту, чем здесь». Отправляю его в штаб 2-го Уфимского корпуса. Когда я спрашивал его начальство, как он себя ведет, отвечали: «Да лучше всех себя ведет, всё прекрасно исполняет. Но он чудак, он всё время

пишет, у него всё время какие-то цифры». Это мне его командир говорит. Вот такие были.

Несколько человек сразу оказались самозванцы. Но я им предложил поступить рядовыми или уходить куда они хотят. Они, конечно, смылись. Ну, Бог с ними: уйдут в Красную армию — невелика эта задача.

Но в самой Елабуге меня сразу общественность взяла в руки: «Накажите тех, которые разгромили..., это вот Красной армии шпионы. Здешние эти, которые выдавали всех, и нам они лица известные». Дают мне их пять человек, из них одна девушка. Там был книго-писчебумажный магазин Кибардина⁸¹, это его внучка. Она выдала своего отца, подвела под расстрел, выдала свою мать и выдала дедушку — этого Кибардина, которого я знал. Я решил не своевольничать, а образовал сейчас же полевой суд, из тех прапорщиков, которые окончили университет, — юристы всё были, интеллигенты. Я из них старшего взял, был он поручик, и у него было четыре человека. Пять человек их — постоянный полевой суд. Они присуждают: четырех человек мужчин к расстрелу — заведомо эти предавали, на каждом лежит убийство не менее 50 человек. А на этой лежит убийство, и она абсолютно всё уничтожала. Они приносят мне приговор для утверждения: смертная казнь всем, а женщину эту повесить вверх ногами на площади. Я говорю, что я этого никогда не сделаю, ни к чему такие представления устраивать, расстрелять всех — и больше ничего. Я поехал, пробовал с ними говорить, но увидел, что это такие люди, что они могут всё, что угодно сделать. А когда я с ней говорить начал, она первым делом начала меня ругать и не разговаривала, ни на какие вопросы не отвечала.

— А Вы знаете, — говорю, — что я могу вам смягчить наказание?

Она говорит:

— Плевать мне на ваше смягчение. — И больше ничего.

Ее с теми же всеми расстреляли.

Славный этот был [Кибардин] (я помню его), которого она подвела; его расстреляли ни за что. Он нам, реалистам, помогал. Когда что-нибудь купить у него нужно, а денег нет, он откладывал — когда сможешь заплатить, и так далее... Это большой человек, если он верит мальчишкам. Но, конечно, многие не платили.

Р.: А она на него донесла?

М.: Она просто была садистка. Она не просто доносила. Когда красная гвардия пришла, она: вот это такие-то такие-то монархисты, они гнули народ. Скажите, торговец — кого он мог там гнуть? У него никаких даже не было рабочих. Когда он издавал еженедельный листок — это в Елабуге было, так он сам это всё своими руками делал, у него маленькая печатная машина была.

Расстреляли всех этих. Это был расстрел такой, что я не мог [ничего сделать]: если бы я оставил, тут бы скандал получился, восстание в городе. Вся интеллигенция, что осталась, была за то, чтобы их расстрелять, уничтожить.

Затем в военном отношении: очень плохо было. Масса красноармейцев были посажены в тюрьму за то, что они не хотели идти в Красную армию. Их мобилизовали, пригнали и посадили в тюрьму. Я их выпустил сейчас же и говорю: «Хотите — оставайтесь у меня». И вот там набралось около 500 человек, которые сказали, что они будут у меня, что они пойдут против большевиков. Я их в первый батальон, назвал его 1-й батальон Елабужского полка — стал организовывать этот полк. Приходят однажды ко мне и говорят, что они не желают выступать. Им говорят пойти такую-то позицию занять в нескольких верстах, сменить. Они не желают выступать, потому что у них обуви нет настоящей, такой, как надо русскому солдату. Я говорю:

— Выставьте их на площади с оружием в руках. — (Это дело было к вечеру.) — Я пойду один, чтобы со мной никого не было. Я пойду без всякого оружия и буду с ними разговаривать.

Я пошел, начал с ними разговаривать. Я говорю:

— Вы можете изменить сейчас же свое мнение — можете уходить на все четыре стороны, куда хотите. Или оставайтесь здесь и не говорите, что у вас нет... У Вас есть что-то такое. Я вам сказал, что всем достану ботинки или сапоги, но это берет время, надо мне связаться. Здесь у нас на складах этого ничего нет.

Р.: Откуда у Вас деньги были платить жалованье солдатам?

М.: Крестьяне приносили мне деньги. Тут, например, один Стахеев⁸² принес мне 100 тысяч, дал керенками. И говорит, что когда он соединится с Лондоном, то он даст на это дело миллион рублей, настоящих рублей золотом. Но потом он куда-то уехал, и где-то его там убили.

Крестьяне везли. Утром целая площадь была запружена: мясо, овощи везут, капусту солёную, огурцы солёные везут. Денег

несут — прямо беда сколько. Крестьянин дает 30 тысяч рублей, он собрал там у себя в деревне. Они сразу постановили жалование мне тысячи две с чем-то в месяц. Конечно, тогда деньги нам ничего не стоили.

Р.: А Вы кому тогда подчинились?

М.: Никому. Я ни с кем не мог снести, старался сноситься.

Р.: А с Уфой?

М.: С Уфой — это взяло время. Никакого не было сообщения по телеграфу. А в конце концов я узнал как-то от отъезжающих из Казани и других городов по Волге, которые бежали оттуда на пароходах, — узнал, что существует Комуч⁸³ в Самаре, правительство какое-то.

Я стараюсь с Уфой соединиться, услышал, что в Уфе что-то такое есть. Нету [связи] — в Мензелинске где-то целое громадное пространство вырвано, и даже столбы вырваны, не только провода. Кто сделал — никто не знает. И потом, когда я был..., приказал восстановить это. Не знали, кто это сделал. По-видимому, красные все-таки, которые отходили оттуда. Я связался: Мензелинск, а потом каким-то образом через Чистополь... Ужасно: тут же Чистополь у меня был под боком, а мне нужно было Мензелинск добиться, Чистополь не мог я сам добиться. Через несколько дней добился, что я соединился с Самарой. И когда там узнали, что на их правом фланге есть какой-то отряд, они присылают мне телеграмму: «Очень рады, что вы появились на нашем правом фронте».

Р.: Это в каком месяце было?

М.: Это было примерно в конце июля — начале августа 1918 г.

«Кто вы такой?»

Я им сообщил, что я такой-то, производство мое в подполковники — это в самый момент было, в последнем приказе правительства Керенского (я не помню какого числа).

В общем, они мне пишут: «Мы утверждаем Вас в должности подполковника. Это необходимо, чтобы Ваш чин был подполковник, а не капитан».

А я себя именовал капитаном. Я знал, что есть приказ, но я не получил этого приказа, потому что безалаберщина была во всех штабах.

«Но мы Вам не разрешаем мобилизовать ни одного солдата».

Тогда как у меня есть постановление: до 30 тысяч я мог мобилизовать в Елабуге из этих волостей, которые дали слово, что они дают людей, которые пойдут, не останутся здесь, только в Вятской губернии или в своем уезде или волости. Они пойдут куда, куда надо.

Ладно, ничего нельзя. Но у меня все-таки набралось добровольцев больше семи тысяч. Оружия нет для них, пищи полно, хлеба полно. Я связался в конце концов с Ижевским заводом, где нет хлеба, но есть винтовки.

В это время уже флотилия под командой капитана 2-го ранга Феодосьева⁸⁴ отходила по Каме. Большая флотилия, но, конечно, не было хороших судов, а всё это были приспособлены буксиры. Самое большее — две легкие пушки на этом самом... Этот Феодосьев говорит:

— Вы подчиняетесь мне.

— А в чем, — я говорю, — Ваша, как начальника, будет мне помощь?

— Ни в чем.

А вот ему дай спирту. Спирт ему нужен для того, что он привык пить ликёр, а ликёра сейчас нет. Он в спирт пускает одну какую-нибудь ягоду, и это пьёт, как ликер. Пьяница... И он прокатил Елабугу — в Сарапул, а оставил приказ, что я подчиняюсь ему. Я решил, что я к нему все-таки туда проеду, по Каме проеду в Сарапул (единственное, что можно было). Это примерно два дня ходу и два дня ходу обратно. Сарапул будет к северо-востоку. Видите (показывает. — *Ред.*)\ Вятка река, Кама река, в 6 верстах от Камы — Елабуга.

Р.: *В этот период почти не было людей?*

М.: Не было людей, и если они были, они не хотели воевать. И это продолжалось, Вы имейте в виду, до самого конца, что были люди, которые не верили с самого начала в эту, скажем прямо, контрреволюцию. Не было, до самого конца.

И вот этот капитан Феодосьев проехал и не пожелал со мной познакомиться. Оставил [приказ], что я подчиняюсь ему, получил я такой пакет. Но тут же мне моряк, который был при нем и еще задержался в Елабуге, говорит: «Вы сейчас же можете отправиться к нему на пароходе: боевое судно «Орел» идёт туда, и оно Вас привезет обратно. Оно идет только потому, что нужно нам получить от них некоторые запасные части для пушки и для машины». Я поехал туда. Приезжаю в Сарапул. Шли немнож-

ко с боями. Мы шли вверх, слева от нас был правый берег, где горы — то, что Шишкин писал⁸⁵, эти всё сосновые леса. А нас обстреливали пулеметным огнем со стороны левого, пологого берега, с нашей правой стороны.

Прошли мы туда благополучно, до пристани. Я ищу этот штаб его, а он на пароходе своем (я уже забыл, как он назывался). Начальник штаба — Озолин⁸⁶, пехотный офицер. Тогда он был, я уже не помню, в каком чине, потом я знал его как полковника Озолина. Он мне говорит:

— У Вас есть время подождать, может быть, день, может быть, два, когда он проспится?

Я говорю:

— Нет, у меня этого времени нет.

Он говорит:

— Он в таком состоянии, что не может Вас принять, потому что он пьяный.

Я говорю:

— Пусть остается пьяный. Вот такое-то положение, что он не признает никаких властей, никаких соединений, за исключением монархических. Ему никакого правительства не существует, а он только идет, пока спасает свою флотилию. Идет, постепенно отступает, не желает никакого дела иметь ни с какими организациями, потому что он монархист и так далее... Что же мы будем делать?

Он говорит:

— Что же могу я сделать — его назначили, адмирал Старк⁸⁷, и мы не знаем, где адмирал Старк находится.

Он находился, кажется, в Уфе в это время. Видите, такое положение. Почему-то он (Феодосьев. — *Ред.*) попал, когда среди его флотилии были прекрасные молодые морские офицеры, которые действительно воевали. А он не воевал, он просто только отходил, приказ был отходить. Отходил от Казани в Уфу. Всё тянулось в Уфу, что, дескать, пехота что-то сделает без них, без Феодосьева и так далее... Он у меня забрал, например, одну офицерскую роту в 100 человек, — и [обещал], что он устроит «Верден»⁸⁸ в устье реки Белой и Камы (соединение там), Пьяный Бор был такой, что он займет его и «Верден» устроит. Этот «Верден», он, наверное, проспал, когда проходил, — даже и не заходили туда.

Ну, я вижу, что флотилия не может помочь. Озолин мне говорит, что не рассчитывайте ничего, добивайтесь Вы, может

быть, до какого-нибудь высшего начальства, до Старка, чтобы его сменили, чтобы кого-нибудь другого назначили. Этот на «Орле», например, командир этого судна мичман был, такой молодец — настоящий офицер. У него гимназисты, реалисты все эти матросы. Он в момент подучил их, и, знаете, все: «Есть!» — и готовы приказы исполнять в один момент.

— И во всех этих судах, — мне говорит Озолин, — везде прекрасные офицеры. В там среди них есть такие, которые могут командовать этой флотилией, старшие лейтенанты.

Например, баржа была с моторным двигателем, тихоход. На две были поставлены 42-линейные пушки, которые могли смело остановить красную флотилию (даже когда появились настоящие речные миноноски, очень пригодные для боя, — попадание этими 42-линейными пушками пробивало бы их сверху). «Чехословак» она называлась. Когда «Чехословак» выстрелил — сразу уходят эти суда, потому что попадание в миноноску было для них смертельно, — разрыв внутри. Эта миноноска ни к ч-ту не годная.

Он всё это не делал. Но в конце концов я с Озолиным договорился, что, когда мне нужно будет отступать из Елабуги, я могу перейти через Каму, переправиться (широкая река) только в Верхних Челнах⁸⁹. Это примерно 20 верст вверх по Каме от Елабуги, значит, один переход пройти. Так у нас было условлено. Переправа мне нужна была, чтобы переправить скот, который у меня накопился. Это крестьяне привели мне 200 голов скота, надо было переправить. Я еще немного задержался в Елабуге, направил пароходы. Между прочим, пароходы ходили так. Большой пассажирский пароход занимается чехами — офицерами и несколько человек солдат. Когда я требую, чтобы он передал это (пароход. — *Ред.*), он говорит:

— Нет, этот пароход находится в чешском командовании.

А я говорю:

— Вы сейчас находитесь в моем командовании.

Я Вам даю слово: я их всех расстрелял. Они не хотели отдать корабль — я их расстрелял, чехов. Они думали, что могут что угодно делать. У меня стояли пулеметы на пристани, целый отряд отчаянных голов. Отчаянные головы сейчас заняли и прикончили [их]. Я видите, [как] с ними обращался. Эти чехи уже кончили воевать там, на Уфимо-Самарском фронте, часть разбежалась. Если они представляли из себя: «Я — поручик

такой-то», обвешан весь и грабит население, у меня разговор был короткий: расстрелять этих союзников, и никаких разговоров. Потом чехи требовали меня в Уфу для суда, а я ответил, когда я уже был начальником отряда: «Пусть они ко мне придут, а я их буду тут судить». Так и кончилось это дело. Многие господа говорят: «Чехи, чехи, чехи...» Как можно думать, что чехи завоевали Россию и увозили в Чехию швейные машины, автомобили? Они тут только немного повоевали, что они нас — завоевали?

Р.: Этот эпизод Гражданской войны я никогда не мог понять. Как так случилось, что вдруг чехи забрали все железные дороги, все поезда, все станции? Почему они поссорились с красными? Что случилось?

М.: Относительно чехов мы с Вами потом поговорим, отдельно. Это безобразное явление было. Среди них находились такие герои, такие понимающие дело как, например, первый командир полка, который организовался. Это целая история, почему они сами организовались. Это потом.

Со Старком я, конечно, снестись не мог и не знал, где он. Так и оставался Феодосьев, совершенно невидимый уже для меня, я его не видел никогда. Всё, что нужно было, — мы сносились с Озолиным. Это был очень хороший человек. Я забыл как фамилия еще одного, там был старший лейтенант, моряк, очень хороший человек. Рвались они в бой, кипели, что за Родину надо драться. Такие были.

Вдруг приходит большой пароход, и мне доносят, что пароход занят русскими офицерами. «Вас, — говорят, — требует на пароход подполковник Лукашевич⁹⁰». А Лукашевич был во время войны командиром запасного полка в Елабуге. Я решил, что нечего тут самолюбием каким-нибудь считаться. Кто требует — ехать к тому, а там уже разговоры будут другие. Требует к себе на пароход (это 2 версты до пристани), я приехал. А во-первых, он и уйти не мог без моего разрешения. Мне все-таки Старк (то есть надо говорить — Озолин) дал один вооруженный корабль, который на якоре стоял сверху, и без моего разрешения ни один пароход не мог уйти из Елабуги. Одно время 14 пассажирских пароходов и масса буксиров было на пристани, я их постепенно выпускал. То, что нужно мне было, — оставлял.

У меня была полная власть, полный контроль в Елабуге. Мне подписано было: Галкин⁹¹ (Генерального штаба он, потом в генералы Комуч его произвел) и один из членов Государствен-

ного Совета (забыл его) говорят: «Действуйте сами, потому что мы так далеко, мы ничем Вам помочь не можем».

До отряда подполковника Каппеля⁹², когда я уже даже перешел Каму, у меня был разрыв 250 верст. Я пробовал натугу делать, проходил 125 верст, но больше я не мог делать — связаться я с Каппелем не мог. И связался уже тогда, когда этой связи не надо было.

Сiju я и только знаю, что от Казани отходят войска, все они погрузились на пароходы (ничего по материку не пошло, а только по воде) и они должны проехать Елабугу.

Р.: *А этот Лукашевич?*

М.: Я приезжаю к нему: масса офицеров, генералов. Он мне говорит:

— Вы знаете, кто я? Я был командиром полка.

Я говорю:

— Да, я слышал. Вы мне приказываете. На каком основании Вы мне приказываете, чтоб явиться к Вам?

Он говорит:

— Я Вам хотел дать указание по обороне Елабуги.

Я говорю:

— Вы здесь остаетесь? Очень приятно, я Вам подчиняюсь.

— Нет, я уезжаю. Я со своими офицерами, которые у меня здесь, уезжаю в Сибирь. Я не хочу воевать за Комуч.

Я говорю:

— Мы здесь воюем не за какое-нибудь правительство, а воюем за Россию, господин полковник.

Он говорит:

— Это Вам так кажется, а нам — совершенно другое.

Я говорю:

— Теперь Ваше начальствование кончилось. Теперь я Вам приказываю: выстроить всех Ваших офицеров на палубе, я с ними буду говорить.

Р.: *А у Вас какая форма была?*

М.: У меня никакой формы нет: штаны, сапоги, рубаха. Ни погон, ничего у нас не было, потом уже появились чешские «нашлѣпки».

Р.: *А он как Вас называл?*

М.: А я говорю, что я такой-то. Он меня так же и называл: «Господин полковник». Теперь я говорю:

— Я буду начальником. Приказываю выстроить всех офицеров. Я нуждаюсь в старших офицерах, как не знаю что. Я один

кадровый офицер. А я слышал, что у вас здесь генерал писарем при Вас состоит.

Он выстроил офицеров. Я говорю:

— Приказ мой поддерживаю (оставляю в силе. — *Ред.*), что ваш пароход находится под обстрелом, под двумя пулеметами, и сейчас же бросятся в атаку мои молодцы (он у пристани стоит).

Ни один офицер не пошел, все отказались, говорят:

— Поехали.

Я говорю:

— Хорошо. Теперь вы, все генералы и офицеры штаба — в первый класс, обер-офицеры — во второй класс, а остальное я вам всё набью. Пароход будет набит — все трюмы, затем сюда будет [помещено] гражданское население.

И никому не дал каюты одной, а в каждой каюте две койки — двум, распределил их всех.

И вот таким образом все эти пароходы, которые уходили пустыми или полупустыми, — я их наполнил и эвакуировал массу мануфактуры, которая для населения нужна была. Мы уходили оттуда, нечего было оставлять тем, кто оставался там. Я говорил: «Им помогут большевики». Всё эвакуировал. Взял много хлеба — ржи и пшеницы, абсолютно все пароходы нагружал. Отправил всё.

Я уже соединился с Уфой. Там, оказалось, формируется 2-й Уфимский корпус. Кому же я подчиняюсь? Мне оттуда ответ: «Вы находитесь на таком далеком расстоянии, что о подчинении не может быть разговора, действуйте сами. Только наша просьба, чтобы Вы отходили от Елабуги не торопясь, когда отходит флотилия».

Р.: *Это было когда — в августе—сентябре?*

М.: В августе—сентябре, подходило к осени дело. От Галкина я раньше получил телеграмму, а потом уже я мог связаться только с Уфой. В Уфе оказался 2-й корпус.

Р.: *Как далеко была от вас Уфа?*

М.: Чтобы мне до Уфы проехать на пароходе, взяло бы трое суток. А на лошадях можно быстрее, чем на пароходе. Пароход идет вверх по Каме и потом вверх по Белой, а тут можно это... Но ведь там же нет сообщения никакого, Вы не знаете ничего, что внутри творится. Там ходят банды чехов, там банды каких-то большевиков ходят, население держат под страхом и так далее. Это ужасное было положение. Я население не обвиняю в том,

что они помогали красным, — приходилось помогать. Бог знает, что проделывали с ними.

Когда выяснилось, я написал подробно, как я буду теперь отходить, какие средства для переправы мне нужны, мне переправить 200 голов скота. Ответ получаю, что это всё будет выполнено (откуда — это уж я не могу Вам сказать, это пароход привозит всё), подписан не только Озолиным, но и Феодосьев подписал. Потом я говорю: «Наверное, спяну подписал». Атак он сказал, что оставить Молчанова, раз он воюет за какое-то правительство. Я не знаю, как втёрся такой ненужный совершенно человек, вредный человек для всякого противобольшевистского движения.

Когда мы отошли к Челнам, уже близко к Челнам подходит флотилия красных. В Челнах стоят небольшие суда-буксиры, а большие суда ушли уже вверх по Каме. Я стараюсь как-то привлечь криками — ветер, ничего не слышат на этих судах. Стреляю из винтовок — ничего, отклика никакого, и ни одной лодки не оставлено на этом берегу, ни одной лодки нет, чтобы поехать туда. В конце концов я сказал: «Стрелять пушками». Выстрелили пушкой, а у нас пушка была такая, что надо в дуло смотреть было — наводить, не было прицела. А замок открыл, посмотрел, навёл ее — и качай впрямую. Выстрелили, и в конце концов подходит катерок. Он говорит:

— В чем дело?

Я говорю:

— Вот в чем дело.

Сел, сейчас же поехал к Феодосьеву. Феодосьев пьяный, но все-таки я с ним кое-как сговорился. Он, пьяный, сказал:

— Передайте приказ «Чехословаку»: отогнать!

Тут вышла эта баржа большая, два выстрела сделала — красные подались назад сразу.

Он дал перевозочные средства, всё прекрасно шло. Целый день переправлялись, коров не смогли переправить, так и оставили. Под 200 коров оставили красным — тех, которых мне в подарок поднесли крестьяне.

Р.: *А почему не могли перевезти?*

М.: Не дал перевозочных средств, ничего не дал такого. Потом говорит: нет у него. Почему же не подготовился? Конечно, были у него, но он просто торопился уходить, уходить в свой «Верден». А потом пропустил этот «Верден». У меня роту забрал, и ничего

эта рота абсолютно не сделала. На берег не высаживалась, по судам и шла с ними вместе.

Теперь мне Уфа говорит: «Теперь Вы поступаете в наше распоряжение. Отступайте, ваше отступление: Челны — Мензелинск — Бирск». Бирск — это уже находится на Белой. Мне даже указали срок: «Всё зависит от того, как будут у Каппеля дела. Вы находитесь уже сейчас далеко впереди Каппеля (по отношению к Уфе), и поэтому каких-либо тяжелых боев не принимать».

Между прочим, еще такой интересный случай. Я решил в самих Челнах части свои не оставлять, а отвести их за 15 верст, где по местности была прекрасная позиция, и не бояться уже так за тыл. В тылу ходят какие-то шайки, постреливают. Из деревень получаю каждый день донесения, что пришли какие-то, старика убили и сказали, что всех убьют, если не отдадут деньги столько-то. А оказывается, это не Красная армия, а какие-то красные банды и одиночные чехи. Разбойников набирали, и они грабили народ. Если попадались ко мне — я их всех расстреливал, без всякого суда.

Но вместе с тем я решил оставить одну пушку в Челнах, чтобы хоть один пароход красных подбить прямой наводкой. У меня командовал этой знаменитой батареей донской казак, хорунжий (казачий подпоручик) Сапожников. Парень лихой такой. Это интересно (рисует схему. — *Ред.*) вот вам Кама, здесь Челны. Я вот здесь поставил пушку, чтобы отстреливаться. А здесь находился большой элеватор, где ссыпался хлеб, он примерно пять этажей был. Я приказал занять его одному батальону с пятью пулеметами. Здесь пристань находилась посредине.

Я остался... вот сейчас здесь в Конкорде живет, сейчас он уже подполковник (в Гражданскую войну заслужил), Блинов⁹³, он прапорщиком был, вроде адъютанта при мне. Затем мы остались с ним; это всё ушло, а эти остались здесь. Такой был полковник Калашёв, командир батальона. Я ему приказал: «Всё, что подойдет к пристани, — это в вашем распоряжении. Отстреливайтесь пулеметами, но если высаживаться будут, — мешайте высаживаться, но никаких боев не принимайте, чтобы никаких потерь у вас не было». И вот мы подошли с Блиновым к берегу. А моё передвижение что: из Елабуги взял «линейку»⁹⁴ в пожарной команде. У меня и лошадей нет, ничего нет. В пожарной команде пара лошадей, которые от жиру уже еле могли передвигаться, им нечего было там делать — пожары редкие были, расстояния

Елабужский и Сарапульский уезды Вятской губернии.

Фрагмент карты-схемы из кн.: Урал и Прикамье. Ноябрь 1917 — январь 1919.

Документы и материалы / сб. под ред. М. С. Бершитама. Париж, 1982

короткие. И вот мы выходим, вдруг я слышу: с нашей стороны выстрел. Бежим туда, где эта пушка. А при пушке я оставил полуроту (так человек 40), охрану этой пушки, — ни пушки нет, ни охраны нет... Скатилась только по Каме. Поднимается канонерка медленно, медленно идет вверх по течению. Ни одного человека не видно. Куда этот выстрел пролетел — неизвестно. Потом я Сапожникова спрашивал, он сам мне говорил: тоже не знает, куда-то полетел... При виде военного судна все они испугались, этот самый хорунжий Сапожников и реалисты-гимназисты при пушке там были. Когда, окрашена в военный серый цвет, идёт, медленно поднимается, видно эти установки пушек, и ни одного человека нет.

В это же время идет, и полным ходом идет, пароход «Межень» — это самый лучший пароход Казенного ведомства был, на котором совершил путешествие Государь Император в Кострому на Романовские торжества⁹⁵. Этот пароход знали все. Когда я еще мальчишкой был, и этот «Межень» проходил — мы гордились им. Самый лучший пароход был, самый сильный пароход был на всей Волге ([среди пароходов] такого размера, конечно, — он маленький). Он на Каму пришел, пришвартовался к пристани. Вдруг я вижу: открылась стрельба этих пяти пулеметов по будке, где управление парохода. Щепки летят, дерево летит. Этот пароход сейчас же задним ходом (что против всяких правил), задним ходом по течению ушёл, из-под выстрелов в момент ушёл. А потом оказалось, что на пароходе был командующий красной флотилией, всеми морскими силами Раскольников⁹⁶, бывший русский офицер.

Ну, всё кончилось. Я приказал батальону отходить, а дальше началось следующее: нужно было угадать, где будут высаживаться красные. Я решил, что высаживаться они, во всяком случае, в Челнах не будут. Невыгодно удерживать, у них тыл такой будет, что они будут припёрты к реке, и больше ничего. А их пехота ясно и определенно пойдет, выстроится там, где больше селений, чтобы брать с населения больше питания всякого. Это как раз был угол такой, я считал, где в Каму впадает Белая.

[Остановка записи.]

А он уже, якобы, рота была там, потом мне офицеры говорили: они не слезали с парохода. (Рисует схему. — *Ред.*) Это Кама, здесь Белая, пошла она на Уфу уже. Здесь я высадился. Я решил,

что они переправятся где-то здесь. Здесь было много маленьких селений, где население не было обобрано.

[Остановка записи.]

Это большой город всё-таки был, там 17 000 было как будто. Кама идет вот так. (Показывает на схеме. — *Ред.*) Здесь река Вятка впадает в Каму. Здесь город Чистополь, где я родился. Дальше идет, здесь город Лаишев, и здесь уже Кама впадает в Волгу. Казань будет здесь, Волга пойдет уже вниз. Казань 60 верст вверх от этого устья [Камы]. Уфа далеко, здесь — на Белой. Здесь Мензелинск.

Мы в 12—15 верстах <от Челнов> на новые позиции встали, а в этот угол я направил один батальон, я его отправил сюда, в Челны, в угол Камы и Белой, но не подходя к реке, я ему сказал. А всё, что переправится, — его обязанность была сбрасывать в воду, но не держаться, чтобы он не подвергся артиллерийскому обстрелу со всех судов.

Р.: *А красные с юга подходили?*

М.: Да. Красные могли и отсюда переходить, где угодно. Ижевск только немного держался в это время и Воткинск, а здесь это уже всё в их распоряжении было. А я отходил так: на Мензелинск. И всё приходилось держать не на запад, казалось бы, а направление было на север, потому что с запада нам не угрожал никто (где-то там был Каппель), а только мелкие банды. А здесь уже регулярная Красная армия появилась. Вот здесь я был. (Показывает на схеме. — *Ред.*)

В это время ко мне подошел на усиление отряда 13-й Уфимский батальон под командой (сразу большой чин) капитана Модестова⁹⁷ (между прочим, он был здесь и умер здесь). Меня усилил. Я его сразу послал на то же место, где был Калашёв (батальон этот), в углу. Я приказал Модестову: не ввязываться в большой бой, а с тем, чтобы только не быть под обстрелом красной флотилии: «А тех, которые подходят, — сбрасывайте их обратно в реку». Что он два раза выполнил, готовился к третьему разу. Я ему приказал отходить, потому что обстановка выяснилась: все наши суда уже прошли, пристань Дюртюли — красная. То есть у меня получился противник с востока (моё главное направление на восток было) и с севера. Мне пришлось занимать эту пристань Дюртюли и до этого шоссе большого. Большое протяжение было — верст семнадцать, получилась у меня позиция, которую

мне нужно было занимать во что бы то ни стало. Но ввиду того что ко мне прибыл этот батальон, это мне много помогло. Он прибыл с двумя пулеметами и одной пушкой. У меня оказались две пушки. Потом мы еще в одном из боев при отходе забрали пушку. Оказалась у меня уже батарея с двумя хорошими орудиями, с прицелами, уже всё как следует.

Здесь страшно было за свой тыл. Когда мне сказали: «Мензелинск — ваш, его займите, пока вы держите Дюртюли. Как вы бросили Дюртюли, Мензелинск уже будет под...»

[Остановка записи.]

...со всех сторон у меня, понимаете, нужно было драться. Тогда она занята была. Мы уже имели сведения оттуда, беженцы были — Елабуга была занята, и начали они там зверства опять.

Р.: *Вы отдали Елабугу без боев?*

М.: Без боев. Потому что эти все бои происходили уже здесь, они [красные] шли на Ижевск, подходили. Там, например, такой (где вот этот, отец как раз был), стекольный завод⁹⁸ был, здесь где-то в нескольких верстах, он был занят красными. И красные не обращали внимания на Елабугу, они обращали внимание на Ижевск, он им нужен был. А в Елабуге — действовала их флотилия, здесь никто не мог сидеть, им она не нужна была. Они ее заняли маленьким отрядом, и этот отряд там потом зверствовал.

А вот здесь, в Казанской губернии, недалеко, против Елабуги, был город Мамадыш. И ко мне пришел оттуда священник, он шел через Елабугу, бежал оттуда, где-то священником был. Он мне и рассказал, что там делается. Там абсолютно всё: «Ах вы с Молчановым были?! Вот вам!» — Тут и пошло...

Р.: *А Ижевск и Воткинск они забрали?*

М.: Да. Вот когда уже я слышу, что Ижевск сдан, Воткинск сдан. Воткинцы построили мост через Каму, по мосту переправились. Громаднейший мост построили, конечно, временный он был, состоял из баржей на якорях и так далее. Но они построили, это их инженеры были молодцы. Они перешли.

У меня оказалось: все-таки такое расстояние здесь получилось большое, что здесь какие-то действующие части нажимают на меня с востока (где мой главный отход — на восток). В общем, мы всё время отходили, постепенно мы отходили. Были такие переброски, когда я отходил, мне говорилось так:

«передает Уфа» (до [того], когда Уфа была, они мне никаких указаний не давали, это удивительная вещь). Потом я встретился, мой приятель был генерал Пучков", здесь вот он умер. Он начальником штаба был у генерала Люпова¹⁰⁰, командира корпуса. Они никаких указаний мне абсолютно не давали. Иначе говоря: «Действуйте, как хотите». То есть я им совершенно не нужен, а что у них части формируются в тылу, а им эти добровольцы — вроде не нужны. Молчанов был для них какое-то, и думаю, черное пятно на белом фоне. Во-первых, появились сводки в Уфе и передавались мне: назывался «Молчановский отряд подполковника Молчанова»: то-то, то-то произошло. Почему они называли «Молчановский отряд» — Бог их знает. У меня он назывался — Прикамский отряд, и больше ничего. И потом я вместо Елабужского полка, из всех этих частей, которые там набрались, организовал **Прикамский полк**, чтобы никого не обижать — ни Елабугу, ни Чистополь, никого не обижать. Там станция Соколки была, тут отряд образовался, он у меня потом вторым батальоном в полку был.

Люпов, это был генерал-лейтенант Генерального штаба, и тогда подполковник Пучков был у него начальником штаба — мне никаких распоряжений абсолютно не давали. Я говорю, что для них я был что-то такое совершенно ненужное: дерись, а там... мы готовим тут армию, а ты ни к ч-ту не гош. Вот такое впечатление у меня было. Такое впечатление у всех у нас офицеров получилось, что мы до конца должны погибать, а кто-то за нашими плечами, за нашими головами готовится. Может быть, оно правильно было, если бы они сорганизовали что-нибудь. А они ничего не смогли сорганизовать настоящего, добровольческого, а всё получилось у них — вот только добровольческий 13-й Уфимский полк, с которого батальон ко мне пришел. А потом, при дальнейшем отступлении весь полк ко мне пришел, три батальона.

Р.: *А эти Ижевцы и из Боткинского завода — они были добровольцами?*

М.: Да, это всё рабочие.

Р.: *И они к вам присоединились?*

М.: Нет, они уже перешли сюда, ими командовала Главная ставка. Здесь формировались они где-то далеко, на север от нас. Образовалась Ижевская бригада, которой потом я принял командование. Для меня они неизвестны были: рабочие, социал-исты-революционеры.

Р.: В то время Вы их не знали совершенно?

М.: Не знал совершенно. Я знал их только, как я говорил Вам уже, когда я разговаривал с [их] начальником штаба по телеграфу. Я ему хлеб послал, а он мне — винтовки. Я получил от них винтовки и отослал им хлеба, сколько я мог. Но потом они прекратили [поставлять] винтовки, потому что у них самих недостаток был. Они давали их воткинцам, так как у воткинцев не было выделки, это был судостроительный завод и машиностроительный, вагоностроительный завод. Потом они делали там и пулеметы, исключительно ружейный завод.

Потом там оказался какой-то (тоже подполковника) отряд из рабочих, где-то там высоко (к северу. — *Ред.*) в Пермской губернии есть село Михайловское, там какой-то завод был, я сейчас не помню, из них образовалось добровольческое соединение¹⁰¹. И командовал офицер, переменивший фамилию на какую-то татарскую, потому что оставил свою семью там, — очень доблестный, потом я с ним при дальнейшем отходе вошел в сношение кое-как. А так это всё было кустарно, не было управления.

Р.: Это осень 1918года?

М.: Да. Потом прислали мне весь 13-й полк, под командой капитана Карпова, редкостный офицер во всех отношениях, изтой молодежи, которая училась, сама себя образовывала. Доблестный офицер! У меня отряд получился: два полка, конный дивизион, артиллерийский дивизион. В артиллерийском дивизионе было 6 пушек — 3 батареи мы считали. Затем, ввиду того что я забирал всё медицинское с собой, я организовал полевой госпиталь. Когда я присоединился к другим частям, он сразу обратился в большой госпиталь, развернули его в армейский госпиталь. Всё у меня было подготовлено: я и медицины (медикаментов. — *Ред.*) собрал много, и докторов привёз туда, брал уже таких, которые действительно хотели воевать. Такой как был у меня в полку доктор Морев, большой организатор, сестёр набрал. Сестры ведь у нас какие были — необученные совершенно, добровольцы, жены офицеров и так далее.

Р.: Вообще все у Вас были только добровольцы?

М.: Да.

Р.: Вы никого не мобилизовывали?

М.: Никого. Морев образовал школу при госпитале и выпускал сестер милосердия. Набрали мы докторов, до того дошло, что были у нас евреи — милости просим. Затем был молодой доктор

из Елабуги, только что окончивший, большой приятель моего отца. В Алнахах он был доктором (где мой брат был), оттуда я его вытащил, я говорю: «Забирайте, Коля, все медикаменты, что нужно, пусть красные дают тем». И как эти крестьяне помогали, чтобы для воинов это всё собрать, сами собирали. «Они придут — пускай намдадут. Мы получим, выйдем от них», — говорили. У меня обоз громаднейший получился. Что же делать, понемногу мы рассасывались и так далее. Организация пошла правильно: передовой пункт, затем перевязочный пункт прекрасный, а потом госпиталь — всё было. Тут уже начали называть меня начальником отряда, не говорили «подполковник Молчанов», а просто «начальник отряда». В это же время, по-видимому, у них в Уфе было недоверие ко мне как к саперному офицеру.

Р.: *У Вас сколько было солдат в Вашем подчинении, в Вашем отряде?*

М.: Больше семи с половиной тысяч. Это был большой отряд. Если бы нам дали винтовки, если бы нам сказали, что мы пойдём куда-то формироваться, я мог бы вывести тысяч 15, чтобы со мной пришло. Но с тем, чтобы их отправить. Они были молодежь, крестьяне, которые не были нигде, а их старики заставили идти: «Иди, нужно помогать». Но я отказался. А если мобилизация, то она бы по счету дала от 30 до 35 тысяч. Мобилизация — [там,] где заявлено было, что «мы не хотим идти добровольцами, боимся за семьи, а мобилизуйте нас». А мне ответили, что я не имею права мобилизовать ни одного солдата.

Когда я был в одной из деревень под Мензелинском, мне вдруг говорят: «Отдайте приказ о мобилизации населения, такого-то возраста». Дали небольшой возраст — 2—3 года. Башкирское население: татары, башкиры, русских нет совершенно. Объявил я — приходят. Мне донесение: маленькая стычка, все эти мобилизованные пропали, ч-рт с ними пропали, но они винтовки унесли. Еду я как-то, где этот самый пункт,... иду туда посмотреть на них, как они записываются. У нас это при волостном управлении было. У них были специалисты (от воинского начальника еще остались), всё идет правильно. Вдруг меня хватает кто-то за рукав:

— Ваше Высокоблагородие, это ты!?

Я смотрю: у нашего доктора во время Великой войны он был денщиком. И страшно любил меня. И знаете, за что? Вот только тут он мне и сказал: за то, что я очень хорошо обращался с мадамой, с докторшей, никаких любезностей не говорил:

— Вы, — говорит, — единственный только пили чай.

Он говорит мне:

— Не бери этих, я тебе несколько человек хороших добровольцев дам.

Он сам башкир. Я говорю:

— Ладно.

Только закончился этот день, я сказал: «Распустить всех мобилизованных по домам». Этот мне привел 18 человек из своей деревни, а он уже был там как фронтовик, в деревне выборный был. Он хороший человек был. Эти 18 человек — я их всех назначил в команду разведчиков, мне как раз нужны были татары, которые тут были. И они не изменили [мне], они остались с полком, постепенно выбывали, конечно, убитые и раненые, но они остались. Вот вам случай такой.

Как можно было добывать [людей]? Забыл я фамилию священника, который [у нас] был, большой оратор. И вот среди смешанного населения, где-нибудь в селе, созываем сход, он говорит речь. Но он так зажигательно говорил: о том, какая великая Россия, как нужно ей помочь, что ее разваливают эти большевики и так далее. Сразу записывались добровольцы.

Р.: *Вы силой не заставляли?*

М.: Нет. Вот похороны убитых, он и говорит речь. А крестьяне эти все — башкиры, татары и православные — идут и слушают. Они любят помолиться об умерших, а еще и об убитых. Как он только слово надгробное сказал — несколько добровольцев записывается. Так они уже и оставались. Большой оратор был, умел говорить с крестьянами. Забыл его фамилию. Но потом он заболел, отстал, и его отправили куда-то в тыл, так я и о нем больше ничего не знал.

Р.: *В это время вы получали снабжение — военные припасы — из Уфы?*

М.: Ничего. У них ничего не было у самих, мы всё питались только от красных. Мы от них пулеметы брали, мы от них брали патроны. В это время солдаты прекрасно дрались.

Р.: *Почему же вы тогда отступали?*

М.: Потому что обстановка была такая. Я итак уже выдвинутый был по всему фронту. Мне приказывают отступить. Я отступал в Бирск. Почему я отходил: у меня ничего нету, постепенно фронт переворачивался вот так, на юг. А ведь здесь у меня только всё было с севера, откуда у меня не должно было быть никакого

противника, а у меня оттуда противник. Я в самом Бирске не был, а только в семи верстах от него стоял, у меня штаб там был, позиция была прекрасная. Я стоял очень долго там.

В конце концов Люпов был смнен генералом Войцеховским¹⁰², и сразу всё переменялось. Он сразу стал интересоваться всем. Это уже зимой было — с 1918 на 1919 год, в ноябре или декабре 1918 г. Я к Бирску подошел уже, когда была зима, всё было льдом покрыто.

Р.: *А почему вы не вошли в сам Бирск?*

М.: Там два штаба были, которые ничего со мной не могли делать. Штаб корпуса, он мной не интересовался. Ни разу никто не приехал из штаба корпуса, я стоял там месяца три. В семи верстах, барский дом Баумгартена был, прекрасная помещицья усадьба.

Р.: *А солдаты ваши где?*

М.: Впереди там несколько деревень занимали они, прекрасные были окопы вырыты у нас, там мы жили хорошо, обжились хорошо. Затем слава обо мне пошла большая во всем Бирске, этому командиру корпуса никакой большой рыбы не продадут, а привозят всё мне.

Р.: *А деньги откуда тогда вы получали?*

М.: Это когда я уже сошел, то оттуда начали выдавать жалованье, присылать жалованье из корпуса, из Уфы. Я уже теперь и не помню, какое жалованье. Они переехали и здесь временно только жили. Я не знаю, для чего они тут жили. И тут же штаб 4-й дивизии, а полк один — 13-й полк — был у меня. А остальные полки в это время где-то в Сибири формировались, а он стоит тут и не управляет. И ни разу никто не приехал в этот полк из штаба, ни разу командир корпуса не поинтересовался узнать, что я из себя представляю, приехать ко мне. Просто не обращали внимания на меня: дерись, и больше ничего. Когда я требовал себе какое-либо обмундирование, 14-я дивизия отвечала: «Вы не состоите у нас в дивизии». Командир корпуса говорит, что мы не знаем, к какой Вы дивизии принадлежите. И я не знаю. Мне говорят: «Вы должны получить от своей дивизии». А от какой дивизии — я не знаю, что за дивизия, где она?

Р.: *Вы сами организовали отряд, без всякой дивизии?*

М.: Да. Вдруг меня вызывает к телефону из Уфы Войцеховский. «Я, — говорит, — теперь Ваш начальник. Пожалуйста, полностью мне доложите, что Вы можете сказать про своё

[положение]». Я с ним разговаривал не по телефону, а по телеграфу Юза¹⁰³, наверное, часа полтора. Я всё ему изложил. Он говорит: «Не стесняйтесь, день и ночь — когда угодно, будите меня и докладывайте мне, что Вам нужно». Сразу я почувствовал, что какая-то надо мной есть рука, которая будет управлять. Он изложил всю обстановку. «Вся, — говорит, — Ваша задача состоит в том, чтобы не задерживаться долго, а только прикрыть фланг Каппеля, который изнывает». И вот он мне отдавал задачи. А Каппель находился здесь, он от Самары отступал.

Я почувствовал, что есть кто-то, кто будет мной управлять. Он мне так говорил: «Полковник, задержитесь в Бирске», когда уже все ушли штабы, после маленьких боев. Я в Бирск перешел. И у меня уже только здесь была позиция, и позиция там, на Уфу, по берегу была, небольшая позиция. Это в декабре было. Он мне говорит: «Вы держитесь не больше трех дней, а потом дальше отходите». Это у меня тыловая дорога была — там уже через горы надо переходить, Урал, Дуваней такое место было, туда переходить. Он говорит: «Задерживайтесь только постольку, поскольку Вам нужно, потому что Вы находитесь примерно в 200 верстах впереди другого фронта. Вам нужно только немножко подходить-подходить». И мне так отходить не на Уфу, а на восток, где были проходы через Урал. В конце концов я подошел, и фронт был мой на запад и на север. Потом уже случилось в переходе, случилось так, что фронт был у меня и на запад, и на восток, и на юг (только не на север).

Р.: *А когда вы перешли Урал ?*

М.: Урал перешли мы зимой. Это, забегу вперед, — когда я был назначен Ижевской бригадой командовать.

Бирск мы оставили, потому что он совершенно не нужен был. Он мне сказал — два-три дня, а я продержался, может быть, неделю. Не отходил, потому что организовывал свои тыловые учреждения.

Р.: *А красные атаквали?*

М.: Красные всё время были, да. Но через реку было легко держаться: оба берега высокие, даже очень мало было мест, чтобы спускаться к реке. Здесь были совершенно отвесные берега, поэтому легко было. Мы только артиллерию хорошо подучили, она здорово работала, била в точки. Но красные почему-то не били Бирск самый. Я думаю, что это они просто обеспечивали для себя, чтобы их большие формирования были в Бирске и отдыхали

эту зиму. Большой город был, хорошие строения — иначе они бы гвоздили его. А они не гвоздили, стреляли здесь где-нибудь или здесь, по берегу. У нас были окопы вырыты заранее, они даже утепленные были — печки были в окопах. Легко было нам переносить эту зиму.

И вот я уже подошел к Уралу, здесь по карте могу показать — была деревня недалеко от железной дороги, которая шла через Урал, уже говорят: «Уфа оставлена». Во всяком случае я закрывал проходы, через которые возможно было проходить Урал и зимой. Тут бои были такие — очень смешные. Конечно, и красным не хотелось наступать, переходить из теплого места, не зная, возьмут они или нет. У них появились сразу и у нас появились — лыжники в белых кафтанах. Я своих разведчиков всех переделал в этих обоих полках — с легкими пулеметами Шоша, во всем белом, винтовки покрасили в белый цвет. Всё, как следует было, — белое, вы ничего не видели. Налеты делали на их деревни, панику устраивали, они — у нас. Вот тут-то и надо было создать контрлыжников, которые бы оберегали те селения, которые занимали наши войска. Я тогда сказал: «Это вы сами. Я вам даю халаты, даю вам валенки белые». Знаете, как мы их доставали? У крестьян доставали за спирт. Две бочки мой интендант вёз из Бирска, захватили две бочки спирту. За спирт мы всё, что угодно доставали. Мой Прикамский полк оделся — не из тыла получил от начальства, а оделся на эти две бочки спирта по 40 вёдер. Мы одели: валенки были, полушубки были.

Когда я пришел туда, там мне говорят: «Приходит к вам 42-й Уральский полк, который сменит ваш полк. Я все-таки считался начальником отряда и командиром Прикамского полка в то время. Он получает номер 32-й и входит четвертым полком в Камскую дивизию. Здесь же 13-й Уфимский полк присоединяется к своей 4-й Уфимской дивизии. А я получаю телеграмму: назначаюсь командующим Ижевской бригадой. Отряд мой расформируется, прекращает свое существование — подошли мы уже к месту, где имеются дивизии. Отряд уже в общей линии получается, отдельного отряда уже не было.

Я слышал, что Ижевцы — это какие-то социалисты, большевики, не подчиняются приказам и так далее. Я решил отказаться и просить, чтобы меня оставили командиром моего Прикамского полка, который я организовал, в котором меня все знали, которых я всех знал. Послал я телеграмму. Получаю ответ, такой обид-

ный ответ от начальника штаба, что командующий 3-й армией генерал-лейтенант Ханжин¹⁰⁴ приказал исполнять его приказы, а не входить в обсуждение его приказов, как делают большевики. Ох, думаю: будь он тут, я бы кого угодно пристрелил. Я ничего большевицкого не написал, но я говорю, что я боюсь, что я со своим вспыльчивым характером не могу командовать этими революционерами. Ладно, принять без разговоров — и никаких!

Ладно, еду туда. Когда вы приедете в штаб, там такой Дуваней... А я ехал один, в повозке, взял с собой только начальника связи, одного офицера, потому что мне сказано было, что у них хромает связь, а этот был у меня знаток связи. Туда я ехал больше недели, потому что нужно было пересечь Урал. Приезжаю в штаб 2-го корпуса, настоящего командира корпуса там не было, а был такой кавалерист Джунковский¹⁰⁵. Он говорит: «Я ничего не знаю — к начальнику штаба. Начальник штаба — подполковник Пучков, он Вам даст все сведения». Он дает мне сведения, что бригада многочисленная, 7 500 штыков в ней числится в данное время, имеется 2 полка, запасный батальон, большое интендантство, конный дивизион, артиллерийский дивизион. Говорит: «В плачевном состоянии всё снабжение, никто их не снабжал в свое время. Ваше первое [задание] — это выяснить, в чем вы нуждаетесь, донести в штаб корпуса, и мы сделаем всё, что можно. (Это было в начале февраля 1919 г.) Имейте в виду, что в начале марта будет уже наступление, в котором вы примете участие».

Но я сказал, что сперва заеду туда, где мой полк находится. Поехал туда, они меня проводили с честью, как следует.

Р.: *А где Ваш полк был?*

М.: Там, в деревне, недалеко в стороне стоял.

Р.: *За Уралом уже?*

М.: За Уралом, полк перешел уже. Вся дивизия уже перешла, вся стояла за Уралом. Там только держался небольшой кусок, где Каппель был. Да Каппеля отвели, а там уже просто части Уральского корпуса были, смешанные, держались по железной дороге. Потом еще много тут было чего с Уралом связано.

В общем, я приезжаю. Ижевцы не хотели меня. Я послал телеграмму, что я приезжаю тогда-то, приготовить мне помещение. Я въезжаю ночью в эту деревню, где расположен штаб, — никого нет, пустые улицы. Две улицы, большое селение. Я думаю: «Что это за ч-рт, что делать будем?» А со мной — я подобрал уже начальника штаба — капитан Агапьев (он прошел там год, что ли, в

общем, по Генеральному штабу был). Бывший командир корабля «Витязь», это был двухмоторный аэроплан. Ничего общего, что он учил. Он только мне всегда говорил: «Усиленные занятия мертвят дух и убивают всяческую инициативу». Поэтому он в штаб приходил позже меня. И доктор, сарапульский главный городской врач был назначен в эту бригаду бригадным врачом. Я их с собой вёз, мы ехали в две повозки. Приехали туда — нету ничего, никто не встречает. В конце концов вижу: какой-то едет верховой. Остановили его:

— Кто Вы такой?

— Я — комендант бригады.

Я говорю:

— Были ли Вам какие-нибудь распоряжения о том, чтобы отвести мне квартиру?

— Никак нет, — говорит, — не было. Но я решил Вас встретить.

Я говорю:

— Ну, укажите штаб.

Приезжаю в штаб, ночью — растрёпанные два офицера, прапорщики оба: прапорщик по оперативной части Ещин¹⁰⁶ и по хозяйственной части Коновалов. Может быть, потом слышали, был такой поэт — Лёнька Ещин. А потом уже долго у меня был он, как интеллигентный офицер, моим личным адъютантом. Я с ними разговариваю:

— Почему же это? Какое-нибудь отдано распоряжение?

— Никак нет.

А командует бригадой штабс-капитан Зуев, начальник штаба штабс-капитан Баев. Я говорю:

— Хорошо, господа, Вы мне отведите одну комнату — для меня и для моих, приехавших со мной. Нам хватит одной комнаты. А остальное — вы там живите. Но сейчас же разослать приказ, что всем начальникам отдельных частей явиться в штаб ровно в 8 часов утра.

А это уже было после 12 часов ночи. В 8 часов утра явиться, тогда еще темно. Я сразу нарочно сделал, чтобы им исполнить приказ, ночью приехать всем. В 8 часов все являются.

Р.: *Это было в феврале 1919года?*

М.: Это примерно было 13 февраля, в этих числах. Очень мало оставалось до того времени, как нужно было выступить уже на позиции.

Теперь, между прочим, я получаю от начальника штаба Щетинкина (ошибка: Щепихин¹⁰⁷. — Ред.) — уже там, когда я был у Ижевцев, — маленькую записочку: «Командующий армией приказал, что когда Вы сделаете смотр бригаде, донести ему: пойдет или не пойдет бригада в наступление». Утром собрались все.

Р.: Я хотел спросить Вас: каково было Ваше мнение насчет Уфимского Правительства, насчет Комуца. Вы были монархист. Почему Вы не реагировали, как другие офицеры, которые не желали работать с ними?

М.: И уехать в тыл? Значит, бросить [всё] совершенно? Я считал, что это позор — те, которые бегут от обязанностей, что нужно защищать, биться против большевиков, какое бы ни было вверху правительство. Комуц я этот самый не признавал. Я Вам еще не рассказал, как я признал Колчака¹⁰⁸. Это было до этого, когда я еще командовал отрядом, когда я был в Бирске. Это я должен вернуться.

Вы знаете, проходит слух, что в Омске произошел переворот и что во главе стоит теперь Колчак.

Р.: А Вы знали насчет Колчака раньше?

М.: О нем я слышал, конечно, как о герое Черноморского флота, что он там проделывал. Его признавал весь мир как одного из величайших адмиралов, главным образом англичане, они готовы были взять его к себе на службу, в Индийском океане командовать флотом.

Я сижу и жду, когда же об этом будет сообщение от генерала Люпова. Ничего нету. Вдруг приезжают семь человек агитаторов ко мне в отряд. Я говорю: «С какой целью вы приехали?» Они агитировать приехали за Комуц, шесть мужчин и одна женщина. Я говорю: «Господа, я вам этого делать у себя в отряде не позволю. Убирайтесь вы во свои свояси в Уфу, а если вы вернетесь — я вас всех арестую. Но никакой агитации у меня в моем отряде не будет. А я и боюсь, что если я своим словечком вас пушу агитировать, никто из вас живым отсюда не уйдет». Они у меня смылись.

Тогда я решил признать Колчака самостоятельно, раз ничего не делается Люповым. У меня один был офицер, штабс-капитан в штабе корпуса, который был, как про него говорили: «этот проклятый молчановец». Он мне всегда давал знать, что там творится. Я вызвал его по прямому проводу с Уфой и с ним разговариваю:

— Отошлите всех от Вас, я буду с Вами по секрету разговаривать, чтобы около Вас никого не было.

Он говорит:

— Слушаюсь! — А потом: — Можете говорить.

Я ему говорю:

— Можете Вы передать, не докладывая никому, телеграмму на имя Колчака в Омск?

— Для Вас могу.

Я диктую ему телеграмму, что я признаю его, Колчака, за Правителя и признаю его правительство, а Комуч я не признаю. Когда я получил от него сведения, что Омск принял эту телеграмму, тогда я доношу Люпову, что я признал Колчака и приложил копию телеграммы. Тогда Люпову ничего не оставалось, и он отдал приказ по признанию Колчака.

Настроение было... Вы говорите — поехать в тыл. Я считал [это] позором. Те офицеры, которые уезжали от боев, — спасали свою шкуру. Я этого не мог. Я считал, что каждый обязан был драться — не за какой-то Комуч, мне был он совершенно безразличен. Если бы он ко мне приехал, Комуч, так я не знаю, что б с ними было. Все эти члены Учредительного собрания, эсеры, там же ни одного приличного человека не было [среди тех], которые собрались, кроме Фортунатова¹⁰⁹. Он особым отрядом командовал и никогда не сдавался. И он ушел в свое время от Каппеля куда-то в Туркестан. Он бывший офицер, член Учредительного собрания был.

Если бы Вы предложили тем офицерам, которые были под [моей] командой, отправиться в тыл, — никто бы из них не согласился. Я считал, что те, кто едет туда, — это изменники своего дела. Офицеры нужны были на фронте! Особенно те остатки кадровых офицеров и высшие чины, все эти генералы. Почему они не пришли командовать нами, а почему они нас критиковали вовсю? И здесь у меня был даже разговор с такими, как генерал Будберг и генерал Манакин¹¹⁰: они у меня сидят в доме на ферме (*англ.* farm, ферма. — *Ред.*) и критикуют всех нас, всех «выскачков» (как они говорили) во время Колчака. А я возмутился и говорю:

— Вы, Ваше Превосходительство, как Вы можете говорить в присутствии моём?!

— Мы про Вас не говорим, это про других мы говорим.

— Вы и про других не имеете права [говорить], потому что Вы не пошли, — я говорю. — Вы, барон Будберг, занимали пост

военного министра — Вы укрылись! А почему Вы не пошли командовать корпусом, почему Вы не пошли командовать дивизией? Наладить это дело? Простите, потому что Вы не были подходящи для этого. Потому что Вы знали: дивизия, по-вашему, — это 14 тысяч штыков, а мы дивизией считаем — у нас до 1500 штыков доходило. И выполняли дивизионные задачи.

Р.: Вы рассказали мне о тех причинах, по которым Вы оставались на фронте. Интересно узнать насчет Ижевцев и Воткинцев. Расскажите мне, пожалуйста, как это случилось, что эти рабочие, большевики вдруг стали белыми?

М.: У них так это случилось: первое восстание было в Ижевске, в августе месяце 1918 года, 7 августа. Вся подкладка была такая: вернулись фронтовики в Ижевск. Это бывшие рабочие, бывшие механики, рабочие — главным образом вотяки¹¹¹, из прибрежных сёл и деревень, которые работали на этом заводе. На этом заводе кормилось очень много народу. Сам Ижевский Завод — это был казенный завод, он принадлежал казне. Как награда отличившимся рабочим там были царские кафтаны, которые они надевали, только когда ходили в церковь. Это был настоящий старый кафтан. И все они имели хорошее жалование, дома, участки при домах, это всё от правительства им давалось. Они жили зажиточно. И когда эти все вернулись и снова хотели приступить к работам, то тут начались поборы, что все они должны вступить в Красную армию и подчиняться вот этим большевикам, брать то-то, то-то, то-то с этого завода. Решили восстать. Восстали — и пошло, и пошло!..

Р.: Восстали против красной мобилизации?

М.: Против большевиков. Увидели, что они не для народа — для себя: «Они всё забирают, а мы — народ. Мы, которые работали, были на войне, страдали там, — они нас опять хотят в Красную армию забирать?! Не пойдем!» Винтовки-то были — они восстали. Крышка! И пошло... Они раз двинули, красных этих отбили, и пошло... Через десять дней присоединились Воткинцы, и у них пошла целая борьба. Это интересно, есть описание полковника Ефимова¹¹² «Ижевцы и Воткинцы», у него всё подробно было.

Это такой был вольный народ, которые жили — никто их никогда не притеснял. Они не захотели никакой власти, которая бы их притесняла. Вы не поверите, среди них были у меня, когда я принял бригаду, — они называли себя «большевики-мстители».

• Мы,— говорят, — "большевики" по Евангелию: "Возлюби Господа Бога своего и своего соседа"». Они дрались потом: сын рядом с отцом, отец рядом с сыном. В строю находились: 64 года отцу и 16 лет сыну, рядом стоят с винтовками. Это был известный подъем. И они не примирились, они рассыпались по всему миру, но они никогда не примирятся с этим злом. Они жили, как свободные люди, их никто не притеснял. Вы сами знаете, как там говорили: «Русский народ пухнет с голоду, потому что на нем подати, ч-рт знает какие». Пусть Гинс¹¹³ скажет, если он знает, [так] как он был по земледельческому делу, какие подати были.

В Вятской губернии — это я Вам скажу — и во многих губерниях земства были. Что это такое — земства? Это власть на местах. Я бы сказал, это более социалистическое, чем какое-нибудь государство было. То есть параллельно с властью государства существовала власть на местах, которая имела большое влияние, эти земства. Земство уездное, земство губернское. И вот отличились земства Вятское, Пермское и Тверское (это были земства, с которыми я познакомился через моего брата, который служил в земстве, его и выбрали мировым судьей от земства). Тверское земство — это было интеллигентное земство, образованное, потому что там много было дворян. Это как дворянское гнездо было, это земство. Но они страшно восставали против всех неладов при Императоре. Они делегации посылали туда, Государю Императору указывали на несправедливости по отношению к населению и так далее. Это я бы не сказал, [что] были революционеры, это были передовые люди, которые хотели что-то делать для крестьян, для населения. Школы строились — все по одинаковому образцу. Направо — школа, посредине — пожарная команда, а следующее — большое помещение, такое же как школа, занимали чайная и библиотека.

Затем возьмите, как продавались плуги крестьянам. Плуг был одноконный и парный. Это в земстве. Я знаю, потому что мой брат работал, моя тетка¹¹⁴ работала в лавке, которая всем заведовала. Одиночный плуг, американский продавался за 17 [рублей] с полтиной. Крестьянин платил 50 копеек в год за этот плуг. Парный плуг — двадцать два с полтиной, он платил в год 60 копеек за этот плуг. А остальные деньги земство собирало от себя. Все кустари — они стали под земством. Эти кустарные брали себе только 10% — «наживали», что называется, а всё остальное крестьянам шло. Это из березы всякие там портига-

ры, чего только не делали русские мужики. Вятский мужик из березы сделал часы деревянные, ни одной железной части не было. Подарили Государю Императору. Большие вот такие часы, которые находятся сейчас, я не знаю, в Эрмитаже?! Они шли, эти часы, их можно было заводить. И сделаны были только из карельской березы. Они из лыка сшили ботинки для Государыни Императрицы, послали ей. Получили за это 5 тысяч рублей, а за часы получили от Государя 10 тысяч рублей. Земство работало, оно еще не прошло в Сибирь... Это громаднейшее значение имело, я много знакомств имел с ними. Как это было организовано всё!

Вот когда они утром собрались все, я Вам сейчас расскажу. Командующий бригадой — штабс-капитан военного времени Зуев. Начальник штаба — штабс-капитан военного времени Баев. При штабе: образцовая отдельная стрелковая рота — поручик Коновалов выпуска 1914 года. Она состояла исключительно из ижевских гимназистов и реалистов. Их было 100 человек, но они маршировали, они все построения делали, как юнкера. Я их оставил с тем, что это будущие офицеры, [чтобы] их потом послать в офицерскую школу.

Первый Ижевский стрелковый полк: командир полка — поручик Михайлов¹¹⁵ военного времени. Командир первого батальона — штабс-капитан Астраханцев, военного времени (потому что он выше чином командира). Второго батальона — прапорщик Евдокимов. Третьего батальона — поручик Ложкин, тоже военного времени.

Второй полк: командир полка — подпоручик Ляпунов военного времени, не бывший на фронте, никогда не был под огнем. Командир первого батальона — штабс-капитан Посмосов, кажется (я все-таки немножко забываю его фамилию). Второго батальона — штабс-капитан Гребенщиков военного времени, из солдат. И третьего — штабс-капитан Куракин военного времени.

Р.: *Значит, никого не было...*

М.: Пойдите, Вы видите сами: подпоручик Ляпунов — командир полка, а штабс-капитан Куракин военного времени или штабс-капитан Гребенщиков, из солдат, — эти дослужились, они воевали.

Ижевский артиллерийский дивизион: командир дивизиона — прапорщик Кузнецов, **прапорщик!!!** Командир первого батальона — подпоручик (сейчас его фамилия тут у меня не

записана), второго батальона — поручик. А гаубичной батареей командовал штабс-капитан Яковлев. Разница какая: прапорщик командует дивизионом, а этим командует штабс-капитан.

Затем Ижевский конный дивизион: командир дивизиона — прапорщик Орлов, командир первого эскадрона — прапорщик ... (забыл его фамилию) и второго — прапорщик Багиянц¹¹⁶, который прибыл из Турецкой Армении, бежал оттуда искать хлеба, и вот нашел там (в Ижевске. — *Ред.*), ломаным русским языком говорил.

Интендант бригады — старый полковник (забыл его фамилию), который всю свою жизнь провел в Ижевском Заводе (там же военное начальство было, в Заводе). Вот те лица, которые мне представились.

Первым долгом мне сказали в штабе корпуса, когда я ехал туда: «Ваше дело — сменить начальников, мы Вам кандидатов сейчас же дадим — на командиров полков и на какие угодно должности». Когда они мне представились, я им сказал так: «Господа, я никого из вас смещать не буду. Вы остаетесь до тех пор, пока вы себя покажете способными начальниками во время военных действий. Для того чтобы не обидеть штабс-капитанов Зуева и Баева, у меня было уже — я выхлопотал, чтобы их отправить, если они пожелают, в Академию Генерального штаба в Омск. Я это предложил — они с радостью согласились: почетный выход им, что они едут в Академию. Затем говорю: «Я с Вами познакомлюсь, но имейте в виду, что всё — служба охранения, служба разведки — ничего нового нет, это всё идет по Уставу, который вы должны иметь у себя, и по Уставу поступать.

Теперь я сказал, что я буду делать постепенно прием их полков. И первый, куда я поехал, был 2-й полк.

[Фрагмент 5: перевод с английского]

М.: Во 2-м полку солдаты были в основном из деревень вокруг Ижевского Завода. Этот полк был выстроен, чтобы меня приветствовать, с оркестром человек из шестидесяти. Формы у них практически не было. Например, один из оркестрантов был в штатском, на ком-то были обыкновенные ботинки, на ком-то — валенки. Одеты были Бог знает как, но играли они превосходно. Я поздоровался и приказал стоять вольно. Затем я обошел этот полк и поговорил с офицерами и солдатами. В раз-

говоре с ними я выяснил, что единственная их жалоба касалась снабжения, а относительно их боевых качеств и готовности к бою было очевидно, что их боевой дух очень высок и что они могут идти драться в любое время.

Отношения между офицерами и солдатами были прекрасными, дружескими. Офицеры обращались с солдатами как со своими родными, иначе это не соответствовало бы традициям Ижевцев. У них офицерами были те, кто были более способными в военном деле. На мое приветствие они ответили, как в старой Императорской Армии: «Рады стараться, Ваше Высокоблагородие!» Меня это поразило, и когда я спросил командира полка, почему они меня так приветствовали, он ответил, что не знает, и обещал выяснить. Позже оказалось, что солдаты решили приветствовать меня в старом стиле, чтобы меня не обидеть и подчеркнуть тот факт, что они считали себя остатками старой армии, а не какой-то новой революционной армией.

Р.: А офицеры, которые командовали этими полками и ротами, сами были из окрестностей Ижевска ?

М.: Да, все они были из Ижевска. В этой дивизии они сами выбирали офицеров из числа тех, кто пользовался наибольшим уважением среди солдат и кто мог стать самым лучшим командиром. В общем, этот полк произвел на меня прекрасное впечатление.

Я приказал, чтобы все, кто был старше 55 лет, сделали несколько шагов вперед. Таким образом, я выяснил, что самому старшему в строю было 68 лет, а рядом с 64-летним стариком стоял его 16-летний сын. Я спросил: «Как вы себя чувствуете в бою?» И старшие мне ответили: «Во время наступления мы еще можем поспеть за врагом, но при отступлении мы отстаем, не можем идти вместе с молодыми». Я сказал этим старикам, что им не нужно будет больше наступать, потому что до следующего боя я отправлю их на разные должности в тыл, заменяю их молодыми солдатами. Я добавил, что они будут работать в Интендантстве. Молодые сразу закричали: «Ура!», так они были рады моему решению.

В этом полку было сорок верховых, это была команда разведчиков. Это была их традиция — разведка у них всегда была конная, но у них не было сёдел, и большинство этих молодцов сидели на подушках. Вообще ситуация со снабжением у них была ужасная. Мне было очень жаль смотреть на этих солдат. Ведь это

было зимой, было очень холодно, а большинство из них были плохо одеты. Кроме этого, я пообещал им только одно: что все командиры будут проверены в первом же бою, и тогда я смогу подумать насчет перестановок.

1 -й полк был во время смотра несколько менее дисциплинирован, чем остальные, но они, конечно, знали, как обращаться с винтовками. Я медленно обошел и осмотрел их строй. Оркестр у них был такой же, как и тот, который я уже слышал. Я сказал им: «Я никого из вас в бой не возьму, если вы не будете одеты, как следует».

7-я рота 1-го полка состояла исключительно из бывших мастеровых Ижевского завода. Это были образованные люди, и о них говорили так: «Они не любят дисциплины, но в бою они всегда первые». Я не придавал большого значения дисциплине во время смотра, но понимал, что первое, что я должен был сделать, — это привести их в «христианский вид», что касалось одежды и формы. Я тогда назвал их «оборванцами».

Р.: *Как Вы думаете, почему Вас назначили командовать именно этой дивизией?*

М.: В штабе считали, что я особенно отличился в качестве командира повстанческого формирования, и мне доверяли. Они мне сказали: «Если Вы могли командовать целым соединением даже без начальника штаба, и при этом поддерживать дисциплину и хорошее снабжение, то Вы сможете это повторить». Я думаю, что большую роль в этом сыграл генерал Войцеховский.

Р.: *Вы тогда уже были знакомы с генералом?*

М.: Нет, но я познакомился с ним позднее, и я думаю, что он мог судить обо мне по моим действиям в предыдущие месяцы. Он был единственный генерал, который действительно понимал военную обстановку того времени и отдавал распоряжения, которые были выполнимы. Даже генерал Каппель иногда отдавал приказания с точки зрения дивизий, забывая тот факт, что наши дивизии часто состояли не более чем из 1500 человек, в отличие от обычной численности дивизии в военное время примерно в 14 000 и в отличие от численности дивизий советов, которые превышали наши, по крайней мере, вдвое. У советов было три полка (в дивизии. — *Ред.*), а у нас было четыре, но наши полки были очень, очень малочисленны.

Р.: Как оценивало Ижевскую дивизию Верховное командование Белой армии до того, как Вы стали ею командовать?

М.: Она считалась просто одним из воинских соединений, и еще не заслужила своей славы.

Р.: Другими словами, Вам дали трудную и очень ответственную задачу?

М.: Да. После смотра дивизии я понял, что это была для меня очень ответственная и сложная задача, своего рода вызов. Между прочим, за короткое время я похудел примерно на 14 фунтов. Вообще я был единственным офицером кроме уже упомянутых, которых я привез с собой. Их солдаты сами не выбирали.

После 2-го полка я осмотрел и 1 -й полк. Я сказал им то же самое насчет бойцов старшего возраста.

У меня был интересный случай во время смотра артиллерийского дивизиона. Им командовал прапорщик Кузнецов. Я подумал: «Боже мой, достаточно ли он знает, чтобы командовать артиллерийским дивизионом?» Первое, что они мне сказали — это то, что зимой они везли свои пушки отдельно от зарядных ящиков. Но поскольку они везли пушки на санях, при необходимости они могли затащить их на склон в 45 градусов, и пушки не переворачивались. Я обнаружил, что перевернуть сани было действительно практически невозможно, и это нам очень пригодилось в дальнейшем. И что меня больше всего поразило — это то, что они могли подготовить пушки к бою не более чем за три минуты. Командир этого артиллерийского дивизиона <Кузнецов> очень хорошо знал математику. Он умел направить огонь так, что после первого выстрела всегда попадал в цель, и когда красные с нами воевали, они всегда по точности выстрелов узнавали, что в них стреляла артиллерия Ижевского полка. В этот момент они сразу начинали убирать свои пушки из-под огня, потому что знали, что иначе все они будут уничтожены.

В некоторых книгах, опубликованных советами, упомянут тот факт, что Ижевская дивизия дралась превосходно. Например, в «Красном архиве» было дано подробное описание всех наших боевых действий и наших основных битв с точки зрения советов. Позже я расскажу Вам о сражении под Челябинском. Верховное командование нашей армии приняло решение загнать там красных в тупик. В теории этот план был прекрасным, но они не учли, что боевые качества Белых армий были не на высоте. Например, некоторые соединения, которыми командовал генерал

Каппель, не были сильными боевыми соединениями, потому что значительное количество солдат в них было мобилизовано Белыми властями, но они не хотели воевать и быстро перешли к красным.

Красные хотели окружить нас левым флангом своей 5-й Красной армии, и я, чтобы поддержать 13-ю Сибирскую дивизию, которая была прекрасно оснащена и хорошо подготовлена, должен был защищать этот фланг. 13-я дивизия пошла в бой и хорошо дралась, но когда по ним ударила тяжелая артиллерия красных, они повернулись и побежали. И тогда я должен был их поддержать. Это происходило гораздо позже, я упомянул это здесь, чтобы проиллюстрировать то, что в некоторых советских книгах об этом сражении написано: «Наши красные войска сражались успешно, и вдруг появился Молчанов со своей Ижевской дивизией, и они нам всё испортили». Мне бывает неловко от такой похвалы, потому что зачастую это преувеличение.

Вернемся к моему первому смотру Ижевской дивизии. В кавалерийском дивизионе обмундирование было ужасное, во 2-м эскадроне большинство сидели не в седлах, а на подушках. У меня осталось очень плохое впечатление, но я узнал, что командир 2-го эскадрона, армянин по фамилии Багиянц был исключительно храбрым, и этого мне было достаточно.

Наступление белых, весна 1919 г.

Вскоре после смотра я получил приказание передвинуть свою бригаду на передовые позиции к 6 марта 1919 года и подготовиться к генеральному наступлению. Меня включили в состав 3-го Армейского корпуса, которым командовал генерал Голицын¹¹⁷. Однажды он приехал к нам для смотра дивизии. После он ничего не сказал, но по выражению его лица я понял, что он посчитал нас полнейшими оборванцами. Вызвано это было тем, что некоторые другие его полки, например, в 7-й Уральской дивизии, были выучены по довоенным прусским стандартам. В этой Уральской дивизии 25-й полк назывался полком Адмирала Колчака. Это меня поразило, потому что я считал, что полки не должны носить имена тех людей, которые еще живы.

Во время наступления я дал своим двум полкам приказ наступать параллельно в две колонны, на расстоянии примерно 6 верст друг от друга. Сам я всё время передвигался зигзагом

от одного полка к другому. У меня было только два полка и запасной батальон. Этот батальон двигался сзади, и когда кто-то из бойцов в этих двух полках был ранен или убит, его заменяли кем-то из запасного батальона. Это была моя система. Я отдал приказание, что во время атаки командиры, офицеры и солдаты не должны заниматься ранеными или убитыми. Они должны продолжать атаку, а раненых подбирали женщины, которые шли на некотором расстоянии позади.

<Мы заняли позицию. > Во время этого наступления у меня не было возможности произвести никакой разведки. Всё, что я знал, — это то, что я должен начать наступать на рассвете 6 марта 1919 года. Рассветало около 6 часов утра.

Начинал уже таять снег, и небольшие ручьи становились полноводными. В том районе, где мы должны были наступать, не было мостов. Мы пересекли Уральские горы с востока на запад без боев, так как в горах красных не было, они были в западных предгорьях. В горах было очень красиво; мы пересекли Урал без всяких трудностей и пришли на помощь 14-му Уральскому полку, который стоял на передовой.

Слева от нас находились 25-й, 26-й и 27-й полки, каждым из них командовал генерал. К девяти часам утра мы заняли район, который должны были занять к концу дня, и продолжали двигаться очень быстро. 3-й батальон 1-го полка натолкнулся на пулеметные гнезда. Они размещались на небольшом холме и простреливали тот участок, который нам нужно было перейти. Командир этого батальона, поручик Ложкин закричал: «Ребята, они не смогут нас всех перестрелять. Закидывайте винтовки за плечо, вынимайте свои ножи и пошли атаковать эти пулеметные гнезда!» И что Вы думаете? Красные не смогли удержаться, их охватила паника, и они сбежали, бросив свои пулеметные установки. Так что мы выполнили свою задачу.

Слева от моего 2-го полка был 25-й полк 7-й Уральской дивизии, дела у них шли не так хорошо. Этот полк совсем не продвигался, так что я отправил свой 2-й полк в тыл красных, и они даже захватили несколько их пушек. Но я не стал брать эти пушки себе, а оставил их <25-му полку, который подошел туда позже.

Мы продвигались к реке Белой, но мне было приказано дать возможность взять Уфу 25-му полку, носившему название полка Адмирала Колчака. Я согласился и предоставил эту возможность

им, хотя мои войска продвинулись дальше и Уфу могли бы взять легко.

Когда мы дошли до дороги, которая шла по правому берегу реки Белой, я подсоединился к телеграфному проводу, который соединял город <Уфу> с железнодорожной станцией Чишма, и услышал разговор красных комиссаров. В то время я находился всего в 25 верстах от Уфы. Один комиссар сказал:

— Мы в таком ужасном положении, мы не знаем, что происходит. Белые уже подходят близко, а у нас нет транспортных средств. Товарищ, у нас полная паника.

Человек из Чишмы отвечал:

— Я ничем не могу вам помочь. Нам тоже угрожает Белая армия. Они наступают, и они уже недалеко.

Я стал говорить по проводу с генералом Голицыным и сказал ему:

— Разрешите мне атаковать и взять Уфу.

Но генерал ответил:

— Нет. Вы должны продолжать наступление согласно первоначальному плану.

Но я сказал:

— Послушайте, господин генерал, если это действительно так, то мне нечего делать, потому что передо мной нет противника.

Командир моего 1-го полка получил известие, что его обоз был захвачен какими-то красными бандами, которые орудовали в тылу наступающей Белой армии. Он ответил: «Ладно, пускай пользуются, потому что мы сначала должны разбить организованных красных впереди нас, а потом уже мы займемся бандами мародеров в тылу». Это были не партизаны, а просто красные соединения, которые мы обошли. Поскольку мы так быстро наступали, мы не обращали внимания на некоторые соединения, которые мы обходили стороной.

4-я Уфимская дивизия двигалась также быстро. Ею командовал полковник Косьмин¹¹⁸, офицер Генерального штаба. Он двигался по направлению к Чишме, а я двигался между Уфой и Чишмой. Хотя в общем я прямо подчинялся Главному штабу армии, во время этого наступления я подчинялся генералу Голицыну, который командовал 3-м Уральским корпусом горных стрелков. В конце концов мы заняли Уфу и захватили большое количество эшелонов с военными припасами. Уфа была занята

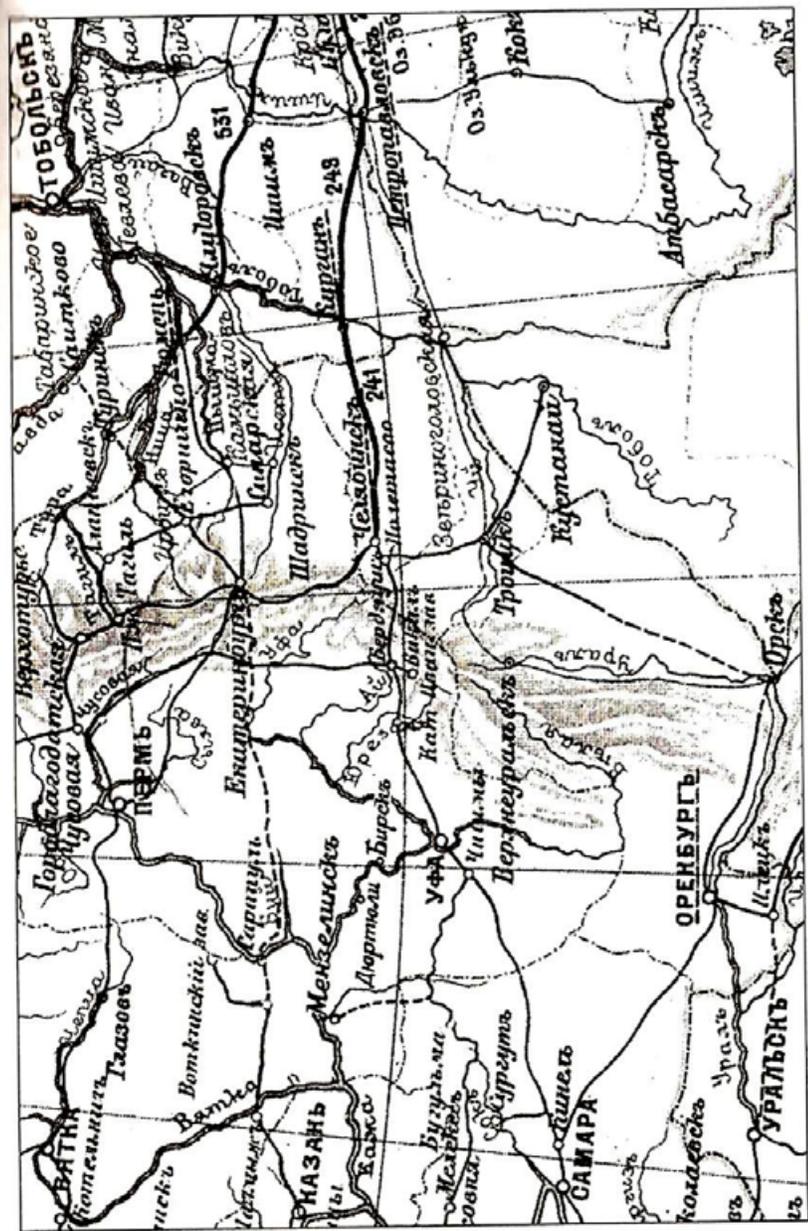
25-м полком, а с юга — 6-й Уральской дивизией. В этот момент ни одно из этих двух соединений уже не должно было драться с противником, потому что красные уже оттуда ушли и продолжали драться только со мной. Но мы полностью их разбили. Как только мои войска дошли до станции Чишма, моя дивизия была назначена в резерв и расквартирована на станции Чишма и в соседних деревнях.

Началась сильная вьюга, но я был вызван в Уфу к Командующему армией генералу Ханжину и генералу Голицыну. Что было делать? Я должен был явиться туда лично, и, чтобы передвигаться во время той ужасной вьюги, мне пришлось привязывать веревки от одного телеграфного столба к другому, чтобы не заблудиться. Когда я добрался до Уфы, я страшно замерз. Генерал Ханжин произвел на меня плохое впечатление, а генерал Голицын — очень хорошее. Они сказали, что вызвали меня, чтобы обсудить ситуацию, создавшуюся в результате наступления одного соединения Красной армии на Уфу с юга, со стороны Стерлитамака. Города Уральск и Оренбург уже были заняты красными, и оттуда на Уфу двигалось большое соединение Красной армии. Они были уже на расстоянии всего двух дневных переходов.

Я находился в шестидесяти верстах от Уфы на железнодорожной станции Чишма, к западу от Уфы, и мне нужно было двинуться на юг, чтобы защитить Уфу. Это было контрнаступление красных, и генерал Ханжин даже не знал, что в этом районе было такое красное соединение, что я считал ужасным позором. Я сказал им, что у меня не было достаточного количества военных припасов и артиллерии, чтобы выполнить задачу и атаковать это соединение красных. Но они пообещали снабдить меня всем необходимым.

Красные наступали с юга. Там проходила дорога из Стерлитамака и был населенный пункт, где располагалось это красное соединение — около 2400 штыков с 12 артиллерийскими орудиями. Я двинулся к северо-западу от этого населенного пункта и решил устроить для красных ловушку.

Кстати, командование Армии предоставило мне полную свободу — действовать так, как я считал необходимым. После того как я занял нужную позицию, я послал свой 1-й полк на юго-запад, чтобы поджидать красных. Я думал, что красные будут двигаться на юго-запад, как только их атакует мой 2-й полк и выбьет их из небольшого участка леса, располагавшегося к востоку от ме-

От Мензелинска до Петропавловска

ня. Это был огромный риск, потому что у меня была в резерве только одна рота в 100 человек, но я чувствовал, что этот риск был необходим, потому что недостаточно было лишь выбить их с тех позиций, которые они занимали. Я хотел уничтожить их как боевую силу, и поэтому я решил взять на себя такой огромный риск. 2-му полку я дал одну батарею с двумя пулеметами, а 1-му полку, который был отправлен готовить ловушку для красных, я дал <две батареи то есть> четыре пулемета.

Р.: *Сколько у Вас было людей в каждом полку?*

М.: Примерно 700. В каждом полку в бой шли не более чем 700 бойцов. Я сам был со 2-м полком, а свой штаб оставил под командованием полковника Ефимова. Когда я подошел со 2-м полком на передовую, я обнаружил, что перед нами — лучшие красные бойцы, 3-й Интернациональный полк. Это было особое соединение Красной армии, состоявшее из китайцев, латышей, мадьяр и, кажется, небольшого количества немцев. Как только мы начали наступление, они открыли пулеметный огонь.

Тем временем я получил известие от своего 1-го полка, что они уже выполнили свою задачу и заняли ту деревню, куда я их послал. Однако красные не были разбиты, они просто отступили в лес, где мы не могли их преследовать. Хотя я понимал, что передо мной была очень трудная задача, — атаковать красных только одним моим 2-м полком, я всё равно приказал идти в атаку. Вдохновила бойцов на эту атаку одна из сестер милосердия¹¹⁹, которая крикнула своему другу: «Ванька, пошли в атаку!» Он схватил гармошку и начал играть, они побежали вперед, и другие солдаты вслед за ними. И они смогли выбить это ударное красное соединение из леса, где те укрепились. Когда мы заняли их позиции, мы не нашли ни одного раненого, потому что они забрали всех раненых с собой.

Р.: *Почему Вы считали, что если бы Ваш 2-й полк смог выбить красных, то они двигались бы на запад и попали бы в ловушку, устроенную 1-м полком?*

М.: Потому что в том направлении шла дорога. Им практически ничего не оставалось, как двигаться по ней. Но эти красные меня обманули. Вместо того, чтобы двигаться по дороге, они поступили хитро — пошли по лесу, по лесным тропам.

На тех позициях, которые мы отбили у 3-го Интернационального полка, я оставил только одну инженерную роту. На следующее утро я приказал им открыть огонь из двух пулемет-

тов Льюиса по основной деревне, где укрепились красные. Как только они начали бить из пулеметов, я лично повел 2-й полк в атаку на эту деревню. Красные, находившиеся в этой деревне, в предыдущий день видели, как мы нанесли поражение 3-му Интернациональному полку. Они в панике бросили двенадцать своих пушек и бежали в лес.

В результате этого боя мы захватили двенадцать дополнительных пушек для Ижевской дивизии. Это было подтверждено Верховным Командованием, которое отдало приказание, чтобы эти пушки были приданы моей дивизии. В моем распоряжении теперь было четырнадцать пушек.

После этого сражения мы продолжали наступать на запад. Моим бойцам было очень трудно продвигаться из-за глубокого снега. Передо мной стояла красная дивизия под командованием Эйхе¹²⁰. В запасе у меня оставался только конный эскадрон под командой армянина Багиянца. Я приказал ему атаковать, но он вдруг отвечает:

— Как я могу атаковать, Ваше Превосходительство? Наши лошади не могут пройти по снегу.

<Я сказал:

— Я покажу.>

Я схватил лошадь, прыгнул в седло и крикнул всем следовать за мной. Нам удалось проехать по снегу и врезаться в линии красных с тыла. Мы смогли захватить две пушки вместе с лошадьми, на которых они готовились их увозить. Красные были охвачены такой паникой, что особенно не сопротивлялись, и у нас почти не было потерь. Именно в тот момент произошло коренное изменение в моих взаимоотношениях со своими бойцами — я заслужил их уважение тем, что лично возглавил конную атаку. С тех пор они знали, что я не только отдавал приказы, но и стремился первым пойти в бой. Они говорили: «Ох, какой же у нас командир!» После этого они действительно обо мне заботились: защищали, следили, чтобы я хорошо питался. Даже когда они были полуголодные, они всегда настаивали на том, чтобы принести мне какой-нибудь лишний кусок пищи. В пять часов утра они подают мне бифштекс и говорят между собой: «Вот ему бифштекс с кровью, он будет лучше драться».

После этого я в течение 12 дней продвигался вперед, на запад, не встречая никакого сопротивления. Справа и слева от меня не было никого, кто мог бы препятствовать моему продвижению.

Мы двигались из Уфы в сторону Бугуруслана. Конечной целью нашего наступления была Самара (которая теперь называется Куйбышев) на Волге. Потом, конечно, мы надеялись наступать оттуда на запад, на Москву.

Мы продвигались так быстро, что прошли мимо многих соединений Красной армии, некоторые из них были численностью с целый полк. Я особенно насчет них не волновался, так как мы считали, что сможем разбить их позже. Так же и с пленными: мы разоружали их и отпускали на все четыре стороны, потому что они нам были не нужны и мы не хотели оставлять их у себя в качестве пленных. Я не хотел их задерживать. Я даже им обычно говорил: «Ребята, если вы хотите драться вместе со мной — ладно. Если вы хотите вернуться к красным — тоже ладно. Я даже открою линию фронта и пропущу вас».

Р.: *Почему у Вас было такое отношение?*

М.: Потому что я знал, что после того, как мы их захватили, они не вернутся обратно сражаться за красных.

Р.: *И Вы никого из них не расстреливали ?*

М.: Нет, мы никогда не расстреливали солдат — только комиссаров.

Командир красных, который сражался против меня, Эйхе, был бывшим офицером Императорской Гвардии.

Р.: *Как случилось, что он потом стал красным?*

М.: Таких случаев было очень много. К красным перешло большое количество офицеров, даже некоторые генералы и некоторые из тех, кто были адъютантами Его Императорского Величества. Правда, часто их заставляли силой. Но мне кажется, что офицеры такого уровня не должны были бежать в Сибирь или оставаться у красных, а должны были организовать сопротивление. Эти спецы, которые служили в Красной армии, причиняли нам большой вред, потому что у них была высокая квалификация и опыт в военном деле.

В одной из деревень, которую мы заняли, священник сказал мне, что красный командир Эйхе был очень расстроен, потому что он хотел сдаться и не знал, как сдаться мне. А я ответил: «Если бы он хотел сдаться, он бы мог это сделать. Я никого не расстреливал, особенно бывших офицеров». Я не уверен, что это так и было, потому что в другой раз мы окружили деревню, где располагался Эйхе, и открыли по ней круговой пулеметный огонь. Но когда мы заняли эту деревню, мы обнаружили, что комиссар

И красный командир Эйхе уже ускакали на прекрасных лошадях, было хорошо известно, что у Эйхе был великолепный конь. Эйхе [позже] сам написал книгу, описывающую эти события, но себя совсем не упомянул.

Я прошел еще 25 верст до Бугуруслана и приказал уничтожить там памятник Ленину, который уже был поставлен. Там меня наконец догнал конный разъезд из двенадцати казаков, доставивший мне приказ из штаба Армии. Они везли его уже 12 дней, пытаясь меня догнать.

Это было в начале апреля 1919 года, и земля была такой сырой от таявшего снега, что везти пушки было почти невозможно. Я получил приказание повернуть на север и соединиться с генералом Войцеховским, который командовал 2-м Уфимским армейским корпусом. Так как мы не могли передвигаться на колесах, я приказал переложить все наше снаряжение на сани с очень широкими полозьями, так что их можно было толкать по грязи, и это получилось очень удачно. Мы шли на север три дня, до наших новых позиций в Бугульме, которую белые взяли уже довольно давно. Когда генерал Войцеховский увидел меня, он сказал:

— Боже мой, что они делают? Зачем они Вас сюда прислали? Вы нам здесь не нужны, потому что здесь нет боев. А там, на юге Вы очень нужны, потому что Туркестанская армия красных атакует с юга. А здесь ни слева, ни справа от меня противника нет.

Тогда же я узнал, что адмирал Колчак, как Верховный правитель, произвел меня в чин генерал-майора. Солдаты услышали об этом и вручили мне генеральские штаны с лампасами, они были у меня одни-единственные.

В это время генерал Ханжин совершил глупейшую ошибку. Он выпустил приказ по армии, обращенный к Ижевцам и Воткинцам, о том, что, когда мы дойдем до их родных городов, солдаты могут расходиться по домам. Это была трагедия. Мой начальник штаба, полковник Ефимов, и я были потрясены этим. На основании этого приказа я должен был распустить своих бойцов. Конечно, все офицеры остались со мной, но все мои солдаты просто разошлись по домам. Генерал выпустил этот приказ до того, как мы начали наше общее наступление в марте, и возможно, что это повлияло на боевой дух войск. Но теперь мы оказались в трагической ситуации — потеряли одну из лучших дивизий Белой армии.

После того как я лишился всей своей дивизии, я получил предписание вместе с моими офицерами формировать новую стрелковую бригаду. Мне дали молодых башкир 16—17 лет. Их было примерно 1500-2000 человек, но, конечно, они даже не говорили по-русски, а мои офицеры совсем не знали башкирского языка. Эти юнцы были мобилизованы в Белую армию и проявили себя очень плохо. Я информировал штаб Армии, что не могу ими командовать, потому что невозможно им что-либо объяснить.

В это время некоторые из моих старых рабочих — Ижевцев начали возвращаться, потому что белые вынуждены были вновь оставить их родной город, и они не хотели оставаться под властью красных. Они начали возвращаться — все мои старые ветераны — и хотели служить у меня. Ижевск был нами взят в мае 1919 года, и в это время мои солдаты разошлись по домам. Но к середине сентября некоторые из них не только вернулись, но и привели с собой других молодцов. Так что теперь Ижевская дивизия была у меня гораздо более многочисленной, она состояла из четырех полков.

Но в период с мая по сентябрь 1919 года я потерял очень много времени в окрестностях Уфы, пытаясь воспитать солдат из этих мобилизованных юнцов-башкир. В конце концов мне удалось убедить штаб армии, что от этих юнцов может быть какой-то толк, только если их распределить по армейским частям, где есть унтер-офицеры, знающие башкирский язык.

VI. КОНТРАСТУПЛЕНИЕ КРАСНЫХ

Р.: *Почему в мае наступление белых закончилось?*

М.: Потому что появилась большая угроза нашему левому флангу с юга, со стороны Туркестанской армии красных. Если бы Верховное командование не перебросило мою дивизию на север, эту угрозу можно было бы устранить.

Р.: *Не было ли других резервов, чтобы заменить вас на юге и защитить южный фланг Белой армии от Туркестанской армии красных?*

М.: Сначала там были некоторые другие белые войска, но они были ненадежными. Там было очень мало офицеров и солдат, которые были родом из Поволжья. Им дали много мобилизованных,

которые не хотели воевать и которые не только дезертировали, по и убивали своих офицеров. Они были под командованием генерала Каппеля. Ему должны были бы дать более надежных бойцов, чем эти мобилизованные. Если бы он командовал добровольческими войсками, он бы не потерял так много людей из своей первоначальной группы офицеров-волжан.

Р.: *Почему эти мобилизованные переходили к красным?*

М.: Потому что эти люди были мобилизованы из Сибири, и они не знали, что такое большевики. Они их никогда не видели. В Сибири в то время еще не было настоящей большевицкой власти, как в Европейской России. Не зная, как ужасны красные, эти мобилизованные сочувствовали им, и мы ничего с ними не могли поделать. Они считали, что если они перейдут к красным, то те не станут заставлять их воевать. Конечно, они глубоко ошибались, потому что красные сразу заставляли их записываться в свои соединения и воевать. Например, 30-я дивизия Красной армии, которая следовала за нами в течение всего нашего Сибирского похода, была в значительной степени укомплектована бывшими солдатами Белой армии и даже некоторыми белыми офицерами. Вообще одним из старших командиров этой красной дивизии, который служил в штабе у Блюхера, был подполковник. Однажды я провел с ним секретные переговоры о переходе 30-й дивизии на нашу сторону, и если бы у меня было больше денег, они бы, возможно, нам сдались.

Что касается генерала Каппеля, я был против того, чтобы он командовал корпусом. Он был хорошим полевым командиром, но у него не было времени (и он не хотел тратить время) на другие вещи. Но на такой высокой должности, как командир корпуса, нужно уделять много внимания и таким вопросам, как снабжение, транспорт и так далее, чего Каппель не любил делать. Он был прежде всего настоящим боевым начальником на передовой. Я понял также, что Каппель не любил держать около себя очень деятельных людей. Мне кажется, что он всё время хотел быть в гуще событий и всё хотел делать сам. Я думаю, что он в некоторой степени способствовал тому, чтобы в его ближайшем окружении были никчемные люди. Например, на совещании генералов, которое он устроил в своем штабе, он сказал своему начальнику штаба не беспокоиться насчет совещания, а лучше пойти позаботиться насчет какой-нибудь еды для нас. Это меня просто изумило, потому что, в конце концов, начальник штаба — это

человек, который должен знать всё, что у его командира на уме, и должен быть полностью информирован обо всех принимаемых решениях, а не использоваться в качестве ординарца.

Это сильно отличалось от того, как вёл свои дела генерал Войцеховский. В штабе его корпуса всё было организовано очень хорошо. Его штаб работал быстро. Он отдавал ясные, четкие распоряжения, и его приказы всегда точно соответствовали окружающей обстановке.

Р.: Вы можете привести мне фамилии командиров в Белой армии, которые были в то время в Сибири ?

М.: Начальником штаба Армии <адмирала Колчака> был генерал Дитерихс¹²¹. Этот человек был религиозным мистиком, и у него не было большого интереса к военным делам. В штабе был еще генерал Лебедев¹²². Он был совсем не способным человеком. Дитерихс, конечно, разбирался в военных делах, но я думаю, что, будучи мистиком, он оказывал плохое влияние на адмирала Колчака.

Р.: Кто были <основные> командиры в Белой армии?

М.: О да, если говорить о начальнике штаба у адмирала Колчака, то сначала это был генерал Лебедев, а в конце — генерал Дитерихс. Генерал Ханжин командовал Западной армией. 2-м Уфимским армейским корпусом командовал генерал Войцеховский. 6-м Уральским армейским корпусом командовал генерал Сукин¹²³, и 3-м Армейским корпусом горных стрелков командовал генерал Голицын. Кроме этого, была еще кавалерийская дивизия и моя Ижевская дивизия, которые были в непосредственном подчинении у штаба Армии. Я непосредственно подчинялся Командующему Западной армией генералу Ханжину и затем генералу Сахарову¹²⁴, когда он сменил Ханжина. Кроме Западной армии, к северу от реки Камы находилась Сибирская армия под командованием генерала Гайды¹²⁵.

На правом фланге Сибирская армия двигалась к Перми, а на левом фланге, к югу, была Западная армия, которой была придана моя дивизия. Была еще Оренбургская армия, где-то значительно южнее. И была еще армия под командованием генерала Бакича¹²⁶, он был серб. Они шли где-то по степям, но у меня никогда не было с ними особых контактов. Они подчинялись непосредственно начальнику штаба Колчака, но связь с ними была очень плохая, и часто они действовали полностью самостоятельно. К югу от Транссибирской железной дороги были степи,

очень малонаселенные. Конечно, там было несколько городов, как, например Барнаул, и там, конечно, были особые формирования Белой армии. Эти формирования были организованы специально для того, чтобы бороться против красных партизан, число которых продолжало расти. Позднее, после поражения, эти белые соединения были рассеяны. Некоторые из них ушли в Монголию, а некоторые присоединились к нам около Читы, пересекли китайскую границу и ушли в Маньчжурию.

Сибирский ледяной поход*

С сентября 1919 года мы больше не могли наступать. Мы тогда максимально продвинулись, и с того момента началась агония Белой армии. До нас доходили всякие слухи, что генерал Каппель хотел собрать большое казачье конное соединение и прорваться через линии красных к югу от Уфы. Но, конечно, эта кавалерия так и не была собрана.

Р.: *Как к вам относилось население, когда вы отступали?*

М.: Сибирские земли были очень богаты и очень-очень плодородны. Люди там жили очень хорошо. Хлеба был огромный избыток. К сожалению, никогда не хватало перевозочных средств, чтобы доставить эти продукты в Европейскую Россию, где люди иногда голодали. Население, особенно в промышленных районах <например, в Златоустовском уезде>, относилось к нам с большим подозрением. Но сельские жители хорошо нас кормили и относились к нам по-доброму. Все они хотели знать, что из себя представляют большевики. Мы старались объяснить, но они нам не верили. Они говорили: «Как могли русские православные люди творить все эти ужасные дела, которые вы приписываете большевикам?» Учтите, что все эти люди были хорошо образованы. Они не жили в глубокой изоляции. Многие из них закончили хорошие школы, в том числе и крестьяне. И, конечно, они были очень зажиточными по сравнению с крестьянами в [Центральной. — *Ред.*] России и были очень далеки от того, чтобы поддерживать большевиков. Но они просто не могли поверить в то, что мы им рассказывали о злодеяниях большевиков. Проблема была в том, что в то время еще не было радио, которое мы могли бы использовать для их просвещения.

* В английском варианте раздел назван «Великое ледяное отступление». — *Прим. перев.*

Конечно, этого нельзя сказать о <так называемых переселенцах — > тех крестьянах, которые перед войной были переселены из Центральной России государственными агентствами. Хотя эти крестьяне теоретически получали государственную поддержку, на самом деле их поселили на огромных участках земли, которые нужно было освобождать от леса. Прежде чем как-то устроиться, они по три-четыре года жили в большой нужде и почти голодали. Эти люди не были зажиточными.

В целом крестьяне боялись говорить с нами о Монархии, потому что они никогда не были до конца уверены в том, что мы не красные. Обе стороны вынуждены были лукавить, чтобы выяснить, на чьей стороне были симпатии населения. В Сибири я много раз слышал от разных людей, что это не столь важно, белые будут или красные, но что России нужен хозяин. Часто говорили: «Да, у России теперь нет хозяина, и это проявляется в самых разных вещах».

Р.: *Можно мне спросить Вас, каково было отношение Ваших солдат в Белой армии к монархии ?*

М.: Мы уже знали, что Государь Император был убит. Пока он был жив, я старался выяснить, нет ли какой-нибудь офицерской организации, которая хотела его спасти, но не мог ничего найти. Это было еще в 1918 году, когда я только приехал в Елабугу.

Все крестьяне, с которыми я разговаривал, очень горевали по поводу убийства Государя Императора и всей его семьи. Наши солдаты, <конечно,> тоже. Но после того, как мы узнали, что Государь Император убит, у нас больше не было надежды на восстановление Монархии <, хотя большинство из нас, особенно офицеры, были монархистами.> Мы не видели никакого возможного преемника. Вообще тогда не осталось никого из дома Романовых, на кого бы я возлагал надежды, поэтому я считал, что нам, возможно, понадобятся выборы нового Монарха, поскольку другие Романовы запятнали себя. Например, я знал Великого князя Кирилла¹²⁷: он ходил по Петрограду с красным бантом.

[Фрагмент 6: расшифровка аудиозаписи]

А сын его¹²⁸ (мы вот теперь читали недавно) возложил на себя по случаю 200-летия Георгиевского ордена — I степени [Георгия]

возложил на себя! Это Суворов имел, Голенищев-Кутузов, больше никто не имел, ни один Государь не имел I степени Георгия! Он давался, понимаете, за самые высокие победы...

Р.: *Значит, Дом Романовых после того, как Николай II отрекся...*

М.: Да, все были убиты.

Р.: *А Константин Константинович?*

М.: Если бы от него остался кто-нибудь... У него один сын на войне убит, Олег. А потом и другие умерли у него сыновья.

[Пропуск в записи, далее речь идет о Великом князе Николае Николаевиче²⁹.]

Р.: *А когда он умер?*

М.: Он умер в Париже.

Р.: *Это после революции, а во время революции почему его не назначили Главнокомандующим в Сибири или у Деникина?*

М.: Он уехал, он не хотел. Потом он, пожалуй, уже не годился бы для такой роли Главнокомандующего, по очень простой причине: сама судьба ему показала, что как его Государь сместил, стало лучше в Армии, Армия остановилась при Государе Императоре. Его беда, конечно, это был у него Янушевский (ошибка: Янушкевич¹³⁰. — *Ред.*), начальник штаба Верховного Главнокомандующего. Тогда я слышал, и теперь я много читал: Янушевский ничего из себя не представлял, нужно было совершенно другого брать себе.

Р.: *Вы или кто-то из Ваших офицеров не хотели восстановить Константина Константиновича как Императора?*

М.: Его бы восстановили с удовольствием, но он умер.

Р.: *Он бы согласился?*

М.: Он бы никогда не согласился, он слишком хороший человек был.

[Остановка записи.]

М.: Много сейчас говорят о монархии, эти монархисты теперь... Мне, например, когда я приехал, говорят:

— Почему Вы не вступаете в монархическую партию?

Я говорю:

— Только потому, что я монархист. Разве когда-нибудь можно думать, что монархия — это партия? Это идея, а не партия! Что я — социалист-революционер? У вас: разделились вы на всяких

монархистов, каких только у вас нет. Нет, я никогда у вас нигде не буду. Я — монархист, но я не желаю быть партийным монархистом. Что это значит?

Р.: *Начнем сейчас с сентября 1919 года, начало постепенного отступления. Как, почему это произошло? Почему вы не могли продолжать наступление, почему начали отступать?*

М.: Генерал Войцеховский находился уже только в одном переходе от Волги, ему выйти туда... Но дело в том, что справа здесь уже — Елабуга, всё это уже было занято красными. 1-я армия, которая сначала дралась прекрасно, начала отступать, бешено отступать, оголила этот фланг. И затем с юга оказалась эта Южная армия, с Ташкента пошли и так далее. Главная коммуникация — железная дорога — оказалась под ударом в глубоком тылу, и поэтому начали отходить.

Р.: *Это партизаны были?*

М.: Нет, там регулярные красные части остались! И штаб Армии об этом не знал, и Верховный командующий тоже не знал. Это позор был.

Р.: *И вам грозило окружение?*

М.: Да. Мы находимся здесь где-то (*показывает на схеме. — Ред.*), а здесь уже переправились красные. Как раз мой полк держал этот Чистополь.

Р.: *Вы Самару не взяли, но подошли к ней?*

М.: Да, пустое было, можно было выйти. Но дело в том, что отсюда и теперь на Уфу с юга, вторично пришли (первый раз я отбил), уже пришли войска туркестанские.

Вот началось отступление. Первое было: там была река Ик, неширокая река, но очень глубокая, и перейти ее без мостов нельзя. Казалось бы, можно было там остановиться, занять ее и там биться. Но не могли остановиться — знаете, бывает, что не могли. Просто-напросто ушли.

В общем, подошли к Уфе.

[Остановка записи.]

Р.: *Вы мне говорили, сколько было всего людей?*

М.: Я считаю, если не самое большее, с тыловыми учреждениями было 60 000. А лучше всего обратиться к труду Эйхе¹³¹, который берет уже наши официальные источники и свои, он сравнивает это всё. Затем у нас есть труд генерала Петрова «На закате»¹³², у него там более исчерпывающие сведения.

Р.: Да, я знаю, мне хотелось просто знать Ваше мнение.

М.: А я не считаю, что у нас много было. Было бы у нас много, если бы население пошло. Мобилизовали бы — и они бы не переходили к красным. А тут наше начальство могло опираться только на добровольческие части, а добровольческие части всё убывали, пополнения было мало. Как эти бедные волжане — они все понемногу... и никакого пополнения абсолютно. Если даже были у них те, которые уехали в Сибирь, они потом не поступили в армию.

Я активного участия в этом не принимал, когда Ижевцы ушли. И когда они вернулись, то мы уже оказались за Уралом опять.

Р.: Они опять сформировали Ижевскую дивизию?

М.: Да, Ижевская дивизия, и вела страшные бои.

Р.: А Вы сохранили Ваш офицерский состав?

М.: Да, он был со мной, никто из них абсолютно не пошел. А солдаты сказали: «Раз ты произведен в офицеры — уж оставайся, страдай, а мы пойдем повидаемся».

Тут, например, когда Златоуст был под ударом, и такой был Кусинский завод, который был на север от Златоуста. Уже это в горах было. Под этим Кусинским я стоял: по 14 атак мы отбивали за ночь при одном бронепоезде, и узкое пространство было.

Р.: Это было в каком месяце?

М.: Это было уже к осени, к осени клонилось дело.

Р.: А когда Ижевцы к вам вернулись?

М.: Они уже после того стали прибывать. Их оказалось много в Омске, в Томске, где у меня был пункт, где они собирались. И потом они уже приходили ко мне так: 200 человек...

Р.: Летом еще?

М.: Да, летом. Колчак отдал приказ¹³³ сформировать дивизию и егерский батальон.

Я уже совершенно сформировал эту дивизию к переходу через Урал. Они еще до Урала ко мне пришли, стали приходиться понемногу. Меня не тронул Командующий армией (был тогда генерал Сахаров), который сказал: «Я не трону — делайте, что хотите сейчас, мобилизуйтесь». Это очень такой был... Его русская литература¹³⁴ очень не любит, этого Сахарова, потому что, когда он был Главнокомандующим, наслал всех к Колчаку. Он думал, что он Омск приведет в хороший вид, к одному знаменателю, всех тыловых офицеров он в армию... Он оказался слаб для этого,

невозможно было это сделать. Офицерство, если вы хотите его забирать в Омске, — оно бежит на восток. Он ничего не мог... Но он был такой — он рискнуть мог. И разбирался, конечно, он больше, чем Ханжин, это нечего и говорить.

Р.: *А когда сменили Ханжину?*

М.: Когда неудачный отход начался, его и сменили¹³⁵. Сменили его по той простой причине, что его приказы совершенно расходились. Командующий Армией должен давать приказ, определяющий известный период, на целый период. А он сыплет: в отмену такого-то, в отмену такого-то... Вы подумайте, как это можно отменять всё время на театре военных действий? У него Щетинкин (Щепихин. — *Ред.*) был, это молодой офицер Генерального штаба, просто не был подготовлен для занятия этой должности. Я не обвиняю его, но он не был подготовлен.

Р.: *Отступали, отступали?*

М.: Отступали... Когда я уже начал командовать дивизией, пришли ко мне обратно — дивизия образовалась. Мы были около Челябинска. Генерал Сахаров решил устроить ловушку красным, то есть впустить их туда, в Челябинск, и зажать их там всех.

Р.: *Это осенью было?*

М.: Да. Это прекрасная идея была, нечего и говорить, но надо было иметь средства для этого. А у него абсолютно никаких средств не было на это. Он надеялся, что его 13-я Сибирская дивизия, генерал Зошенко¹³⁶ (прекрасный старый офицер он был) что-то сделает. И ничего не могли сделать. Хоть хорошо муштрованные сибиряки были, они прекрасно двигались вперед, но когда их покрыли тяжелой артиллерией, они ничего не смогли сделать. Там уже у красных было порядочно тяжелой артиллерии: [*неразб.*]¹³⁷ пушки — те, которые они всё-таки на лошадях могли перевозить. А затем у них броневики уже оказались очень хорошие — те, которые они переправили через Урал. У нас броневики были, но изношенные.

Р.: *Значит, Челябинск Сахаров отдал красным, а разбить не мог? А Вы где были там?*

М.: Да. А я был на правом фланге, за 13-й дивизией, которая наступала хорошо, а потом она побежала, и мне пришлось этот правый фланг охранять. А потом красные обходили наш правый фланг своим левым флангом. И когда это выяснилось, меня послали туда отбить их и дали мне впридачу школу прапорщиков. Я отказывался, говорил, что это будущие офицеры и не

нужно, чтобы они шли туда. Местность я знал (я там был), что там наступать надо будет по открытому месту — это невозможно. Мои стрелки-Ижевцы справятся, и потом я не пушу много. В конце концов мне было приказано пустить прапорщиков в бой. Говорит, что нужно окончательно разбить красных.

Р.: *Около Челябинска?*

М.: Да. Их было 200 человек, это как юнкера старой школы, они наступали перебежками и так далее. Но для чего это всё было, когда я мог только артиллерией сдерживать красных? Что я и сделал. У меня 14 пушек было, я все их поставил почти открыто, на горку. Идёт долина, а дальше кусты. В этих кустах и есть красные, больше им негде будет скрываться. Я там вспышки артиллерийские увидел — значит, я уже определил, где они находятся. Артиллерия будет стоять впереди этих вспышек по отношению к нам. И приказал четырнадцати пушкам все снаряды расстрелять и бить по этому месту. И я не пускал эту школу прапорщиков.

Потом приезжает: я был подчинен Уральской группе, там был Командующий Иванов-Мумжиев¹³⁸, болгарин. Я его знал еще по Великой войне¹³⁹, он 10-м Сибирским полком командовал и впоследствии был у меня офицером для поручений (всё переменялось, значит). И говорят, что Командующий группой приказал наступать. Я говорю:

— Я наступать буду, но я не буду здесь наступать. Здесь я их остановил, и мне нужно выдвинуться совершенно в другом месте.

По проводу меня вызывают: «Наступать здесь же на красных». Пошли мы наступать. Громадные потери понесли Ижевцы и Воткинцы, совершенно ни к чему. И все-таки у меня осталось — еще придали мне один полк, подполковника одного, старичка, но очень хороший полк. Я начал отступать уступами. И послал донесение Сахарову, чтобы части, которые отходят у нас, отошли в сутки не меньше ста вёрст, потому что красные далеко зашли. Я отступал так: вот здесь я иду (показывает на схеме. — *Ред.*), наступает у меня известное количество войск, я дальше иду. Эти подходят сюда. Всё время, значит, мы их встречали. Я прошел два дня, но тем частям, которые уходили из-под Челябинска, понадобилось сразу вырваться — они прошли в один день 100 вёрст! Часть по железной дороге, часть на лошадях и так далее. И потом красные признали, что это было только благодаря тому, что Молчанов опять появился. Между прочим,

они всегда говорят «генерал Молчанов», никогда они про меня в своих воспоминаниях не говорят «белобандит Молчанов». Других они часто называют «белобандитами». Не знаю, почему меня они называют «генерал Молчанов».

Я вывел всё это, дал возможность. Отходили мы: отошли от Челябинска и стали отходить на Курган. Можно сказать, одним махом мы подошли к Кургану. Я оказался на юге, меня перевели сюда. И потом так отходили до Петропавловска, особых боев не было. Но так как там, сверху (севернее. — *Ред.*) 1-я армия уже совершенно сдала, мы отходили поневоле.

Р.: *Где Каппель был?*

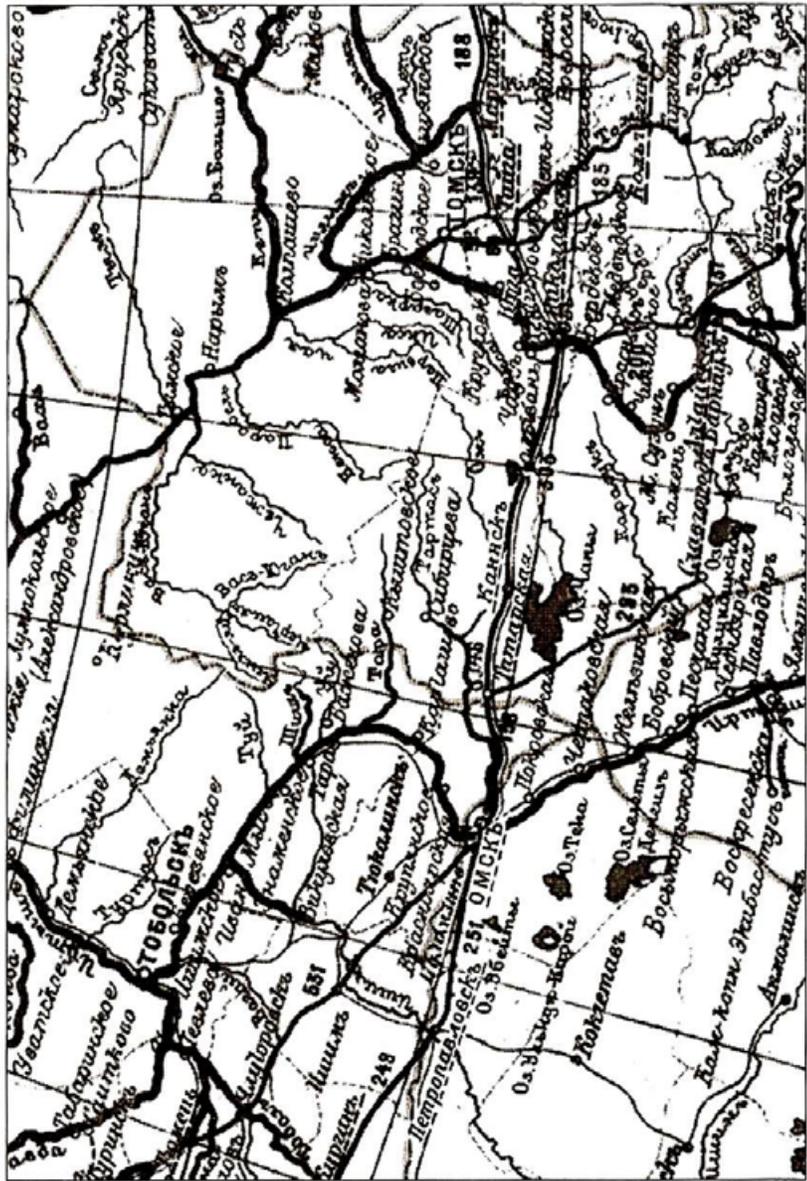
М.: Каппель тогда, по-моему, командовал армией. Он был в Петропавловске.

Петропавловск занимал Каппель с бронепоездами, а я — к югу. Я занимал по Иртышу позиции. У меня там один полк стоял, затем на Петропавловск, где наши части были, стоял 2-й полк, а 3-й и 4-й у меня были в резерве — в другой деревушке, где я стоял.

Я совершенно спокойно (Петропавловск занят Каппелем) пошел в баню помыться. Вдруг слышу: в деревне стрельба. Оказалось, что 2-й полк, командовал им кадровый офицер Володкевич¹⁴⁰ (вместо убитого поручика), не донес о том, что он пропустил красных, что красные двигаются из Петропавловска, а он их не атаковал. И я не знал, что Петропавловск сдал Каппель, мне ничего Каппель не сообщил. Я оделся кое-как, выскочил и уже стоял на углу, где пулеметы с той и с другой стороны трещат. Ботинки у меня были — повязки сделал и начал распоряжаться. Артиллерию бросили, но как раз бросили пушки французские, которые только лишние мы себе взяли (мы отобрали у красных французские пушки, а снарядов у нас не было). Все убежали, никого нету. Нет ни одного ординарца, все убежали. Я остался один. Начальник штаба — куда девался? Потом оказалось, что он по улице так и бежал. А я свернул в другую улицу.

Р.: *Это Вы где были?*

М.: В деревне под Петропавловском. Я это Вам хочу рассказать, потому что это интересный случай, когда паника была. Вышел я на другую улицу и вижу: маленькая лошадь идет под седлом. Я поймал эту лошаде́нку какую-то и дую в тыл, где 3-й и 4-й полки у меня. И по дороге начинаю собирать бегущих. Авенир Геннадьевич [Ефимов] — у него сердце плохое, он задыхался,

От Петропавловска до Новоиколаевска

и я его на повозке отправил в тыл. А сам я набрал не больше двадцати с чем-то человек и пошел в атаку на эту деревню. Туда мы зашли, начали бросать ручные гранаты. А потом мне мой главный ординарец и говорит:

— Ваше Превосходительство, всё время встречаем людей — все это 229-го полка, тут наших нет абсолютно, всё красные.

— Ну, — я говорю, — ладно, пока мы все эти гранаты разбрасываем, давай погуляем здесь.

Мы все ручные гранаты разбросали по окнам. Осень это, замерзшая земля уже. А потом начали понемножку отходить. Когда я уже начал отходить, то около меня стало собираться больше и больше людей. А я все-таки еще раньше, чем это было, послал донесение, что мне не нравится, что от Петропавловска я ничего особенно не слышу. И быть настороже командиру 1-го полка, который по реке расположен там, верст шесть. Я говорю: «Стрельбу услышите — идите». Он услышал стрельбу, и к утру он занял эту [деревню], красных не только выбил, имущество забрал у них, их батарею забрал, нашу батарею отбил, и всё восстановилось. Я спрашиваю Володкевича:

— Почему Вы их пропустили?

Кадровый офицер, знаете. А он мне говорит:

— Я думал, что я их пропущу, а Вы с ними справитесь.

А я говорю:

— Почему Вы не донесли мне, что Вы их пропустили?

Я его сейчас же сместил (другого назначил, Ижевца), им уже были недовольны. Я говорю: как может это случиться — из ничего получается паника. И всегда нужно паникой обязательно командовать. Если вы останетесь безучастны — вы пропали.

У меня однажды было такое положение. Вдруг мне говорят: нас обошли, красная конница на нашу деревню наступает. У меня артиллерия в деревне стояла. Вдруг снимается, запрягает коней и скачет по деревне в тыл. Я вышел и кричу: «Ребята, дружнее качай!» А я знал: как они выедут из деревни, они промахнутся — поворот направо, а они въедут в болото. Так и случилось. Я говорю командиру этой батареи: «Вот так вас учить надо! Теперь вытаскивайте, чистите мне всё, лошадей и прочее». Я им командовал: «Валяй, всю шпаль!» А они летят: брёвна там лежали — брёвна раскидали и так далее. Это на отступлении было такое, знаете.

Р.: *Отступление продолжалось?*

М.: Да, оно продолжалось. Подошли к Кургану. Теперь от Петропавловска мы должны были начать наступление. Но тут оказалось, что волжские части все были сбиты, и не успели они изорвать мост, и броневики красных прошли. Мы пошли к югу, и от этой железной дороги очень далеко был — по степям шёл, ничего не было. Наша задача теперь была: ждать, когда Енисей встанет — переправа. И когда я подошел к нему — он стоит (я всё снижался немного ниже и ниже (к югу. — *Ред.*), в конце концов он стал). И мы переправились через Енисей. Там было положение такое, что если в одну ночь не скрепило, — красные наступают, а у нас всё растянулось, у нас все обозы с нами.

Р.: *Только Ваша дивизия?*

М.: Да, но там выше меня были. Но я потерял всякую связь с начальством. Мне было указано: «Отходите, снижайтесь (то есть идите на юг) до тех пор, пока не будет возможна переправа». Я так и сделал. Потом мы уже отсюда пошли, и дальше я думаю, что это уже озеро Чаны, южнее его. Тут мы встретились впервые с организованными партизанами.

Р.: *Это уже было зимой?*

М.: Зимой. Это было безобразие такое! Что делать? Вы занимаете деревню, вас встречают чуть ли не хлебом-солью. Вы только расположились, выставили всюду охранение — внутри начинается стрельба ночью. Найдите, кто стрелял! Вот как до нас это было: сейчас же такие части уходили и жгли деревни. Я не считал возможным это делать. Мы просто-напросто как-нибудь старались найти, а потом уходить.

Р.: *Вы не жгли?*

М.: Нет, я не позволял.

Р.: *А другие?*

М.: До нас чехи и все эти карательные отряды шли, они за это секли крестьянство и жгли.

Р.: *Это озлобило крестьян?*

М.: Озлобило, конечно.

Теперь, когда мы уже Чаны проходили, я решил повидать Каппеля, он командовал армией. Он движется по железной дороге, мы связи с ним не имеем, никаких проводов нет. Я иду к югу 150—200 вёрст от железной дороги, у нас нет никаких средств, чтобы протянуть провод. Затем — [мы] всё время в движении. Я не знаю, где он находится.

В конце концов я оставил полковника Ефимова за себя, решил поехать туда, хочу поговорить с Командующим армией. Добрался я. Поезд стоит, затёртый. Стоит всё это, медленно двигается. Масса поездов... Встречает меня полковник Ловцевич¹⁴¹ (который потом у меня в будущем был начальником штаба корпуса). Он был на должности генерал-квартирмейстера, то есть тот, который ведаёт всеми оперативными распоряжениями. Я говорю:

— Что Вы делаете?

— Что ж делать? Вот, — говорит, — сокращаю судебное ведомство, слишком громоздкое всё.

Я говорю:

— Хорошее занятие. — Я ему в упрек сказал. — Но я хочу видеть Командующего.

А начальником штаба — генерал Барышников¹⁴², и вижу около этого поезда: тройка лошадей стоит, и садится этот самый генерал Барышников с двумя сестрами (сестрами милосердия. — *Ред.*) кататься на санках. Ну, думаю: «Всё, куда меня Бог принес, зачем я поехал?»

Теперь иду к Каппелю. Я говорю:

— Я приехал, чтобы у Вас получить исчерпывающие директивы, потому что то, что творится сейчас: мы — не армия, а мы из себя представляем Бог знает что. Что-то надо делать.

— Что же, — говорит, — Вы думаете?

— Вам уйти из поезда, сесть на сани и ехать вместе с частями, управлять ими. Вы не управляете, мы к Вам не можем — у нас никаких проводов нету. Затем, Вы затёрты, почему Вы не примените то, что полагается по тактике: если у Вас железная дорога затёрта — сбрасывайте то, что менее нужно, под откосы, освобождайте дорогу.

— У меня, — говорит, — там полно женщин и детей.

— Женщин и детей не сбрасывайте, а у Вас есть такие — сейчас, когда я ехал, видел вагон, который отапливается, — занимают четыре человека. «Кто же это там?» — я поинтересовался узнать. «Офицер с семьёй едет». Целый вагон занимает!

— Я, — говорит, — сделаю, что могу, но я должен двигаться по этому (по железной дороге. — *Ред.*), потому что у меня единственная связь с Верховным Главнокомандующим Колчаком.

Я должен вернуться. Когда я еще был с дивизией на реке Тобол, ко мне приехал офицер Генерального штаба, полковник

от Колчака, и привез погоны «Иж» на всю дивизию (2-го «Иж», Л-го, 4-го и так далее). И мне погоны. Я ему говорю:

— Мы погоны эти можем хранить, но когда мы идем в бой, у нас нет офицеров, нет никаких чинов, у нас все — рядовые. И если попал в плен, никто никогда офицера не выдаст. Это у нас первое условие.

Р.: Чтобы красные не расстреливали?

М.: Да. Потому что у нас все одинаковы. В бой мы идем, у нас никаких... Я говорю:

— Я отличия эти тоже могут надевать, только когда я буду в тылу, но когда я иду в бой, у меня никаких отличий нет.

— Теперь, — он говорит, — я к Вам по другому вопросу. Как бы Вы думали, если придется Верховному Правителю бросить Омск и пойти к войскам, то он бы хотел к вам в дивизию попасть.

Я говорю:

— Милости просим всегда, мы его не выдадим никогда. Милости просим, потому что мы его проведем, куда угодно, он будет с нами.

— Разговоры об этом уже велись не так давно, но никто не желает Вас выпустить, то есть не желают ни корпуса, не желает ни Командующий армией...

Теперь я ему говорю:

— Нужно добиваться, чтобы Верховный Главнокомандующий не подвергался опасности от всех своих союзников. Слух-то идет, что его предадут красным, чтоб только проход им дать, чехам. Давайте Вы сноситься с тем, чтобы их вместе взять — Колчака и его правительство.

А то он говорит, что нельзя одного взять. Я говорю:

— Пожалуйста, пускай правительство едет то, которое ему нужно. Но когда он уже отойдет от железной дороги, ему правительство никакое не понадобится, я уверен в этом.

Р.: Вы мне рассказывали, что Вы приехали к Каппелю, говорили.

М.: Ничем не кончилось, он ничем не помог мне. Он сказал:

— Справляйтесь сами.

— А как в смысле продуктов?

Он говорит:

— Что найдется по линии железной дороги — берите.

Я говорю:

— Как я могу брать, я не знаю, кому оно принадлежит?

— Всё, что вы найдете, принадлежит вам.

— Хорошо.

Р.: *И приказ он Вам дал отступить?*

М.: Да, отходить, отходить... Тут уже не было никаких разговоров о том, что мы будем где-то задерживаться, только отходить — медленно и в порядке, на Иркутск. Так мы шли.

Р.: *Почему Вы, например, не решили пойти на юг, через Монголию?*

М.: Этого я не имел права [делать], конечно. Я мог единственное, как и другие, сделать — идти по линии железной дороги. Я решил так: как я пойду по линии железной дороги? Чем я буду питать лошадей? Сена нет, всё забирают те, которые идут там, а я иду самый последний, у меня ничего не будет — ни продуктов, ничего.

Р.: *А почему Вы были последним, Вы арьергард были?*

М.: Арьергард. Я всегда всех прикрывал. Когда вперед — я всегда наступал первый, это так уж было.

Я решил не заходить в такой город, как Новосибирск, где проходила железная дорога, я южнее шел. В тайге, южнее немного Комарово (Кемерово? — *Ред.*), южнее Ачинска был. Мы подошли к Красноярску, тут это целая история, я вот про Красноярск начну рассказывать.

Р.: *Когда это было приблизительно? Это было зимой?*

М.: Зимой (1919/20 г. — *Ред.*), конечно, когда мы прошли так называемую Щегловскую тайгу.

Р.: *Это так называемый Ледяной поход?*

М.: Это всё Ледяной поход называлось. Щегловская тайга — это где, я считаю, вся армия и погибла. Еще до Красноярска.

Р.: *Это там Кашель умер?*

М.: Нет, он умер после Красноярска. Под Красноярском он простудился, когда мы к северу вышли и там шли по реке Кан.

Р.: *Вы знаете, мой папа¹⁴³ был тогда, когда он упал с лошади. Папа мой был начальником его личного конвоя. Насчет тайги расскажите, пожалуйста.*

М.: Она до Красноярска. Мы подошли к этой Щегловской тайге, когда 3-й армией командовал генерал Барышников. Это было в дни Рождества (тогда мы шли по старому стилю), в конце декабря (1919 г. — *Ред.*). Мы подходили с юга к входу в Щегловскую тайгу. До Ачинска, по-моему. Это есть сейчас в книге Петрова и в воспоминаниях об Ижевской дивизии Ефимова.

В Щегловскую тайгу полагалась только 3-я армия, а туда попала и 2-я. 2-я армия пошла: эта дорога идет в тайге, никаких населенных пунктов нет. Она из себя представляет 60 или 70 верст, а посредине — какие-то избушки, где жили лесники и так далее, больше ничего нет. Когда я уже подошел к этой дороге, я узнал, что части с севера двигаются туда же. Начальником штаба был у меня не Ефимов, а другой, а Ефимов командовал конным полком (Ижевский конный полк мы еще образовали, 6 эскадронов). Я говорю начальнику штаба:

— 1-му полку задача: прийти к этому входу в Щегловскую Тайгу и занять к северу позицию, не пропустить красных, потому что за частями будут идти красные.

Меня вызывает Командующий армией на совещание, там все дивизии Волжского корпуса. И один временно командующий дивизией, полковник (забыл его фамилию) говорит:

— Я интуитивно думаю, что там нечего бояться. Красные нас не будут преследовать, мы постепенно все пройдем.

Я говорю:

— Без всякой интуиции я уже получил сведения, что мой 1 -й полк дерется с красными, которые наступают на север.

Тут Барышников обращается:

— Викторин Михайлович, отправляйтесь туда и примите на себя командование всеми частями. Какой бы ни были армии, какого бы ни были корпуса — поступают все в Ваше распоряжение.

Р.: *Это где?*

М.: Это при входе в Щегловскую тайгу — наладить чтобы это. Я приехал: там 1-й полк ведет бой, я его подкрепил и говорю, что, может быть, день-два вы будете стоять. Послал им пищу, хлеба послал, всё как следует.

Потом я начинаю рассматривать всё. Дороги уж нету, это валуны и Бог знает что такое, — артиллерия не пройдет. Как-нибудь остановить движение, наладить порядок нет возможности. Ничего! Вы не можете продвинуться вперед, вы не можете обойти, пешком обогнать вы не можете — вы увязнете в рыхлом снегу, который взбудоражили все по дороге.

В самом начале, еще версты полторы, была маленькая деревушка в несколько хат. Я туда со своими ординарцами проехал и отдал приказ своему 2-му полку: идти туда, занять эту деревню и ждать меня. Идти по бокам, не беря ничего с собой: «Берите толь-

ко хлеб», — а больше ничего у нас и не было. «Картошку, может, найдем где-нибудь там». Потом нашли какую-то картошку.

Туда втянулась 7-я Уральская дивизия, которой было приказано защищать вход. А они решили: Ижевцы там защищают, так нам-то и плевать. Командир — полковник, потом он перешел в Красную армию и в Чите дрался уже против нас, бригадой их командовал. Я его требую к себе, а он мне рукой помахал: «До свидания». Жене: «Оля, садись на коня, за мной!» — через дорогу, я к нему не могу перейти. Я в него из револьвера стрелял, да не попал. А он ускакал от своих частей. Я больше его и не видел. Больше его никто в нашей армии не видел. Потом, когда мы дрались под Даурией, он командовал обходной большой колонной — тремя полками.

При мне всегда была 2-я бригада Оренбургского казачьего войска: 2-й и 5-й полки, где командиры полков были генералы. А Георгиевский кавалер, полковник в то время, когда Колчак производил в генералы, в отпуску был, так полковником он и остался. Он всегда со мной был, всегда мне его придавали. Иногда у меня в дивизии кавалерии было больше, чем в целом корпусе. Нечаев¹⁴⁴, который сохранил Волжан, всегда ко мне приходил: «Я к тебе иду, ты в крайнем случае меня защитишь, а то всё, — я пропаду!»

Р.: Кто такой Нечаев?

М.: Он потом, знаете, у Чжан-Цзолия¹⁴⁵ служил. Он там командовал. Храбрый офицер, кавалерист, налётистый офицер, но любил, чтобы за ним была пехота, а идти в атаку... Он со мной, когда я ходил:

— Я иду в атаку с удовольствием, — говорит, — потому что я знаю, что ты поддержишь меня.

— Поддержу.

Ничего не налаживается, я ничего не могу наладить. Движение такое: может быть, продвигалась вся эта колонна полверсты в час. Сколько же это возьмет [времени] продвинуться? Лошади сдохнут, сена нет. А надо пройти минимум 60 вёрст. Я решил: когда ко мне подошел один эскадрон Багиянца (он командовал дивизионом, но его эскадрон подошел), я говорю:

— Яша, я Вас назначаю: Вы объезжайте и всех с саней сгоняйте. Кто может — [тому] садиться верхом. Женщины, мужчины — верхами садиться. Только где есть дети — там мое разрешение, чтобы они (сани. — *Ред.*) были. И говорите: «От

диктатора тайги генерала Молчанова». А остальные жечь, всё жечь, освобождать дорогу! Что по тактике полагается.

Мы сожгли больше пяти тысяч саней. Вы понимаете, что это из себя представляло? И начало двигаться. Конечно, масса было таких [случаев], когда находили в санях умерших, замёрзших, тифозных — замёрзших уже. Их оставляли и жгли вместе всё там... Дошло до того, что проехать нельзя, всё это завалено трупами, трупы шевелятся... Что же делать?

Р.: *А красные атакуют?*

М.: Да, красные атакуют, всё время пулеметы трещат. Они вошли туда же, за нами вслед идут и шпартят из пулеметов, а обойти они не могут, потому что они в таком же положении.

Р.: *А кто сдерживает их?*

М.: Ижевцы. Так 1-й полк и отходил. А потом я его уже начал понемногу сменять кавалерией, а его протискивал вперед. Потом подошел ко мне этот Панов¹⁴⁶ (командовал Оренбургской бригадой, про которую я Вам говорил) и говорит:

— Ну что же, генерал, будем делать?

Я говорю:

— Давайте искать. Пошли казаков разыскать какого-нибудь мужичка, который, может, знает какую-нибудь другую дорогу, которая идет параллельно этой дороге.

И что же? Знаете, находим такого мужичка, который говорит: «По этой дороге». Мы рысью прошли! Ничего там нетронутое — мы рысью пошли. Ого! Теперь я опять назначаю свой эскадрон, чтобы сюда пропускать и двигаться — тех, которые могут быстро двигаться, чтобы быстро. Этакорога шла примерно 30 верст, потом она [снова] выходила на эту главную дорогу. На главной дороге: я уже свои части потерял и никакого с ними не имел сообщения, оказался тут только с казаками. Казакам я говорю:

— Василий Николаевич, иди, пробивайся туда, на восток, уходи отсюда, не надо мне тебя. Я знаю, воевать же не будешь ты против?

Он смеется:

— Конечно, не буду.

— Ну и отваливай отсюда.

Р.: *Почему Вы так сказали?*

М.: А зачем он мне нужен? Чем он мне поможет? У меня там полно еще людей, которые отстреливаются. Казаки мне не нужны совершенно. Тут оказался совершенно неожиданно запасной

батальон Боткинской дивизии, который из другой армии. Оказался там подполковник, старый кадровый офицер, командовал этим запасным батальоном, прекрасный распорядительный человек, он мне помог.

Р.: *Вы сказали, что Вы с Ижевцами уже связь потеряли?*

М.: Да, связь с ними потерял, потому что крышка уже нам, я не знал, что делать. Там я знал, что они выйдут, я им указал, как на эту дорогу выйти. Только одно чувствую, что воняет всюду горелым — это мой (Багянц. — *Ред.*) жжёт. Там еще второй раз большой пожар был в долине. Там один домик — полон, никто обогреться там не может, лежат тифозные, бредят и так далее. И саней там — ч-рт знает сколько! Тут опять я распорядился жечь эти сани.

Многие были против того, чтобы я им такое распоряжение отдавал, а потом были довольны, потому что они вышли, а так бы они остались там, если бы не сели верхами. Всё это погибло бы. Артиллерию всю оставили (задки, конечно, забрали).

Вышли мы из тайги, меня встречает какой-то офицер и говорит (а я уже не помню, сколько ночей не спал):

— Вас требует начальник группы, которому приказано охранять выход, чтобы здесь дать бой, красных не пустить.

Я говорю:

— Где этот ваш начальник?

— Вот там-то.

— Хорошо, ведите меня.

Он говорит:

— Я — генерал Соколов (вот только я и помню). Я назначен здесь остановить все части и не допустить отхода дальше.

Р.: *А Ваши части еще идут? Они сзади Вас?*

М.: Еще идут сзади, я только вышел — со мной было только два небольших разбитых эскадрона и казаки.

Р.: *А другие части сзади Вас?*

М.: Да. Я так и рассчитал, что им выйти, самым последним частям нашим — два часа. Я ему:

— Я не знаю, Ваше Превосходительство, кто Вы такой, но я Вам советую: сматывайте манатки сейчас же. Через два часа будут здесь красные. У меня нет ни одного человека, который бы не спал на ходу, с лошади бы не валился. Кавалерия валится с лошадей, засыпает в снегу. Нет ни одного человека. Я не могу никаким образом. Через два часа здесь будут красные, и я через два часа отхожу.

Сразу, ни слова не сказал — смылся. Подали лошадей, и уехал. Я говорю этому Василию Николаевичу, командиру бригады:

— На, поставь хоть ты за снопами где-нибудь (мы с ним Пыли на «ты») — поставь этих казаков, чтобы наблюдали, когда последние выйдут.

— Ты что же думаешь — конечно, хорошо. Но они очень тебя благодарить будут, что ты им в сене разрешил спать. Ведь спят! — говорит.

Р.: *А где железная дорога была [от вас] — на севере?*

М.: На севере. Ну, я говорю:

— Ладно, и так обойдемся!

Потом мои части вышли, я им дал немножко передохнуть. Казаки у меня рассыпались в цепь — они все-таки отдохнули полтора-два часа, они раньше меня пришли, значит, больше двух часов отдохнули. Когда мои части прошли, когда уже красные вышли оттуда, красные тоже идут и валяются. Но мы ничего не можем сделать — мы уж выбились из сил. И они тоже выбились из сил. У нас нечего уже есть, много пропало обозов. Но я все-таки предвидел что-то такое неладное — я за несколько дней свой обоз второго разряда (всей дивизии) выслал вперед. Потом мы его нашли верстах в двадцати от этого. Мы там уже поели и начали отходить к Красноярску.

Р.: *Вы тогда уже были с Вашими Ижевцами?*

М.: Да, я был уже с Ижевцами.

Когда я в этой Ижевской-то [дивизии] был, я шел почти всё время по линии железной дороги. Не дошел до Красноярска (я прикрывал части) — мне говорят, что Красноярск пробовали атаковать, не взяли. Там восстание, и он находится в руках красных.

Р.: *Значит, в тылу вашем?*

М.: Да.

Р.: *У вас патроны остались?*

М.: Немного было. Артиллерии никакой. Лошади остались, все на лошадях были. Командующий армией генерал Каппель где-то находится. А в той деревне, куда я последним пришел, нахожу там всех генералов, совещание: что делать? Заняты этим. Генерал Петров пробовал наступать. Ижевцы мои — два полка, которые были заранее посланы туда, 2-й и 4-й полки, попали там... — я не знаю, что с ними случилось. Их повел в атаку без меня генерал Петров. А потом увидели, что вышел оттуда броневик

(а броневик оказался польский, тот только вышел и хотел бы, может быть, оказать помощь нам), — у нас всё бежало, в общем, крышка. Наши отступили, не взяли Красноярска.

Р.: *Это Ваши Ижевцы не взяли?*

М.: Да, потому что не было управления ими. Петров был назначен командующим 3-й армией. Почему-то Каппель его назначил, когда у него своих частей не было никаких. Там был такой генерал Круглевский¹⁴⁷, Уральской дивизии, этого можно было бы назначить, если меня не было.

Мы пошли нареку Кан. Наверное, папаша Ваш рассказывал, как там было.

Р.: *Нет, мало.*

М.: Каппель уже прошел впереди меня. Когда мы к Кану шли, это была интересная вещь: мы шли, а там впереди Кан — за железной дорогой, севернее.

Р.: *Это за Красноярском?*

М.: Нет, перед Красноярском. Это шел Великий Сибирский путь¹⁴⁸, здесь было несколько деревень до реки Кан.

Р.: *А почему Вы сюда? Почему не на юг?*

М.: На юг мы уходим от линии железной дороги и потом переходим в Монголию. А здесь ничего нет. Это было, пожалуй, положение ужасное. Командующий армией обращается ко мне:

— Как Вы думаете, как Вы пойдете?

— Я пойду на север.

— Такая-то деревня занята справа.

Я говорю:

— Мы выйдем оттуда.

Тогда он говорит:

— Все за генералом Молчановым.

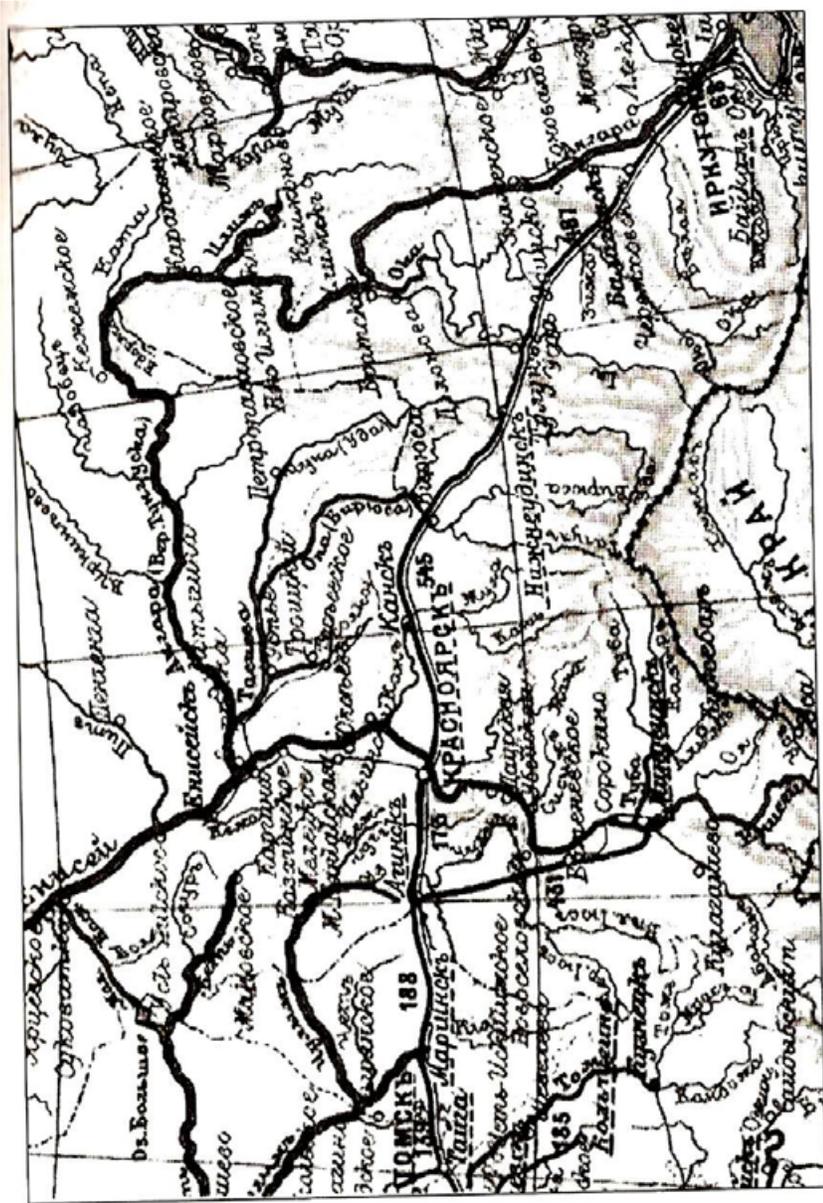
Я пошел, конный дивизион направо — на эту деревню заслон. Мы прошли прямо.

Теперь интересная вещь. Я не знал, сумерки это или утро, я всё [ощущение времени] потерял. Я смотрю и вижу: там впереди что-то движется по этому Сибирскому пути (тогда у меня глаза еще хорошие были). Подзываю я Багианца:

— Яша, смотрите: там что-то движется.

— Нэт, [это Вы] нэ спалы, Ваше Превосходительство, ничего не движется.

Я говорю:

От Красноярска до Байкала

— Яша, немедленно скачи наперерез, там двигаются подводы — рубли.

Он поехал со своим эскадром: шли подводы с серебром и с золотом. С золотом проскочили, а с серебром, мелкое — всё отобрали Ижевцы! У меня все суммы были забиты 10-копеечными, 15-копеечными, 20-копеечными монетами.

Р.: *А кто вез?*

М.: Красные, везли из Красноярска по зимнему пути, обратно на запад. И тут мы их перехватили. Это севернее железной дороги, по Сибирскому пути (это когда мы на Кан шли). Вот так повезло — увидел!

Потом мы забрали деревню, много Ижевцев там пленных было, те, которые под Красноярском попали, их туда отправляли. А они спрятались, присоединились ко мне. Никаких там красных мы не расстреливали. «А ты тут, — говорю, — сиди и жди, когда твои придут», и больше ничего. Повозки у них забрали, хороших коней (у них там были), серебро увезли. А золото — узнал я поздно, когда приехал. Сам Багиянц не догадался спросить, где золото. Те вперед уехали, мы бы их догнали, конечно.

Вышли на Кан.

Р.: *А сам Красноярск Вы бы не могли [взять], непосильно было это?*

М.: Нет, у нас артиллерии не было, потерял артиллерию Петров.

На Кан уже прошел этот (Каппель. — *Ред.*), мы на другой день шли, всё уже замерзло — нам было легко идти. 90 вёрст мы по реке ехали. На деревню какую-то вышли. Потом мы спустились вниз на железную дорогу к Нижнеудинску.

Р.: *А где Каппель был?*

М.: Каппеля везли уже, он больной, его в повозке везли. Когда уже первое селение, которое, пройдя тайгу, было, тогда я к нему пришел. Он без сознания был, у него воспаление легких было.

Р.: *Вы тогда его видели?*

М.: Да. Я его еще потом видел в Нижнеудинске, был у него на совещании. Он тут был без памяти, а потом у него как будто прошло это, немного лучше стало, а потом ему хуже и хуже... Мы его хотели отправить на чешском поезде, чехи согласились принять его. Он наотрез отказался: «Умру, но умру с частями».

Между прочим, когда мы с севера, после Кана пришли, спустились на железную дорогу, мне было сказано, чтобы я не

переходил железную дорогу, потому что чехи вступят в бой — проходят их поезда. Я говорю:

— Когда Ижевская дивизия идет, они подождут.

И когда пришли туда, выходит офицер:

— Не смей переходить!

Я говорю:

— Мы на своей территории находимся, а вы здесь — грабители! Ждите, пока мы не перейдем, когда я вам дам разрешение, что можно двигаться вашим поездам.

И так и вышло. С ними только так и поступать!

Р.: *А почему вы их силой не сбрасывали с поездов?*

М.: Мы не могли, потому что на нас тогда ополчились бы абсолютно все союзники. Ведь они действовали под союзниками, иод генералом Жаненом¹⁴⁹. Все там были: и итальянцы, и каких только не было. Мы только могли им насолить где-нибудь вне своих частей. У меня еще было с ними столкновение, чуть бой не произошел.

Пришли мы в Нижнеудинск. Каппель лежит. Призвал он меня и говорит, что много генералов и частей было против генерала Сахарова.

— Я, — говорит, — больше командовать армией не могу. Выступите, пожалуйста, — Вы зато, чтобы остатками 3-й армии командовал генерал Сахаров.

Я говорю:

— Сделаю.

— Пожалуйста, Викторин Михайлович, прошу. Я все равно ничего не могу сделать, я умру скоро.

Но он был в твердой памяти тогда. Я вышел, там генералы все сидят, я говорю:

— Первое: я предлагаю вступить в командование генералу Сахарову.

Сейчас же, там был такой уральский... генерал Круглевский, гвардейский офицер, он говорит:

— Я с генералом Молчановым.

Тем [ничего] не оставалось, и все вотировали (*устар.* голосовали. — *Ред.*).

Р.: *А кто хотел другого?*

М.: Хотели они другого, кого угодно, но только не Сахарова. Потому что якобы он нагадил там, что не вывез всё, не эвакуировал своевременно Омск. Конечно, он виноват был,

но дело в том, что он думал, что что-то сможет сделать, но он не мог сделать.

Р.: *А что он старался сделать? Оборону устроить?*

М.: Он старался оборону устроить под Омском, чтобы все эти офицеры, которые там были, — там десятки тысяч офицеров жили под Омском, ничего не делали.

Р.: *Вы в Нижнеудинске на совещании, а где Колчак был в этом время?*

М.: Уже в Красноярске мы узнали, что он находится в Иркутске, арестованный. И тут Войцеховский как Главнокомандующий объявил им ультиматум, что мы не будем брать и пройдем мимо Иркутска, если они нам выдадут Колчака. Они на это не согласились.

Р.: *Где был Войцеховский, с Вами на совещании?*

М.: Да, был на совещании.

Р.: *Но Каппель его не предложил?*

М.: Но он не хотел. Он был Главнокомандующим, как он мог хотеть 3-ю армию, он всеми уже ведал, он вместо Каппеля был. А вот 3-й армии нужно было назначить кого-то. «Барышникова, — говорит, — я к себе беру». А его не надо было никому. Он без дела оказался, Барышников, и отступал просто с группой генералов.

После Нижнеудинска стало уже дело подходить к Иркутску, к Байкалу. Тут сейчас же узнали, что я Байкал знаю, потому что я в мирное время был два месяца на острове прокаженных Ольхой (где были только прокаженные), делал внутреннюю съемку, которой не было, только берега были сняты.

Первым долгом собрались перед этим на станции Иннокентьевская, и Войцеховский [спрашивает]: «Наступать или не наступать на Иркутск?» Положение такое: туда были посланы офицеры, между прочим, переодетый ходил туда полковник Ловцевич (потом генерал-квартирмейстер Штаба армии, а потом он был у меня начальником штаба в корпусе). Никаких офицерских организаций не нашли, чтобы поддержали бы изнутри. Ничего абсолютно нет. Затем чехи заявили: «Наступайте», но если пули, наши или красных, будут лететь на их сторону реки Ангары, где железная дорога шла, то они разоружат обе стороны. А они могут нас остановить, это факт: бронепоезда все в их распоряжении находятся. А наступать мы можем только через реку — она замерзшая.

Теперь всё, что там есть, передается мне. Я назначаюсь командовать. Я обращаюсь к Верховному, говорю:

— Я возьму, даже со своими Ижевцами, которые в малом количестве у меня остались. Только мне еще нужна конница, чтобы сразу заскакала.

Енисейская бригада была, тот сразу генерал говорит:

— Я с удовольствием буду делать.

Потом еще Оренбургская бригада, которая всегда при мне была, 2-й и 5-й полки. Но я говорю:

— Что я буду делать, когда начнется со стороны чехов? Могу и драться против них?

— Нет, — говорит, — Вы не можете. У них имеется полно артиллерии.

А у нас еще сохранилось несколько дымовых пушек. Я говорю, что мы даже и не нуждаемся в них, мы просто пойдем открыто, перебежим Ангару и больше ничего. Я говорю, что все-таки я уверен, что стрельбы особой не будет, потому что там в Иркутске масса наших пленных — и офицеров, и солдат.

Р.: *А у красных в Иркутске было внутреннее восстание?*

М.: Внутреннее восстание¹⁵⁰, регулярных частей не было. Ну, значит, вотировать. Оказалось, что вот этот только один генерал Енисейского войска (на «Фе» его фамилия) вотировал, чтобы пробиваться через Иркутск, а остальные: обойти Иркутск. Он очень хороший генерал. Я ему пожал руку, говорю:

— Ваше Превосходительство, не думайте, что я не хотел этого, но я хочу знать все шансы, чтобы мне пройти этот Иркутск. — А затем я говорю, — Вы мне скажите, для чего это нужно? Колчака расстреляли. Что нам нужно?

Всё, что нужно было из одежды, мы получили на станции Иннокентьевская, на складе. В Иркутске складов нет никаких, склады на Иннокентьевской, так и в мирное время было. Мы всё вскрыли, разделись — всё новенькое надели.

Решили, значит, не наступать — обход. Мимо чехов, в Иркутск не заходили, проходили по горам, там горная дорога. Вышли уже на главную дорогу, когда мы прошли Иркутск, там вдруг услышали стрельбу, это уже красные просто так стреляли.

Через некоторое время они узнали, конечно, что мы прошли, они начали нас преследовать. Но достаточно было оставить какой-нибудь взвод пехоты, 25 человек с пулеметами, они их раскатывали в момент. Мы вышли на дорогу, которая шла к Байкалу.

Р.: Железную дорогу?

М.: Железная дорога и тут же, параллельно, и на другом берегу хорошие дороги были снежные.

Р.: А Байкал проходить не могли?

М.: А, вот это уже особое... Мы пришли на станцию Лиственичная, от нее слишком далеко проходить. А через 60 туннелей по Кругобайкальской железной дороге мы не можем проходить, потому что мы не знаем, кто там. Взорвать могут, когда мы уж совсем потеряли, что же это такое... Наши части сзади идут, не только мы, передние части. Я впереди всех шёл и первым должен был идти.

Мы сперва по льду около берега шли. Были трещины, но я знал это: мы приготовили по 14—15 футов мосты такие, чтобы их могли повозки переехать, лошади пройти, пехота пройти. Но это случилось всего два раза. Я знал все условия эти самые, в памяти много было. Приходилось успокаивать: вдруг взрыв громадный, как будто где-то снаряд рвется, а это лёд.

Р.: Кто командовал всеми войсками в это время?

М.: Войцеховский, Главнокомандующий. Я передним вышел, а он дальше, сзади меня. А у нас еще был Командующий остатками 3-й армии генерал Сахаров, который уж так меня потом на середине озера (это 90 верст надо было идти) поймал и вперед...

Это опять долго рассказывать. Я там и разведчиков посылал, золото давал, чтобы узнать: станция Мысовая (или Мысовск. — *Ред.*) (мы на нее выходим), кто там — красные или белые. И там оказались семеновцы¹⁵¹, к счастью.

[Остановка записи. Вероятно, продолжение записи в другой день.]

Обошли мы Иркутск, пришли на станцию Байкал, это в 60 верстах от Иркутска. И выяснилось, что только местами, не везде еще встал лед. Поэтому (да и раньше) было приказано двигаться на такое место, откуда начать пересекать по самому короткому расстоянию — 90 верст. Мы перешли от станции Байкал, переправились через Ангару, пришли в село Лиственичное, против станции Байкал. В Лиственичном отдан был генералом Войцеховским приказ: мне первому идти в голове, занять следующую станцию — деревню Голоустная, а оттуда уже пересекать Байкал. Когда мы прибыли в Голоустную, то все жители (они главным образом там рыбаки) говорят, что опасно сейчас начи-

Озеро Байкал

нать переходить, что нужно подождать минимум сутки, потому что Байкал только стал.

У меня был такой подпрапорщик Понятовский, который всю большую войну провел со мной, а теперь он там где-то попал ко мне. Я говорю: «Идите ищите тех смельчаков, которые бы пошли туда, если можно — с лошадьми, если можно — без лошадей, но узнать, кто находится на станции Мысовой». Никто не знает — никаких сообщений нет. Удивительная вещь, что никак не мог связаться с нами тот отряд, который был на станции Мысовой. Мысовая — на восточном берегу Байкала, мы переходили с запада на восток.

Переправа через лед только что ставшего Байкала представляла из себя очень большую опасность в том смысле, что мы могли потерять всех лошадей (не будут подниматься — погибать лошади будут). Я об этом знал, конечно, что нужно сделать, и отдал приказ у себя (когда мы были в Иннокентьевской): лошадей всех перековать. У тех, у которых были на шипах подковы — новые шипы. Всё мы достали, там была полная возможность это сделать. Мои части все перековали: лошадь не упадет, не поскользнется. Я передал Войцеховскому, чтобы он отдал приказ, там начальник штаба, кажется, написал. Но некоторые лошади не были подкованы на шипы — отчего мы потеряли их там большое количество. А у меня были подкованы (шип туда завинчивается, насечки у него, и не скользит).

У Понятовского приказ был такой, что он должен туда как можно скорее отправиться, идти всю ночь. А маяком была только одна, самая высокая гора, которую за 90 верст было видно, на нее направление. Ночь мы там переспали, а он ушел. Ввиду того что он не вернулся — что нет еще непроходимого места, — я назначил выступление рано утром. Приготовили мосты, которые через трещины. Когда мороз — [лед] трещит, расходится, а потом снова сходится. И выступили. Шли очень хорошо, быстро шли, потому что все на лошадях, пехоты не было. Все на лошадях, на санях ехали. Где рысью, в порядке были, держали известную дистанцию — это было главное. И делал это я не потому, что боялся, что провалятся. Мы видели рыбу через лед, лед чистый совершенно, вода же там чистойшая, видно всё. И кажется, что лед — всего вот такой толщины. (Показывает. — *Ред.*) А я знал, мы проверяли, сколько он: один фут, можно скакать на лошадях как угодно. А когда уже два фута — может проходить полевая

артиллерия. Это еще у меня с мирного времени были все эти сведения. Мы прошли.

В полдороге меня догоняет Командующий на тройке лошадей, во всю гонит, говорит:

— Ну как?

Я говорю:

— Пока сведений нет, но жду каждую [минуту]...

Он (Понятовский. — *Ред.*) на хороших лошадях отправился, пару лошадей взяли они с мужиком с одним. Я мужику дал пятнадцать золотых рублей — три золотых пятерки (подпрапорщику, конечно, ничего).

Он говорит:

— Давайте поедem вперед.

Я говорю:

— Давайте, я ничего. Но я не знаю, если мы первые влетим туда, и там окажутся красные, это дело ваше.

Он говорит:

— Нет, ничего, поедem.

Поехали мы туда. Выскочили, наверное, верст на двадцать вперед. Нас верстах в двадцати пяти от берега встречает уже Понятовский и говорит:

— Там находится отряд атамана Семёнова под командованием генерала Правохенского¹⁵².

Тогда Сахаров — лошади у него хорошие, на тройку подсели, в момент туда прикатили. Начали сейчас же устраивать. Я попросил у него разрешения взять в эту же повозку (сани) подпрапорщика своего (или прапорщик он уже был), чтобы он у меня там занялся распределением квартир. Все мы приехали туда, там нас встретил этот Правохенский, пьяный (это была его способность; когда он потом был у меня под командой в Хабаровске, мне пришлось отправить его в тыл).

После этого части собрались, отслужили там первую панихиду по умершем Каппеле. Священники все военные собрались, там большая церковь была. Потом отправились, шли на Верхнеудинск.

Р.: *Вы отступали, а какая у вас была цель, последний пункт?*

М.: Чита. Это договор был с атаманом Семёновым. Мы приходим в Читу, там уже начинается наша новая жизнь в Забайкалье. Пока мы там приводим себя в порядок, части на Байкале будут закрывать все входы от красных. Это части

атамана Семёнова — вот этот самый Правохенский, он там и остался.

Р.: *Вы так и надеялись, что у вас в Чите будет передышка?*

М.: Да. Это уже было известно.

Р.: *Сколько вы всего прошли?*

М.: Две с половиной тысячи верст мы прошли, считая от Камы и до Читы.

Р.: *Много вы потеряли людей?*

М.: О конечно. Ижевцы потеряли примерно 25 процентов убитыми и ранеными, но масса было обмороженных, попавших в плен, потому что уставшие оставались, и их захватывали красные. Потом... часть переходила. Но уже когда мы были в Приморье, очень трудно было переходить (нужно было, чтобы война была, тогда бы они могли переходить).

У атамана Семёнова прием, по-видимому, был хороший, но дело в том, что я в Читку попал опять последним.

Р.: *Еще один вопрос до этого: а Вам или другим, рядовым солдатам, никогда не приходила идея сдаться, остановиться?*

М.: О нет. Мы предлагали всем своим, кто угодно...

Р.: *А почему они не сдавались? Вы-то — генерал, я понимаю, а они почему?*

М.: Они не сдавались, потому что были против. Рабочие-Ижевцы не хотели и думать о сдаче. Они знали, что если они туда придут, их всех уничтожат.

Р.: *Даже при этом ужасном отступлении? В общем, или отступить, или умирать?*

М.: Да. Так мы и сказали, что мы идем до тех пор, пока есть суша. Дойдем до океана — делать нечего, ныряй.

Р.: *Но у вас в то время еще была надежда на силы Семёнова?*

М.: Нет, лично я думаю, что не было уже надежды. Как мне вспоминается, атаман Семёнов нам представлялся так: у него мы сможем распределить части на Китайско-Восточной железной дороге, на Уссурийской дороге, потому что мы знали, что там будет буфер, там некоторое время будет буферное государство, как потом образовалась Дальневосточная республика¹⁵³. И мы решили, что распустим армию: пусть уходят, кто хочет. И когда я предлагал Ижевцам уходить на рыболовные промыслы (там находился один, который их брал), они говорили: «А Вы, Ваше Превосходительство, дайте удилище-то подлиннее».

Р.: Винтовку?

МЛ: Да, не хотят идти.

Р.: У Вас лично не было надежды, что Вы сможете реорганизовать фронт и наступать на красных?

М.: Не было у меня никакой надежды. Я чувствовал, что эта война уже кончилась.

Р.: Так рано?

М.: Так рано. Как мы уже пришли в Читу, война кончилась. Может быть, я немножко рано, если Вы хотите знать, как я попал в Читу...

Р.: Да, пожалуйста.

М.: Когда мы пришли в Верхнеудинск, я пришел последним. Начальник армии мне дает задачу, чтобы я прикрывал... вперед шёл на так называемый Петропавловский завод¹⁵⁴, который находится в одном переходе (это примерно 25—30 верст; по железной дороге, я думаю, 20 верст). Там кругом большие отряды красных партизан, которые упорно дерутся и которые открыто заявили, что они до сих пор боролись против семеновцев, а теперь будут бороться против всех. Из Верхнеудинска я выступил. Это очень интересно. Я еду в тылу, впереди идет Ефимов. Уже я — командир корпуса¹⁵⁵, а он командовал тогда Ижевской дивизией (дивизия еще все-таки считалась, но там уже дивизии, конечно, не было). Он ведет бой, я слышу. Это утром, туман (рано утром выступили). Я еду, при мне находятся ординарцы 12 человек и офицерская рота (верхом там человек 19—20) — в общем, примерно 35 человек было конных. Обозы тут же тянутся, все семи тут же тянутся. И вот справа я вижу: цепи наступают на нас, наступают буквально. Я первый заметил. Я говорю:

— Ординарцы, офицеры — за мной! Красные — вот, наступают в атаку.

Мы пошли в атаку. Вся эта офицерская команда отстала, я пошел только с ординарцами. Мы скакали так, что остались только я и шесть человек ординарцев. Мы врубились в красных, начали рубить их, стрелять. У меня шашка и револьвер в руке — я рубил, стрелял и был ранен в обе руки. Эта рука у меня прострелена была здесь, [пуля] вышла здесь, не задев кости (потом всё хорошо). А эта [рука] — пальцы были [ранены], потому что пуля сперва попала в мой револьвер.

Ладно, я прошел. Всё! Забрали пленных 29 человек, я их отправил в тыл, вперёд себя, к Ефимову отправил. По дороге такой

полковник Глудкин¹⁵⁶, его отряд был со мной, егеря назывались. Он их всех зарубил, что сделал очень плохо, принес мне страшно большой вред, во всем. Незачем их было, они дрались...

Р.: *Он пленных зарубил?*

М.: Да, пленных, которых я послал туда, он зарубил.

Р.: *А как он так, без суда, без всего?*

М.: Рубили якобы в бою, вы тут ничего не сделаете.

А у меня был в моих ординарцах, так и называли его — Васька Садурин, который на теле имел 64 раны, в мирное время получил — в боях «улица на улицу». Это Вы не слышали никогда? Улица на улицу ходили, дрались! В Ижевске это было, везде это было (мой отец, например, дрался в Казани с татарами в Пасху. Выходили стеной, оттуда столько-то человек, [отсюда] столько-то человек и дрались). Так у него 64 раны было. Это человек, у которого самое большое ругательство было «гады». Он первый подскакал к моей жене¹⁵⁷ и говорит: «Ну, Наталия Константиновна, ну и гад же я — не бросил бомбу, забыл бросить бомбу». А весь он обвешан был ручными гранатами.

В общем, мы прошли. Теперь я прихожу туда, в Петропавловск; охрану, всё устроил. И вдруг мне преподносят новый приказ от Командующего армией Сахарова, что мне при сражении с партизанами уничтожить их. Я думаю: «Что же это такое, как это так? Первый приказ — мне говорится: пройти, если придется, с боями и так далее. Я сделал свое дело, а теперь я раненый». Приезжает он, на них напали красные (на другой день они шли). Они выбрались — сели на лошадей и ускакали все. Хорошие лошади были, знаете.

Теперь на этом самом Петропавловском заводе заводится ссора с чехами, которые стоят на станции Петропавловский завод, а мы — в селе. Они прислали ко мне для связи (якобы) подполковника, который хорошо говорил по-русски (фамилию я забыл, да и не важно — я с ним очень мало разговаривал). Он заявил, чтобы не смели никто приходить на станцию из моей дивизии. Я говорю:

— Как? Русские не могут по своей территории ходить? Вернитесь, скажите Вашему начальнику, что будут ходить. Атак как он захотел, то я нарочно пошлю туда! И попробуйте тронуть!

А ко мне явился командир семеновского броневика (бронепоезда. — *Ред.*), который курсировал всё время. И говорит:

— Если они будут задираться, я Вам помогу — мы будем стрелять, я не отойду отсюда, мы станцию раскатаем вовсю.

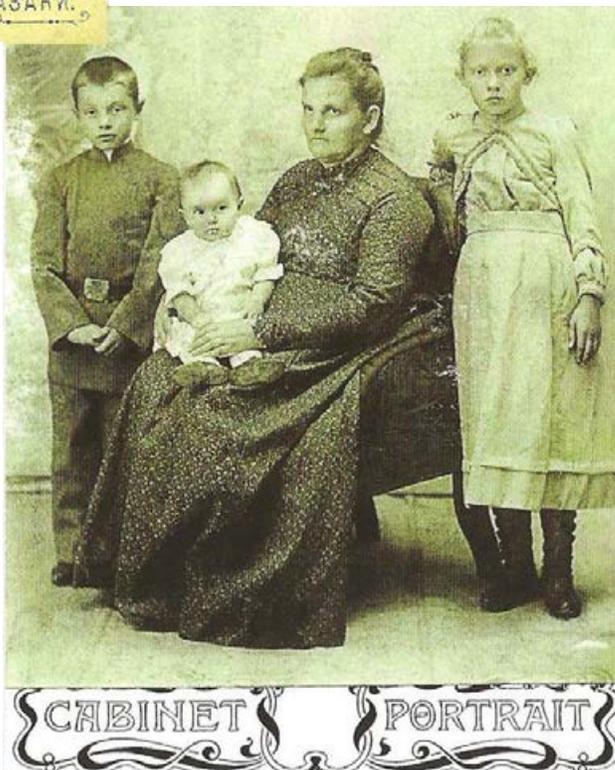
М. И. Молчанов,
отец В. М. Молчанова

Александр Молчанов,
старший брат В. М. Молчанова

Сергей Молчанов, младший
брат В. М. Молчанова
(Елабуга, ок. 1915 г.)

Л. В. Молчанова с младшими детьми, слева направо:
Сергей, Валентина, Зоя (Елабуга, ок. 1903 г.)

(фотографии предоставлены А. С. Молчановым)

Спасский собор
в Елабуге. По праздникам
на службах в соборе
всегда присутствовали
реалисты

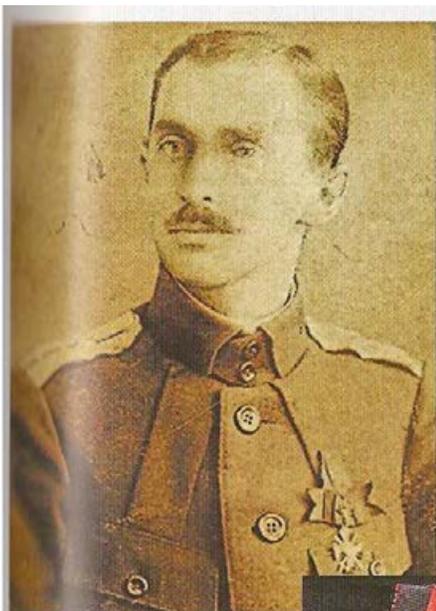
Чистополь.
Казначейство, Почта, Телеграф и Полиция.

(фотография предоставлена Р. Х.Хисамовым, г. Чистопол!)

Здание Елабужского реального училища, построенное в 1880 г.
(фотографии из фондов Елабужского государственного музея-заповедника
предоставлены Д. А. Галимовым).

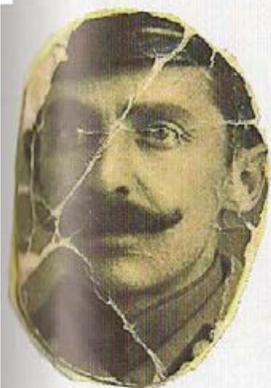
В. М. Молчанов - кавалер ордена
Св. Владимира 4-й ст. с мечами
и бантом (ок. 1915 г.)
(личный архив М. В. Молчанова.)

Знак Алексеевского
военного училища,
выпущенный в
память
назначения
Цесаревича Алексея
шефом училища.
Выдавался только
тем,
кто состоял в списке

Орден Св. Владимира 4-й ст.
с мечами и бантом, которым
был награжден
В. М. Молчанов
(фото Л. Тремсиной).

Фотография из медальона,
подаренного В. М. Молчановым
матери. Между 1910 и 1915 гг.
(личный архив Т. М. Трибендис).

Наталья Скордули.
Между 1910 и 1915 гг.
(личный архив семьи
Скордули).

Подарок В. М. Молчанову
от прапорщика Понятовского
(коробок для спичек). 1917 г.

Елабуга. Здание уездного
управления полиции,
с помещениями для чинов
пожарной команды.
Летом 1918 г. здесь располагался
штаб Елабужского гарнизона,
возглавляемый В. М. Молчановым
(фото предоставлено
Д. А. Галимовым).

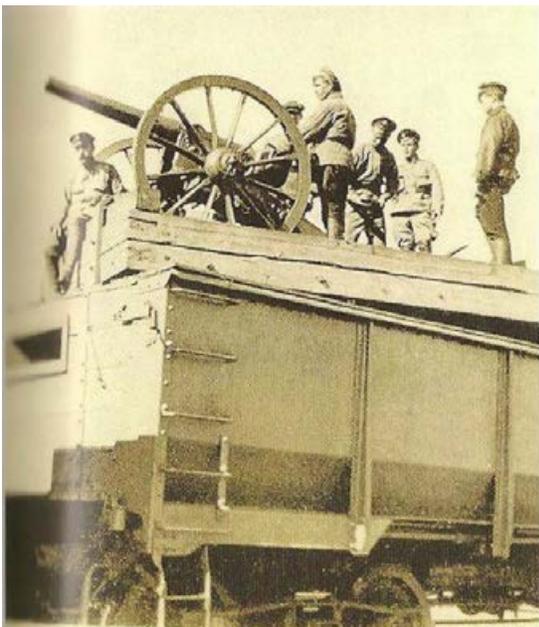
Портсигар – фронтовой подарок В. М. Молчанову. Рига. 1916 г.

Надпись на обороте: «Смотр Ижевской дивизии адмиралом А. В. Колчаком, переданный мне 29 марта 1919 г. во время Открытого собрания о Февральской революции в Банкетном зале Русского центра г-ном Переваловым». Осень 1919 г. (Музей русской культуры в Сан-Франциско, фонд 63).

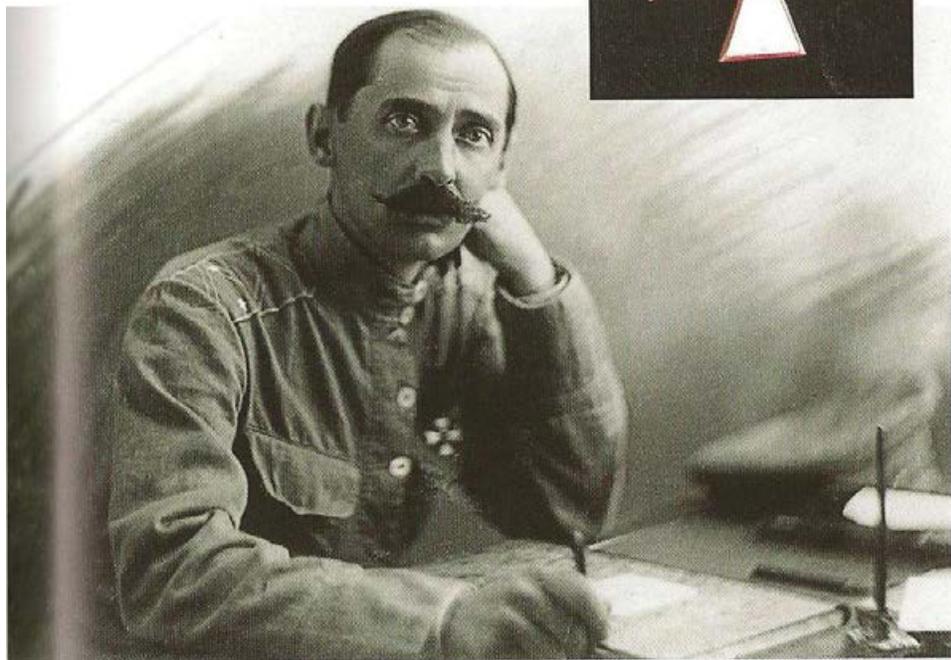

Надпись на обороте: «Сучанские копи, 1921 г. [ныне г. Партизанск в Приморье.- Ред. Сидят во 2-м ряду: кап. Смолин, япон. офицер, полк. Баев, кап. Такисава, полк. Ефимов, пор. Богданов. На лошади ротм. Багиянц» (личный архив А. А. Ефимова).

Надпись на обороте: «Бронепоезд "Бесстрашный",
Чита, март 1920 г.» (Музей русской культуры
в Сан-Франциско, фонд 63).

Орден Св. Георгия 4-й степени,
которым В. М. Молчанов был
награжден в сентябре 1919 г.

Генерал Молчанов - начальник военного гарнизона г. Владивостока. 1921 г.
(личный архив М. В. Молчанова).

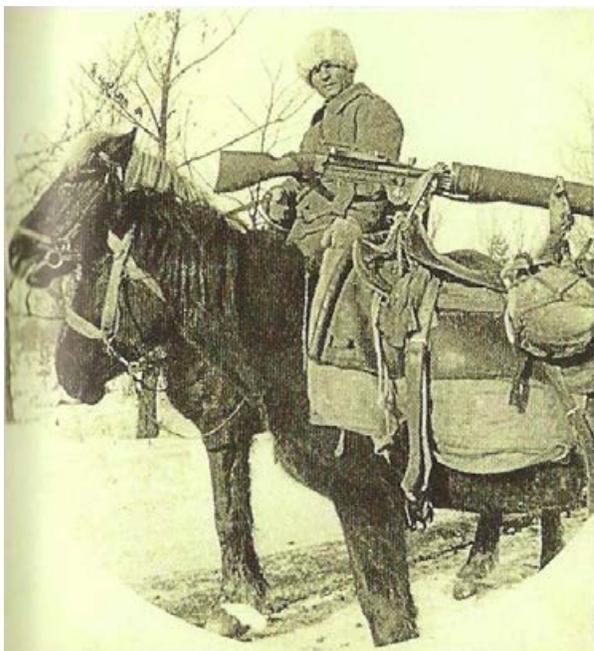
Надпись на обороте: «Белоповстанцы. Хабаровская экспедиция, февраль 1922 г. Фото Е. Левитского» (Музей русской культуры в Сан-Франциско, фонд 63).

Надпись на обороте: «Бронепоезд "Каппелевец" у Хабаровска. Зима 1921 -1922 гг. фото Е. Левитского» (Музей русской культуры в Сан-Франциско, фонд 63).

Надпись на обороте: «Орудие. Хабаровская экспедиция, март 1922 г.
Фото Е. Левитского» (Музей русской культуры в Сан-Франциско, фонд 63).

Надпись на обороте: «Хабаровская экспедиция.
Вьючный пулемет. Зима 1921–1922 гг. Фото Е. Левитского»
(Музей русской культуры в Сан-Франциско, фонд 63).

Подстаканник с надписью
«Дорогому Отцу Комкору-3
генералу Молчанову
от чинов 3-го Артдивизиона.
1920-1923 гг.»

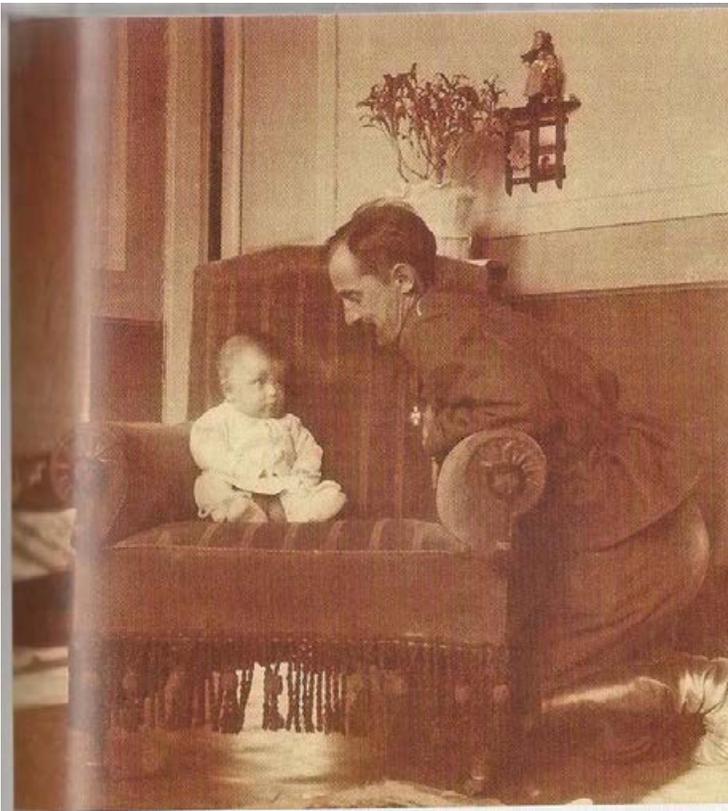
Слева направо: ген. В. М. Молчанов,
С. Д. Меркулов, Н. Д. Меркулов,
ген. Г. А. Вержбицкий

Памятная
серебряная медаль
(реверс) участника
Приамурского
Земского Собора
(июль-август 1922 г.),
принадлежавшая
В. М. Молчанову

Кадры из кинохроники военного парада по случаю годовщины установления
власти Временного Приамурского правительства. Владивосток, 26 мая 1922 г
(из фонда РГАКФД, г. Красногорск. Оп. киносъемок № 1152).

В. М. Молчанов с сыном Мишей. Владивосток, лето 1922 г.
(личный архив М. В. Молчанова).

Владивосток, 1922 г. Слева направо: полк. Сотников, А. И. Пучкова, ген. Молчанов,
ген. Вержбицкий, О. П. Петрова, ген. Пучков (личный архив М. В. Молчанова)

Надпись на обороте: «Китайская охрана принимает оружие около гор. Хунчуна. 2 ноября 1922 г.» (Музей русской культуры в Сан-Франциско, фонд 63)

Штаб в Хунчуне (Китай), ноябрь 1922 г. [Слева направо] генералы: Ястребцов, Дитерихс, Вержбицкий, Молчанов, Пучков. Полковники: фон Вах, Ефимов, Березин (личный архив М. В. Молчанова. Подпись к идентичной фотографии - Музей русской культуры в Сан-Франциско, фонд 63).

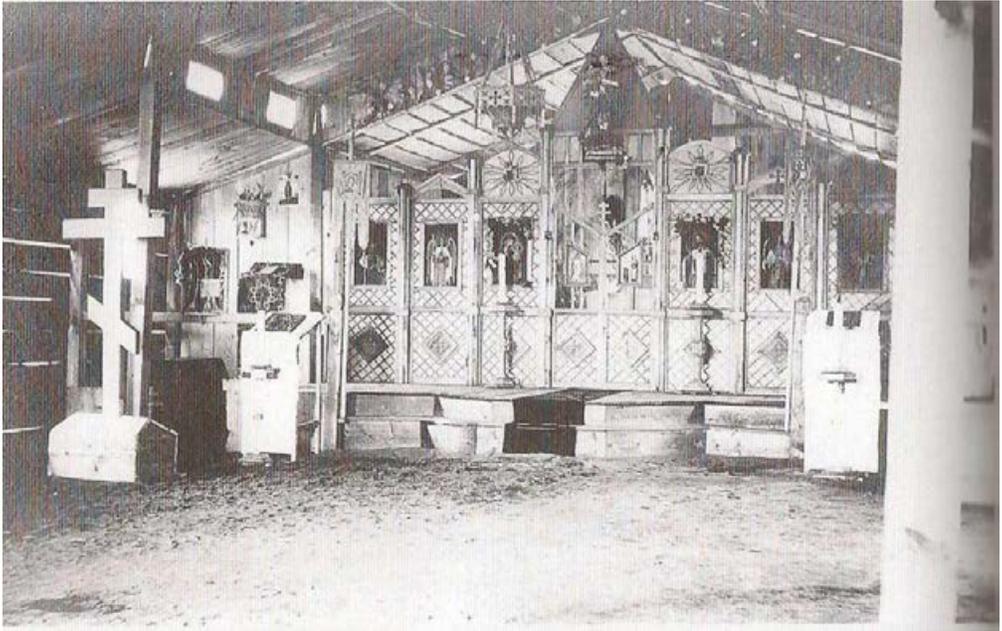
В. М. Молчанов с бородой, осень 1922 г.
(личный архив М. В. Молчанова).

Н. К. Молчанова с сыном Мишей,
1922 г. (личный архив
М. В. Молчанова).

(Надпись на обороте: «На Пасху в лагере, Гирин, 1923 г.»
(личный архив М. В. Молчанова).

Походный храм в лагере в Гирине (личный архив М. В. Молчанова)

На площади в лагере, 1923 г. Слева - храм (личный архив М. В. Молчанова).
Из подписи к идентичной фотографии из архива потомков ген. Дитерихса:
на площади в Хунчуне, ноябрь 1922 г. *Щит. по-.* Генерал Дитерихс. М., 2004)

Гирин, весна 1923 г.
 Сидят (слева направо):
 полк. Ефимов, ген. Молчанов,
 полк. фон Вах, полк. Дробинин.
 Стоят: ?, полк. Черкес, полк. Зуев
 (личный архив М. В. Молчанова).

В. М. Молчанов с китайскими офицерами. 1923 г.
 (личный архив М. В. Молчанова).

И М. Молчанов, Гирин, 1923 г.
 (Личный архив
 М. В. Молчанова).

Гирин, 1923 г. (личный архив М. В. Молчанова).

Полк. А. Г. Ефимов, ген. В. М. Молчанов, полк. Б. Э. фон Вах.
Гирин, весна 1923 г. (личный архив М. В. Молчанова)

Я собрал командиров и говорю:

— Выставлять охранение и быть готовыми к бою с чехами.

Все довольны, знаете: «Ну и слава Богу, мы их расчистим».

Чехи сейчас же по проводу дают атаману Семёнову знать, что им мешают, что генерал Молчанов пришел с Ижевцами и мешает их продвижению. Как я мешаю? Что я — стою на рельсах? Иди! Этот бронепоезд сейчас же отойдет, встанет на ветку и пропустит их. А там, оказывается, они собрались и ждали. В-первых, выкачивали хлеб. И несколько дней стояли, несколько поездов собралось.

Ночью я почти не спал — раненый, и болит рука, и пальцы болят. Меня даже поместили к старым евреям в дом, и они сказали: «Пожалуйста, всё будет наше — мы Вас угостим». И они угощали меня так, что не приведи Бог — пироги, понимаете, и щука-то их была такая вкусная. Сейчас же Ижевцы развели спиртяги. А как выпить-то? Ну, я словчился: рюмку-то брал в эту, на перевязи руку, рюмку вот так брал пальцами, а этой рукой тянул кверху. А Ижевцы смотрят: «Ну, может водку пить — всё хорошо будет».

Теперь этот генерал Сахаров: сразу садятся на поезда (подаются поезда на станцию), чехи прошли — за чехами едут на поездах. А меня опять раненого оставляют в тылу, я уже иду последний. Я пробил дорогу, а теперь я последний иду?! Ладно...

Р.: *Все другие части белые вышли, а Вы стояли на охране?*

М.: Да. Когда я стал двигаться, как мне нужно: меня подсаживают на лошадь, у меня лошадь такая была — я не могу сесть. Когда меня ранило, когда перевязывали меня, я слез, потому что я подняться на свою лошадь не мог (у меня большой конь был), на маленькую лошадь сел.

Идем на Читу. Опять всё время с большой охраной, всё время: в одной стороне перестрелка, в другой стороне перестрелка. Остановился я примерно между станцией Черемхово и Читой. Мне по прямому проводу приказание: оставить командование на кого-либо и явиться в Читу, будет в таком-то часу совещание генералов: что дальше делать. У меня шашки нет, шашку я потерял, когда это в бою-то было, и револьвера нету, ничего на мне, даже оружия-то, нету — как туда ехать? Иду на железную дорогу и говорю:

— Как насчет того, чтобы мне достать паровоз, на паровозе прямо туда проехать?

Мне этот железнодорожник говорит:

— Я сейчас вытребую паровоз. Но уже передавали, что там Вам готовится встреча на станции Чита.

(1-я или 2-я [Чита], я не помню, — та главная.) Я говорю:

— Вы отдайте распоряжение этому, да я и сам ему скажу, — на другой Чите остановиться.

Я остановился на другой Чите, глухое место такое, взял извозчика (были извозчики) и поехал, как мне сказали, в женскую гимназию. И вот там я встретил всех генералов, без атамана Семёнова. Как раз обсуждали атамана Семёнова.

Р.: *А где он был ?*

М.: Он там, в Чите был, но это каппелевские генералы, собрание было.

Р.: *Но ведь Колчак передал власть атаману Семёнову?*

М.: Да, он был в Чите. Атаман Семёнов — Главнокомандующий, и мы даже считали, что он (Колчак. — *Ред.*) и передал всю верховную власть ему.

Р.: *Вы с этим были согласны ?*

М.: А мы что могли сделать? Ничего не могли сделать.

Р.: *Но признавали эту передачу?*

М.: Да, конечно. Когда я вошел туда, там был главным председательствующим генерал Войцеховский. Все генералы встали и приветствовали меня, чего никогда не бывало: толькоходишь и старшему представляешься. Я отказался участвовать в этом собрании: обсуждали, что делать с Семёновым.

Р.: *А как так, почему?*

М.: Что, дескать, как же мы будем. Я высказал свое мнение, что мы приехали сюда, он — хозяин, а мы — гости. Я говорю: «Вы смотрите, уже все наши раненые распределены по госпиталям, тифозные и так далее». Я уже узнал, я там стоял целые двое суток на этой станции, налаживал всё это, когда части подтянул, с ними связь; распределял, где стоять — это взяло время.

В общем, это кончилось ничем, абсолютно ничем. Я запротестовал, я не хотел ничего этого делать, никаких обсуждений, я никогда не признавал, чтобы генералы собирались и обсуждали высшее начальство, этого нельзя было делать.

Дальше уже началось: когда я приехал, мы старались как-то привести части в порядок, одели их, уже подходила весна скоро, надо было менять всё. Распределились очень хорошо, в смысле помещений, всё это было подготовлено для нас. Затем по деревням распределились.

Потом уже я был назначен командиром корпуса. Мое занятие было до ухода в этот самый... — борьба с красными. Я был в походе на Нерчинский завод, который не могли взять сами семёновцы. Ходили туда же японцы и потеряли там два батальона.

Р.: *А японцы были в Чите?*

М.: Да, целая дивизия стояла. Они охраняли (так называлось) железную дорогу и пропускали чехов. Всё одно было.

Р.: *А красных не пропускали?*

М.: Красных не пропускали (то есть когда уж они окончательно отходили к своей там...). Но у них полоса была такая: Верхнеудинск они занимали только какой-то миссией. А они стояли под Читой — Черемховские копи, и то там было только что-то — всё стояло в самой Чите. У меня завелись связи с генералом Сузуки, начальником дивизии. Его начальник штаба очень был сочувствующий русским. Но всё равно, как Вы ни говорите, они преследовали, конечно, только свои цели.

Р.: *А какие у них были цели?*

М.: А цели такие: как-нибудь утвердиться и захватить часть [территории] для их расселения.

Когда красные наступали на нас в Пасху (это был уже 1920 год), наступали на Читу, я все донесения в соборе получал. И потом донесение, что они близко подходят, — тогда пошел. Мы вместе с Войцеховским поехали на передовые позиции, может быть, там полторы-две версты было. И вот наступление красных. Сидят японцы, едят рис в окопах. Какая-то команда: «У-у!» — соскочили. «У-у!» — прицелились. «У-у!» — стреляют. «У-у!» — сели опять. И не интересуются дальше, что это было, — их бьют...

[Фрагмент 7: перевод с английского]

М.: Таким образом, атака красных на Читу была отбита. Мне с моей кавалерией предложили преследовать красных вместе с японской кавалерией. Мы атаковали, но японская кавалерия опоздала и в этом не участвовала. Эта контратака была успешной, мы отбили у красных много военного имущества, включая имущество бывшего полкового оркестра Императорской гвардии. Опять моя конница одержала победу благодаря своему прекрасному командиру, армянину Багянцу.

Во время этого относительного затишья между боями я смог реорганизовать свои войска, вернуть их хоть в какой-то боевой вид, но у меня оставалось очень мало солдат, я бы сказал, не больше тысячи Ижевцев. В это время у нас в Белой армии всего оставалось не больше 10 000 бойцов. Когда называют цифру в 25 000, это на самом деле включало беженцев и семьи. У Семёнова было меньше 10 000, но, конечно, некоторые его полки не так сильно уменьшились, как наши во время того зимнего похода, который мы совершили. В этом смысле его полки были гораздо лучше наших. И его бойцы, и бойцы барона Унгерна были бывшими солдатами армии адмирала Колчака, которые были ранены и отправлены в Читу для выздоровления. После выхода из госпиталя они обычно присоединялись либо к войскам Семёнова, либо барона Унгерна.

Р.: *У Вас была возможность познакомиться с бароном Унгерном?*

М.: Да. Я Вам об этом расскажу. Когда я повел наступление на Нерчинск, я получил приказание принять в число моих войск соединения барона Унгерна, поскольку у него были довольно неплохие боевые силы. Это происходило очень близко к китайской и монгольской границам, там стоял со своими войсками Унгерн. Они были на реке Улдза. 2-й стрелковый корпус был расквартирован на станции Оловянная. Мой 3-й стрелковый корпус находился около станции Борзя, а войска барона Унгерна — около станции Даурия.

В то время из Читы во Владивосток шли две железные дороги: одна — севернее Маньчжурии, другая шла через Маньчжурию, через Харбин в сторону Владивостока. Чехи и белые могли следовать только по той дороге, которая шла через Харбин, так как другая, которая проходила севернее Китая, полностью контролировалась красными партизанами.

Я выступил к реке Шилке, на которой стоит Нерчинский завод, то же сделал и Унгерн. В то время Благовещенск, который находится гораздо восточнее, был в руках красных, а Владивосток — в наших руках. Там были японцы,¹ и красные не могли там утвердиться. Американцы уже покинули Владивосток¹⁵⁸, это было в 1920 году.

Р.: *Каковы были Ваши впечатления об атамане Семёнове?*

М.: Когда я прибыл в Читу, Семёнов пригласил меня к себе в гости. Первое, что он сделал, — подарил мне новую шашку,

как как своей я лишился, и подарил мне часы, так как их у меня тоже не было. Он угостил меня довольно простой едой — немного супа, баранины и какие-то консервированные фрукты. Потом мы долго беседовали. Сначала он мне сказал:

— Я о Вас много слышал и хотел с Вами поговорить. Я знаю, что Вы не интересуетесь политикой, но я хотел рассказать Вам о моей политической ситуации. Вы представляете, что бы случилось, если бы меня здесь не было? Здесь бы был полный беспорядок и дезорганизация, потому что здесь восстали все казаки.

А я сказал:

— Но, атаман, они восстали против Вас.

Он ответил:

— Возможно, они поднялись против меня лично, но если бы меня не было, они бы восстали против кого-нибудь другого, потому что здесь была сильнейшая пропаганда против белых, организованная красными из Нерчинска и Сретенска.

Позже, когда я был в тех местах, я узнал, что казаки и рабочие хотели утопить Семёнова и были очень враждебно против него настроены. Они рассказывали мне о нем ужасные вещи: как он лично отдавал приказы убивать людей ни за что.

Но тогда он произвел на меня хорошее впечатление. Я считал его храбрым человеком, он был Георгиевским кавалером и отличным бойцом. Но я не знаю, возможно, он был просто лично храбрым человеком.

Все обвиняли его в том, что он сожительствовал с очень красивой женщиной, которую звали Маша. Я считаю, что она была замечательным человеком, она очень помогала нам с устройством раненых в госпиталях. Она целыми днями бегала из одного госпиталя в другой, следила за порядком. Я не знаю о его личной связи с ней, но он говорил, что она дала ему много денег и помогала ему. Вскоре после этого она уехала, взяв с собой довольно много денег, а он женился на другой. Как я понял, он женился на дочери какого-то казачьего священника из Оренбурга.

Когда я взял Нерчинский завод, японцы и красные договорились о перемирии. Никто не хотел драться, потому что все знали, что с красными идут переговоры об образовании Дальневосточной республики. Японский капитан, который находился в Чите, всё время говорил мне, что японцы скоро уедут, и я ожидал этого с недели на неделю. Это происходило

из-за давления, которое оказывали американцы на японскую императорскую армию.

Вскоре нас стали атаковать партизанские полки красных¹⁵⁹. Это были огромные соединения, большинство из них состояли из забайкальских казаков, которые ненавидели атамана Семёнова. Лично я считаю, что на казаков оказывала большое воздействие пропаганда [красных], которая распространялась из Благовещенска и других городов, расположенных на железной дороге.

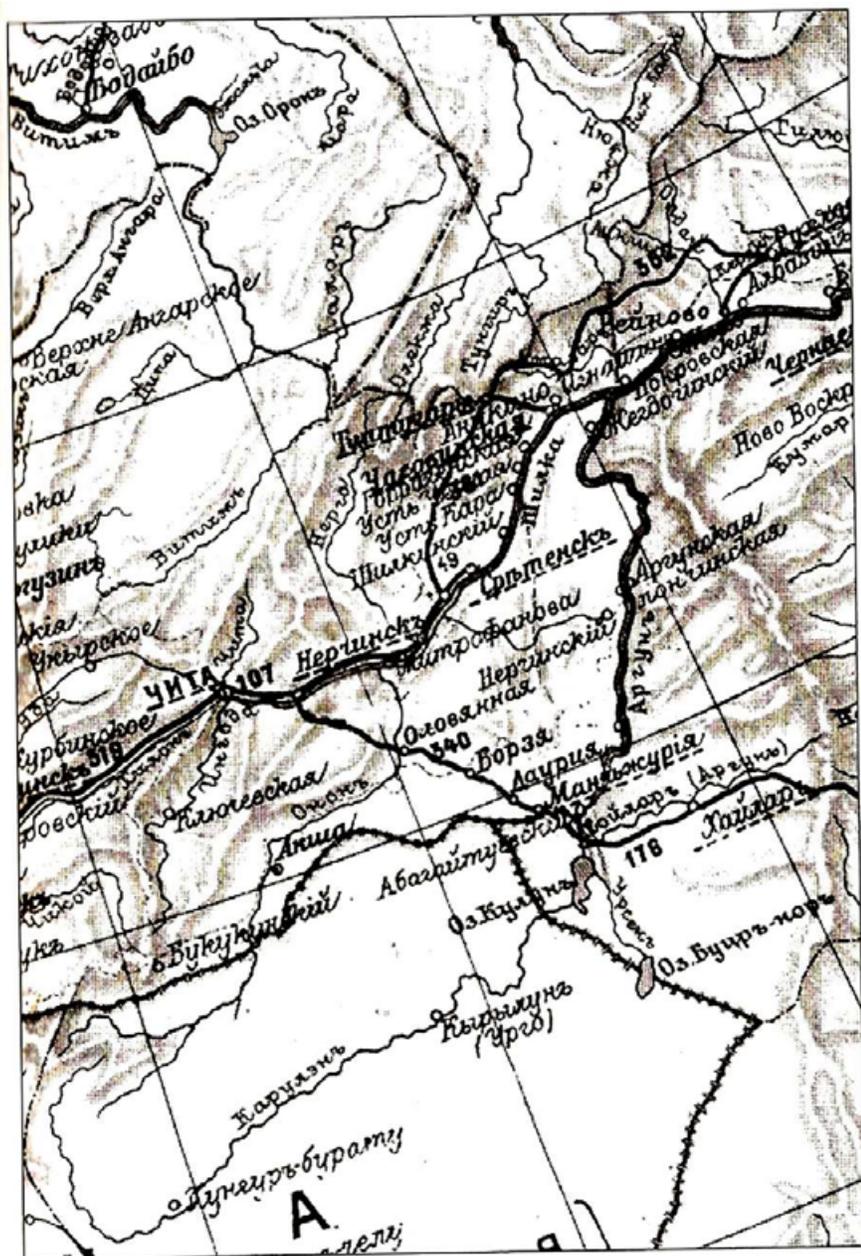
Когда я наступал к Нерчинску, меня всё время окружали со всех сторон эти партизанские отряды, и моим единственным средством связи с Читой был небольшой аэроплан. Однажды этот аэроплан прилетел с известием: «Будьте осторожны и готовьтесь, потому что ходят слухи, что красные собираются атаковать Читу со всех сторон». Я написал Семёнову письмо, чтобы выяснить, так ли это, и узнал, что красные проходили мимо разных железнодорожных станций около Читы. Это было уже в августе или сентябре 1920 года.

Р.: Почему Вы расположились на станции Борзя, вместо того чтобы сразу двинуться в сторону Читы и прекратить драться, ведь Вы уже знали, что для белых больше не было никакой надежды?

М.: Нужно было сохранять открытыми некоторые позиции и дороги, чтобы все рассеянные силы белых могли пройти через них к китайской границе. Потом наступил момент, когда некоторые наши соединения должны были пересечь монгольскую границу, чтобы бежать от красных. На станции Оловянная сдался командовавший там генерал Смолин. Он также командовал частью Воткинцев. Они были близкими соседями моих Ижевцев, и они пришли ко мне, чтобы драться с большевиками под моим командованием.

Затем я стал Командующим армией как самый старший из оставшихся генералов (поскольку Командующий армией отступил вместе с какими-то войсками из Читы в Монголию) и затем прибыл на станцию Борзя. Мы хотели любой ценой сохранить свои организованные войска, чтобы иметь возможность пройти через Маньчжурию и добраться до Владивостока. Это было уже время последних сражений.

На последнем аэроплане атаман Семёнов вылетел из Читы на железнодорожную станцию Маньчжурия, а затем в японский

Забайкалье

порт Дайрен, где и остался. Барон Унгерн был вынужден уйти в Монголию, которая была мало населена. Он пересек границу, которую китайские правительственные войска не контролировали, так что его соединение оставалось вооруженным. Барон Унгерн хотел, чтобы я пошел с ним, прошел через Монголию и затем из Монголии на север к Иркутску, но я отказался, потому что считал это безнадежной затеей. Всё, что у него было, — это около 13 000 бойцов и довольно сильное артиллерийское соединение.

Барон Унгерн был офицером Императорской Гвардейской кавалерии. Во время Японской войны он просил перевести его в казачью кавалерийскую дивизию, чтобы иметь возможность участвовать в боях с японцами. И он там остался. Когда я наступал на Нерчинск, ко мне явился один человек и представился мне полным военным чином. Он меня знал, а я не знал, кто он такой. Так что барон Унгерн доложил мне:

— Ваше Превосходительство, и т. д. и т. п.

А я вдруг ему сказал, сам не зная, что говорю:

— Но ведь Вы, барон, никого не слушаете?

А он ответил:

— Я не подчиняюсь этому вору в Чите, но я буду подчиняться Вам.

В это время у нас уже не оставалось ни соли, ни сахара, и барон снабдил нас и тем, и другим. Он стоял на станции Даурия. Он набирал себе солдат, снимая их с поездов, и таким же образом он поступал с любым имуществом, которое ему требовалось. Он был странным человеком. Люди, видимо, его любили, не знаю, за что. Возможно, он был жестоким по отношению к своим людям, к своим бойцам, но, насколько мне известно, не по отношению к окружающему населению. Он требовал исключительно строгой дисциплины. Я слышал, что у него были какие-то камеры пыток. Но когда я впоследствии был на станции Даурия, я не нашел никаких следов каких-либо пыток или иных методов, которые, как говорили, он применял.

Я провел на станции Даурия целую неделю, когда сражался там с красными, и искал эти камеры пыток, но не мог их найти. Его офицеры говорили, что он был очень строгим, но в то же время очень заботился о своих людях. И мне кажется, что если бы он был таким уж зверем, то его бы, наверное, прикончили.

Я согласился сотрудничать с ним и принять его под свое командование, если он будет ежедневно являться ко мне и отчитываться, что он сделал за день.

К этому времени генерал Сахаров уже уехал в Европу, уехал даже генерал Войцеховский. Они просто уехали, когда Семёнов выдал им какую-то сумму денег. Все они получали деньги от Семёнова. Затем на место их обоих, Войцеховского и Сахарова, прибыл генерал <Лохвицкий>, русский генерал, который командовал русскими войсками во Франции во время Великой войны. Но это было уже ближе к концу.

Я смог взять Нерчинск без помощи Унгерна. От Нерчинска я пошел на север. После прибытия Унгерна я атаковал деревню Баргак, где красные партизаны уничтожили два японских полка. Оттуда я начал перебрасывать часть моих войск на пароходах в Сретенск. В Сретенске я организовал постоянный штаб своего 3-го стрелкового корпуса. Мы прибыли в Сретенск в конце осени 1920 года и там остановились. Хотя мы шли туда на пароходах, по пути нам приходилось вести небольшие бои с красными отрядами, находившимися на берегу.

Также мы часто останавливались у казаков, живущих в тех местах, и давали им соль, которой у них не хватало, в обмен на яйца и другую провизию. В Сретенске мы стояли близко к реке Амур¹⁶⁰, и это место было очень удобным.

В это время уже было объявлено перемирие между красными, белыми и японцами, так что я даже время от времени мог вести совещания и пить чай с командирами красных партизан, которые [до этого] выступали против меня. Во время этого перемирия я смог перебросить свои войска из Сретенска на станцию Борзя.

Я оставался в Борзе до самого конца, когда там уже никого не оставалось, и перешел китайскую границу в числе самых последних белых бойцов. Там, на китайской станции Маньчжурия я сдал свое оружие и вел переговоры с японцами и китайцами. Всё сжигалось. Я даже должен был сжечь некоторые аэропланы, которые были брошены пилотами. Это отступление из Борзи к китайской станции Маньчжурия было очень плохо организовано. Оно не было подготовлено, и там была ужасная неразбериха.

Р.: Кто в то время командовал всеми вашими войсками?

М.: Командовал армией (тем, что от нее осталось) генерал Вержбицкий¹⁶¹, до этого он был командиром 2-го стрелкового корпуса. Я был в его непосредственном подчинении.

Р.: Вы были непосредственно подчинены ему, а не Семёнову? Семёнов тогда не участвовал в командовании армией?

М.: Нет, но он пытался это делать. Например, когда генерал Вержбицкий был на станции Маньчжурия, я получил приказание от генерала Сукина, начальника штаба атамана Семёнова, наступать тремя колоннами туда-то и туда-то и, конечно, это было совершенно невозможно. Так что я из Борзи вызвал генерала Сукина по проводу и очень долго говорил с ним, пытаюсь доказать ему, что его приказание было абсолютно не выполнимо. И я сказал: «До прибытия генерала Вержбицкого я больше не принимаю приказов». И всё.

Прибыл атаман Семёнов, чтобы переговорить со мной. Он приехал на станцию Борзя на бронепоезде, и все его орудия были направлены на главную площадь. Я увидел это и приказал своим артиллеристам выставить все свои пушки на площадь и направить их на этот бронепоезд. Только после этого я к нему туда пошел. Я сказал:

— Хорошо, атаман, Вы направили свои пушки на меня, поэтому я направил свои на Вас. Если Вы попытаете двинуть свой бронепоезд, он будет разбит в щепки. И если я не покину его в назначенное время, то я уже оставил приказ, чтобы по поезду били прямой наводкой.

Атаман Семёнов сразу же ответил:

— О, генерал, что Вы делаете? Всё в порядке!

А я сказал:

— Атаман, Вы пытаетесь издавать приказы теперь, когда уже не осталось тех, кому приказывать. Вы пытаетесь указывать армии, как ей проехать через Маньчжурию, но Вам нечем командовать.

Вот так это было. Что еще пытался делать Семёнов — это подкупать старших командиров, давая им по десять тысяч рублей золотом, что называлось, на «необходимые расходы». Конечно, у него было всё золото Колчака¹⁶², и я знал, что с ним происходило, потому что я знал человека, который состоял в охране этого золота, и он сообщал мне обо всем.

Я отказался от этих денег, а многие другие генералы их приняли <— генерал Смолин¹⁶³ и другие>. Я издал приказ в стиле большевиков: «Всем! Всем!», в котором оповещал о том, что делал Семёнов — раздавал деньги. Я также сообщил всем, что я не возьму ни копейки, если все остальные бойцы в армии не получают того,

что им полагается. В общем, осенью 1920 года мы полностью порвали с ним отношения. Когда пала Чита, вместо того чтобы остаться со своими войсками в Маньчжурии, чтобы убедиться, что с ними всё в порядке, он просто улетел в Дайрен.

На станции Маньчжурия мы должны были провести важные переговоры с китайскими властями по поводу нашего оружия. Мы не хотели сдавать оружие, а китайцы не хотели пускать нас к себе в страну, если мы его не сдадим. Мы боялись, что красные будут нас преследовать и атаковать, когда мы будем уже безоружными, даже если для красных это означало бы вторжение на китайскую территорию. Кроме того, нам было необходимо оружие, так как мы собирались проехать через Маньчжурию, вновь пересечь границу и войти в Приморье и Владивосток.

Р.: Почему Вы должны были вести переговоры с китайцами? Разве Китайская Восточная железная дорога не была в особой зоне под контролем русских военных?

М.: Нет. Когда произошла большевицкая революция, большевики денонсировали все экстерриториальные права, и китайские власти заняли полосу отчуждения. В то время Китайская восточная железная дорога уже не была под командованием русского генерала Хорвата, ее управляющим был Ваш дед, Борис Остроумов¹⁶⁴. Однако всё было под контролем китайцев. Они осмотрели поезд и не хотели давать нам разрешения провозить оружие. Я сказал китайскому офицеру, что он не в силах обеспечить выполнение своих требований. На самом деле это был не китаец. Это был японец, который возглавлял там японскую миссию. Затем я стал говорить с командиром находившегося там китайского военного соединения. Он когда-то служил офицером в Русской армии, хотя и был китайцем. Он очень хорошо говорил по-русски и отнёсся к нам с большим сочувствием.

Этот офицер посоветовал мне разговаривать с китайским генералом очень грубо и требовательно, потому что тогда я смог бы добиться своего. Так что я поговорил через этого переводчика с генералом угрожающим тоном и в конце концов убедил его поступить по отношению к нам по справедливости. Я добился того, что я не сдаю оружие, пока он не гарантирует мне, что красные не будут нас преследовать. Тем временем почти все наши войска уже пересекли границу. Я со своим корпусом был последним.

VII. ОТСТУПЛЕНИЕ В КИТАЙ

М.: Наконец мы были в Китае, и, конечно, мои солдаты в тот же вечер напильсь пьяными. Теперь мы были на нейтральной территории. Вскоре после этого я поехал в Харбин, где размещался штаб генерала Дитерихса, он вел все переговоры с китайцами и союзниками, а также с управляющим железной дорогой. Так что когда <все мои войска> пересекли границу, я по секрету поехал в Харбин, чтобы переговорить с Дитерихсом. Он одобрил все мои приказы и сказал, что я был прав, когда проявил твердость во время переговоров на границе насчет оружия. Когда красные узнали, что Молчанов не сдал оружие, они побоялись пересекать границу и преследовать нас, потому что знали, что мы окажем им сопротивление. Кроме того, китайцы охраняли станцию Маньчжурия.

Дитерихс добился того, что нас доставят по железной дороге в Приморье, и его переговоры нам очень помогли. Часть бойцов, которые перешли границу вместе с нами, поехала с нами во Владивосток, а часть осталась в Харбине и некоторых других местах.

Р.: Почему Вы не остались?

М.: А как я мог остаться? Что я должен был бы делать — бросить своих бойцов? Почему я должен был оставаться в Харбине? Я всегда мог бежать из Владивостока обратно в Харбин, но мне не хотелось этого делать. Не то чтобы у меня оставалась надежда на победу в Гражданской войне. Никакой надежды у меня не было, но мне больше ничего не оставалось делать. Многие офицеры остались, некоторые даже на станции Маньчжурия, а другие в Харбине.

Р.: У Вас не было уже никакой надежды на успешное возобновление Гражданской войны ?

М.: Нет, никакой. Я мог бы бежать в Харбин задолго до этого, но я решил, что останусь со своими офицерами и солдатами до самого конца. У меня, в конце концов, были определенные обязательства. Они следовали за мной, и я не мог их просто так бросить.

Р.: Когда вы наконец пересекли Маньчжурию и прибыли во Владивосток, как долго вы надеялись удерживать его от красных?

М.: Этого мы не знали. Мы надеялись, что пробудем там какое-то время, пока не уйдут все интервенты. Мы знали, что

когда мы останемся одни, это будет очень трудно. Но я считал, что если у нас будет там настоящее правительство, мы сможем оставаться очень долго. Но население нас не поддержало, и правительство Меркуловых¹⁶⁵ не проявляло активности, <чтобы повлиять на это>.

Р.: *Была ли у Вас надежда на контрреволюцию в самой России?*

М.: Нет, совершенно не было. Всё уже прочно находилось в руках красных. На этот счет у меня не было надежды.

VIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОССИЮ: ПРИМОРЬЕ

Р.: *Когда вы прибыли на станцию Пограничная на границе Приморья и Маньчжурии, вернули ли вам китайцы оружие и боеприпасы?*

М.: Нет. Мы не поехали сразу во Владивосток, а остались на двух станциях, расположенных между китайской границей и Владивостоком, — Раздольная и Никольск-Уссурийский. Я был во Владивостоке несколько раз. Генерал Вержбицкий всё еще командовал армией и подчинялся правительству Меркуловых во Владивостоке.

Когда мы вошли в Приморье поздней осенью 1920 года, во Владивостоке было первое социалистическое правительство — так называемое правительство Медведева¹⁶⁶, наша армия считала его социалистическим.

<Многие наши офицеры часто ездили во Владивосток. Хотя я хорошо знал этот город, я туда не ездил. У меня были непростые отношения с американцами, и мне не хотелось вступать с ними в споры. Вообще американские солдаты вели себя там плохо. У них было много денег, они ходили там в рестораны, выпивали и потом затевали драки с русскими.>

Р.: *Викторин Михайлович, давайте вернемся назад. Вы пересекли Маньчжурию в декабре 1920 года?*

М.: Да. Когда мы вошли в Приморье, мы узнали, что гражданское правительство во Владивостоке возглавлял Медведев, это было правительство социалистического типа.> Сразу после этого один из наших белых генералов, Лебедев, предпринял неудачную попытку свергнуть Медведева, но этот переворот не был осуществлен из-за того, что был плохо организован.

Однако вскоре после этого мы решили сменить правительство, считалось, что это правительство было социалистическим, небольшевистским, но в действительности оно состояло в основном из людей, которые были настроены просоветски и объявляли о своей нейтральной позиции только потому, что с Японией было заключено соглашение о создании временного буферного государства, так называемой Дальневосточной республики.

Вскоре командующий вооруженными силами этого правительства прибыл ко мне на станцию, чтобы встретиться со мной и обсудить дела. Он предложил мне перейти на их сторону и командовать их 2-й Амурской армией <это была армия красных>. Эта армия должна была размещаться в Хабаровске. Он сказал, что задачей этой армии будет защита от китайцев, которые своими действиями всё больше и больше досаждали русским, живущим в тех краях. И я спросил его:

— Вы не боитесь, что будет еще одна попытка свергнуть ваше правительство?

Он ответил:

— Нет, я этого не боюсь, потому что одна попытка свергнуть правительство, которую предприняли вы, белые, уже не удалась, не так ли?

Я ответил, что эта попытка провалилась из-за того, что тогда еще было недостаточно наших войск:

— Но когда прибудет больше наших войск, вот увидите — у нас будет новое правительство.

Этот красный командир, конечно, не произвел на меня особого впечатления. Это был почти совсем неграмотный рабочий. Они просто хотели уговорить меня перейти на их сторону, но я не собирался этого делать. Мы вместе пили чай, и этим всё кончилось. Он сказал:

— Во Владивостоке я старался идти навстречу вашим солдатам и не создавать никаких проблем.

Это была правда, он нам содействовал. Когда кто-нибудь из наших солдат совершал проступок, он отправлял их к нам, чтобы мы сами их наказали.

В марте (ошибка: в мае. — *Ред.*) 1921 года социалистическое правительство было свергнуто, и это было подготовлено полковником Ефимовым, который долгое время был у меня начальником штаба Ижевской дивизии.

Р.: Для чего вам был нужен этот переворот, если социалистическое правительство не создавало вам никаких особых проблем?

М.: Во-первых, нам нужна была какая-то гражданская власть, с которой мы были бы связаны, и нам нужно было, чтобы кто-нибудь платил армии жалованье. Еще нам нужны были деньги, чтобы купить оружие, которое нам было необходимо для последней схватки с красными. Мы также очень плохо питались, это социалистическое правительство не давало нам практически никакой провизии. Мы подготовили переворот очень просто: развернули широкую пропаганду, в особенности через церкви, где священники начали читать проповеди с сочувствием к нам. Они все нам сочувствовали, за исключением одного архиепископа. У нас было много священников, особенно пожилых, но был и один молодой, он был военным священником в нашей дивизии. Мы хотели, чтобы он был у нас главным священником. Мы знали, что он прекрасно говорил и был хорошим администратором, и мы могли бы с ним работать. Генерал Вержбицкий приказал мне обратиться к архиепископу Михаилу, главе местной епархии, и поговорить с ним о назначении этого молодого священника на ту церковную должность, которую мы хотели. Но я уже предупредил архиепископа Михаила через его секретаря, что если он не даст своего согласия на то, чтобы назначить о. Леонида Викторова на ту должность, на которой его хотели бы видеть мы и остальные наши военные священники, то мы сделаем это сами. Я написал владыке, что мы пребываем в отчаянии, что нам некуда идти и нечего терять: «Мы стоим спиной к океану, поэтому мы сделаем всё, что угодно». Архиепископ в конце концов принял меня и согласился назначить отца Леонида главным военным священником нашей армии и флота.

В то время, когда готовился переворот, все уже знали, что он совершится. Наконец в марте (мае. — *Ред.*) 1921 года мы успешно свергли правительство Медведева. Конечно, у нас тогда не было оружия и военных припасов, но мы кое-что получили от местной милиции.

Р.: Тогда во Владивостоке всё еще были японцы?

М.: Да, были, но они винтовок нам не дали. Потом я купил какое-то оружие у японцев за 30 000 рублей золотом. Нам удалось получить эти деньги у гражданских властей. Случилось так, что многие поезда, которыми командовали чехи, были загружены

разного рода оружием. Они стояли на железной дороге в ожидании разгрузки. Все эти запасы оружия раньше принадлежали русским и были чехами украдены. Но в конце концов мне удалось уговорить японцев продать нам обратно наше собственное оружие за 30 000 рублей золотом.

На самом деле было так: японцы не то чтобы продали нам оружие, а приняли взятку, чтобы убрать своих часовых от подвижного состава, в котором были винтовки, и мы получили около 5000 винтовок.

Р.: *Из всех генералов, которые были с Вами у адмирала Колчака, кто был с Вами в 1921 году в Приморье?*

М.: Генерал Вержбицкий, генерал Смолин, несколько казачьих генералов, которые были в Гродеково¹⁶⁷ и подчинялись атаману Семёнову. Но он сам уже был на японской территории. Он хотел приехать в Приморье, но мы это не поддержали. Он бежал от нас из Читы, и мы совершенно не хотели его видеть во Владивостоке. Мы в нем не нуждались, и мы все перестали признавать его Верховным Правителем и преемником Колчака.

Р.: *Сколько времени продержалось правительство Меркуловых?*

М.: До самого конца, то есть до конца 1922 года, когда от Белого движения уже ничего не осталось.

Самая последняя схватка Гражданской войны происходила в Приморье в 1921 — 1922 годах. Последним большим сражением был мой поход на Хабаровск.

Р.: *В этот период 1921 года — после свержения социалистического правительства и установления власти правительства Меркуловых — чем Вы сами занимались? Каковы были Ваши надежды?*

М.: Я надеялся на то, что правительство будет шире распространять свое влияние, начнет собирать налоги, расширять свою территорию. В это время налоги никто не платил, и правительство Меркуловых не получало никаких доходов, кроме таможенной пошлины.

В конце концов мы поняли, что мы должны уничтожить главный центр красной заразы в этом крае — Хабаровск, где находился штаб всех партизан и откуда пропаганда доходила до Владивостока.

Р.: *Как относились к вам и правительству Меркуловых крестьяне и казаки?*

М.: Никак особенно не относились. Я бы сказал, что население в целом относилось к правительству Меркуловых сдержанно,

и, я думаю, с их точки зрения это было правильно, потому что они никогда не знали, когда придут красные. Конечно, беженцы из самой России поддерживали его гораздо более открыто, но местное население не было уверено, что наше правительство удержится, и они вынуждены были проявлять осторожность.

Р.: *Каково было Ваше отношение к бывшим колчаковским офицерам, которые, вместо того чтобы пойти с Вами в Приморье, остались в Харбине?*

М.: Я <никогда> их не осуждал.

Р.: *Вы их считали предателями?*

М.: Нет, не считал. Я знал, что многие из них больше не хотели воевать. Вообще-то нам и не нужно было особенно много новых бойцов, потому что нам нужно было бы их кормить, а у нас не было для этого возможностей. Когда я призывал к себе на помощь кадровых офицеров, из всего Харбина ко мне прибыл только один подполковник.

Генерал Молчанов занимает Хабаровск

Р.: *Кто и когда принял решение начать поход на Хабаровск?*

М.: Это был приказ командования. Я в то время был боевым офицером.> Это решение было политическим, оно исходило из штаба генерала Вержбицкого.

Р.: *Когда Вы получили приказание выступить на Хабаровск?*

М.: Зимой 1921/22 года сначала я должен был занять станцию Иман (это не река Иман, а город). Затем я должен был разбить красные войска, которые находились там поблизости. Только после этого я мог идти на Хабаровск. Мы шли пятнадцать дней. У меня было примерно 6000 бойцов, возможно, самое большее — до 10 000. Сначала нам трудно было двигаться. Было трудно, потому что мы не знали, как будет реагировать противник и какие у него силы. Сначала мы должны были атаковать и занять станцию Иман, рядом с которой находился мост через реку Уссури, и разбить отряд, который занимал этот мост. Но мы должны были сделать это так, чтобы мост не был взорван. Вы знаете, дополнительная трудность состояла в том, что по соглашению с японцами-мы не имели права использовать железную дорогу для военных действий. Поэтому мы должны были разоружиться и двинуть безоружные войска на север по Владивостокско-Хабаровской железной дороге. Мы соорудили

небольшие бронепоезда и замаскировали их, прикрыв соломой. Это было на Уссурийской железной дороге; после Хабаровска эта дорога становится Амурской железной дорогой.

Как я уже сказал, сначала это было очень трудно. Бойцы должны были двигаться медленно и осторожно. Мы даже смастерили ложный бронепоезд. У нас не было пушек, и мы сделали ложные пушки из дерева, и это, конечно, оказало на красных требуемое впечатление. Они подумали, что это бронепоезд. Первым соединением красных, которое мы разбили, был их 6-й полк. Это был большой полк, но они особенно не хотели с нами драться. Красными войсками командовал товарищ Серышев¹⁶⁸. Когда мы взяли город Иман и я дал своим бойцам возможность отдохнуть, я наконец смог разузнать, что красные могли против нас выставить. У нас не было пушек, у них было две. У нас было два пулемета, у них — двенадцать, что, конечно, большое преимущество. Самой серьезной проблемой было то, что у нас не было приличной обуви. Больше всего я боялся, что моим бойцам всё это постепенно надоест и они от меня уйдут. Я был действительно вынужден гнать их быстрее вперед, даже когда я знал, что они уже в изнеможении. Мы двигались довольно быстро, не утратили своего порыва и вошли в Хабаровск в декабре 1921 года.

Р.: *А население воевало против вас?*

М.: Нет. Часть населения нас приветствовала, другая часть вела себя холодно и сдержанно. Но, что самое главное, мы смогли взять у советов много пушек — шестнадцать, — которые уже были погружены на эшелоны, но они их не смогли вывезти.

Я изучал тактику подобной ситуации за много лет до этого, во время маневров, когда мы разыгрывали ситуацию, при которой нужно защищать этот район от японцев. Мы отогнали красных настолько далеко, насколько могли — на другую сторону от Хабаровска, почти до Дайна. Но правительство во Владивостоке не ожидало, что мы возьмем Хабаровск так быстро, и они всё время отвлекали меня всякими совещаниями и административными гражданскими делами, вместо того чтобы дать мне командовать войсками.

В Хабаровске я не закрывал революционный комитет, который существовал там до этого. Он был образован еще в 1917 году, когда к власти пришло Временное правительство. Это были, конечно, социалисты, но довольно приличные люди, и я решил

Приморье

их не трогать, потому что мне нужна была там хоть какая-нибудь гражданская власть.

В Хабаровске выходили три газеты, но в них печаталась всякая чепуха, мои слова искажались и даже было написано, что я собираюсь выступить из Хабаровска походом на Москву. То, что я говорил, было полностью искажено, и были напечатаны такие заголовки: «Молчанов идет на Москву». Я тогда всё еще верил, что если русские люди увидят, как ужасны большевики, то может произойти внутреннее восстание, но я, конечно, никогда не объявлял, что собираюсь идти походом на Москву. Так что я приказал редакторам явиться ко мне и пригрозил, что если они не напечатают полное опровержение, то все они будут сидеть в тюрьме.

Р.: Сколько времени Вы удерживали Хабаровск?

М.: Примерно полтора месяца. Я оставил Хабаровск, потому что понял, что из Владивостока мне не будет никакой помощи, чтобы я мог удерживать там власть. Кроме того, Блюхер, который позже стал советским маршалом, прибыл из Читы с несколькими ударными частями красных, и мне пришлось Хабаровск оставить.

Меня даже не поддержали те офицеры-монархисты, которыми был полон Владивосток. Я просил их прислать мне старого кадрового офицера, чтобы он стал военным комендантом города Хабаровска, но даже тогда никто не приехал.

Р.: Считаете ли Вы, что Ваш поход на Хабаровск был бесполезным?

М.: Нет, вовсе не считаю. Он был необходим, потому что он оправдывал наше существование и демонстрировал людям, что мы еще представляли собой военную силу. В походе я следил за тем, чтобы не было никаких жестокостей, и мы платили за всё, что брали у населения. Это необходимо было делать.> Значение похода на Хабаровск было в большей степени политическим, чем военным. Эта операция могла бы иметь какое-то военное значение, если бы у нас было достаточно денег, чтобы собрать и обмундировать больше бойцов. Тогда мы могли бы продвинуться дальше. Или если бы амурские казаки восстали против большевиков, но они этого не сделали. Чтобы убедить казаков восстать, я даже отправил к ним агитаторов, но всё, что им удалось, — это уговорить казаков уничтожить нескольких комиссаров. Казаки меня не поддержали. Они объявили, что присоединятся к восста-

нию, если все казаки восстанут одновременно. Но это, конечно, было невозможно, так как у нас не было денег и снаряжения, чтобы всех вооружить.

Когда Блюхер взял на себя командование и начал нас контратаковать, он писал мне письма¹⁶⁹, в которых просил закончить войну и предлагал мне военную должность в Красной армии, соответствующую моим способностям и возможностям.

Р.: *И Вы не приняли это предложение?*

М.: Конечно, нет. Как же я мог, будучи против большевиков, пойти с ними вместе? Я просто не отвечал ни на какие письма. Когда его уполномоченный спросил меня, будет ли от меня ответ, я сказал: «Нет, никакого ответа не будет». Я принял этих уполномоченных, но я не собирался вести с ними каких-либо серьезных переговоров.

Последнее сопротивление белых на территории Советской России

Р.: *Когда Вы оставили Хабаровск?*

М.: В феврале 1922 года. Мы отходили медленно и остановились на время на станции Спасск, которую мы некоторое время занимали. Потом мы стали готовиться к последнему арьергардному бою с красными.

К этому времени Главкомандующим во Владивостоке был генерал Дитерихс. Он возглавлял военную и гражданскую власть — почти всё. Но я был с ним не согласен. Я ему говорил, что его планы насчет решительного контрнаступления с целью разбить всю Дальневосточную красную армию были прекрасно продуманы с точки зрения правил военной тактики, но единственной проблемой было то, что для их выполнения у нас не было <ни командиров, ни кавалерии, ни> снаряжения. Я сказал ему, что единственным кавалерийским командиром, который мог бы возглавить такую атаку, был генерал Нечаев, который был уже в Харбине. У него было достаточно кавалерийского духа, чтобы осуществить подобную фантастическую атаку. Еще я заметил Дитерихсу, что даже если бы мы могли разбить эту Дальневосточную армию, мы всё равно ничего бы не выиграли в политическом смысле, потому что у Блюхера были прекрасные резервы. Он ожидал прибытия еще одной дивизии, в 9 000 бойцов. А мы в это время могли бы собрать,

используя все свои возможности, не более 8 000 человек. И нам не от кого было ждать помощи.

Так что я сказал генералу Дитерихсу: «Ладно, поскольку я должен командовать, я это сделаю, но я не ожидаю никакого успеха». Но, конечно, главное было то, что большинство населения относилось к Приморскому правительству совершенно безразлично. Часто они говорили мне или моим уполномоченным, которых я посылал в их волостные или городские советы, что они скорее подчинились бы генералу Молчанову, чем Приморскому правительству. Я думаю, что они говорили так потому, что я, сколько мог, снабжал их продовольствием и зерном для посевных нужд, а также договаривался от их имени с китайскими властями по поводу всякого снабжения.

Вероятно, поэтому у меня не был взорван ни один из мостов и не было перебоев с транспортом. Казаки тоже поддерживали меня. Так что ни одна из этих больших атак на Спасск так и не произошла. Но мы не могли даже сконцентрировать свою кавалерию там, где нужно, потому что нам мешали партизаны. И я вынужден был постепенно отходить дальше и дальше, вдоль реки Амур от Спасска прямо к китайской границе. Последний пункт назывался Посьет¹⁷⁰.

2-й стрелковый корпус постепенно отступал на юг в сторону Маньчжурии. Войска под моим командованием отступили в Посьет и к китайской границе. <Затем — в сторону города Гирина в Маньчжурии, расположенного южнее Харбина. > Это было осенью 1922 года¹⁷¹. На границе мы должны были сдать оружие, китайцы были с нами очень любезны и обращались с нами очень хорошо. Командир китайского пограничного гарнизона очень хорошо ко мне отнесся. Он умел говорить по-русски и говорил только со мной и ни с кем другим, потому что у меня была борода. Я знал, что если я собираюсь ехать в Китай, то у меня должна быть борода, потому что китайцы будут меня за это больше уважать. Так и оказалось.

Р.: *Значит, это был конец? Это было последнее организованное сопротивление Белой армии красным. То есть когда вы пересекли китайскую границу, Гражданская война в России была практически окончена?*

М.: Да, именно так.

Р.: *Когда Вы в последний раз перешли границу, знали ли Вы, что это был конец Белого движения?*

М.: Да, конечно, все это знали. Надежды больше не было.
< Некоторые хотели присоединиться к маршалу Чжан-Цзолиню, но я не хотел.>

Р.: *Некоторые хотели продолжать борьбу на Камчатке?*

М.: Да, но я был полностью против этого. Это была невыносимая затея. Туда поехал генерал Пепеляев¹⁷², но это было просто невозможно. Что бы мы делали? Сидели бы в одном городе Петропавловске? Чем бы мы питались? Нас кормила бы наша флотилия? Особенно если учесть, что красные собирались послать против нас флотилию с Балтийского моря. А японцы сказали, что американцы вмешаются и не позволят японцам держать там свой собственный гарнизон. Так что это было безнадежно.

Нам стало известно, что англичане транспортировали оружие на британском корабле к городу Охотску, чтобы продать его красным, то есть мы узнали, что красным поступят военные припасы. Тогда мы решили отправить флотилию адмирала Старка, чтобы остановить этот английский корабль. В это время я возглавлял гарнизон города Владивостока, командовал стрелковым корпусом, а также всей береговой охраной, и мне подчинялась вся полиция. Я тратил, Бог знает, сколько часов на все эти дела. Я даже должен был вести переговоры с железнодорожниками, с рабочими на фабриках, и отвечал еще, Бог знает, за что. Когда я повел свои войска на Хабаровск, меня сменил в этих делах генерал Смирнов¹⁷³.

Вернемся к кораблю: мы остановили этот английский корабль и отправили его в Японию, но японцы не хотели отпускать этот корабль, потому что он вез оружие большевикам. Затем глава дипломатического корпуса, француз, потребовал, чтобы я приехал к нему. Я ему ответил, что если французский консул хочет меня видеть, то я приглашаю его к себе на аудиенцию. Он приехал, и он был пьян. Он выразил протест: как мы смели остановить корабль союзников. А я ему ответил, что мы стоим спиной к океану, и, если нужно будет, мы будем воевать со всем миром, потому что нам нечего терять. Он посмотрел на меня и сказал: «Ладно, Вы правы. До свидания» — и ушел.

Последний белый генерал покидает Россию

М.: Давайте вернемся к тому, как мы перешли границу и вошли в Маньчжурию. Мы пересекли границу близ города Хунчун, который находится около самой южной точки российской

территории в Приморье. Дальнейший переход из Хунчуна в Гириин был очень трудным, потому что местность в этой части Маньчжурии очень гористая. В этих горах нет никаких дорог, а мне нужно было перевезти пять автомобилей. Нам удалось достать для них газолин (*устар.* бензин. — *Ред.*) у японцев, которые иногда нам его продавали. Кроме этого, нам надо было защищаться от китайских разбойников <хунхуз>, причем, конечно, безо всякого оружия. И всё-таки мы дошли военным порядком до Гирина.

Р.: *У Вас были деньги?*

М.: О да. У нас были кое-какие деньги, и нам также немного помогали китайцы. Помогал нам китайский маршал Чжан-Цзо-линь.

Р.: *Когда вы прибыли в Гириин?*

М.: Тогда на реке Сунгари уже начинался ледоход, так что, должно быть, в марте или апреле 1923 года.

Р.: *А Ваши Ижевцы в это время еще были с Вами?*

М.: Да, некоторые из них всё еще были со мной.

Р.: *Вы могли бы рассказать, как Вы попрощались со своей армией?*

М.: Да. Как я попрощался? Мы тогда стояли в китайском городе Гирине. Наши солдаты были расквартированы отдельно от офицеров, и нас охраняла от разбойников китайская рота во главе с офицером. Среди нас было несколько генералов: генерал Вержбицкий, генерал Пучков, генерал Хрушов¹⁷⁴ из кавалерии и я. Кажется, это всё¹⁷⁵. И затем офицеры. Все солдаты были в другом лагере. **Я** добился разрешения от китайских властей, чтобы для поддержания порядка в каждой группе военных находился один русский офицер. Нас заставили пустить к себе разного рода советских агитаторов, даже бывших русских офицеров, которые старались уговорить моих солдат вернуться в Советскую Россию. Некоторые из этих агитаторов были побиты. Не знаю, удалось ли им оказать влияние на кого-либо, но мы их иногда колотили. И тогда приезжали новые с заданием уговаривать нас.

Р.: *Почему эти солдаты (не офицеры, а солдаты), которые понимали, что Белое движение в конце концов потерпело поражение, не хотели возвращаться в Россию?*

М.: Они решили остаться в Китае, потому что понимали, что в России дороги им не будет. Некоторые из тех, кто еще раньше вернулся в Россию, писали нам в письмах, что им так и не раз-

решили вернуться в свои родные города Ижевск и Вотки нск и вместо этого держали в отдаленных местах.

Администрация Китайской восточной железной дороги очень помогала с поиском работы для моих людей.

Р.: *А как лично Вы?*

М.: Я даже насчет этого не думал до тех пор, пока вся армия не была устроена. Некоторые из моих бойцов уехали и устроились рыбаками, другие остались в Харбине и пошли работать на железную дорогу. В Харбине было лесное хозяйство и лесопильня, владел ими Свицерский. Он был прекрасным человеком и помог устроить наших бойцов на хорошую работу — не только офицеров, но и рядовых солдат. Был еще, кажется, его фамилия была Киприанов, инженер, который организовал монархическое общество среди рабочих на железной дороге. Он говорил, что у Русской земли должен быть хозяин, и он должен быть из Дома Романовых. Он часто помогал нашим офицерам и солдатам.

Р.: *Сколько Вы пробыли в Гирине?*

IX. ПРЕБЫВАНИЕ В ЯПОНИИ

М.: До апреля 1923 года. Затем китайские и японские доктора в Гирине сказали мне, что из-за плохого состояния легких и сердца у моей жены мне нужно уехать. Через некоторое время я получил от властей Гирина приказ уехать куда-нибудь на юг Китая.

Р.: *Я Вас еще не спрашивал, Викторин Михайлович, когда Вы женились?*

М.: В 1918 году. Мы с женой решили ехать в Японию¹⁷⁶, в курортный город Атами, расположенный около Иокогамы, на берегу того же залива, как нам было разрешено японскими властями.

Р.: *Сколько у Вас было на это денег?*

М.: О, у меня были какие-то деньги. В последний момент правительство во Владивостоке выдало мне пять тысяч рублей золотом, которые мне полагались как командующему.

Мы с женой поехали, и разрешение, которое нам дали японцы, было дано при условии, что я поеду на свои средства, что я не имею права обращаться к японскому правительству за помощью и что я не останусь в Японии на постоянное жительство. Там были и еще какие-то условия. Пока я ехал, за мной всё время наблюдали, и меня всё время сопровождали японские полицейские.

Все они знали меня и относились ко мне с большим уважением, как к генералу. Я собирался взять билет на японский пароход во второй класс, но они мне этого не разрешили, сказав, что это не соответствует моему чину, и посадили меня в первый. Они объясняли мне, куда ехать на поезде, где кушать, брали все мои вещи и помогали мне с ними.

Р.: Сколько Вы пробыли в Атами, господин генерал?

М.: Совсем недолго, потому что жить там было для меня слишком дорого. Я должен был платить пять йен в день за комнату и еще дополнительные деньги; я думаю, две с половиной йены в день на пропитание нам с женой и сыном. Конечно, нас кормили очень хорошо, но у меня было не так много денег, и я не мог там оставаться. <Позже мы уехали в Сиэтл.>

Р.: Почему Вы решили ехать в Америку?

М.: Сначала я думал поехать в Сербию, но один из бывших секретарей нашего Генерального консула в Иокогаме сказал мне, что если я захочу поехать в Соединенные Штаты, никаких проблем не будет. Он сказал:

— Теперь все едут в Америку.

А я ответил:

— Но я совсем не знаю английского языка.

Он сказал:

— О, на этот счет не волнуйтесь.

Это было примерно в июне 1923 года.

В конце моего пребывания в Японии я жил в Иокогаме, что было дешевле, у меня была более просторная комната, жить там было удобнее.

Х. ПЕРЕЕЗД В АМЕРИКУ

М.: Бывший консул помог мне получить американскую визу, что в то время было очень просто. Всё, что мне нужно было сделать, — это проверить глаза и легкие, что-то вроде поверхностного осмотра, чтобы убедиться, что я не страдаю трахомой, и всё. Так что я сразу получил визу. Мы следовали на американском пароходе «Президент Мэдисон». Я прибыл в Сиэтл 9 августа 1923 года и через три дня поехал в Сан-Франциско, потому что один из наших более молодых генералов, генерал Сахаров¹⁷⁷, еще раньше уехал в Сан-Франциско. Я и сам хотел поехать в

Калифорнию, потому что это своего рода страна внутри страны. А также, конечно, из-за климата, так как климат в Сиэтле намного более суровый.

Р.: *Каковы были Ваши надежды по поводу Белого движения в то время, когда Вы только приехали в Калифорнию?*

М.: Я Вам скажу. Я всё еще думал, что есть вероятность, что мы сможем вернуться, что когда-нибудь мы все сможем в этом участвовать. Но я всегда думал, что это начнется из Парижа, что начало будет там.

Р.: *Вы тогда не считали, что для Вас имело смысл остаться в Китае, как поступили многие русские?*

М.: Нет, не считал, потому что я думал, что всё начнется в Париже. Те, кто остались в Маньчжурии, поступили так по той причине, что это было близко к России.

Р.: *Викторин Михайлович, почему Вы не захотели остаться в Харбине, в Маньчжурии, как другие бывшие военные, и участвовать в различных рейдах на советскую территорию, которые организовывались там в течение ряда лет ?*

М.: Я считал все эти вылазки абсолютно бесполезными, они только приносили смерть и убийства людей — у них не было никаких шансов на успех ни в военном, ни в политическом смысле. И когда я приехал в Америку, я порвал со своим прошлым.

Р.: *Тогда почему Вы не поехали в Париж?*

М.: Я не поехал, потому что считал, что мне нужно остаться в Америке и начать зарабатывать на жизнь.

Русская Белая эмиграция в Калифорнии

Р.: *Мне очень интересно, что Вы думали о жизни русских эмигрантов в Калифорнии, когда Вы впервые сюда приехали ?*

М.: Я никого не знал. Никого здесь не знал. Я знакомился с людьми только в церкви. Это Свято-Троицкий собор на пересечении улиц Грин-стрит и Ван-Несс¹⁷⁸. Вот так мы знакомились, так обустроивались и помогали друг другу. Здесь было много русских еще до революции, и некоторые приехали сюда во время революции. Например, были люди, которые некоторое время работали в Дальневосточной республике в Сибири, были люди, уехавшие из России, чтобы уклониться от военной службы еще до Великой войны, и, конечно, священник, который служил в этой церкви, построенной на средства от Государя Императора¹⁷⁹.

Я также познакомился с людьми, которые были когда-то революционерами и атеистами и покинули Россию, так как находились в оппозиции царскому правительству.

Р.: *Как звали русского священника, который в то время здесь служил?*

М.: Его звали отец Владимир Сакович¹⁸⁰. Он умер в 1931 году, у него был рак. Вся жизнь нашей русской колонии — как христиан, так и атеистов — была сосредоточена вокруг него. Когда мы приехали сюда в 1923 году, мы прибыли всего на двух судах, но уже тогда в храме для людей не хватало места, и приходилось стоять вокруг него. Тем, кто готов был выполнять тяжелую работу, найти ее в то время было легко. Люди хватали вас за руки и за ноги, чтобы вы только туда шли — работать на железной дороге или на другую тяжелую работу. Конечно, многие уезжали отсюда в сельскую местность, а многие другие (возможно, более ловкие) уезжали туда, где не было русских, чтобы быстрее и лучше научиться говорить по-английски. Здесь не было ни [русских] магазинов, ни Русского центра, ни Русского клуба, ничего. Потом, конечно, приехало много русских из Харбина, и они начали покупать квартиры.

Р.: *А как моряки из флотилии Старка?*

М.: О да. Они приехали, но у них совсем не было денег. Вообще-то это были не настоящие моряки, а солдаты, которых мобилизовали во флот.

Р.: *А как Ваши Ижевцы?*

М.: Они приехали намного позднее — многие из них прибыли после Второй мировой войны из Шанхая.

Р.: *А полковник Ефимов?*

М.: Он приехал в 1923 году, через несколько месяцев после меня¹⁸¹.

Р.: *Каково было Ваше впечатление об Америке?*

М.: Богатая страна. Я считал, что эта страна очень быстро развивалась, впечатление было яркое, и, конечно, мы всегда считали Калифорнию особым местом в Америке.

Поскольку я совсем не знал английского языка, я решил, что должен буду зарабатывать физическим трудом. Он хорошо оплачивался, да и где еще я мог работать? Я не хотел заниматься торговлей или мелким бизнесом. Это был не мой стиль, я не умел торговать. В первый год я работал на консервном заводе «Дель Монте» и получал сорок центов в час. Мы часто работали по

14 часов в сутки. Там работало довольно много русских — генерал Сахаров, полковник Ефимов, Борис Шебеко¹⁸² и еще много других ветеранов Белого движения. Мы так усердно работали, что заслужили себе репутацию хороших грузчиков по погрузке и разгрузке фруктов. Конечно, мы работали гораздо усерднее, чем местные жители.

Позже, в 1924 году я переехал в округ Сонома (Sonoma county) и арендовал ферму, чтобы разводить кур. Но это был неудачный момент: как только я всё купил, небольшие куриные фермы начали закрываться из-за того, что стоимость кур совершенно не соответствовала стоимости корма. Так что я провел там три года, истратил все свои деньги и в 1927 году вернулся в Сан-Франциско с пятьюдесятью долларами в кармане. Я снял дом и стал работать маляром на судовой верфи. С 1928 года и до выхода на пенсию я работал ночным управляющим (администратором. — *Ред.*) в одном из зданий в центре города¹⁸³. Я вышел на пенсию, когда мне исполнился 81 год.

Р.: Викторин Михайлович, почему Белое движение потерпело поражение и что бы Вы сделали (если бы смогли), чтобы исправить его ошибки ?

М.: Белые потерпели поражение из-за того, что в Сибири нас повсюду окружали партизаны, которые были против нас. Чего у нас не было — это способности опираться на народ и находить у него поддержку. Если бы мы умели так или иначе находить подход к людям, всё могло бы быть иначе, но мы были на это не способны. Русские люди не всегда благочестивы, они могут вести себя и как звери, и с ними приходилось поступать в том же духе.

Р.: Как Вы думаете, какова была главная ошибка Колчака и Белого движения в Сибири ?

М.: Я думаю, что ошибку надо искать в самой истории в целом, потому что нам не хватало государственных деятелей, и наша армия была не готова управлять гражданскими делами. В царские времена военные не имели права заниматься политикой, и среди наших старших командиров не хватало людей, способных стать государственными деятелями. Колчак таковым не был, и Деникин не был, и это было причиной нашего поражения.

Р.: Что бы Вы хотели изменить, если бы могли, в Вашей собственной карьере периода Гражданской войны ?

М.: Опять то же — мои взаимоотношения с людьми. Я знаю свои ошибки лучше, чем кто-либо другой. Я совершил много ошибок, но ведь на ошибках учатся.

Р.: *Каковы Ваши надежды насчет того, что будет происходить в России теперь?*

М.: Я надеюсь, что, возможно, поднимется молодежь. Сегодня никто из белых не сможет им помочь. Русский народ будет долго страдать, но в конце концов взрыв произойдет. Но теперь он может возникнуть только изнутри. Сегодня в России происходит что-то новое. Молодежь России — студенты университетов, поэты — они уже знают, что происходит. И когда массы возьмутся за оружие и начнется революция — теперешний режим падет. Конечно, Царской России уже никогда не будет, это будет демократическая Россия. Но это уже будет не теперешнее «коммунистическое» общество. Сам я не доживу до этого дня, но я уверен, что это произойдет. И я считаю, что главной силой, с помощью которой можно построить демократическую Россию, могут стать земства.

Во время Гражданской войны в Сибири я многому научился. С самого начала войны во Вьетнаме я говорил, что Америка потерпит поражение, потому что как вы можете воевать, если население готово атаковать вас с тыла, что и делают вьетнамцы? Нечто подобное происходило с нами в Сибири. Они будут с вами разговаривать и рассказывать, как они вас любят, работать с вами, а потом, когда представится случай, они будут в вас стрелять.

Р.: *Почему население в Сибири было за красных, а не за белых?*

М.: Оно не было ни за красных, ни за белых. Местные жители просто ничего не знали и не хотели участвовать в вооруженной борьбе. Население нам особенно не помогало и им, конечно, тоже особенно не помогало. И, вы знаете, я не обвиняю людей, которые не решались нам помогать, потому что у них не было уверенности, что мы там останемся, и у меня самого конечно, тоже не было уверенности, что я смогу там остаться. А когда красные возвращались, они действительно расплачивались со всеми, кто нам помогал.

Р.: *Можно Вас спросить, какое влияние оказала русская эмиграция на Калифорнию?*

М.: Русские во многом повлияли на Калифорнию. Например, посмотрите на Форт Росс¹⁸⁴. Или на нашу Православную веру,

к которой здесь пришли многие коренные, нерусские американцы. По статистике среди русских эмигрантов самый низкий уровень преступности, поскольку большинство из тех, кто сюда приехал, — интеллигентные, хорошо образованные, а те, кто прошел армию — очень дисциплинированные люди.

Р.: *Викторин Михайлович, если бы сегодня была свергнута коммунистическая власть в России и там больше не было бы коммунистов, Вы бы тогда вернулись в Россию ?*

М.: Нет, я бы не вернулся. Я бы остался здесь. Я оказался бы там совершенно чужим. Может быть, у меня там остались родственники, я не знаю. Но я не очень хочу с ними встречаться. Они, наверное, очень расстроили бы меня, стали бы говорить о неизвестных мне вещах, о том, что было построено уже после моего отъезда, и нам было бы не о чем говорить.

Р.: *Мой последний вопрос, господин генерал. За те годы, что Вы прожили здесь, Америка во многом изменилась. Как Вы думаете, куда она движется сегодня ?*

М.: Я думаю, что Америка движется по пути дальнейшего прогресса. Если бы я заснул в 1923 году и проснулся сегодня, я бы Сан-Франциско совсем не узнал. Я считаю, что те волнения, которые мы наблюдаем сегодня¹⁸⁵, не слишком серьезны. Конечно, их нелегко остановить, потому что Конгресс теперь сдерживает действия президента. Возможно даже, что здесь на короткое время установится какая-нибудь форма диктатуры. Появится президент, который сможет мобилизовать людей.

Я не пессимист — ни по поводу Америки, ни по поводу России. Я думаю, что когда-нибудь русский народ будет жить счастливо.

Р.: *Один последний вопрос, Викторин Михайлович: когда Вы женились во второй раз?*

М.: В 1941 году. Моя первая жена скончалась в 1931 году, и в 1941 году я женился во второй раз¹⁸⁶. У меня взрослый сын от первого брака, он живет в Данвилле и работает в компании «Дель Монте» в Сан-Франциско. У него трое детей, так что у меня теперь есть внуки. Старшей из них двадцать лет. Несмотря на происходящие здесь небольшие волнения, в Калифорнии прекрасный климат, и здесь живут люди самых разных национальностей. Каждая из них привносит что-то свое, и здесь очень богатая культурная жизнь. Это очень красивый штат, и я рад, что приехал сюда.

Р.: Господин генерал, Вы командовали Ижевской дивизией. Много ли Ваших бывших бойцов и теперь с Вами ?

М.: Да. Мы собираемся вместе один раз в год, в августе. В позапрошлом году мы отмечали 50-летний юбилей Ижевского восстания¹⁸⁷. Мы собрались вместе и решили встречаться до тех пор, пока останется жив лишь один из нас. Тогда он напьется и умрет...

*Сан-Франциско,
январь 1970 г.*

СТАТЬИ И ПИСЬМА

БОРЬБА НА ВОСТОКЕ РОССИИ И В СИБИРИ*

Сравнительно много написано о борьбе с большевиками армий Юга России, Запада и Севера, но очень мало в настоящее время трудов, освещающих борьбу Народной армии и армий Верховного Правителя адмирала Колчака на Востоке России.

Мне кажется, причины этому следующие: 1) большинство офицеров Генерального штаба попали на Юг России, так как там ранее других мест было поднято восстание; 2) интеллигентные силы оказались там же, как в ближайшем пункте к столицам и жизненным центрам России.

Поэтому я думаю, что мой труд не окажется лишним и поможет разобраться в той борьбе, которую вели на востоке России и в Сибири доблестные офицеры и солдаты.

Если на Юге России были корниловцы, марковцы, дроздовцы, — то там не было таких частей, как ижевцы, воткинцы, михайловцы, состоявшие исключительно из рабочих, а также не было и таких, как уфимские башкиры и татары.

Меня Гражданская война выдвинула с поста начальника маленького отряда в одной из волостей Елабужского уезда Вятской губернии до командира 3-го Отдельного стрелкового корпуса в Забайкалье, с чина капитана инженерных войск в 1917 году до чина генерал-лейтенанта в 1920 году. Никаких талантов у меня не было, было лишь одно великое желание, горение бить большевиков и помочь моей Родине оправиться от тяжелой болезни.

Я был только строевым начальником и с 1918 года по 1 декабря 1922 года был непрерывно в боях, почему и думаю, что и мои воспоминания могут быть интересными в кругу некоторых читателей. Никакими документами я не пользовался, буду писать только о том, что глаза мои видели вокруг меня. Если много будет личного, не посетуйте.

---

* Впервые опубликовано в журнале «Первопоходник» (Лос-Анджелес), 1974, № 17, с. 35—42; № 18, с. 28-38; № 19, с. 22-31; № 20, с. 3-13 (в № 18 текст проиллюстрирован черно-белой репродукцией картины И. И. Шишкина «Кама близ Елабуги»). В журнальной публикации был допущен ряд опечаток в географических названиях (в числе которых Алнаши, Можга, Танайка и др.), которые в настоящем издании исправлены.

1. На германском фронте в революцию

Революция меня застала в должности командира инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. В мае месяце рота вынесла постановление обо мне как весьма храбром, мужественном командире, обладающем большими специальными знаниями, но «совершенно не современном офицере», а потому и не могущем оставаться на должности.

Мой начальник дивизии в начале революции генерал Триковский в это время получил 2-й Сибирский корпус, и я обратился к нему с вопросом, нужно ли мне оставаться в армии или утекать. Этот старый вояка верил, что Россия одумается, армия восстановится и работы будет много для каждого, любящего Родину.

Я решил остаться и благодаря корпусному инженеру 6-го Сибирского корпуса полковнику Дельникову получил должность штаб-офицера для поручений и делопроизводства при корпусном инженерере. В этой должности я и оставался до конца службы в армии.

Когда у власти стали большевики и в армии стали проводить выборное начало, то командир корпуса генерал Вязьмитинов¹⁸⁸ выбран не был, а вместо него — коллегия из одного прапорщика и двух солдат.

Корпусный инженер вовремя уехал в Ставку по «делам службы», а оттуда на Дон. Фактически я остался за корпусного инженера и довольно часто приходилось докладывать командиру корпуса. Происходило это так: я входил в комнату-кабинет комкора, где возлежали и сидели «комкор» (трое, во главе был прапорщик Васильев) и спрашивал: «Кому докладывать по инженерной части? Кто из вас понимает что-либо?» И обыкновенно Васильев говорит: «Вы сами знаете, что нужно, ну и делайте, а мы подпишем».

В это время мой год демобилизовался, и я готовился к отъезду из армии, но было получено распоряжение Искосола-12¹⁸⁹ и командующего армией генерала Парского¹⁹⁰, что я должен оставаться и проделать эвакуацию инженерного имущества в тыл.

Считая, что, спасая имущество, стоящее по расчету до 5 миллионов, я делаю это не для большевиков, а для России, я уговорил остаться со мной одного чиновника и 5 солдат (писарей). В мое распоряжение было дано одна легковая и 5 грузовых машин из армейского гаража и на станции Вольмар должен был ежедневно

наряжаться поезд. Все это было лишь на бумаге — было получено всего лишь 8 вагонов, которые дошли только до Пскова.

Штаб корпуса стоял в г. Лемзаль. 17 февраля появились немецкие аэропланы и разбросали прокламации, в которых говорилось, чтобы солдаты бросали все и шли бы в тыл, так как они (немцы) поведут наступление.

Революционные солдаты честно выполнили приказ немцев и побежали. Мортирный дивизион оставил 2 батареи новеньких орудий, не взяв ни прицелов, ни замков, 18-го все уже ушло, пошел и я в сопровождении одного офицера, одного чиновника и пяти солдат.

20-го мы добрались до Вольмара, где был штаб корпуса. Начальник штаба Генерального штаба генерал Кржеминский сказал мне, что вечером штакор на поезде отправится во Псков и что мне следует тоже быть там, так как других перевозочных средств нет. На вопрос, где немцы, я получил ответ: «Точно неизвестно, но комкор-3 имеет сведения от Искосола-12, что немцы далее Вендена не пойдут».

Я решил так и сделать. Утомленные, мы добрались до вокзала и стали ждать поезда для штакора, но в 10 часов вечера дождались немцев. Я дремал в дамской комнате, когда услышал крик «Halt!» (нем. Стой. — *Ред.*) на платформе и сейчас же увидел в окно немцев. По-видимому, спросонья я сломал стекло и выстрелил из карабина, вслед за чем в комнату влетела ручная граната. Я крикнул: «Бегите!» — и сам бросился в уборную, но раздался взрыв, и я почувствовал, как что-то меня сильно хлестнуло по ногам. За пазухой у меня была собачка, пробывшая со мной на фронте с декабря 1914 г., — она была убита, я ранен и контужен в обе ноги. Я все-таки выскочил из вокзала в тыл и побежал. По дороге ко мне присоединился мой денщик, не бросивший меня во все время революции. Немцы открыли стрельбу и бежали за нами. Мы подбежали к забору. Григорий Сыч — так было имя этого русского юнца, не боявшегося большевиков ни под каким соусом, — перепрыгнул забор и протянул мне руки, но в это время я ясно осознал невозможность сделать какое-либо усилие — вальенки были полны крови, а главное — я не мог согнуть ног для прыжка. Я крикнул: «Беги, Гриша, я не могу, я ранен». Ко мне подбежали и взяли в плен.

Когда меня под руки подвели к офицеру, тот на чистом русском языке спросил:

— Кто ты такой?

— Будьте вежливы, я офицер.

— Ваш чин до переворота?

— Какого?

— Последний чин при Императоре.

— Капитан. Я ранен в ноги и прошу приказать меня перевязать.

— Простите, я не знал, — и немедленно же позвал фельдшера, который наложил мне повязки. В это время лейтенант Вальтер говорил мне, что они, немцы-офицеры, не воюют против русского офицера-небольшевика, почему он сожалеет о случившемся со мной.

Этот лейтенант командовал ротой Егерского ударного батальона, и его задачей было двигаться все время на подводах по железной дороге, другая же подошедшая рота должна была атаковать город Вольмар (в двух верстах от станции). Вот в эту-то роту меня и передал Вальтер. Там меня посадили на головную повозку с унтер-офицером, оказавшимся русским бароном (фамилию забыл), поместье которого было около Вольмара.

Я его спросил, знают ли они, где стоит штакор и имеют ли задачей захватить его. Он ответил, что наступление будет вестись к северу до Петрограда, поэтому захват всякой живой силы и материальной части будет проводиться в полной мере. Я удивился, что он говорит «немцы», как бы отгораживая себя от них. Он ответил мне, что он был и остался русским, что он надел форму немецкого солдата для того, чтобы не отличаться от других, что он и другие ведут немцев, чтобы спасти богатый край от разорения, но край этот никогда не может быть немецким...

По приезде в город, где уже были немцы, я видел по улицам много трупов русских солдат-большевиков. Стрельбы не было, по-видимому, прикалывали безоружных. Меня положили в частный дом, куда к утру набралось много офицеров, взятых в городе. У дверей — часовые-немцы. Утром я кое-как добился, чтобы меня перевязали и отправили в госпиталь.

Попал я в бывший русский госпиталь, где врачей не было, были лишь заведующий хозяйством — латыш и 2-3 сестры-латышки.

Числа 23 февраля госпиталь был принят немецкими врачами, и сразу стал порядок. Лечили меня упорно. Левая нога у меня вся посинела, и раны не болели, так сильна была контузия. Врачи боялись, что придется ампутировать ногу, но мне ее все время

массировали, и, наконец, 1 марта ночью я проснулся от боли в ноге, попробовал согнуть ее и радостно позвал сестру; пришел дежурный врач, осмотрел и поздравил меня. 17-го числа я мог уже иставать и ходить, а 20 марта был в комендантском управлении на регистрации. Там узнал, что начальник 136-й пехотной дивизии со штабом находится здесь до отправления в лагерь в Германию. Я нашел генерала (фамилии не помню) со штабом, поговорил с ними и решил не присоединяться к ним, а искать других путей. В Германию я не хотел, мой мозг работал в направлении Дона, Оренбурга, Забайкалья, где по газетам (немецким) идет борьба с большевиками.

Доктор мне сказал, что до 1 апреля он меня из госпиталя не выпустит и не позволит куда-либо отправить, а там я и сам смогу найти дорогу куда надо со здоровыми ногами. Я понял его. Кроме того, он сказал мне, что адъютант коменданта лейтенант Рин — друг русских офицеров, чтобы я познакомился с ним и просил бы его отправить меня, как демобилизованного, на родину. Адъютант очень долго говорил мне, что ничего не может сделать, так как центр требует отправить всех русских офицеров в тыл и что скоро с большевиками начнется обмен и им нужны цифры. Наше знакомство все же продолжалось, и я понял, что надо только раздобыть его подпись «Рин», что я и проделал, взяв потихоньку бланки с его стола, и через несколько дней у меня был готов пропуск во Псков и разрешение проехать по железной дороге.

Я благополучно доехал до Пскова, жутко лишь было, когда офицер проверял документы. Во Пскове я знал, что надо выходить из вагона не на перрон, а на обратную сторону, где около наших интендантских складов, охраняемых немцами, искать русских мужиков, с которыми и сговориться относительно переправы через границу. У меня в кармане было около 100 рублей керенками и царскими. Мужики просили 100 и больше. Наконец, я уговорил одного за 80 рублей. Сел на телегу и поехали по шоссе. Проехали две немецких заставы, с одним орудием каждая, и свернули в лес и болото, так как последняя, третья, задерживает и отправляет обратно во Псков, где собирается партия для отправки поездом, чего я, конечно, боялся, имея на руках не особенно верные документы.

Ехали долго по кочкам, наконец мужик сказал, что немцы не опасны и надо скорее выезжать на шоссе, так как большевики едущих не по шоссе обстреливают. Выехали на шоссе и скоро

въехали в деревню, занятую красными. Вышел начальник-матрос и прежде всего:

— Ваш документ, товарищ!

Я подал мой послужной список, он посмотрел и дал разрешение ехать дальше. Железнодорожная станция, штаб 1-го Кронштадтского пограничного полка. Иду к командиру полка в салон-вагон. Молодой, с Владимирской розеткой на груди. Объявляю, кто я, и прошу денег и документы для дальнейшей поездки в тыл на место расформирования 6-го Сибирского корпуса. Долго не соглашается, но наконец выдает проходное свидетельство до Рыбинска (штаб 12-й армии).

С большим трудом добрался до Рыбинска, где получил проходное свидетельство до Камышлова Пермской губернии и 500 рублей керенками. В Камышлове получил все причитающиеся мне деньги, около 2 000 руб., и с первым парходом из Перми уехал в Елабугу Вятской губернии к матери, куда прибыл в Страстную субботу.

2. В Вятской губернии

По приезде в Елабугу я стал искать что-либо антибольшевистское, главным образом какую-либо организацию среди офицерства. Узнал, что офицеров несколько сот, но кадровых как будто ни одного. В январе и феврале город буквально был разгромлен прибывшим отрядом красногвардейцев, уничтоживших всё, сколько-нибудь казавшееся интеллигентным или зажиточным. Пострадали купцы (Стахеевы, Ушковы) и офицерство. Расстреливали, топили в р. Тойме; погибло более 500 человек.

Все пряталось в городе, за исключением партии с.-р. — эти еще были во всех органах управления и все-таки как-то боролись с большевизмом. В с. Алнашах, в 40 верстах от Елабуги, мой старший брат (А. М. Молчанов. — *Ред.*) был мировым судьей. В студенческие годы он занимался революцией и отсидел в тюрьме. Я знал, что он пользуется большой популярностью среди общественности (он был гласным уездной и губернской земских управ), и я рассчитывал узнать многое от него. Я не ошибся.

Через него я познакомился с лидером с.-р. (эсеров. — *Ред.*), очень умным человеком, а этот посоветовал мне прежде всего завязать связи с военкомом, дабы не быть притянутым на службу в Красную армию.

Комиссаром был бывший сельский учитель и штабс-капитан, помощником его — матрос Балтфлота, с.-р. Оба они пользовались порядочной репутацией, так как разгромили красногвардейцев и явились спасителями города.

Вскоре меня потребовали в управление военкома, где я заполнил длинный опросный лист, а через несколько дней получил запрос от военкома, имею ли я что-либо против назначения моего «инженером левого крыла 5-й армии».

Я ответил, что раны мои еще не зажили достаточно и представил медицинское свидетельство, а также просил о назначении комиссии об освобождении меня вовсе от службы.

Через некоторое время я свиделся с матросом, помощником военкома; он мне сказал, что меня призовут на следующей неделе обязательно, а может случиться и завтра, почему он советует мне немедленно уехать в уезд и скрываться. Дал несколько адресов. На другой день утром я уехал к брату.

В с. Алнашах обстановка была такова, что все должности и учреждения волости носили названия по-большевистски, но и только. Ни в селе, ни в волости ничего коммунистического не было. Все крестьяне жили ожиданием Дутова¹⁹¹ или кого-либо, кто избавил бы их от притязаний большевика-города.

У меня установилась связь с солдатами-фронтовиками. Они охотно вспоминали прошлое и задумывались над будущим. В это время Казань была занята белыми, Ижевск вел славную борьбу с большевиками, сбросив их иго в самом городе. Воткинцы присоединились к ним, образовав единый фронт Ижевско-Воткинской армии. Красные, обеспокоенные создавшимся положением, решили произвести мобилизацию, призвав в первую голову всех бывших на фронте.

Фронтовики решили не идти. Я убедил их подчиниться приказу, указывая, что сейчас они нуль, а вот когда у них в руках будут винтовки, тогда они и могут говорить. То же я советовал и офицерам, правда, очень немногим, бывшим в округе.

В село примерно в 2—3 недели раз приходил продовольственный отряд для сбора хлеба, но в этом богатом районе им доставалось очень мало, так как крестьяне, главным образом вотяки, прятали умело, а доносчиков среди них почти не было. При подходе таких отрядов я из села скрывался, преимущественно к татарам, где было достаточно сказать, что я брат Александра] Михайловича, как для меня открывались любые двери.

В связи с шевелением в районе Уфы крестьяне глухо волновались. Как это ни странно, самыми нетерпеливыми были старики, которые открыто говорили, что надо бить большевиков. Много говорили со мной, я советовал им выждать, сговориться с соседними волостями — Можгинской и Варзятчинской, тем более что железная дорога Казань—Сарапул проходила по первой и по ней оперировали красные войска против Ижевска. Я находил, что без этой волости начинать не следует, так как тогда будет два фронта.

В Можге я говорил с несколькими лицами, был в Сюгинском стекольном заводе у управляющего г. Блинова и вынес вполне определенное впечатление — без Можги ничего не сделать. Взволновавшаяся Можга займет красных, может быть, не даст заводу встать на их сторону, и только тогда мы поможем Ижевску.

Везде мне говорили, что оружие найдется, и я был уверен хотя бы в двух-трех сотнях винтовок; патроны уже давно понемногу скупались у красноармейцев. Во время моего пребывания в Сюгинске я от ревкома узнал, что Казань пала.

С большим трудом я добрался обратно в Алнаши, так как всюду подняли головы немногие коммунисты, производили обыски, аресты.

Приехал я в село вечером, лег спать, а в 11 час. ночи меня разбудили и попросили на сходку, также и брата. Собравшийся волостной сход решил начать борьбу с большевиками. Меня назначили начальником всех войск, а брата — волостным казначеем, он же должен был взять на себя обязанности всех существовавших судов. Тут же ему в карманы насовали около 17 тыс. руб. царскими и керенками. Гражданская власть останется за Волостным исполнительным комитетом.

Сход решил выплачивать ежедневно мне — 40 руб., конному — 20 руб. и пешему — 10 руб. Решено образовать дружину в 200 чел. — 2 роты по 80 человек и 1 эскадрон в 40 чел. конных.

Выяснив, что ничего изменить уже нельзя, я отдал распоряжение на утро всё оружие зарегистрировать у военкома, оставленного мною при исполнении обязанностей на первое время; военком был очень смысленный писарь бывшего управления Воинского начальника. Он меня спросил, какие же его обязанности. Я ответил: «Воинского начальника», что он до конца и выполнял блестяще. Все списки всегда были в полном порядке, сразу же

до одного человека можно было узнать, сколько призовется такого-то года, все отсутствующие, больные и т. д. были на учете. Работал он днем и ночью.

3. Алнашская дружина

Уже на другой день в полдень выяснилось, что винтовок в волости всего лишь 6, несколько шашек, 2 револьвера и больше ничего... Я же в душе рассчитывал даже на пулемет Люиса, про который мне под секретом говорили, но оказалась лишь обойма. Людей явились сотни, и я выбрал из них дружину полностью. Назначил командиров рот и эскадрона. Эскадрон пополнили почти исключительно татары — рослые, красивые молодцы на великолепных конях. Приказал остальным вооружиться дробовиками, сноповыми вилами. Отдал распоряжения относительно сбора по тревоге, наряда тарантасов, охраны села и деревень.

В несколько дней установилась такая охрана волости и разведка противника, что только надо было даваться диву. Если кто-либо за 10 верст от меня чихнул бы не по правилам, я знал бы об этом не больше чем через полчаса.

Казалось, что все, населяющие волость, собираются воевать с большевиками; мальчишки босоногие шныряли по всем дорогам, представляя из себя армию разведчиков какого-нибудь «Парфеныча». Я побывал почти во всехдеревнях волости и видел такую охрану, что больше никогда мне не приходилось видеть. Коммунисты до того были ненавистны, что каждый день я узнавал: такой-то убит, такого-то поколотили так, что не выживет. Я пытался все это ввести в более или менее законные рамки, но всегда получал ответ: «Сейчас, пока война не кончена, правит народ, он наказывает, он и милует, начальники пока тоже служат нам, так как другим мы сейчас не поверим» и т. п.

Стало известно, что большевиков где-то потрепали под Уфой и им выход только в нашу сторону (ближайший). Пошла разведка до самой Камы и скоро было сообщено, что отряд в 2 роты с 4 пулеметами движется к нашей волости. Комиссар этого отряда выехал вперед и, ничего не предполагая, прикатил прямо в Алнаши, с ним была женщина. На протяжении 70—80 верст никто не выдал, а всюду подобострастно ему старались угодить и гнали лошадей во всю. У комиссара взяли револьвер и 8 тыс. денег. После допроса расстреляли, а женщину, по мо-

ему настоянию, пока арестовали при волости. Ночью часовой пытался ее изнасиловать. Утром, по выяснении, я настоял, что часовой должен быть расстрелян. Исполком долго протестовал, но в конце концов я и брат убедили их, что правое дело нельзя творить грязными руками.

Виновного повели на расстрел, и только в самую последнюю минуту я приостановил казнь и объявил, что я его помилую, если все поклянутся мне, что впредь будут выполнять мои требования как в былое старое время солдат исполнял приказание начальника.

Забурлили мужички, я ушел, и через час мне принесли постановление, что вся власть в волости, как военная, так и гражданская, принадлежит мне, на время войны все выборные должности отменяются, сходы собираются только по моему приказанию. Я утвердил это постановление, оставив председателя комитета волостным старостой, а комитет упразднил.

Брата своего я назначил помощником волостного старосты и казначеем. Назначил контрольную комиссию под председательством доктора N. и двух крестьян.

В этот же день вечером вышеуказанный отряд красных остановился на ночлег в семи верстах от села, около хутора.

Я решил их атаковать, на рассвете, но все мои дружинники настаивали на ночном бое. Доводы: нет оружия, все места, входы и выходы нам известны, а утром, дескать, они нас перестреляют. После некоторого колебания я согласился и назначил атаку в 9 час. вечера. Мы могли передвигаться всем отрядом по 12—15 верст в час, так как каждая пара людей ехала на парном тарантасе, запряженном прекрасными лошадьми.

Место остановки красных каждому из нас было известно точно, и я распорядился так: дорогу вперед закрывают 6 винтовок и 30 человек конницы, у которых к этому времени было около 20 револьверов и у всех — отточенные шашки. Красные остановились в долине у ручья, склон западный (наш) был покрыт лесом и кустарником. Вот с этого-то склона должны были атаковать главные силы (150 чел. пехоты) с дедовскими дробовиками, вилами, топорами и одной ручной гранатой. Наш расчет был такой: красные не могут броситься назад, так как оттуда они бегут, на восток — открытое поле (сжатая рожь), где две деревни уже выставили охранение и обещали переловить всех. Впереди же у нас 6 винтовок и прекрасная конница. В 8 час. 30 мин. все должны быть на местах. Ровно

і) 9 час. сигналом для атаки послужит артиллерийский выстрел (граната). Я был с главными силами. Атака произошла как по плану. Граната была брошена в группу у костра и небо разверзлось от страшного грохота и крика «ура». Красные не стреляли, а бросились удирать, да едва ли они и поняли что-либо. Дальше всякое управление боем вышло из моих рук, так как и мой штаб бросился вперед и кого-то бил. Я боялся лишь одного — как бы раньше времени не начала стрелять засада. Но фельдфебель 3. был испытанный солдат и начал бой вовремя — как только к нему стали подбегать красные, он открыл стрельбу и уложил 11 человек. Конница, конечно, за темнотой многого сделать не могла, хотя и оставалась вблизи боя до утра.

Наши потери — двое раненых собственными ружьями, которые при выстреле разорвались, один — тяжело в шею. У противника убито 18 человек, ранено 31, в плен взято 22, винтовок 22, пулеметов 2, одна кухня и много снаряжения. Куда делись винтовки, выяснить не мог, думаю, что деревни забрали и не отдали. Пленные же утром были отпущены, так как стало известно, что Елабуга занята белыми и бояться разглашения о нас уже не было причины.

Так закончился первый и последний бой дружины под моей командой. Я стал деятельно готовить дружину для нападения на линию железной дороги около Сюгинского завода. Пытался достать оружие и помощь от Елабуги, но связи не было, так как между нами бродили шайки красных, которые отняли много времени и энергии.

В Елабуге чувствовалось отсутствие какого-либо управления. Я получал непрерывно приглашения от общественных деятелей приехать и возглавить управление войсками и городом. Одно письмо говорило, что жители не знают, кто ими управляет, так как каждый день все новые лица отдают разноречивые приказы и приказания.

Отряд силою 50 штыков был отправлен на соединение со мной с задачей получить от меня ориентировку. Не доезжая 5 верст, отряд повернул обратно, испугавшись чего-то неизвестного, и только один верховой галопом прискакал ко мне и поведал о случившемся. От него многого я не узнал, а радостного — абсолютно ничего. И тем не менее я увидел, что если что-либо и возможно сделать, то все-таки из центра — Елабуги. Простился с дружиной и поехал.

Начальником гарнизона был поручик С[еров], который заявил, что он давно ждет меня, чтобы передать должность. На это я ему указал, что шагов к этому он не предпринимал. Узнал, что на правах Командующего войсками состоит капитан 2-го ранга Ф[еодосьев], который находится в Сарапуле. Если я хочу видеть его, то могу сегодня же идти на судне «Орел», что я и сделал, так как никаких других пароходов не ходило и местами по берегам были еще красные.

В Сарапуле увидеть капитана 2-го ранга Ф. не удалось. Меня принял начальник его штаба кап. Озолин, который и дал мне предписание вступить в «командование сухопутными войсками района Соколки—Елабуга» и в должность «Начальника гарнизона г. Елабуги». Никаких указаний относительно формирований, гражданского управления, вопросов продовольствия и снабжения он не мог дать и добавил, что это дело всецело мое.

С невеселыми думами я отправился обратно. Я готов был снова уехать в Алнаши и вести мою дружину в Ижевск, для борьбы в рядах организованных рабочих. Решив подчиниться, я в первый день приезда отдал приказ о вступлении моем в должность. Знакомство с обстановкой привело меня в тихий ужас. Военное положение было таково, что если бы красные перешли в наступление хотя бы ротой, то удержать их было нечем — людей много, но организации никакой. Помощь со стороны флотилии выразилась в выдаче 10 пулеметов Кольта (взятых в большом количестве в Казани), но и только. Требования флотилии заключались в доставке провианта, продовольствия и... спирта. Офицеров оказалось — вступивших добровольцами и призванных моими предшественниками — 396. Я — единственный из кадровых. По специальностям — почти все пехотинцы (артиллеристов 8, сапер 1). Много было юристов по образованию, были математики. Починам — 5 штабс-капитанов, примерно около 100 поручиков, а остальные прапорщики, не нюхавшие пороху.

Что же было из войск? Формировались 1-й и 2-й Елабужские пехотные полки. В 1-м полку имелся один батальон в 600 штыков, пулеметная команда — 6 пулеметов; 2-й полк — лишь офицеры; Чистопольский отряд поручика Михайлова — 60 пеших и конных. Батарея — одно орудие без прицела. Громадный штаб гарнизона, громадная комендатура и контрразведка. Отпусков

продовольствия не было ни от кого, жили на пожертвования деньгами и припасами, а оклады офицерам и солдатам были так высоки, что, не разбирая по чинам, я на первое время уменьшил вдвое, но я все-таки не знаю, по какому рангу получил за первый месяц 1300 рублей!

Первые дни по вступлении в должность я потратил на то, чтобы предотвратить неожиданное нападение красных: существующие части распределил по участкам, которые приказал оборудовать к обороне; установил телефонную связь с позицией.

При слиянии Вятки и Камы находился отряд штабс-капитана Калашёва силою около 500 штыков при 3 пулеметах и 20 конных. Связь с этим подчиненным отрядом была только боевыми судами. Иногда по 2—3 суток об этом отряде не было никаких известий. Телеграфную связь — не помню, по какой причине — установить не удалось. Этот отряд оперировал в районе Мамадыша на Вятские Поляны — направление чрезвычайно важное, и если бы во главе этого отряда был человек с большим опытом, при наличии 500 штыков — исключительно добровольцев — можно было бы сделать очень много.

Находясь в Соколках, отряд являлся только лишь десантом с флотилии для прикрытия ее нахождения в Соколках. Я просил капитана 2-го ранга Феодосьева, как только они бросят Соколки, перевезти на пароходах отряд в Елабугу, но это не было сделано, и отряд, переправившись на левый берег Камы, опять-таки прикрывал флотилию уже от несуществующего здесь противника.

Начальник дивизиона боевых судов предложил мне перевезти отряд в Елабугу, когда тот находился против города, но было уже поздно, Елабуга была под угрозой с суши и с реки, почему я приказал отряду двигаться на Набережные Челны и прикрыть будущий пункт нашей переправы через Каму с юго-запада. Этот отряд присоединился ко мне в Набережных Челнах.

Работая с 8 утра до 12—2 ночи, я быстро наладил оборону города; затем я занялся приведением в порядок войск. Приказал формировать только 1-й Елабужский полк, прекратив формирование 2-го. За месяц моего пребывания полк возрос до 2000 человек, но винтовок было лишь около 700, патронов примерно по 100 штук на винтовку; пулеметов недостаточно. Связи город не имел ни с одним городом. Прежде всего я установил связь с Ижевском, пользуясь правительственным проводом. Переговорили по прямому проводу с начальником штаба Ижевской армии

и взаимно информировали друг друга. Мне обещано было еженедельно 500 винтовок в обмен на хлеб. К сожалению, я получил всего лишь 1500, так как пришлось уходить.

Исправив линию на Мензелинск—Бирск—Уфу—Самару, я донес в Самару о существовании сил при слиянии Вятки с Камой. Получил ответную телеграмму, где говорилось, что рады появлению наших сил на правом фланге, не указывая, где и какие силы находятся; утверждают меня в чине подполковника со дня выслуги (это явилось следствием их запроса о моем движении по службе), но не указывается, кому я подчинен: подписана телеграмма двумя — «Галкин» и «Лебедев». Таким образом я нашел правительство, так как капитан 2-го ранга Феодосьев отрицал всякое правительство, кроме Монарха.

Ответ этот не мог удовлетворить меня, поэтому я снова настойчиво просил указать мне ближайшее войсковое соединение не ниже дивизии. Ответ получил из Уфы от начальника штаба 20-го пехотного Уфимского корпуса, что я с отрядом вхожу в состав дивизии, штаб которой в Бирске.

В первые дни моего пребывания в Елабуге вверх по Каме в Белую проходили эвакуированные пароходы из Казани. Это была армада! Одних пассажирских пароходов пришло в Елабугу 43, сколько буксирных — не помню. Часть, по приказанию кап. 2-го ранга Ф. была пропущена вверх, остальные я подверг осмотру на предмет задержания более свободных для эвакуации Елабуги. Ф. дал в мое распоряжение боевое судно, стоявшее на якоре вверх по течению, с приказом стрелять в те пароходы, которые двинутся без пропуска. Я со своими офицерами лично решил осмотреть несколько пароходов.

Громадный волжский пароход занимается одним офицером и пятью солдатами чехами, имущества никакого. Никого не пускают к себе, заявляя, что пароход числится за чешским штабом (по-видимому, хотели забрать в Чехию!). Другой пароход занимается командующим Чистопольской армии и его штабом. Находясь уже на пристани, я получил приказание этого командующего явиться к нему. Решил, конечно, идти. Прием в рубке 1-го класса. Командующий армией подполковник Лукашевич, бывший командир запасного полка в Елабуге. Познакомившись, я выразил удивление его приказанию, указав ему, что я уже имею законных начальников; но если он действительно имеет армию, которую высадит здесь, чтобы бороться с большевиками, то я

немедленно подчинюсь ему со своими частями, а так как я знаю, что у него никаких частей нет, то если он сойдет с парохода со своими офицерами и тем самым увеличит число бойцов-интеллигентов, то я передам ему мои должности и буду работать там, где он укажет. Во время разговора я ему указал, что у меня нет кадровых офицеров, а у него писарем генерал — здесь этот чин был бы крайне необходим в Гражданском управлении, да, кроме того, необходимо вывести войска Елабуги для активных действий.

На все мои мольбы этот подполковник отвечал, что разумным офицерам здесь нечего делать, так как здесь эсеры и керенщина, и он с офицерами отправляется в Сибирь, где формируется настоящая Русская Армия. Я поблагодарил его за оценку и, уже возмущенный, сказал ему: «Вы отдали мне приказание и ничем не могли подкрепить его. Теперь я приказываю Вам немедленно выстроить всех офицеров на верхней палубе и солдат на нижней, чтобы я мог разъяснить им положение и предложить желающим остаться здесь. Все выходы с парохода заняты моими людьми, так как я предвидел, что может случиться здесь. Посмотрите на боевой корабль, который уже давно встал против вас и по моему приказанию утопит пароход со всеми вами. Даю вам 5 минут времени».

Во всех коридорах уже стояли верные мне люди, и фактически пароход был в моих руках. Из офицеров никто не пожелал остаться, передал мне Лукашевич. Я же лично им ничего не говорил, так как предвидел исход. Приказал коменданту пристани отвести всем офицерам по одному месту в 1-м и 2-м классах, свободные места заполнить такими же путешественниками с других пароходов.

Этот пароход был отправлен в первую очередь и о случившемся я телеграфировал своему начальству, думая, что этот караван офицеров будет задержан в Бирске или Уфе. Как оказалось, никто на это не обратил внимания, так как это не было из ряда вон выходящим случаем.

Вот в таких условиях приходилось работать. После падения Казани офицерство перестало верить в возможность что-либо сделать при существующем правительстве и удирало туда, где, по слухам, было лучше. Слишком много вынесли обид, огорчений при правительствах демократических (с.-р.). Так думало большинство офицерства и, мне кажется, никто не сможет упрекнуть его за

это. Не слабые уходили в тыл, а во многих случаях, убежденные, что они делают наилучшее. Ведь у нас на востоке России не было авторитетных лиц, могущих дать исчерпывающее разъяснение событий, которым бы поверили. Мы и ими были бедны — у нас не было Алексева¹⁹², Корнилова, Деникина. У нас появились свои «звездочки», никому неизвестные: подполковник Каппель, капитан Степанов¹⁹³, герои Казани. Таким же случайным был и я — не было авторитета, не было знаний, не было стажа. Все распоряжения мои были с горячим желанием сделать хорошее, но очень часто через некоторое время их приходилось заменять новыми, иногда еще худшими. Страдало население, страдали и войска.

Во главе Гражданского управления сперва никого не было, а потом прибыл уполномоченный Правительства, инженер, бывший член С. С. и Р. Д. в Петрограде, а впоследствии личный секретарь Председателя Директории Авксентьева¹⁹⁴ (фамилии не помню). Желания работать у него было много, но умения не было тоже, и фактически жизнью руководил городской голова и председатель Земской управы первого состава после революции. Последний¹⁹⁵ — с. р., но очень дельный, знающий край и пользовавшийся большим уважением и популярностью среди населения города и уезда.

События шли ускоренным темпом. Флотилия отходила под давлением красной флотилии. Я до сих пор не могу понять, кому она подчинялась, какие задачи выполняла в связи с действиями сухопутных частей. Могу сказать одно, что от Елабуги я отошел только потому, что отошла флотилия и мне было передано, что через два дня она отойдет к Пьяному Бору. Мне было приказано переправляться через Каму, и отход мой был на Мензелинск, Бирск, поэтому без флотилии я не смог бы произвести переправу.

В общем, я совершенно откровенно должен сказать, что управления ни гражданского, ни военного не было, а были лишь суррогаты, попытки найти правильные пути.

Каковы же были возможности? Безусловно, можно утверждать, что громадная часть населения была настроена антибольшевистски. Доказательством могут служить многие факты:

1) Войска, дошедшие к эвакуации Елабуги до 6000, довольствовались добровольными пожертвованиями деньгами и продуктами. Ежедневно утром громадный двор штаба гарнизона был

заполнен телегами с продуктами. Из деревень везли все: мясо, овощи, крупу и т. д. Для приема пожертвований деньгами в штабе был особый казначей. Я не скрываю, что большую часть дал город, но приведу пример: из одной волости я получил 25 000 р. царскими и 50 000 керенскими. Это уже показательно.

2) Я получил из всех волостей, не занятых красными, постановления, где предлагалось мобилизовать население от 18 до 45 лет, а это дало бы до 30 000. Добровольцами идти боялись, опасаясь за семьи в случае нашего отхода. Я телеграфировал в Самару, прося разрешения мобилизовать хотя бы некоторые года и отправить их через Уфу в Сибирь для формирования частей в глубоком тылу. Ответ был такой: «Мы не позволяем вам мобилизовать ни одного человека. Галкин, Лебедев». Что элемент этот был бы надежным, доказывает вся последующая борьба: в конечном результате в армии остались: вятичи, пермяки, уфимцы и волжане.

3) В семи верстах от Елабуги есть большое село Танайка, шибко революционное во время начала революции. Как-то, когда я находился в штабе гарнизона, мне было доложено, что танаевцы привезли 8 гробов с телами и просят принять покойников, а их отпустить. Отправленный мною офицер выяснил, что танаевцы накануне напали на деревню, которая в свое время разгромила имение и убила помещика Алашеева, члена 1-й Государственной Думы и в свое время гонимого дореволюционным Правительством. Танаевцы убитых положили в гробы и прислали в штаб, как доказательство того, что они порешат с каждым большевиком.

4) Однажды ко мне явилась депутация от названного села Танайки с просьбой приехать к ним в день, когда у них будет сходка. Я поехал. Так как у меня не было ни верховой лошади, ни экипажа, я поехал на паре почтовых, в тарантасе с офицером и 4 конными ординарцами. Подъезжая к селу, я услышал церковный звон. Меня встречали, как архиерея. Женщины стояли полевую сторону улицы, а мужчины по правую, и все кланялись. У церкви аналой, иконы и священник, который отслужил молебен. Я сказал несколько слов о большевиках, но меня скоро прервали и радостно заявили, что сход решил сформировать одним селом конный дивизион. На покупку всего необходимого они дают деньги и будут довольствоваться эту часть, пока она вблизи села. Сформировать конный дивизион не удалось, но впоследствии

в полку, который я сформировал, была «Танаевская стрелковая рота» сверх 9 рот полка. Об этой роте я скажу впоследствии.

Возможностей было много, но использовать их не сумели благодаря многим причинам; некоторые я указал выше.

Вятский край небыл использован, я думаю, и в десятой части, как в первый момент борьбы Народной армии летом и осенью 1918 года, так и армией Адмирала Колчака в мае—июне 1919 года, когда Ижевск, Воткинск, Сарапул, Елабуга вновь находились в наших неумелых руках.

Боевые действия под Елабугой были очень малые. Несколько раз противник со стороны Вятских Полян пробовал наступать небольшими силами, но легко был отбиваем верстах в 20—30 от города. Мы потеряли 8 убитых, около 40 раненых, у красных было взято одно орудие, несколько пулеметов, кухня. В общем красные не лезли, мы, надо сказать, желания тоже не имели, прикованные к реке, да и начальство нас не перчило, а спрашивало, когда перейдем на левый берег Камы. Как оказалось, там мы были нужнее.

За всё время нахождения моего в Елабуге я не получил ни одной ориентировки, ни одной газеты, ни одной сводки и совершенно не знал, где и какие части или отряды существуют. Реальными для меня были Ижевск и Воткинск.

Наконец, после сговора с кап. 2-го ранга Ф. было эвакуировано гражданское население и имущество, много товаров из кооперативов. Войска, после ухода всех пароходов и флотилии, ночью отошли на берег Камы, против с. Набережные Челны. Ф. обещал устроить переправу быстро, необходимым количеством баржей и пароходов. Мы имели с собой около 200 голов скота. Когда я прибыл к берегу, установив на позиции арьергард, ни одного человека не было переправлено, хотя прошло уже 4 часа с назначенного для переправы времени. Несмотря на вызовы, ни один пароход, ни одна лодка к месту посадки не прибывали. Пробовали кричать, ничего не выходило, был сильный ветер. А стрельба красной флотилии была все ближе и ближе, наши суда отходили.

Положение было таково, что, казалось, снимутся и побегут, куда угодно, чувствовалось приближение паники и раздавались грозные крики по адресу нашей флотилии. Чтобы обратить на себя внимание, я приказал произвести выстрел из орудия. Появился паровой катер и спросил, в чем дело. Какой-то солдат полез на

катер с криком: «Я покажу, в чем дело!..» Пришлось остановить рьяного, возмущенного добровольца. Я немедленно поехал к Ф., которого застал пьяным. Насилу втолковал ему, в чем дело, убедив его, что его суда уже бросили Бетьки и находятся верстах в 3—4, что красные теснят малые суда, а большие стоят в бездействии у пристаней, что никто от него никаких распоряжений о перевозке не получал.

Часа через два переправа наладилась так хорошо, что, начав перевозить в 11 часов утра, не могли перевезти скот до вечера, а ночью флотилия ушла и увела с собой все перевозочные средства.

Когда я был в Челнах, ко мне пришел один артиллерист с флотилии и просил, ради сохранения престижа, арестовать Ф., назначить любого морского офицера, и флотилия выполнит любую задачу. Но пьяный Ф. увлекся идеей устроить у устья р. Белой «Верден» и стремился к нему. В свое время он выхлопотал у начальства и забрал от меня одну офицерскую роту, как гарнизон будущего «Вердена».

Я убежден, что, не будь Ф., флотилия так поспешно не ушла бы. Я знал, что отличные офицеры-моряки, командиры судов, артиллеристы и пулеметчики сухопутные, матросы — гимназисты, реалисты и студенты — выполняют свой долг, но Ф., будучи безусловно храбрым, не хотел воевать под флагом Народной армии, вечно был пьян и путал все распоряжения. Что в это время делал командующий Камской речной флотилией контр-адмирал Старк, — не знаю. Знаю одно — Ф. делал то, что хотел, а хотел он в большинстве случаев плохо.

Я решил части свои в Челнах не останавливать, а отвести на 18 верст по тракту на Мензелинск, чтобы прикрыть свой левый фланг и тыл от появившегося к юго-западу противника, но тем не менее часть войск я решил сутки держать на берегу и сам остался с ними. Сокольский отряд был оставлен на элеваторе, поставленном среди строений, с прикрытием офицерской роты, и одно кинжальное орудие для действия по судам противника.

Утром все были на местах. Получив сведение, что флотилия красных показалась, я с прапорщиком Блиновым пошел к орудию и офицерской роте. Подходя к реке, я увидел, как настоящая речная канонерка медленно движется вверх по течению. Ни одного человека не видно. С нашей стороны выстрел — разрыва не видно. Противник как шел тихо, так и продолжал, как бы

не обратив внимания на выстрел. Я бросился к орудию и роте, но уже было поздно — всё убежало от одного вида канонерки, такой это судно имело величественный военный вид, по сравнению с буксирами, превращенными в боевые суда. Вслед за канонеркой двигались остальные суда (пять), уже обыкновенного типа. Обгоняя их, полным ходом подошел к пристани пароход М.П.С. «Межень», на котором в 1913 году совершал переход по Волге Государь Император. Лихо отшвартовался, но в этот же миг с элеватора застрочили 5 пулеметов Сокольского отряда. От рубки полетели щепки, и «Межень» полным ходом пошел вниз. Я первый раз видел такой маневр. По-видимому, это было возможно только для «Меженя», одного из лучших казенных пароходов на Волге. Как потом узнали, на нем был тов. Раскольников. Через некоторое время суда открыли огонь по элеватору и селу.

Я приказал вывести отряд из помещений элеватора и присоединиться к главным силам. Каму оставили.

Еще в Челнах я получил ориентировку из штаба в Бирске, что мой правый фланг обеспечивается флотилией, на которую возложена задача не допустить переправы красных через р. Белую. Левый же фланг на весу, так как до частей подполк. Каппеля от меня примерно 250 верст. Промежуток этот кишит отрядами, формируемыми на местах. Этим же приказом мне подчинялся Мензелинск с небольшим гарнизоном. Первый раз проявилась для меня некоторая обстановка.

Через несколько дней после отхода от Камы красные переправились через Каму между Челнами и Пьяным Бором. Нами это было вовремя предугадано, и к этому району был подтянут Сокольский отряд, который и охранял реку очень удачно на фронте в 15 верст. Но все же в одном месте красные огнем судовой артиллерии сбили заставы штабс-капитана Калашёва и переправили около батальона пехоты при 4 пулеметах. Штабс-капитан Калашёв очень искусно задерживал этот батальон и, несмотря на то что был прижат к Каме, не давал распространяться вглубь. В это время в мое распоряжение подошел 1-й батальон 13-го Уфимского стрелкового полка под командой капитана Модестова, который я направил на усиление штабс-капитану Калашёву, подчинив последнего кап. Модестову.

Кап. Модестов быстро разобрался в обстановке и, стянув силы в угрожаемый пункт, он ударил не в лоб, не сбрасывая в

Каму, а, наоборот, атаковал отряд с тем, чтобы отбросить его от реки, а значит, и от артиллерии, и прикончить, пользуясь превосходными (в 2—2,5 раза) силами. Кап. Модестов это выполнил, и я в скором времени оттянул весь отряд к главным силам, где надо было опасаться за левый фланг.

Беда была в том, что части не имели никаких телефонных проводов, поэтому главные силы должны были находиться на линии правительственных проводов и, таким образом, все время подставлять противнику сперва левый фланг, а потом и тыл.

В сторону подполк. Каппеля я, не имея в своем распоряжении конницы, вел разведку на 100—120 верст, но ни разу мои части не столкнулись с частями подполк. Каппеля. В разведку назначалась рота в 120 штыков на подводах, при 3 пулеметах. Рота двигалась два перехода (по 30 верст), собирая сведения о противнике. Через 50—60 верст рота занимала какое-либо селение (обыкновенно на перекрестке больших дорог), где оставался командир роты с полуротой и 2-мя пулеметами и строил укрепление на случай наступления красных. Задача этой полуроты — производить разведку в стороны от главного направления разведки. Другая полурота меняла подводы и немедленно двигалась дальше на 20—30 верст, где закреплялся взвод с пулеметом. Последний взвод производил разведку вперед по двум направлениям на 12—15 верст и, собрав сведения, в тот же день возвращался к ядру первой полуроты, которая немедленно снималась и соединялась со 2-й полуротой разведки. Как правило, такая разведка должна была вернуться на 7-й день.

Конечно, первоначальное удаление роты на 50—60 верст слишком далекое. Приходилось это делать, так как, повторяю, — других средств не было. Не было и офицера, могущего организовать агентурную разведку. Впоследствии это было налажено, но плохо. Я очень не доверял таковой и всегда предпочитал войсковую, натаскав для этого несколько офицеров.

Долго красные с фронта не тревожили нас, но наконец стало известно, что в Челны они переправили Симбирскую отдельную бригаду т. Вахрамеева, который первым делом занялся формированием отряда у нас в тылу, используя для этого большого организатора по этой части т. Кожевникова. Кожевников, как после стало известно, решил организовать 10—12-тысячных отрядов, каждый из которых состоял из 800 чел. пехоты, 100 конницы и одного орудия. Все чины должны быть местными. Возможнос-

ти у них были, так как население Уфимской губернии к югу от р. Белой было более на их стороне, чем на нашей.

После небольшого боя я отошел к Мензелинску, но и там я не мог долго задерживаться. Необходимо было отойти ближе к Бирску, чтобы подравняться с подполк. Каппелем и обеспечить свой левый фланг.

5. Мензелинск — Бирск

В Мензелинске начальником гарнизона был подполковник Курушкин¹⁹⁶. Силы гарнизона — один батальон с конной разведкой, примерно 400 шт., и 2 пулемета под командой кап. Туркова 1-го. Остаться и удерживать Мензелинск не имело никакого смысла, так как в военном отношении части, находящиеся здесь, легко могли попасть в ловушку — достаточно было занять мост через р. Ик. Поэтому я решил использовать этот город как стоянку для отдыха и при первом серьезном намерении противника атаковать — уйти и занять укрепленную позицию у с. Асяново. Конечно, необходимо было, оставаясь в Мензелинске, обеспечить себя со стороны мостов на р. Ик, заняв их хотя бы небольшими частями. Это мною не было сделано, что и было грубейшей ошибкой, чуть было не окончившейся большой катастрофой.

Красные начали шевелиться под городом, вели небольшими частями наступления, легко отбиваемые нашими частями. Большинство частей было в самом городе, приводя себя в порядок и обучаясь. В это время т. Кожевников уже начал действовать. В тылу появлялись маленькие отряды, нападавшие на наши обозы и одиночных людей, что очень беспокоило нас, так как связь то и дело прекращалась. Подполк. Курушкин занял должность начальника штаба отряда и, занявшись формированием штаба, многое упустил из того, что было всецело на его обязанности. Разведка велась плохо, что кончилось почти полным окружением нас.

На тыловых путях появились мотоциклы с пулеметами. Начались бои. Ближайшее окружение было легко пробито, но на Икском мосту красные готовили для нас, по-видимому, самое лучшее купанье. Подошедшие части были встречены пулеметным и артиллерийским огнем. Не зная, что с другими мостами вниз по течению, я решил атаковать главный мост и в то же время выслать отряды на другие.

Дело было ночью; среди подчиненных начальников началось волнение, и все стали просить меня не атаковать. Я ясно видел, что их настроение передалось ниже и из атаки ничего не выйдет. Тогда я приказал подполк. Курушкину немедленно двигаться со всеми конными и занять какой-либо мост вниз по течению р. Ик. Первый мост был в 7 верстах. Красные его не заняли, хотя изредка посылали в его сторону снаряды, с большим недолетом. За ночь мы переправились благополучно и даже оттеснили красных от главного моста, обеспечив этим выход на главную дорогу. Отошли и заняли позицию у дер. Яркоево, имея в виду дальнейшее занятие Асяновской позиции.

В Яркоево я получил приказ из всех частей, выведенных из Елабуги и Мензелинска, составить Мензелинский стрелковый полк. Я протестовал только лишь против наименования, просив назвать его «Прикамский стрелковый полк», что примиряло все составные части. Разрешение было получено. Полк был сформирован быстро, так как к этому были подготовлены ранее. Елабужане — 1-й батальон, Сокольцы — 2-й, Мензелинцы — 3-й. Мой начальник штаба пор. С. — пулеметной командой (Курушкин сразу уехал в тыл). Частным путем я был уведомлен, что полковым командиром будет назначен подп. Курушкин, а я буду отозван в тыл для службы в инженерных частях. Но потом этого, к счастью, не произошло, так как если нужно было убрать меня, необходимость чего чувствовалась больше всего мною самим, то назначение подп. Курушкина было бы самым неудачным. По моему мнению, у него временами «заходило», и об этом знали все в отряде.

Для пользы дела нужно было прислать из тыла опытного штаб-офицера, а меня оставить в полку помощником; такя писал впоследствии командиру корпуса генерал-лейтенанту Люпову, так и говорил ему в единственное свидание с ним. Численность полка в то время:

Штаб полка и отряда.

1-й б-н — 3 роты — 580 шт., 20 конницы, 6 пулеметов

2-й б-н — 3 роты — 540 шт., 30 конницы, 6 пулеметов

3-й б-н — 3 роты — 480 шт., 20 конницы, 6 пулеметов

Конная разведка — 120 сабель

Пулеметная команда — 12 пулеметов

Интендантство отряда

Перевязочный пункт

Отрядный лазарет

Прикамский стрелковый полк: 3 батальона, пулеметная команда — 12 пулеметов, конная разведка — 120 шашек.

Прикамская батарея — 2 орудия.

13-й Уфимский стрелковый полк: 3 батальона, пулеметная команда — 12 пулеметов.

Уфимская батарея — 2 орудия.

Гусарский же полк находился в тылу штаба корпуса и доформировывался, выполняя задачи, даваемые штабом корпуса, поэскадронно, главным образом по разведке.

Укрепленная позиция оказалась никуда не годной, окопы вырыты были посередине переднего ската в глинистой почве, обстрел только дальний, подступы же к селу и самое село — в мертвом пространстве.

Указал место постройки окопов внизу, обратив особое внимание на расположение пулеметов для перекрестного огня. Выбор пехотной позиции был мой конек, и в этом случае эта позиция стоила красным очень дорого.

Расположение частей было таково: Прикамский полк — правый участок от Асянова включительно до пристани Дюртюли, занимая последнюю 3-м батальоном, 2-й батальон Уфимского полка примыкает клевому флангу, 1-й и 3-й были в моем резерве, находясь за левым флангом уступами.

Красные подошли не скоро, оправляясь от боя под Яркеевым. Батальон Уфимского полка, занимавший деревню впереди Асянова, заставил красных развернуться в 12 верстах от Асянова, и целый день заставил их мотаться цепями, и только к вечеру красные подошли к Асянову и немедленно повели атаку на батальон Уфимского полка и две роты Прикамского, обстреливая окопы наверху, где несколько стрелков и один пулемет изображали силы.

Красные лихо пошли на село и, подпущенные на 200 шагов, были встречены 5 пулеметами в лоб, не считая с флангов. Потеряв около 150 человек убитыми и ранеными (оставшимися на поле), красные отхлынули назад.

Утром атака началась обстрелом артиллерией — снова незанятых окопов. Еще ночью я, получив сведение, что противник силою около 2 батальонов пехоты при двух орудиях ушел в обход моего левого фланга, приказал усилить разведку и наблюдение тыловому батальону моего резерва. С началом наступления, ведшегося очень осторожно и медленно по всему фронту до

Дюртиюлей, было выяснено, что колонна до батальона пехоты при двух орудиях движется в обход батальона, стоящего на левом фланге первым уступом. Колонна, вышедшая ночью, была под наблюдением и к 10 часам утра находилась на высоте первого уступа, идя примерно в 7 верстах влево.

Я решил, не предпринимая ничего против этой колонны, разбить сперва ближайшую колонну. Это нам удалось, но не так, как я хотел: батальон 2-го уступа поторопился и ударил не в тыл, а во фланг, тогда, когда 1-й уступ еще не мог принять участия. Противник отошел, заняв позицию во фланг, и пришлось уже нам атаковать и нести потери.

В 12 часов дня стало известно, что противник переправился через р. Белую в тылу Дюртиюлей и ведет атаку с тыла на батальон Прикамского полка. Не предвидя этой возможности, так как всецело уповал на флотилию, я не имел ничего ближе, чем за 12 верст, т. е. батальон 2-го уступа слева, который в это время вел атаку. Впоследствии оказалось, что флотилия, опасаясь осеннего мелководья, самовольно ушла в Уфу, не известив об этом меня.

Командир Прикамского полка, имея в резерве к тому времени всего одну роту, приказал командиру батальона в Дюртиюлях самому ликвидировать обход, как оказалось, двух рот красных.

Командир батальона, оставив в Дюртиюлях одну роту, благо красные с фронта были не энергичны, строя, по-видимому, всю операцию на обходах, с 2-мя ротами незаметно ушел из Дюртиюлей и в 4 часа ударил на красных, еще не окончивших переправу, всеми силами и сбросил их в реку, частично разметав по левому берегу. Человек 30 красноармейцев мы забрали на другой день в тылу. Тут же сдалась рота в 83 человека, заявив, что они попросились в обход, прочитав мое воззвание (напечатанное на машинке), где я писал, что сдавшиеся с оружием не подлежат допросу и немедленно отпускаются по домам или остаются у меня служить, по желанию.

Рота вся осталась у меня, составив 8-ю роту полка, которую распределили между 7-й и 9-й. Впредь эта рота пополнялась на общем основании и великолепно дралась. Долго еще ее называли красноармейской ротой.

Итак, к 4—5 часам вечера этот обход был ликвидирован.

Я не опасался более за этот фланг, так как из опроса пленных выяснилось, что и красные послали эти 2 роты на авось. Весь расчет их велся на глубоком обходе 2 батальонов, к которым сегодня вечером должны присоединиться два отряда тов. Кожевникова.

Задача отряда: занять в моем тылу позицию и встретить наши отходящие части. Да и мое впечатление было таково.

К вечеру красные стали более энергичны и против Асянова, где они повели атаки, главным образом, на 5-ю (студенческую) роту Уфимского полка и 4-ю Прикамского. Студенческая рота буквально измывалась — подпускала вплотную и шла в штыки, 4-я рота Прикамского полка избивала пулеметами. Наша артиллерия в этом направлении не стреляла, будучи занята безрезультатной борьбой с двумя фланговыми орудиями красных. Ошибка была в том, что я не подчинил батареи начальникам боевых участков, оставив руководство ими за собой; связь же была так плоха, что обстановка меня сильно опережала. К ночи я решил на всем протяжении перейти в контратаку и, отбросив красных, отойти от Асянова, что советовал и штакор, т. к. по отношению к общему фронту я занимал очень выдвинутое положение.

Атака увенчалась успехом, красных отбросили. Подсчитали протори (*устар.* потери. — *Ред.*) и убытки. У нас было убито 27, ранено 140—150 человек. Взято в плен 280, трупов и раненых на поле более 800, взято пулеметов 5 и очень много пулеметных лент; около одного пулемета было выбито 8 номеров, по-видимому, попали под наш пулемет.

Отход начали в полночь, к каковому времени выяснилось, что обходная колонна вышла на наш путь, прервала связь и заняла деревню примерно в 20 верстах от Асянова. Эту деревню мы ночью обошли, оставив в непосредственном тылу 2 роты с пулеметами, с приказом в 6 часов утра обстрелять деревню и произвести панику. Паника удалась, противник бежал по старому пути, не зная, что мы освободили им главный путь. Роты присоединились к нам через 2 дня и сведений о противнике не имели.

Безусловно, красным был нанесен большой удар, и они оправались от него через 20-30 дней, когда смогли идти к нам на сближение. Мы отошли на 70 верст, заняв позицию в 12 верстах к западу от г. Бирска. Немедленно приступили к оборудованию позиции, уже не опасаясь за левый фланг, хотя до Каппеля было около 120 верст, но я установил с его частями связь по фронту, посылая сильные конные разъезды с «подводной» пехотой. Впоследствии перешел исключительно на «подводную» пехоту, сберегая лошадей конницы.

Штаб отряда и полка расположился в г. д. Баумгартен (господском доме Баумгартена. — *Ред.*), в 4 верстах от Бирска, где был

штаб 2-го Уфимского Отдельного корпуса. Командиром корпуса был Генерального штаба генерал-лейтенант Люпов, начальником штаба первое время Генерального штаба подполковник Пучков, а затем Генерального штаба полковник Виноградов¹⁹⁷. Штаб 4-й Уфимской дивизии — начальник дивизии генерал-майор Ковальский¹⁹⁸, начальник штаба капитан Колокольников. Два штаба в 4-х верстах — и в продолжение полутора месяцев, что я стоял под Бирском, никто не поинтересовался приехать в отряд и посмотреть части, посмотреть жизнь, обиход, офицеров, солдат. А мне кажется, было на что посмотреть: ведь это не была старая армия, основанная на уставах, это было новое, где часто офицер и солдат были на «ты» и тем не менее в бою были «начальник» и «подчиненный», способные жертвовать собой для выручки погибающего. Много было хорошего, много было плохого, но ведь строителями-то мы были сами, никто нами сверху не руководил, ведь мы были молоды, хотели работать, хотели, чтобы всё было хорошо, но учителей мы не видели. Было обидно, было даже впечатление, что мы никому не нужны, заботы о нас были минимальные; нам казалось, что за нашей спиной создается та армия, которая нужна начальству, а мы должны погибнуть. Во всех отношениях мы были какими-то пасынками. Никто нас не хотел и видеть.

И вот однажды я получаю извещение, что отряд приедет инспектировать пом. нач. дивизии полковник Сахаров.

Подготовились. Приезжает и первым делом заявляет, что до отряда и Прикамского полка он не касается, так как Прикамский полк не числится в составе дивизии, а 13-й Уфимский полк сформирован им, в командование им он был ранен и хочет видеть полк. Поехали вместе до штаба полка, где он просил собрать офицеров, бывших при нем в полку, и за рюмкой водки вспоминали былые дела. На этом смотр и кончился.

Я много раз порывался ему доложить о нуждах, подавал ведомости, но он просил прислать всё в штаб дивизии, он же грязной литературой не занимается. По отъезде его капитан Карпов рассказал мне, что из себя представляет полковник Сахаров, и я уж больше на него никаких надежд не возлагал. Впоследствии, в чине генерал-майора, Гавриил Иванович Сахаров¹⁹⁹ был у меня в корпусе генералом для поручений.

Наряду с ним я должен отметить командира 13-м Уфимским полком капитана Карпова, как выдающегося офицера, спокой-

ного, способного разобраться в сложной обстановке. Я знал его до Забайкалья. В 1920 году он был полковником и там только ушел из строя в снабжение.

Затем однажды я получаю извещение, что такого-то числа придут в Бирск две роты французских войск и командир корпуса желает показать их нашим и нас им. Что посмотреть их, как передовую часть союзников, будет приятно... и полезно. Нам же показывать им смешно, мы, по внешнему виду, не армия, а «рвань Петра Амьенского²⁰⁰», о чем я и написал командиру корпуса, изложив заодно и все свои горечи. В один из морозных дней ноября французы прибыли в Бирск и должны быть у меня.

Великий день настал, было объявлено, что союзники прибывают на фронт, и мне было приказано в месторасположении резерва подготовить для встречи французов по одному батальону от полков. Сделано. Я лично должен был встретить командира корпуса и французов «на большой дороге на линии штаба отряда».

Встретил командира корпуса, отрапортовал ему, он меня представил офицерам французской миссии, и все двинулись вперед — 3 версты. Командир корпуса пригласил меня к себе в сани, и сейчас же мы поехали большой рысью вперед. Подъезжая, я просил генерала разрешить мне уехать вперед и встретить его с частями. Он нашел это ненужным, и части при нем выбегали из изб и строились. Он быстро с ними поздоровался, упустив или не сочтя нужным поблагодарить за службу; нервничал и спрашивал моего мнения, кто же будет командовать «на караул». Я ответил, что отдал приказ командовать начальнику моего резерва. Он на это мне ответил, что тут встречаются две нации, и он будет командовать сам.

И вот вообразите картину: движется обоз из розвальней, на которых сидят «союзники», одетые в тулупы. Подъезжают. Тулупы снимаются и показываются в легких одеждах французы. Строятся. Начинается представление «наций» друг другу, затем прохождение церемониальным маршем поочередно, то мы, то они. Наконец, наши становятся вольно, а французы показывают показательное наступление.

Сзади меня стоят солдаты и говорят: «Г-н полковник, да ежели бы они так наступали на красных, то ничего бы от них не осталось» и т. д. В общем, впечатление плохое, что такие изнеженные солдаты у нас воевать не смогут.

В конце концов перед строем говорит поручик Марто из состава французской миссии при 3-й армии. Говорит по-русски о том, что германцы сломлены на западе, и теперь все союзники придут на помощь русским войскам, дерущимся против германо-большевиков. Казалось бы, речь хоть куда, но то ли уж очень смышлен русский мужик, но только впечатления он не произвел.

В понятии вятича, представляемое нам было недоброкачественным.

Для солдат-французов был приготовлен обед и чай, а для офицеров чай и бутерброды. Спиртных напитков не было по приказанию штаба корпуса, и прошло все очень вяло, натянуто. Но я все-таки спросил поручика Марто, говорил ли он о прибытии на наш фронт союзников, потому что действительно имеются об этом определенные указания сверху, или так думает подполковник Франсуа, начальник миссии? Тем же путем французы отправились в тыл.

После этого случая подполковник Франсуа и поручик Марто, а иногда и офицеры этих двух рот, бывали у меня в штабе. Оба они искренне любили Россию, искренно верили, что мы не будем брошены, оба готовы были идти в бой вместе с нами. Я потом всегда с удовольствием встречался с ними.

Несмотря на спокойную стоянку, части не были одеты, тыл ничего не давал, особенно Прикамскому стрелковому полку, ссылаясь на то, что он входит в состав другой дивизии, а какой — ни я, ни кто-либо другой не знал. Пришлось самому заботиться и добывать теплые вещи для солдат. Так как денег не было, то стали обменивать спирт, имевшийся у отрядного интенданта поручика Веникова²⁰¹, на теплые вещи. Таким обменом были одеты полк и все тыловые части. Запасливый поручик Веников давно уже возил две бочки, и вот онигодились.

Кстати будет сказать о составе Прикамского полка. Об офицерах я уже говорил немного, но теперь остановлюсь более подробно. Как и везде, среди офицерских чинов полка, возможно, были самозванцы, и если он не попал на командную должность, то легко мог остаться не расшифрованным. Случай расшифрования был один, да и то участник — чех, назвавшийся поручиком русской службы, а на самом деле оказавшийся вором-рецидивистом. Я его судил полевым судом и расстрелял. Много офицеров ушло незаметно в тыл, пользуясь для этого

отпусками, командировками и т. д.; погибло 23 убитыми и около 100 ранеными. Надо признать, что офицеры, находящиеся в ротах, были много лучше, боеспособнее офицеров в офицерских ротах. Это факт, ненормальный уже потому только, что убыль в ротах пополнялась из офицерских рот. Объясняю это только тем, что, хотя командир офицерской роты штабс-капитан Новицкий и прилагал все усилия, чтобы сколотить роту, он не мог побороть внутреннего саботажа. Будь командир твердый, и, конечно, офицерские роты будут образцом, но у меня не было такого офицера свободного. Офицеры в ротах несли службу прекрасно, и среди них было столько героев, что перечислять их нет возможности.

Унтер-офицеров было мало, поэтому по формировании полка немедленно начала действовать учебная команда штабс-капитана Кирсанова, перед этим формировавшего Елабужский полк. Команду он всегда старался держать в глубоком тылу. Результатов я лично не видел, но мой заместитель по должности командира полка капитан Турков 1-й говорил мне об отличной подготовке. Выпуск был сделан к наступлению в марте 1919 года.

Во главе хозяйства — Интендантства — был поручик Веников, елабужский купец, знавший местные рынки. Он умело подобрал людей. Все должности, связанные с деньгами, у него занимали такие лица, как председатель Мензелинской уездной земской управы — фуражир; главный лесничий Н-го лесничества — главный артельщик. Эти герои ходили такими же обтрепанными, как любой солдат, не знали ни днем, ни ночью покоя, так как, я повторяю еще раз, 2-й Уфимский корпус формировался, а интендантство работало скверно все время, пока Штакор стоял в Бирске. Мы жили тем, что среди нашего хозяйственного управления было много интеллигентных работников, которые оказались опытнее и более знакомы с местными возможностями, чем те, кому это надлежало знать. Поэтому я не боялся давать Интендантству больших задач — была уверенность, что найдутся исполнители.

Должен оговориться, что Интендантство было громоздкое, так как всё было в периоде формирования. Результаты были неплохи, что видно хотя бы по тому, что Оперативный госпиталь по расформированию отряда был переименован в дивизионный лазарет. Во главе медицинской части стоял прекрасный организатор, молодой врач Морев. Этот человек, на редкость трудолюбивый, создал прекраснейший лазарет. Саперная рота состояла из пехотных солдат, да и во главе ее стоял малосведу-

ший поручик Салков, офицер военного времени. Я видел также нужду в подрывной и мостовой команде. Эти две команды я старался развить и обучить. Но иногда этой ротой приходилось пользоваться, как резервом.

Можно убежденно сказать, что состав полка был великолепно-лепный, но руководства там было мало. Я, командир полка, фактически им и не командовал, так как должность начальника отряда отнимала все время. Начальника штаба я не имел, так что фактически я исполнял все должности, вплоть до того, что сам писал сводки. Пробовал просить по начальству о присылке ко мне хотя бы одного офицера, знакомого со штабной службой, но мне ответили, что тыл беден так же, как и я. Это было не совсем так, как я увидел и узнал впоследствии, но не было такого человека, который мог бы откопать «окопавшихся».

Штаб корпуса перешел в с. Байки. В Бирске остался штаб дивизии. Для чего существовал последний штаб, думаю, что и теперь никто не объяснит. Части дивизии формировались в тылу, в Златоустовском уезде. Казалось бы, и штабу надлежало быть с тремя полками, а не с одним. Выходило, что были штабы, а войск не было.

Упустил еще один факт, который нужно отметить. Еще находясь в Бирске, комкор генерал Люпов предполагал перейти в наступление моим отрядом, усилив его подходящим 21-м Челябинским стрелковым полком, которым командовал лихой штабс-капитан (фамилии не помню).

Как только полк пришел в Бирск, он, вместо подготовки к бою, начал месить церемониальным маршем улицы Бирска, показывая себя генералу Люпову и населению. Любовь к парадом еще не прошла у генерала, а кончилось это очень неблагополучно. Полк, тесно расположенный в городе, скоро заболел тифом, да так, что о наступлении не приходилось и думать. В частях на фронте тифа не было.

Доходит до нас слух, что в Омске случился переворот и адмирал Колчак объявлен Верховным Правителем. Штаб корпуса не только молчит, а присылает в отряд 7 человек агитаторов в пользу директории и формирования русско-чешских полков (эсеровского формирования). Паршивое было положение. Допустить в части не хотелось, тем более что в отряде ничего эсеровского не было. Переговорил с командирами полков и решил отправить адмиралу Колчаку телеграмму с признанием и поздравлением. Агитаторов

отправил восвояси с предупреждением, что если явятся вновь, то будут арестованы. Посланный с телеграммой офицер должен был, через знакомых штаба корпуса, добиться передачи телеграммы в Омск при себе и тогда доложить мне. Когда это было сделано, я подал рапорт по команде с приложением копии телеграммы. Через несколько дней генерал Люпов послал телеграмму о признании с приветствием адмиралу Колчаку.

Итак, штаб корпуса выбыл. Обстановка складывалась так, что штаб дивизии тоже должен был отправиться в тыл. В это время между Байками и Бирском появились какие-то красные со стороны Сарапула, и дорога была небезопасна. Штадив выехал в далекий объезд через Уфу как путешественники.

Штаб корпуса, отходя в Байки, отходил ко всему корпусу, здесь же оставались два полка слишком впереди, тогда как около Байков собирались части 4-й Уфимской дивизии — 14-й, 15-й и 16-й полки; 8-я Камская дивизия, сформированная из Пермской дивизии, прекратившей свое существование, из полков 29-го Бирского, 30-го Аскинского, 31-го и 32-го Прикамского стрелкового полка. Таким образом, мой отряд принадлежал к двум дивизиям, также и артиллерия.

С выбытием из Бирска штадива, я переходил в подчинение командующего Самарской группой генерала Войцеховского (штаб — Уфа); мой штаб — Бирск. Тыл мой переносился с направления на Байки — на Уфу.

Как-то сразу почувствовалась твердая рука сверху; начать с того, что генерал Войцеховский вызвал меня к прямому проводу, расспросил о состоянии отряда, дал полную ориентировку, а также много указаний. Разрешил во всякое время, если я найду необходимым, вызывать его к проводу. Я так уже привык, что сильных в тылу беспокоить не полагается, что не решился ни разу воспользоваться таким разрешением, но генерал Войцеховский много раз вызывал меня к проводу и всегда давал исключительно полезные советы.

Каппель приближался к Уфе, истощив все свои силы после ухода с фронта чешских частей. В его распоряжении находились три отдельных бригады — Казанская, Симбирская и Самарская, — в общей сложности едва ли насчитывающие 4000—4500 отличных бойцов-добровольцев. С ними он делал чудеса, разбивал во много раз превышающего противника. По ориентировке генерала Войцеховского — он окончательно выдыхался.

С востока шел 6-й Уфимский корпус, но едва ли он сможет предупредить занятие красными Уфы. Мне осторожно было указано, что через несколько дней удержание Бирска не представит особой выгоды.

Я и сам отлично понимал, что с занятием Уфы красные легко пережуют мой тыл и я могу быть отброшен в горы.

Красные пробовали несколько раз неожиданно атаковать нас, но не чувствовалось у них никакой уверенности. Но вот стало известно, что к ним прибыли какие-то части, и сразу их разведка стала настойчивой, нахальной. Мы к этому времени мобилизовали около 800 человек, которых поделили между полками. Среди этого пополнения поднялась сильная агитация за избиение офицеров и т. п. Контрразведка доносила, что агитация пользуется успехом. Я предложил командирам отправить всё пополнение в обозы 2-го разряда, где и заняться их обучением, но командиры не согласились с этим, считая, что такое незначительное число не может повлиять на действия добровольческих полков.

Как-то ночью красные выбили из окопов части Прикамского полка. Утром положение было восстановлено, но ни одного мобилизованного не было в полку, все перешли к красным. Не жалко было их, жалко было винтовок.

После этого случая 13-й полк согласился со мной и прислал всех ко мне. Осмотрев их, я решил никуда их не отправлять, а распустить по домам. Уж слишком они были не воинственны, с очень плохим духом; я был убежден, что если красные их возьмут к себе, результат будет таким же.

В это время обстановка сложилась так, что надо было опасться красных с севера, где действовали, с нашей стороны. 2 эскадрона гусар, подчиненных мне. Пришлось общий резерв перевести в Бирск и увеличить его; весь 13-й полк был оттянут в резерв — 2 батальона за Прикамцами и один — в Бирске; но скоро пришлось еще один батальон перевести в Бирск, так как появилась угроза с востока не только Бирску, но и тыловой дороге. Случилось это потому, что отряды, оперирующие к северу от Бирска, на направлениях к Сарапулу и другим пунктам на Каме, частью отошли, частью были оттеснены к району Байков и севернее. Промежуток между Байками и Бирском был свободен от белых войск. Два эскадрона, конечно, не могли оказать сопротивления продвигающимся красным и очень часто после стычки отскакивали в Бирск; когда это повторилось несколько

раз, я поддержал их пехотой, по роте за каждым эскадронам, и дело пошло успешнее.

Угрозы с севера и востока так меня не беспокоили, как возможность отхода моего левого фланга и захват тыловых путей. Прорыв между Уфой и Бирском не только не оборонялся, но никем и не освещался. Как-то я говорил с генералом Войцеховским по прямому проводу, и он, выслушав меня, сказал, чтобы я продержался в таком положении 2—3 дня и отошел на юг, прикрыв пути с севера и запада.

В эту же ночь красные начали обстрел артиллерией и в 8 часов утра перешли в наступление по всему фронту Прикамцев и потеснили центральных 2 роты, будучи отбиты в остальных пунктах. Затем красные почему-то отошли в исходное положение.

С севера получено донесение, что отряд из одной роты и одного эскадрона ведет бой с тремя ротами красных в 17 верстах от Бирска. Я отдал приказ в ночь отойти всем частям в Бирск, заняв позицию по правому берегу р. Белой. Ночью красные вновь начали обстреливать артиллерией оставленную нами позицию, а утром повели наступление против арьергарда. Заняв оставленную нами позицию, красные далее не продвигались, весь день оставаясь пассивными.

Я совершенно не мог понять, почему они так осторожны, и невольно мозг работал в направлении какого-то глубокого обхода и, конечно, наперерез моему пути. Повторяю, обхода с востока я не боялся, так как эскадрон вел разведку в 30 верстах и ничего еще не обнаружил. Конная разведка Прикамцев вела разведку на юг по левому берегу Белой на 25—30 верст и ничего не обнаружила. Силы красных были более наших на 1 полк и 8 орудий (на наших 4 — у красных было 12 орудий). Большое превосходство артиллерией — это было всё, так как морозы были до 20 градусов и люди на позиции долго оставаться не могли — борьба шла за помещения.

Но вот с севера послышалась артиллерийская стрельба, заговорили все 12 пушек с запада по Бирску (городу, а не позиции), выпустив несколько очередей, стали осыпать гребень нашего берега и повели атаку в лоб по льду. Наши 4 орудия, поставленные с расчетом бить картечью по цепям, успели выпустить по 4 снаряда, как все бросились бежать. Атака захлебнулась. Ночью красные с севера, сбив наши части, и с запада, в обход с юга, повели наступление и сбили наши части южнее города (мое

мнение — что мы не успели занять позицию, прозевав начало движения красных).

В городе загорелся казенный винный склад, охранявшийся 1-м батальоном 13-го полка, который весь был магометанский, и этот батальон весь перепился. В городе начался большой беспорядок, и я приказал отходить, взяв один батальон Прикамцев в свое распоряжение, и приступил к очистке города от пьяных. Удалось это частично — думаю, что наши потери пьяными и замерзшими превышали 400 человек. Магометанский батальон оставил до 200 человек. Исхожу из того, что всего потерь было около 500 человек, а так как ночная стрельба малодейственна, то и отношу 4/5 на пьяных. Потом красные говорили, что ими было взято в плен около 400 человек и около 100 осталось убитыми (замерзшими). Во всяком случае, красные могли торжествовать.

Отошли мы без помехи, хотя именно в этот раз я боялся преследования, да и уверен: покажись хотя бы сотня конницы — было бы плохо, поднялась бы паника. Артиллерию я пропустил первую, дав Танаевцев в охрану. Отошли на 20 верст к югу, заняли заранее намеченную позицию, прикрыв две дороги, идущие с севера на юг, обеспечив себя слева расположением 2-го батальона Прикамского полка в деревне на р. Белой, уступом. Этот батальон подчинен был непосредственно мне, а два других батальона прикрывали главную западную дорогу. 13-й полк прикрывал восточную дорогу двумя батальонами, имея 1-й батальон в резерве на западной дороге.

Днем красные уже подошли по обеим дорогам и перешли в наступление, но были отбиты. В это же время эскадроны, бывшие на левом берегу Белой к северо-западу от 2-го батальона Прикамцев, вошли в соприкосновение с наступающим противником и отошли ко 2-му батальону, имея несколько отличных стычек с красными, особенно отличился прапорщик Березенич, впоследствии награжденный Георгиевским оружием.

Начиная с этого дня, красные ежедневно нас атаковали, иногда врвались в деревни, занятые нами, но начальник боевого участка капитан Карпов всегда умело ликвидировал неудачи. Особенно тяжелые бои были весь день 18 декабря: по-видимому, красным было приказано продвинуться во что бы то ни стало. Один момент был таков, что прорвавшиеся красные атаковали мой резерв, но были отброшены. За эти бои на фронтальном участке было взято 5 пулеметов и около 200 человек пленных, 2 батальон

Прикамцев вел бои ежедневно, но благодаря отличной позиции на правом берегу р. Белой всегда удерживал позицию, но раз вздумал перейти в контратаку и потерял пушку Маклена.

Потери за эти 10-дневные бои выразились в 1000 человек убитыми, ранеными, обмороженными и попавшими в плен. Но позиция была удержана до конца, и отошли только, кажется, 23 декабря по приказанию свыше, и уже не на юг, а резко на восток, на деревню Ивановку. Уфа была наконец сдана, и задачей Каппеля было как-либо вырваться из боя и отойти от красных.

Моим частям необходимо было дать отдых, дать возможность оправиться после понесенных потерь, но я знал, что за мной в тылу ничего нет, и поэтому решил оттягивать полки по очереди в тыл (мой резерв), изматывая очередной полк. Сперва оттянул Уфимцев, понесших потери около 650 человек. Прикамцы обещали, что будут биться за двоих, а дадут отдохнуть Уфимцам. Взаимная выручка, дружба между полками никогда не омрачалась.

Общее положение отряда становилось плачевным и внушающим большие опасения.

Уже не говоря про потери, которые были и без боев — обмороженными; вновь больше половины людей были без валенок — частью сожгли у костров, частью износили, частью забрали в госпитали, откуда почему-то всегда возвращались без валенок, в ботинках. С полшубками было тоже плохо. На просьбы в тыл отвечали — обращайтесь в свои дивизии, но мы даже не знали, существуют ли таковые, — связи абсолютно никакой. Поступлений никаких, а нужды все больше и больше.

Прикамский полк не смог долго продержаться и, отходя, перекатился за Уфимцев, так мы и откатывались до с. Красный Яр (штаб) на р. Уфимке. Позицию занимал на запад в д. Нежино Прикамский полк, а Уфимский полк занимал деревню к югу от Красного Яра одним батальоном.

Ночью я проснулся от шума на улице села, приказал узнать, в чем дело. Мне было доложено, что обоз 1-го разряда Прикамского полка, а частью отдельные офицеры и солдаты бегут из Нежино, говоря, что последнее занято красными и весь полк погиб. Бросился к телефону. Прошу к телефону командира полка и заставаю его рассказывать мне интимности его жизни для проверки. Отвечает и невероятно хохочет. Наконец, он расска-

зывает следующее; штаб мирно заснул, когда один ординарец спросонья сказал: «красные». Немедленно все повскакивали, один прапорщик штаба выскочил в другую комнату за перегородку, по дороге свалив железную печь, из которой посыпались угли и пепел. Шум, гам, кто-то потушил свечи; наконец, стали потихоньку выбегать во двор, затем и к воротам. Полная тишина. По улице идет врач полка Ермолин, весело посвистывая. Обращаются к нему:

— Где красные?

— Не мое дело знать, где они!

В это время из резерва, куда послали дать знать, что штаб захвачен красными, бегом летит рота, которую чуть не приняли за неприятеля.

Хорошо, что паника не распространилась на передовые части. Пришлось бегунов возвратить обратно.

В это же время под Уфой происходила агония частей Каппеля. Войцеховский требует, чтобы я перешел к активным действиям и притянул на себя силы красных. Стоят жесточайшие морозы. Мы без боев, одним лишь движением вперед несем потери обмороженными, но тем не менее с плачем — это в буквальном смысле — атакуем, занимаем, отходим, снова атакуем. Был случай, когда из 2-го батальона Прикамцев ноги у многих примерзли к подошвам ботинок. Все, что мы могли сделать для спасения Каппеля, мы сделали, но понесли потери обмороженными до 40 всего отряда. Я не знаю, насколько нужно было Каппелю удерживаться под Уфой. Может быть, ничего еще не подошло из частей 6-го Уральского корпуса, но факт тот, что я стал бояться за части — казалось, что скоро у меня ничего не останется. Донес Войцеховскому, который ответил благодарностью за содеянное и просьбой удержать красных не более трех дней.

Мы стояли еще 5 дней, и красные ничего не могли поделаться с нами. Единственно, что теперь перестали занимать позиции, сообразуясь с местностью, а обороняли лишь деревни, дома, доводя дело иногда до уличного боя. Части красных, благодаря нашим отходам под прямыми углами, все время менялись, но можно, не преувеличивая, сказать, что ни они, ни мы не были подготовлены и воевали так, как Бог на душу положит, кустарным способом, так как мы, офицеры, занимали должности без достаточного опыта и совершенно без стажа, были кустарями, а не ремесленниками.

В это время части Самарской группы генерала Войцеховского отошли за Уфу и были сменены частями 6-го Уральского корпуса. Я же остался и вошел в подчинение командиру этого корпуса, Ген. штаба генерал-майору Сукину. Штаб корпуса запросил меня об обстановке, нуждах и т. д. Подробно донес, но ничего не изменилось. Лишь обещано было, что скоро я буду поддержан частями 6-го корпуса, и мои части смогут передохнуть.

Части мои, по отношению к частям 6-го Уральского корпуса на линии железной дороги, были очень выдвинуты. Поэтому начальник штаба корпуса полковник Петров указал мне при нажиме красных боя не принимать.

Вскоре мы и отошли к юго-востоку, прикрывая железную дорогу с севера и, приданной мне Оренбургской казачьей бригадой, проходы к р. Юрезань; затем штаб отряда перешел на железную дорогу, на разъезд Крауль, заняв небольшую деревеньку около. Это было необходимо для лучшего управления частями и связи с соседями, так как тут, между моими частями и 11-й Уральской дивизией, занимавшей позицию к западу от разъезда Крауль верстах в 10—12 (мои части 20—30 верст к северо-западу имели единственную тыловую дорогу на разъезд Крауль), был прорыв в 20—25 верст, наблюдавшийся моими гусарами и контрразведкой Прикамцев.

Здесь бои не были серьезными, красные выдохлись, как и мы, но мы и красные стали применять команды лыжников в белых халатах. Мне был придан 43-й Верхнеуральский полк под командой полковника Сергеева, старого кадрового офицера, который не явился ко мне, а прислал офицера за приказаниями. Я крайне удивился, что он не пожелал повидаться со мной для получения новой ориентировки, но промолчал и отдал приказ занять деревню, занимаемую Прикамцами, которых выводил в резерв. Смена произошла днем. Прикамцы решили переночевать под прикрытием сменивших и выступить утром. Ночью красные лыжники появились около деревни, обстреляли ее, и весь 43-й полк ринулся бежать в тыл, бросая полушубки и валенки, носимые на спине с вещевыми мешками. Прикамцы заняли околицу деревни и прогнали красных.

Капитан Турков 1-й, донося об этом, говорил: «Отбив атаку, взял много полушубков и валенок, в тыл выслал батальон для сбора таковых же, думаю, что сегодня одна из удачных стычек, полк одену».

Уральцы докатились до меня и далее до штакора в Ата-Балашевской. Я просил полк взять из моего ведения, так как все равно свои части я не смогу отвести в тыл, а 43-й полк, в своей дивизии, должен принести больше пользы. Так и было поступлено.

Здесь же я получил телеграмму от начальника штаба армии генерала Щепихина о назначении меня командующим Отдельной Ижевской стрелковой бригадой, куда я должен выехать по расформировании моего отряда и отсылке частей в свои дивизии. Смена моих частей 11-й Уральской дивизией должна произойти 20 января. Получив такую телеграмму, я пришел в неописуемый ужас: было слышно, что Ижевцы не дисциплинированы, бунтовщики, воевать не хотят и стоят в тылу 2-го Уфимского корпуса, занимаясь мародерством и грабежами. И вот назначают меня, молодого подполковника, когда в тылу полно старых кадровых офицеров. Не с моим характером командовать распушенными рабочими — неужели за всё, что я сделал, меня шлют на верную гибель?

Так приблизительно я и ответил, прося доложить командующему армией генералу Ханжину мою просьбу — оставить меня командиром Прикамского полка. Ответ пришел в такой форме, что обидел меня ужасно: было сказано, что командарм приказывает исполнение и впредь не беспокоить его телеграммами, пахнувшими чуть не большевизмом. Я смолчал.

В 20-х числах участок от меня принял командир 41-го Уральского полка полковник Круглевский. Я отдал прощальный приказ и в сопровождении двух офицеров выехал в штакор 2-го Уфимского. Полки пошли усиленными переходами по своим дивизиям. Ехали мы около недели, так как пришлось пересечь Уральский хребет и двигаться на север.

В с. Дуван представился временно командующему корпусом генералу Джунковскому, который указал мне получить все сведения об Ижевской бригаде от начштаба подполковника Пучкова и поговорить с ним. Последний дал мне все данные о бригаде, я познакомился с последними донесениями командующего бригадой о состоянии обмундирования и пришел к выводу, что требовать что-либо от бригады невозможно, не снабдив ее самым необходимым. Кое-что обещал дать подполковник Пучков, от которого я узнал, что в предполагаемое наступление в конце февраля бригада в числе наступающих.

Донес свои заключения, из знакомства по бумагам, командующему армией и получил ответ, что все требования мои по части

снабжения одеждой будут выполнены, но мне ставится в задачу при приеме бригады выяснить, «способна ли и пойдет ли бригада в наступление», и донести командарму.

В Штакоре мне указаны были и места сосредоточения для движения в боевую полосу, было указано, что я, по-видимому, войду в состав 3-го Уральского корпуса горных стрелков.

Я решил поехать в расположение Прикамского полка и проститься с чинами его; провел в полку день и, сердечно провожаемый, выехал в расположение штаба Ижевской бригады, предварительно известив о моем приезде. По дороге ко мне присоединился капитан Агапьев, назначенный временным начальником штаба бригады, и доктор Шилиев, назначенный бригадным врачом. Въехал в селение около 10 часов ночи. На улицах никого, некого спросить, где для меня приготовлена квартира. Наконец, встречаем верхового, который оказывается комендантом штаббрига поручиком Саламатовым, выехавшим встречать меня на свой страх, так как командир бригады штабс-капитан Зуев и начальник штаба штабс-капитан Баев, получив мою телеграмму, распоряжений никаких не отдали. Приказал везти себя в штаб бригады, так как квартиры отведено не было. Там нашел, в невероятно растрепанном виде, старшего адъютанта по оперативной части прапорщика Ешина и по хозяйственной — прапорщика Коновалова. Приказал освободить для меня и приехавших со мною маленькую комнату.

Немедленно отдал приказ о прибытии и вступлении в должность, а прибывшим со мной — вступить в исполнение обязанностей. Вслед за этим отдано было приказание на завтра, в котором указывался час представления мне всех начальников отдельных частей, которых представлять должен штабс-капитан Зуев. Так я был желателен офицерскому составу бригады, занимавшему командные должности.

Взялся за гуж — будь дож!

Было неприятно, и почти всю ночь я не спал, обдумывая дальнейшие шаги. В их представлении я был враг, приехавший их всех сменить, но они глубоко ошибались — мне назначен штаб, так как бывший не был способен к работе, а строевых начальников я не намерен был сменять, пока не удостоверюсь в негодности.

Ночью же познакомился заочно с командным составом всей бригады:

Командующий бригадой штабс-капитан Зуев (военного времени);

Начальник штаба штабс-капитан Баев (то же);

При штабе: Образцовая отдельная стрелковая рота — поручик Коновалов (1914 года)

1-й Ижевский стрелковый полк: командир полка поручик Михайлов (воен. вр.)

Командир 1-го батальона штабс-капитан Астраханцев (воен. вр.)

Командир 2-го батальона прапорщик Евдокимов

Командир 3-го батальона поручик Ложкин

2-й Ижевский стрелковый полк: командир полка подпоручик Ляпунов (воен. вр., не бывший на фронте)

Командир 1-го батальона штабс-капитан Посмосов

Командир 2-го батальона штабс-капитан Гребенщиков (из солдат)

Командир 3-го батальон штабс-капитан Куракин (воен. вр.)

Ижевский артиллерийский дивизион — командир дивизиона прапорщик Кузнецов (воен. вр.)

Командир гаубичной батареи штабс-капитан Яковлев

Ижевский кавалерийский дивизион — командир дивизиона прапорщик Орлов

Командир 1-го эскадрона — (из солдат)

Командир 2-го эскадрона прапорщик Багиянц (рабочий)

Запасный Ижевский батальон — поручик Смолин (фельд-фебель-гвардеец)

Интендант бригады — полковник, старый артиллерист, всю службу проведенный в Ижевском заводе. Общий состав бригады 7500 человек.

Вот те лица, которые представились мне 8 февраля 1919 года. Я указал им, что никаких перемен делать не собираюсь, все они себя покажут в бою. Штабс-капитанам Зуеву и Баеву было тяжело, я видел, поэтому я им сказал, что если они пожелают, то могут ехать в Омск в Академию Ген. штаба слушать курсы, за что они благодарили, а я это выхлопотал заранее, чтобы убрать их из бригады.

Затем я отдал приказ на движение на новые места и во время пути несколько тактических учений и инспекторские смотры. Приказ состоял на параллельное преследование. В течение трех суток дороги шли параллельно в 6—8 верстах. Части выполнили

задачу удовлетворительно. Я с начальником штаба проверяли обе колонны, переход сделан был даже весело, все были заняты делом и старались. Донесения составлялись правильно, охранение в пути и особенно на ночлеге было отличное. Я порадовался. Пришли на новые места, и я немедленно начал принимать полки. Штаб бригады был в с. Михайловском.

Постараюсь более подробно описать их, так как на основании этих смотров я должен вынести впечатление — пойдут или нет в наступление.

Первым я смотрел 2-й полк, составленный из крестьян деревень, окружающих Ижевск. В полку находилось 1500 штыков, пулеметная команда в 6 пулеметов, команда конных разведчиков — 40 лошадей (не сабель, так как ни таковых, ни седел почти не было, сидели на подушках). Полк был выстроен развернутым фронтом с оркестром на правом фланге. Подходя к полку, я прежде всего обратил внимание на оркестр; одеты они были грязно и пестро, один тип был в цилиндре, многие в женских кацавейках, в лаптях, валенках, сапогах, ботинках. Остановил музыку, поздоровался, ответили дружно и продолжали играть встречу. Пошел по фронту полка — винтовки держат отлично, не шелохнутся, видны старики прямо дряхлые, а рядом юнцы по 16-17 лет. Поздоровался, отвечают дружно, но не «г-н полковник», а «Ваше Высокоблагородие»; к ноге взяли отчетливо. Спросил командира полка, почему отвечают не «г-н полковник». Тот растерянно заявил, что это и для него неожиданность. Потом выяснилось, что так решили отвечать старые солдаты. Объяснил полку, что надо отвечать так, как теперь принято. Обходил роты, разговаривал с офицерами и солдатами, впечатление отличное, единственная жалоба на снабжение; отношения между солдатами и офицерами дружеские, все одеты одинаково плохо; все офицеры знают своих подчиненных, как близких родных. Разговаривая со стариками, я натолкнулся на картину — в строю отец 64 лет и сын 18 лет, стоят рядом; отец говорит, что при наступлении он еще хорош, а вот при отходе ему тяжело, не может успевать за молодыми; сын говорит о боязни за отца, но оба хотят бороться против большевиков. В ротах солдаты, говоря о ротном, называют его по имени, отчеству; так и этот старик говорит: «да нам хорошо воевать, Петрович (ротный) у нас храбрый и справедливый, одно слово отец». А отцу-то едва ли исполнилось совершеннолетие. Я вызвал всех солдат старше 50 лет, таковых

оказалось больше полусотни. Я им объявил, что все они переводятся в Интендантство, а оттуда будут взяты более молодые, не преминул поблагодарить их. Произвело впечатление, из строя слышались возгласы: «правильно», «справедливо».

Произвели на меня особое впечатление пулеметчики: молодец к молодцу, все почти фронтовики. Они мне заявили, что они были в числе восставших в Ижевске, хотят мстить большевикам и просят скорее отправить на фронт.

После обхода я говорил со всем полком, указал, что я, приняв бригаду, поставил себе задачей подготовить их в кратчайшее время к наступлению. Без теплой одежды я не поведу их в бой. Чтобы оправдать наше существование, необходимо как можно скорее идти вперед и освобождать родные края. Говорил о том, что им еще не приходилось воевать с большевиками бок о бок с другими многочисленными частями Русской Армии.

Мне не дали кончить и начали говорить, что кто-то распустил слухи, что Ижевцы не пойдут в наступление, но это неправда, — дайте одежду, и мы покажем, как надо воевать. Я отвечал, что не сомневаюсь в их доблести и уверен, что полк прославит себя. Уезжал под крики «ура». Я был растроган всем — и их видом, и их сердечностью.

Капитан Агапьев встретил меня и спросил, буду ли я доносить сегодня командарму. Я ответил, что сейчас напишу телеграмму. Я ее помню: «Смотрел 2-й полк, пойдет, прекрасная часть».

В тот же день послал большую телеграмму командарму о необходимости снабжения по всем требовательным ведомостям в кратчайшее время, до нового продвижения по фронту.

На следующий день смотрел 1-й полк тем же порядком. Выправка несколько хуже. Состав — исключительно рабочие Ижевска, прежде не бывшие в строю. Состав — 1500 штыков. Пулеметов восемь. Пулеметчики влюблены в свое дело. Настроение боевое, в бой пойдут дружно, обмануться нельзя, обещают показать, что такое Ижевцы.

Отношения между офицерами и солдатами те же, что и во 2-м полку. Особо отличное впечатление производит конная разведка полка — 120 шашек, солдаты исключительно казанские татары из деревень кругом Ижевска, в большинстве служившие в кавалерии, на прекрасных лошадях, прекрасное снаряжение как конское, так и людское, уставнаяковка, свой отличный кузнец, 2 пулемета. Льюисаиодин Максима, возимый на очень маленьких

санках, номера конные. Впоследствии эта команда выполняла самые невероятные задачи боевого характера, но она обладала одним недостатком, с которым я боролся все время — любили пограбить. И когда говорили, что Ижевцы грабят — это надо было всецело относить на счет этой команды. Также выбрал всех стариков — их оказалось менее 20.

После смотра я спросил командира полка, можно ли быть уверенным, что полк выполнит любую задачу. Поручик Михайлов ответил, что если он сумеет решить задачу, то полк исполнит ее наилучшим способом. Затем он выразил недоумение, что Ижевцы могли бы не пойти в наступление: тогда зачем они восстали и ушли из Ижевска. Указал, что в полку много очень ценных квалифицированных рабочих, которых необходимо отправить в тыл, где они могут принести большую пользу. Я приказал представить список всем частям, а по получении донести о числе таковых в Штаб армии.

Следующий смотр — Ижевского кавалерийского дивизиона.

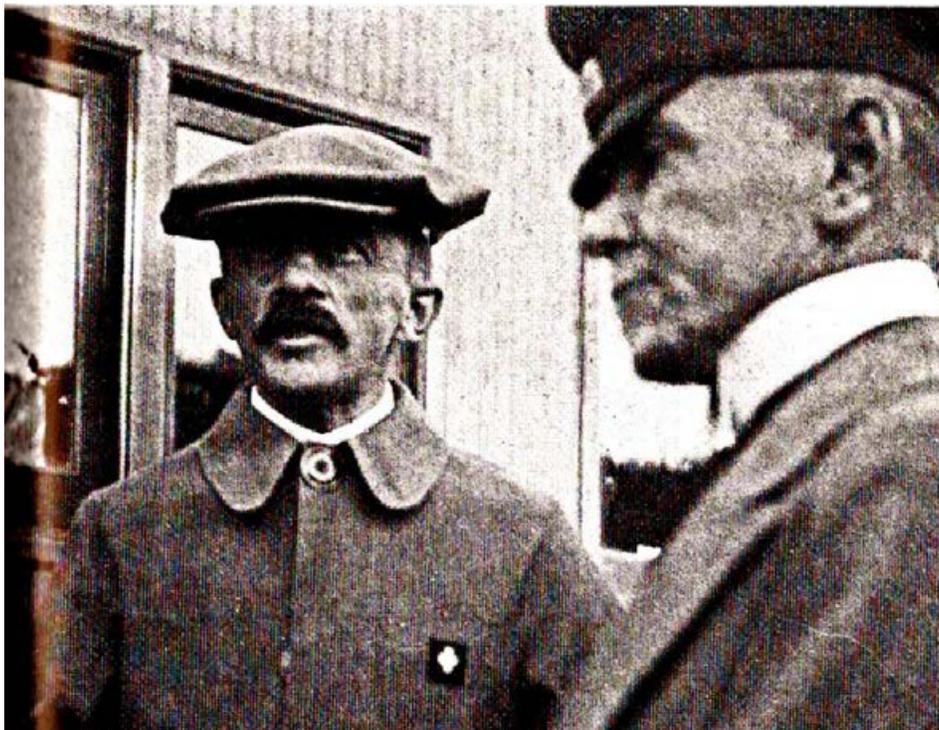
1 -й эскадрон — вполне строевая кавалерийская часть — всадники, лошади, снаряжение хорошее, во главе бывший вахмистр. Эскадронное учение по сигналам произвели отчетливо. Тактическую задачу эскадрон выполнил быстро и толково.

2-й эскадрон — с бору да с сосенки собранные люди, посаженные на коней, в большинстве на подушках; ни шашек, да прямо-таки ничего нет, и во главе бывший рабочий, прапорщик Багианц. Никакого учения показать не могли. Приказал дать инструкторов из 1-го эскадрона и в короткий срок, 3 недели, обучить эскадрон действию в поле. Приказал построить дивизион для перехода в атаку на указанную высоту; командир дивизиона не смог этого сделать, да я увидел, что он не знает и эскадронного учения. Закралось сомнение, не самозванец ли. Заменить было некем, а то бы я ни минуты не сомневался.

Пулеметная команда — 2 пулемета, хорошо обучены; указал, что в первых же боях должны раздобыть еще два пулемета. В общем, впечатление от дивизиона плохое. Был не дивизион, а один эскадрон. У командира дивизиона штаб из пяти офицеров, ему подобных. Обещал выслать для руководства штаб дивизиона. Промелькнуло желание конную разведку 1 -го полка обратить во 2-й эскадрон, но это было трудно, потому что команда и полк сроднились, да я и по опыту знал, что в полку должна быть своя конница; решил пока никаких перемен не делать.

Отъезд генералов Дитерихса и Вержбицкого из Гирина (у вагона поезда), [апрель?] 1923 г. Слева: ген. Ястребцов, в центре (слева направо): ген. Вержбицкий, (полк. фон Вах, ген. Дитерихс, ген. Молчанов (личный архив М. В. Молчанова).

Генералы Дитерихс и Вержбицкий перед отъездом из Гирина, 1923 г. (личный архив М. В. Молчанова).

Надпись на обороте: «На добрую память дорогому вождю генералу В. М. Молчанову.

13 мая 1923 г. Гирин». Сидят (слева направо): полк. Черкес, полк. Ефимов, ген. Молчанов,

полк. Савчук, полк. Зуев. Стоят: шт.-кап. Полунин, полк. фон Вах, полк. Дробинин, кап. Смолин

(личный архив М. В. Молчанова)

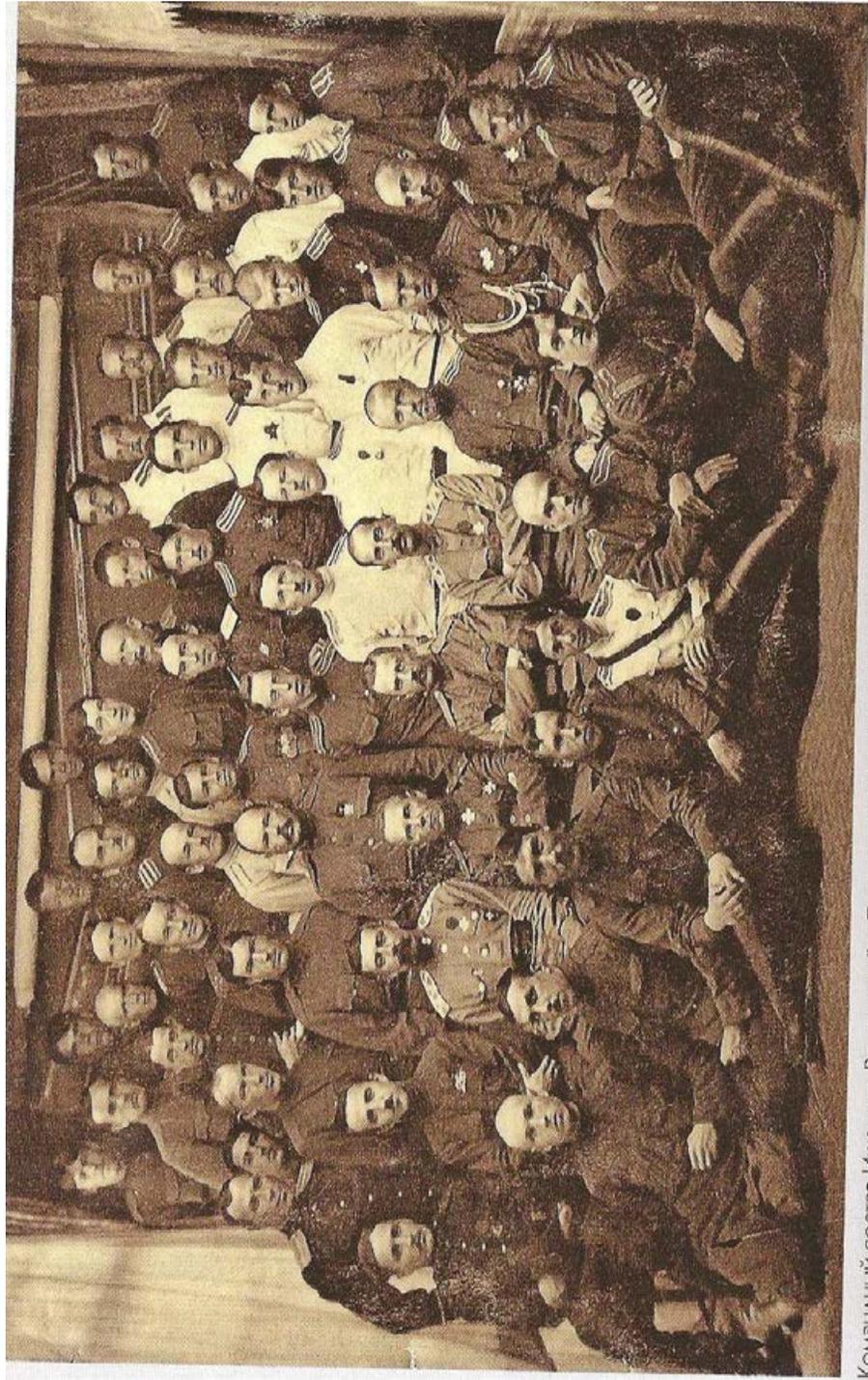

Фирменный знак

фотограф в Гирине

Сидят (слева направо): полк. Савчук, ген. Ястребцов, ген. Молчанов, полк. Сидамонидзе, полк. Белянушкин. Стоят (слева направо): кап. Монгин, полк. Сотников, подполк. Левитский. Гирин, 13 мая 1923 г. (личный архив А. А. Ефимова).

Командный состав Ижевско-Воткинской и Поволжской бригад. Гирин, 1923 г. (личный архив М. В. Молчанова).
Перечень изображенных см. на стр. 393-394.

В. М. Молчанов с сыном Мишей у вагона поезда, май 1923 г.

Молчановы на перроне перед отъездом из Гирина (сзади - полк. Ефимов и полк, фон Вах), май 1923 г.

Отъезд ген. Молчанова из Гирина, май 1923 г.
фотографии из личного архива М. В. Молчанова.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПАСПОРТЪ

Обязывается через се взять и каждому, кому о томъ
вѣдать надлежитъ, что показателю сего русскій

№ 8 203

гражданина Димитрия Михайловича
Молчанова, род. въ 1886, православный
свѣдской Наташѣ Коки антиповнѣ,
род. въ 1892, и сыновъ Михайло, род. въ
1921, Прохоро и Иван

Во свидѣтельство того и для свободнаго проѣзда данъ сей паспортъ
отъ Россійскаго Консульства въ Йокогамѣ Горю Л. С. на
1923 годъ.

Възвѣсно по ст. 1 Тар. Коде. Пошл. 3 руб. -- 3 іена 10 сенъ.

ПОПЛИНА МАРКАМИ НЕ
ОПЛАЧЕНА ЗА ПЕРВОУ-
ПЛАТЪ ИЛИ ЗАДАЧА.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛЬТЪ

Молчанов

Молчановъ

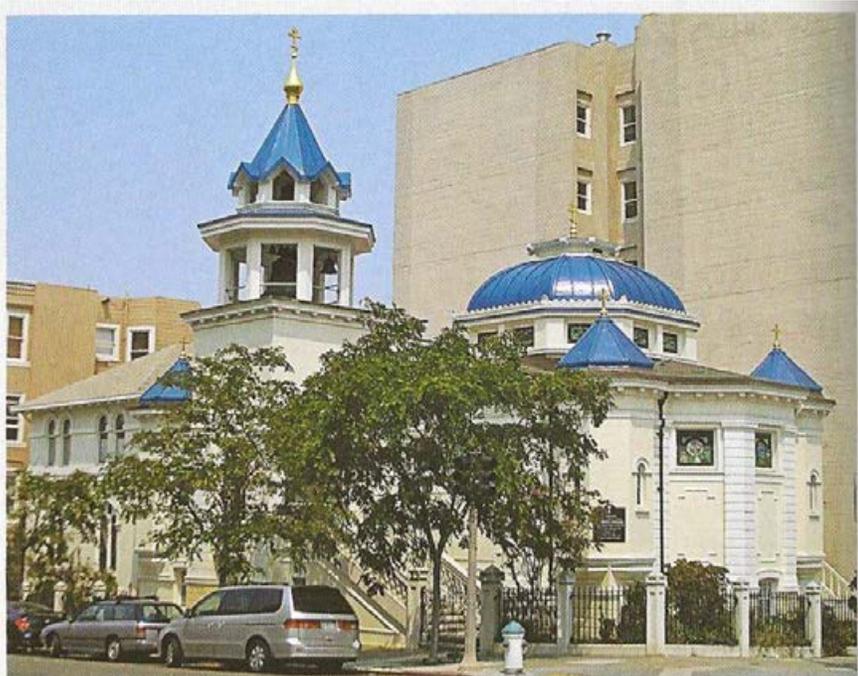
Заграничный паспорт, выданный В. М. Молчанову и его семье в Российском консульстве в Йокогаме (Япония). Июнь 1923 г. (личный архив М. В. Молчанова).

Фотография семьи Молчановых на заграничном паспорте, июнь 1923 г. (личный архив М. В. Молчанова).

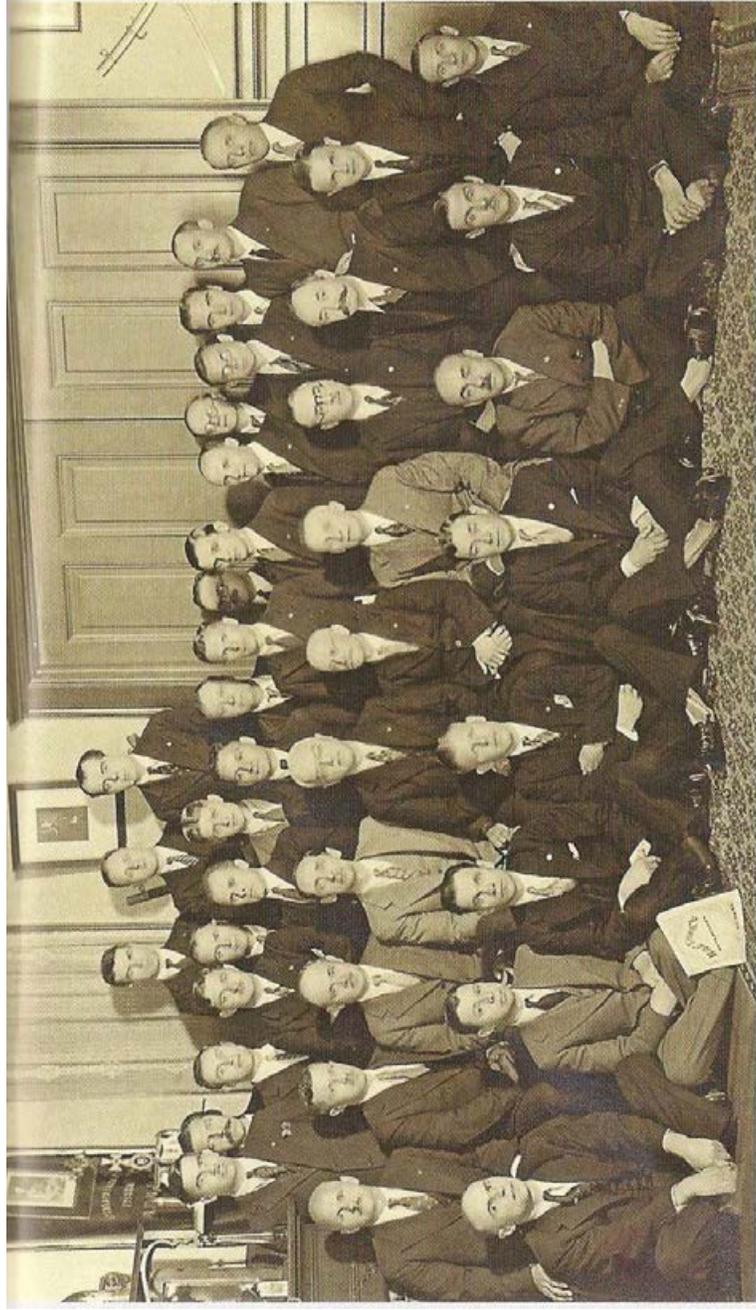
На куриной ферме. Петалума (Калифорния), ок. 1925 г. Слева направо: В. М. Молчанов, Б. К. Шебеко, Миша Молчанов, Н. К. Молчанова (Личный архив семьи Скордули)

Свято-Троицкий собор в Сан-Франциско, прихожанином которого В. М. Молчанов был более 50 лет (фото Л. Тремсиной, 2008).

На Сербском кладбище близ Сан-Франциско, у могилы Н. К. Молчановой. Стоят (слева направо): ген. А. Е. Мартынов, Я. И. Зибзиев, Миша Молчанов, А. И. Старостин. Сидят: М. Е. Мартынова, Данилова, В. М. Молчанов с крестником – Алексеем Ефимовым. Ок. 1932 г. (личный архив М. В. Молчанова).

Общество русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, 1932 г. (частичная идентификация – М. В. Молчанов).
1 ряд (на полу) слева направо: <3 неизв.>, А. Д. Седьмых, Г. П. Игумнов, <2 неизв.>, Масюков. 2-й ряд: И. Н. Березин, А. Г. Ефимов, ген. Ф. А. Пучков, ген. В. М. Молчанов, ген. бар. А. П. Бударьт, ген. В. И. Хилковский, <неизв.>, ген. А. Е. Мартынов, Н. И. Мамонтов, <неизв.>. 3-й ряд: В. И. Троицкий, <2 неизв.>, Н. В. Блохин, В. А. Соколов, А. И. Старостин, И. А. Точилин, <2 неизв.>, Обухов, <4 неизв.>, М. М. Попруженко, Б. К. Шебеко, Б. Э. Фон Вах, <неизв.>. 4-й ряд: неизв. Внизу: «Вестник ОРВВВ», впервые с такой обложкой вышел в мае 1932 г. (личный архив М. В. Молчанова).

Сидят (слева направо): генералы Ф. А. Пучков, В. М. Молчанов, П. П. Петров. Стоят (слева направо): полковники А. Г. Ефимов, В. О. Вырыпаев; адъютант ген. Петрова – капитан А. Н. Головкин. В гостях у Петровых, Сан-Франциско, начало 1948 г. (мичман Борис А. Ефимов)

Ген. Молчанов с сыном, июль 1933 г.
(личный архив А. А. Ефимова).

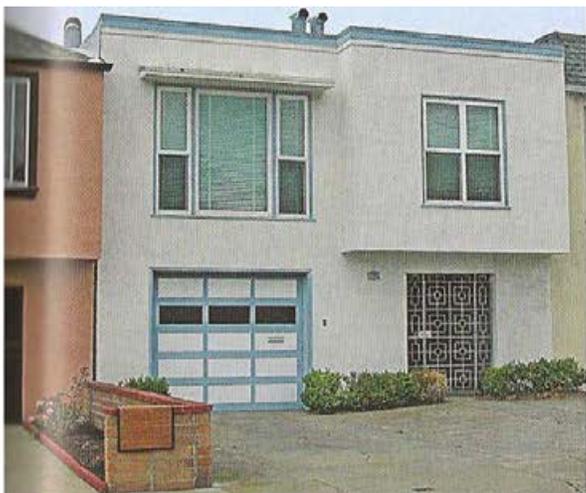

Памятный знак, выпущенный
в Шанхае к 25-летию
Ижевско-Воткинского восстания
и присланный В. М. Молчанову
(фото Л.Тремсиной).

В гостях у Петровых. Сидят (слева направо): Л. В. Молчанова, К. И. Головкина,
О. П. Петрова, П. П. Петров, Ф. А. Пучков. Стоят: В. О. Вырыпаев,
А. Г. Ефимов, М. Я. Порошина, В. М. Молчанов, С. П. Петров, Л. И. Вырыпаева.
Сан-Франциско, начало 1948 г. (личный архив А. А. Ефимова).

Дом в Сан-Франциско,
в котором В. М. Молчанов
жил
с супругой Л. В. Молчановой
с середины 1950-х гг.
В этом доме в 1970 г. было

Здание по
адресу
Сапер-стрит, 111
в
Сан-Франциско,
где В. М.
Молчанов

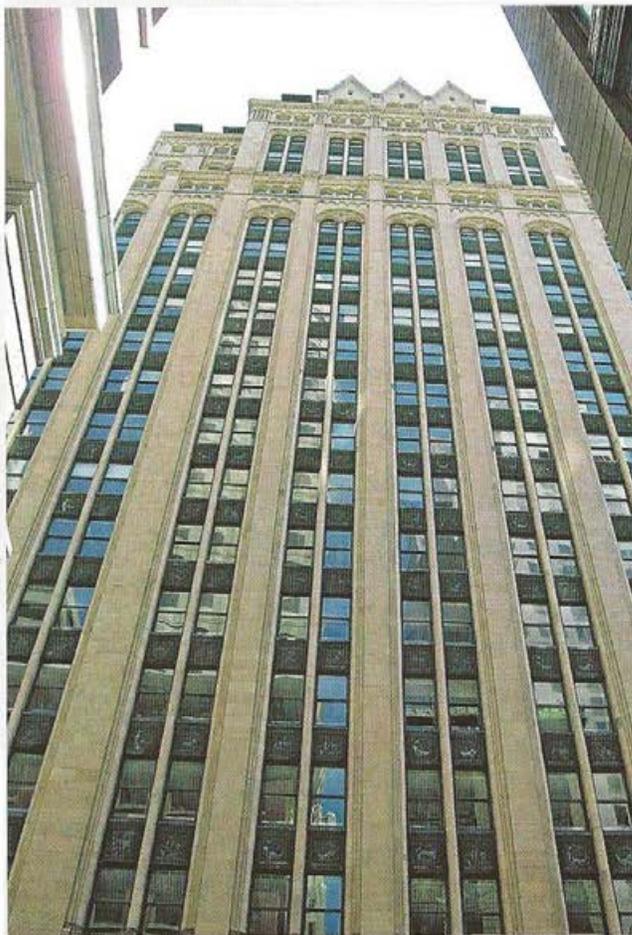
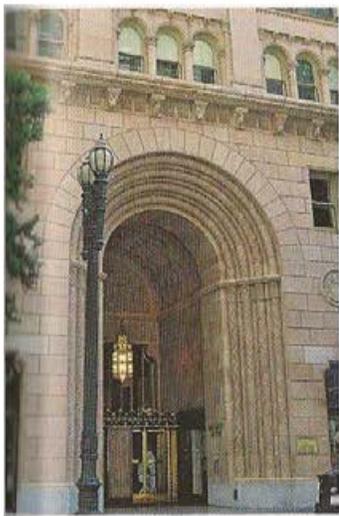

Фото Л. Тремсиной, 2009.

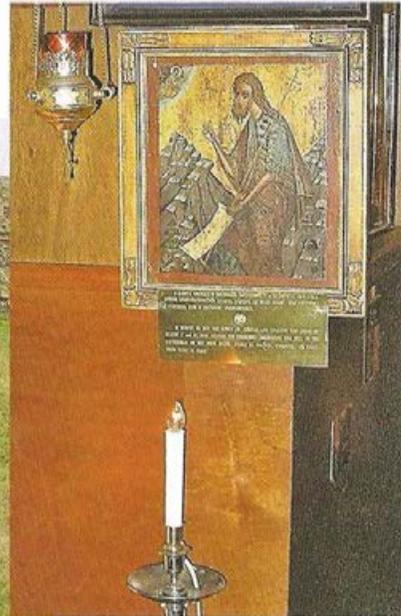
Похороны В. М. Молчанова на Сербском кладбище близ Сан-Франциско. В центре протоиерей Роман Штюмер, Стоят справа налево: А. А. Ефимов, Л. В. Молчанова, М. В. Молчанов. Гроб накрыт знаменем Ижевской дивизии!

Медальон, подаренный В. М. Молчановым матери, Л. В. Молчановой (около 1912 г.) (личный архив Т. М. Трибендис)

Прощальное слово произносит Председатель Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско

Икона, табличка и свеча памяти Ижевцев и Воткинцев, установленные в январе 1973 г. по инициативе Г. Н. Блинова в храме Св. Иоанна Крестителя в г. Беркли.

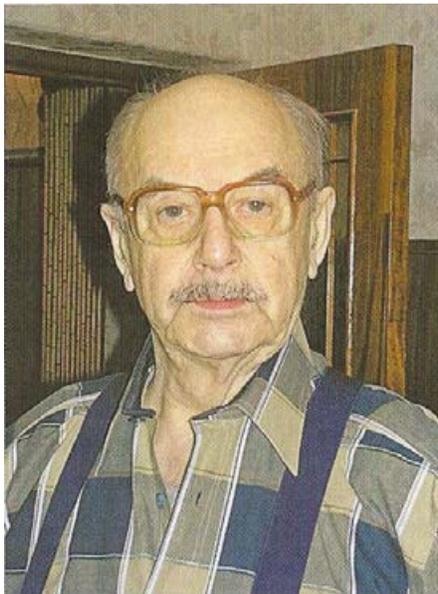

Могила В. М. Молчанова на Сербском кладбище в г. Колма близ Сан-Франциско

Фото Л. Тремсиной, 2009.

Михаил Викторович Молчанов
с женой Аллой и дочерью Анной
(Калифорния, 2008).

А. С. Молчанов,
племянник ген. Молчанова
(Санкт-Петербург, 2009).

Т. М. Трибендис,
племянница ген. Молчанова
с памятным медальоном
(Новосибирск, 2009).

Следующий смотр — Ижевскому артиллерийскому дивизиону.

Не скрою, к смотру я тщательно подготовился, как и к смотру кавалерийского дивизиона. Я ожидал увидеть массу недочетов при наличии во главе прапорщика без какого-либо боевого стажа, и я не поверил тому, что увидел. Это была отличнейшая часть во всех отношениях. Думаю, что если бы вместо меня был кадровый артиллерист, то он плакал бы от умиления. Я не знаю, чем это объяснить, но к прапорщику Кузнецову относились все подчиненные с уважением, и я скоро его полюбил и уважал, как боевого товарища. Я думаю, что просто он родился с большим артиллерийским талантом. Я видел впоследствии, как он вел стрельбу дивизионом, и как соседи, так и красные знали Ижевскую артиллерию — из 6 пушек она обращалась в десятки пушек. Номера были обучены так, что лучше, я думаю, невозможно.

Пушки возились на санях, изобретении ижевского мастера Берсенева. Они могли идти по крутому склону, не переворачиваясь; там, где могла пойти конница, проходила и артиллерия; глубина снега измерялась только возможностью пройти лошади, сани шли поверху, не проваливаясь. Изготовка к бою — одна минута. Единственный недостаток — нехватка седел для ездовых. Лошади прекрасные, втянутые в работу, комплект полный. Зарядные ящики в разобранном виде находятся в запасном батальоне в артиллерийском запасном взводе, снаряды возятся на приспособленных дровнях парюю лошадей. При батареях возится по несколько орудийных замков Ижевского образца, так что захваченное орудие без замка начинает действовать немедленно.

После смотра я выехал в штаб, но поднялась выюга, кучер потерял дорогу, и я неожиданно вернулся в деревню, занятую артдивизионом. Делать нечего, пришлось заночевать. Вечер я провел в дружной артиллерийской семье. В одной из батарей был капитан артиллерии; разговаривая с ним, я спросил его, почему Кузнецов командир дивизиона, а не кто-либо другой. Он ответил мне, что все признали его лучшим артиллеристом, что он очень серьезно изучил артиллерийское дело, а на практике он виртуоз. Я это увидел позже, когда началось наступление.

Смотр Ижевского запасного батальона был произведен мною поверхностно, так как не было времени, а интендантство и медицинскую часть не пришлось совсем увидеть перед наступлением.

Ижевский запасный батальон состоял из двух рот 1 -го и 2-го полка, артиллерийского взвода, кавалерийского полуэскадрона, саперной полуроты и нестроевого взвода. Из этих частей части получали укомплектование, сюда возвращались из госпиталей после ранений и болезней, здесь поправлялись, здесь подучивались, благодаря неустанным трудам командира батальона поручика Смолина.

С большой благодарностью вспоминаю этого офицера-труженика. Он стремился в бой, я же неуклонно его удерживал, так он был необходим там, где нужно было применить настойчивость и опыт бывшего гвардейского фельдфебеля.

Запасный батальон при наступлении шел двумя эшелонами: 1-й эшелон — сводная команда от всех родов оружия, готовых вступить в строй взамен выбывших убитыми и ранеными; они шли в двух, а чаще в одном переходе и при нужде быстро догоняли. Эта команда — 400—500 человек.

2-й эшелон — более слабые — с тыловыми частями корпуса, но это часто нарушалось поручиком Смолиным, который все таскал ближе к фронту.

Саперную полуроту я считал нужным переименовать в Инженерную роту, с саперной полуротой, мостовым взводом, подрывным взводом и телеграфным отделением. Инженерная рота никогда не была окончательно сформирована — не было средств, не было знающего энергичного офицера. Со временем перевелся из Прикамского полка поручик Саинов, командир саперной роты отряда, и он был во главе инженерной роты. Со временем нужда в инженерных силах была, но не чисто в саперах, а в мостовой команде, подрывниках и телеграфном отделении.

Части интенсивно обмундировывались, получали всё, начиная с белья и кончая полушубками.

Работа в частях кипела по обучению стрельбе, было много добровольцев, никогда не стрелявших, и я допустил трату по 10 патронов на человека, то есть всего 40 000. Это я выделил из тех запасов, которые получил из штакара 2-го Уфимского и 3-го Уральского корпуса, как боевой комплект. Были в частях патроны ижевского изготовления, с медной оболочкой, но ими не хотелось портить винтовок перед боями.

В это время в с. Дуваней прибыл командир 3-го Уральского горных стрелков корпуса генерал-лейтенант Голицын, и выяснилось, что я вхожу в состав этого корпуса, где имелась лишь

7-я Уральская дивизия. Я поехал представляться и получил в штакоре два приказа по военному ведомству с производством меня в полковники со старшинством 18 декабря 1918 года. Из этого увидел, что представил меня генерал Войцеховский, свой же корпус не был в том повинен. Этим же приказом командир 13-го Уфимского стрелкового полка капитан Карпов произведен в подполковники. Рад за этого чудного начальника.

Доложил генералу Голицыну об оставшихся нуждах, он много обещал и не смог ничего выполнить, так как тыловые учреждения корпуса были лишь в периоде формирования. Был очень ласков, когда познакомился с численным составом бригады; его дивизия была в составе меньшем, полками же командовали три генерала и один полковник.

Наконец получен был приказ двигаться на фронт. Тыловая дорога была одна на два корпуса, почему мне по этой дороге направить лишь артиллерию и обоз, а части вести по ущелью р. Юрезань. Стоял конец февраля (25-е), и погода была довольно мягкая. Приказано идти как можно скорее, что мы и проделали, прибыв 28-го уже штабригом в Усть-Байки.

27 февраля генерал Голицын захотел посмотреть Ижевцев — мы с ним были в одном полку и артдивизионе — мое мнение было, что он остался неудовлетворенным — не было лоску.

28-го февраля получен приказ: на смену 2—3 марта и наступление 4—5. Так как левее 3-го Уральского корпуса частей не было, просил поставить меня на правый фланг корпуса, чтобы быть между своими.

Я уже говорил выше, что капитан Агапьев был временно начальником штаба бригады, а настоящим должен быть капитан Ефимов, тоже курсант академии. О нем я знал и познакомился еще в первое мое представление командиру 2-го корпуса. Он произвел на меня впечатление слишком мрачного, нелюдимого — сапер, как и я; последнее, пожалуй, более всего мне не понравилось — два сапера на таких ответственных должностях; смолчал, но видел тогда в этом происки штаба 2-го Уфимского. Перед отъездом на позицию он был прислан. Как ни говорите, а присылать начальника штаба принимать должность, когда штаб сидит на повозках для переезда на позицию, немножко, я бы сказал, нехорошо. Делать нечего, забрал обоих. Капитан Ефимов уже дорогой начал знакомиться с делами, с частями. Я видел дельного, трудолюбивого офицера, а когда, по приезде

на место, он немедленно принял должность и взял в руки немного распущенный штаб, я увидел в нем твердого человека, который вожжи не распустит. Так оно и было. С этого времени он был верным моим помощником, отважным офицером, ходившим в атаку с чинами штаба, дальше — близким моим другом, и я всю Гражданскую войну провел с ним и сдал ему Ижевцев, когда был назначен командиром 3-го корпуса. Совершенно определенно могу сказать, что более офицера, чем Авенир Геннадьевич Ефимов, за обе войны я не видел. Это не только мое мнение, но полковника Ефимова знали и знают все, служившие в Ижевской бригаде, дивизии, 3-м стрелковом корпусе и в Дальне-Восточной армии.

Если бы все были такими, едва ли бы пришлось нам переплывать океан.

Стояли мы за позицией, не зная своего будущего участка. Я ездил в деревню Байки, просил указаний, чтобы я и начальники могли немного ознакомиться, но ничего из этого не вышло.

3-го ночью бригада сменяла 14-й Уфимский полк полковника Бырдина²⁰² в Урюше и 15-й Михайловский полк в Подлубове. В эту ночь не представилось возможным произвести необходимых мне разведок, не говоря уже про знакомство частей с местностью, где мы будем наносить первый удар.

Началось то наступление, которое должно было привести нас на берега Волги, на соединение с армией генерала Деникина и к окончанию Гражданской войны с уничтожением большевизма.

После первых дней наступления я в это верил твердо, да иначе быть не могло, так как я и действовал со своей бригадой тоже твердо.

Чем оказались Ижевцы, которыми я боялся вступить командовать, пусть расскажут, хотя бы и бледно, мои правдивые строки.

Таких частей не было нигде — пусть мне укажут, где могла быть такая «Рабоче-Крестьянская бригада». Я говорю не потому, что я ими командовал — ничего не приписываю себе. Начальник таких частей едва ли может сделать больше, настолько здесь было всё самобытно, не похоже на других, что и придумать трудно. Я молю Бога о том, чтобы Он дал возможность наиболее справедливо, красочно описать их деяния.

В ночь с 4-го на 5-е — разведка по всему фронту. Командир 3-го батальона 1-го полка поручик Ложкин с 15 офицерами и

солдатами заставил развернуться 2 батальона и 100 всадников красных. Это действительно разведка!

6-го утром пошли в наступление на левый фланг. 1-й полк занял в 8.10 Надеждиново и Накоряново, 2-й полк — в 6.30 Кособаново и в 9.30 — Накоряново. Начали поздно, не захватили врасплох, шли во весь рост, и потери велики — более 100 человек.

Самого наступления я не видел, так как боялся отлучиться далеко от штаба; возможно, что не было уверенности. Был на перевязочном пункте 1-го полка и видел по настроению раненых, что части идут хорошо.

Небольшая заминка во 2-м полку с гаубичной батареей — отстала из-за поломанного моста, — и командир полка приостановил движение вперед, а затем приказал двигаться, не ожидая гаубиц. В полдень задача, возложенная на бригаду, полностью была выполнена, но противника лишь оттолкнули, он не был разбит, а отошел в порядке, не оставив трофеев. Не было сделано ничего, чтобы произвести обход и ударить во фланг и тыл противнику. Я считал ошибкой, что 2-й корпус начал наступление днем раньше. Нужно было начать наступление левым флангом (7-й Уральской дивизией), что давало возможность разбить красных на две группы — Уфимскую и Бирскую. Я не помню смысла приказа Западной армии, но знаю, что наступление корпусами 3-м Уральским и 2-м Уфимским велось далеко не по этому приказу, а вполне самостоятельно, особенно 2-м Уфимским корпусом: Уральский корпус 7-й дивизией направлялся на Уфу, а Ижевская бригада обеспечивала продвижение с севера, где только и был противник на фронте Уральского корпуса. 2-й Уфимский корпус бил кулаком 4-й дивизией на Чишму, 8-й дивизией к северу от линии Байки—Бирск.

Я не помню точного направления 8-й дивизии в целом, но 32-й Прикамский полк, в составе: 1-й батальон — Елабужцы, 2-й — Чистопольцы и 3-й — Мензелинцы — получив задачу двигаться на Бирск, по занятии этого города разбился побатальонно, двигаясь на свои города. Полк остался без управления, что и послужило к неудаче 3-го батальона, мензел и некого, на тракту к этому городу. Впоследствии этот полк сыграл большую роль, действуя вполне самостоятельно в направлении Бирск—Чистополь, по занятии которого оставался там, удачно борясь с бригадой противника. Я остановился на действиях этого полка только потому, чтобы оттенить следующее предположение: что

было бы, если бы Ижевцы были приданы к 2-му Уфимскому корпусу, поставлены с 32-м Прикамским полком на правый фланг и направлены на Сарапул—Елабугу? Как бы дрались Ижевцы, направляясь к своим местам? Вопрос другой, если их нечем было заменить в Западной армии, но, думаю, последствия были бы огромны. Дело специалистов в этом разобраться, но мне кажется, на место этих частей всегда можно было взять из армии Гайды 1—2 дивизии.

Своими рассуждениями я не хочу поддерживать идеи **северного наступления** (английского), но думаю, что в то время выход на Волгу в районе Казани оказывал громаднейшее влияние на исход всей операции. О том, что у красных была Туркестанская армия, надо было знать командованию, учитывать все возможные последствия активности этой армии и принять меры или не начинать вообще наступательной операции, если не было частей для разгрома этой армии.

Выход на Волгу в районе Самары, без угрозы левому флангу, был обеспечен частями 2-го Уфимского корпуса.

Но это я уклонился в сторону критики, что не входит в границы моей задачи.

Генерал-майор В. М. Молчанов²⁰³

ПИСЬМА В. М. МОЛЧАНОВА

ПИСЬМО Е. Н. СКОРДУЛИ*

Поздравляю Вас, дорогая Екатерина Николаевна²⁰⁴ с днем Вашего Ангела и желаю всего лучшего! Всех домочадцев поздравляю с именинницей. Живем не сладко, все мои расчеты не оправдались и на 50 %, почему — и сам не понимаю, думаю — полоса невезения, а когда будет везение — ума не приложу. Катю²⁰⁵ поздравляю с днем Ангела и желаю ей учиться без конца и стать, наконец, сверхученой на пользу Родине. Желаю всего лучшего. Писать не умею, да, признаться, не привык этим делом заниматься.

Крепко целую

Любящий [Вас] В. Молчанов

ПИСЬМО Г. Н. БЛИНОВУ**

Дорогой Геннадий Николаевич!

Ждем, когда Вы будете здоровы, дай Бог скорее. Книга

А. Г. Ефимова «Ижевцы и Воткинцы»²⁰⁶, т. е. напечатанная на машинке, мною просмотрена и ни одной ошибки для исправления не нашел, всё готово для отсылки г. Камкину в Филадельфию для печатания в Мадриде или Токио. К концу этого года она выйдет в свет²⁰⁷.

К этой книге, как приложение, мною даны копии писем ко мне Блюхера и от начальника штаба, бывшего нашего подполковника Луцкова²⁰⁸. Я бы хотел, чтобы Вы прислали мне хороший снимок неугасимой лампы в Церкви, снимки увеличенные, надписи по-английски и по-русски, с короткой историей о ее установке Вами²⁰⁹. Это будет хороший конец для книги. Я по-

---

* Личный архив семьи Скордули. Вероятно, письмо было написано осенью 1925 г. Написано В. М. Молчановым как окончание письма его жены, которое целиком не сохранилось. Оригинал см. на с. 248.

** Музей русской культуры в Сан-Франциско (МРКСФ), фонд 3409: Объединение Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско, кор. 1, папка 10. Как следует из других материалов этого фонда, письмо было написано в январе 1974 г.

пимаю, что Вам это будет трудно сделать самому, тогда нет ли возможности поручить кому-либо из Ваших друзей?

Всё это надо сделать на следующей неделе — прислать мне для передачи представителю г. Камкина здесь.

Кроме того, если у Вас сохранилось что-либо, касающееся Ижевцев, как-то: снимки, записки, кроки и т. д. — пришлите, и это будет помещено в книгу. Мною будет написано предисловие, и думаю книгу посвятить Иж.[евцам] и Вот.[кинцам] — живым и мертвым, и вот тут-то и важно иметь снимки лампы. Если Вы найдете нужным повидаться со мной, я попрошу Мишу взять меня к Вам. Если так, то позвоните, и я приеду в субботу или воскресенье.

С полк. Михайловым Правление вошло в переписку и послало ему к празднику \$ 20.00, как проба — т. к. там трудно наши деньги разменять, официальный] курс один, а на черной бирже в 10 раз больше, поймают — тюрьма. Ну, вот пока и кончаю. Привет дорогой Ольге Васильевне, и мы желаем вам обоим здоровья.

Ваш В. Молчанов

ПИСЬМО Г. Н. И О. В. БЛИНОВЫМ*

14 февраля 1974 г.

Дорогие Ольга Васильевна и Геннадий Николаевич!

Спасибо вам обоим за поздравление меня с днем Ангела.

Хочу побеседовать с вами о наших делах.

Все, что мы нашли нужным поместить в книгу Ав.[енира] Геннадьевича] — отослано г. Камкину, а теперь всем нам надеяться, что ничего не изменится! Никаких поправок в книге я не допустил. По выходе можно критиковать и писать поправки. Я допустил в конце книги написать Н. Е. Старцеву²¹⁰ немного о Воткинцах. Будем теперь ждать и надеяться.

После Пасхи Н. Е. Старцев покидает Сан-Франциско и уезжает на восток — «Maine State»²¹¹, где живет его семейная дочь. Конечно, винить их (Старцевых) нельзя. Он страдает сердцем и здесь, мне кажется, они не имеют друзей. Естественно, не имея

---

* МРКСФ, фонд 3409: Объединение Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско, кор. 1, папка 10.

в С.-Ф. кого-либо занять должность Председателя²¹², а т. к. я верю, следующим должен быть Ижевц — это Вы, Геннадий Николаевич, и больше никто. Отказываться Вы не можете — нужна Ваша интеллигентность и образование. Здесь же все члены — самое большое прапорщики из солдат. Мало нас осталось, но дать заглохнуть Объединению нельзя. Когда-то в марте я попрошу Вас приехать в С. Ф. и принять от Н. Еф. все дела и поговорить о будущем. Как это ни странно, но после смерти А. Г. [Ефимова. — *Ред.*] Объединение не заглохло, а проявило большую деятельность: лампада (Ваша идея), розыск Ижевцев и Воткинцев и переписка с ними, инвалида полк. Михайлова выбрали почетным членом и установили помощь ему деньгами. Конечно, мы устроим проводы Н. Еф., но об этом после.

Чувствую себя так, как положено каждому в 88 лет.

Пока довольно, целую вас обоих.

Ваш В. Молчанов

КОММЕНТАРИИ

Основная часть комментариев подготовлена д. и. н. С. В. Волковым (с пометкой <С. В.>). В составлении комментариев также принимали участие: Д. А. Галимов (<Д. Г.>) и Л. Ю. Тремсина (<Л. Т.>).

Сокращения: КК — кадетский корпус, ВГ — военная гимназия, ПК — Пажеский корпус, ПВУ — Павловское военное училище, МАУ-Михайловское артиллерийское училище, НКУ — Николаевское кавалерийское училище, НИУ — Николаевское инженерное училище, АВУ — Александровское военное училище, КВУ — Константиновское военное училище, ПЮУ — пехотное юнкерское училище, НИА — Николаевская Инженерная академия, АГШ — Николаевская академия Генерального штаба

ПОСЛЕДНИЙ БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

¹ **Сведения о семье Молчанорых.** Отец: Михаил Иванович Молчанов (1850-1904), мать: Лидия Васильевна, урожд. Добрынина (1862-1930); братья и сестры В. М. Молчанова: Александр Михайлович (1884-1920), Зоя Михайловна (1890-1929), Сергей Михайлович (1893-1989), Валентина Михайловна (1902-1992). *(Сведения предоставлены А. С. Молчановым.)*

² **Елабуга** существует как городское поселение с X в. на территории, населенной булгарами, предками современных казанских татар. По Указу Императрицы Екатерины II Елабуга в 1780 г. получила статус уездного города и была выведена из состава Казанской губернии и включена в состав Вятской губернии. Становление Елабуги как купеческого центра Прикамья было напрямую связано с хлебной торговлей. Елабужские купцы вели торговлю в центральных районах России (Санкт-Петербурге, Ярославле, Саратове) и в городах Сибири. Так, согласно сведениям Вятского губернского статистического комитета, торговый оборот елабужских купцов за 1865 г. составил 11 млн. 80 тыс. рублей. За этот год в городе было выдано купеческих свидетельств: 1 -й гильдии — 12, 2-й гильдии — 104, при населении 5 тыс. 611 человек. В 1866 г. в городе был открыт общественный банк. К 1890 г. количество жителей в Елабуге достигло 10 тыс. 224 чел. (нац. состав: русские и татары). В настоящее время город Елабуга — районный центр в Республике Татарстан.

Александр и Викторин Молчановы обучались в **Елабужском реальном училище** в одном классе с 1896 по 1904 г. Здание реального училища было построено в 1880 г. В настоящее время в нем размещается Елабужское Суворовское военное училище МВД РФ. <Д. Г.>

¹ Имеется в виду Московский институт инженеров путей сообщения. <С. В. >

² **Московский сельскохозяйственный институт**, в 1890—1894 гг.

³ именовавшийся — Петровская сельскохозяйственная академия, а до этого — Петровская земледельческая и лесная академия. <С. В. >

⁴ **Московское военное училище**. Основано в 1864 г. как Московское пехотное юнкерское училище. В 1902 г. преобразовано в военное училище, а с 1906 г. получило наименование Алексеевское военное училище. <С. В. >

⁵ Автор не вполне точен. Имеется в виду, что «старые» военные училища (Павловское, Константиновское и Александровское) комплектовались в основном выпускниками кадетских корпусов, среди которых были далеко не только дети офицеров, но последние преобладали, тогда как в «новых» — преобразованных из юнкерских — процент выпускников кадетских корпусов был существенно ниже. <С. В. >

⁷**Занфиров Владимир Викторович**, р. 22 фев. 1853. Сын полковника. Обр.: Полоцкая ВГ 1871, ПВУ 1873. Офицер 5-й конно-арт. бригады. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878. Ротмистре 1888, подполковнике 1891, полковнике 1895, генерал-майоре 1908, генерал-лейтенант с 1915. С 1895 командир роты Воронежского кадетского корпуса, с 1897 Елабужский уездный воинский начальник, с 1908 начальник Пермской, а с 1909 — Казанской местной бригады, с 29 июля 1914 начальник 13-й пех. зап. бригады, с 2 мая 1915 — снова Казанской местной бригады. Во время Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта; с 8 авг. по 7 сен. 1918 начальник Казанской местной бригады, с 4 апр. по 4 мая 1919 в прикомандировании к управлению дежурного генерала при Верховном главнокомандующем — начальник формирования Казанской местной бригады, на 16 нояб. 1919 начальник Казанской местной бригады, председатель комиссии по расквартированию в Томске. <С. В. >

⁸ **Алашеев Николай Валерианович**, р. 16 мар. 1869 г. в Казани. Из дворян Казанской губернии, землевладелец, литератор. Окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета. В 1906 г. был избран в депутаты 2-й Государственной Думы России от секции народно-социалистической партии Вятской губернии (первичные документы по выдвижению от Елабужского уезда). Убит в начале 1918 г. в дер. Студеный Ключ, в 7 км от Елабуги. <Д. Г. >

⁹ После революции Н. В. Алашеев приехал в свою деревню Токмашка Елабужского уезда, откуда был сразу изгнан крестьянами. Впоследствии воспоминания жителей деревни были опубликованы в районной газете «За пятилетку» (статья «Наше боевое прошлое», № 34 от 25.06.1935):

«Началась революция, вернулись домой фронтовики, солдаты. Много рассказывали они, что творится в России, Питере, на фронтах.

Решила тогда Токмашка расчитаться навсегда с помещиком Алашеевым. Живо запечатали помещичий дом, везде поставили охрану. Барин жил во Франции, приезжал в поместье только на самый свежий воздух. А тут слышим: едет. Мы уговорились ни за что не пускать. Его кто-то встретил на дороге и предупредил: "Дом мужики запечатали". Пришлось ему заехать к своему управляющему Задворных. Дали мы время пообедать и пошли всей деревней.

Он и говорит: "Дурни вы, ради вас я стараюсь". Выгнали мы помещика из деревни. Как прогнали мы барина, пришли к нам Еловские (село в 10 км. — *Д. Г.*) и хотели разграбить барскую ферму и дом. А у нас всё было сохранено, вот барский дом и теперь служит колхозу. Скот мы отстояли и ходили в Елабугу просить помощи у Гассара [с февраля 1918 г. — председатель Елабужского уездного Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. — *Д. Г.*]. На другой день он приехал в Токмашку и говорит: "Пишитесь в Красную гвардию". Мы записались в красногвардейцы, получили оружие».

После этого Алашеев вынужден был поселиться в маленькой усадьбе в дер. Студеный Ключ (с 1850 г. была во владении его отца, надворного советника В. П. Алашеева) и вскоре был там убит. Участниками кровавой акции являлись: братья Иван, Евдоким и Григорий Федоровичи Аникины, Василий Федорович Юшков, Сергей Алексеевич Туголуков, Иван Осипович Аникин и Василий Кузьмич Аникин.

В рамках подготовки и проведения выборов в Учредительное собрание (ноябрь—декабрь 1917 г.) было издано воззвание, в котором было предписано создавать отряды самообороны в крупных населенных пунктах. Такие отряды были организованы и на территории Елабужского уезда. Так, **Танаевский отряд** (в с. Танайка) насчитывал 150 человек (руководитель — Николай Кузьмич Белков) и Мортовский отряд, в количестве 260 чел., из жителей близлежащих татарских селений (с центром в с. Морты). Село Танайка относилось к разряду государственных («казенных») селений.

11 сентября 1918 г. участники убийства Н. В. Алашеева были расстреляны Танаевским отрядом самообороны, и их тела были привезены в Елабугу к В. М. Молчанову.

После занятия Елабуги красными в октябре 1918 г. в газете «Известия» (официальном органе печати Елабужского революционного комитета) от 8 октября 1918 г. был опубликован список так называемых «красногвардейцев» дер. Студеный Ключ, погибших от рук «белогвардейщины». <*Д. Г.*>

¹⁰Улаев Георгий Леванович, р. 1867. Обр.: Тифлисский КК 1884, АБУ 1886 г. Произведенный в 1910 г. в полковники, он продолжал командовать ротой в Алексеевском военном училище. <*С. В.*>

¹¹ Московское военное училище и Московское высшее техническое училище находились в районе Лефортово.

¹² Имеется в виду 2-й гренадерский Ростовский полк. Полки обеих дивизий Гренадерского корпуса были расквартированы в Москве. <С. В.>

¹³ **Павловское военное училище**, учрежденное в 1863 г., ведет происхождение от Военно-сиротского дома, созданного в 1798 г. и затем преобразованного в Павловский кадетский корпус. <С. В. >

¹⁴ **Константиновское артиллерийское училище** ведет происхождение от созданного в 1807 г. Дворянского полка, в 1855 г. преобразованного в Константиновский кадетский корпус, а в 1859 г. — в общевоинское Константиновское военное училище; в 1894 г. преобразовано в артиллерийское по образцу Михайловского. <С. В. >

¹⁵ **Михайловское артиллерийское училище** было учреждено в 1820 г. как Артиллерийское училище, в 1849 г. получило наименование Михайловского. <С. В. >

¹⁶ **Александровское военное училище** было учреждено в 1863 г. и вело происхождение от созданного в 1830 г. в Москве Александринского сиротского института, преобразованного в 1851 г. в Александринский сиротский кадетский корпус. <С. В. >

¹⁷ Это не совсем точно. Из упомянутых здесь училищ Киевское военное училище было преобразовано из пехотного юнкерского (основанного в 1865 г.) в 1902 г., Казанское, Иркутское и Оренбургское казачье (основанные как юнкерские соответственно в 1866, 1872 и 1867 гг.) — в 1911 г. В Омске и Хабаровске военных училищ не было, там имелись кадетские корпуса. <С. В. >

¹⁸ **Николаевское кавалерийское училище**, учрежденное в 1865 г., ведет происхождение от созданной в 1823 г. Школы гвардейских подпрапорщиков (с 1826 г. — Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, с 1859 г. — Николаевское училище гвардейских юнкеров). <С. В. >

¹⁹ **Тверское кавалерийское училище** основано как юнкерское в 1865 г., в военное училище преобразовано в 1911 г. <С. В. >

²⁰ Имеется в виду **Елисаветградское кавалерийское училище** (основано как юнкерское в 1865 г., в военное училище преобразовано в 1902 г.), а Чугуевское военное училище (основано как юнкерское в 1865 г., в военное училище преобразовано в 1911 г.) было пехотным. <С. В. >

²¹ **Сергиевское артиллерийское училище** сделало свой первый выпуск уже после начала Первой мировой войны в конце 1914 г. Оно было третьим по времени основания после Михайловского и Константиновского. <С. В. >

²² Имеется в виду **13-й лейб-гренадерский Эриванский полк**. Это старейший из русских регулярных полков, он был учрежден в 1642 г.

Донского кадетского корпуса. Участник Степного похода, начальник группы Донского кадетского корпуса, затем 25 фев. 1918 в ст. Веселой присоединился к Добровольческой армии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в 4-й роте Офицерского полка, затем вернулся в Донской кадетский корпус. Эвакуирован с корпусом из Новороссийска в Египет, 10 мая 1921 убыл в Верхний Египет. В эмиграции в Германии. Ум. после 1939. Автор воспоминаний «Повести минувших лет», здесь упомянута 4 ч, — «Осиное гнездо» (Берлин: Град Китеж, 1930). <С. В.>

²⁴ Имеется в виду подпоручик **князь Вачнадзе**, окончивший в 1904 г. Павловское военное училище и служивший в том же 2-м Кавказском саперном батальоне. В 1907 г. он был уволен в отставку. <С. В.>

²⁵ Крепость **Каре** и Карсская область в то время принадлежали России (присоединены по результатам Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.). В 1918 г. в результате подписания Брестского мира были отданы Турции. <С. В. >

²⁶ Речь идет об одной из наиболее известных большевистских акций по «экспроприации» денег. Основную роль в этом ограблении, осуществленном с большой дерзостью, играл С. А. Тер-Петросян (по кличке Камо). <С. В.>

²¹ **Милиция на Кавказе** комплектовалась из не имеющих специальной военной подготовки представителей местного дворянства, получавших обычно сначала чин юнкера милиции, а затем производившихся в офицеры. Чины милиции часто занимали небольшие административные должности в территориальной администрации. <С. В. >

²⁸ **Снарский Иван Александрович**, р. 8 мая 1852. Сын генерала Александра Францевича. В службе с 1868, офицером с 1872. Обр.: Варшавское ПЮУ. Офицер Санкт-Петербургского гренадирского полка. Капитан с 1884, подполковник и полковник с 1894, генерал-майор с 1904, генерал-лейтенант с 1911. Участник Русско-турецкой войны 1877-1878. С 1900 командир 39-го пех. полка, с 1904 — 1-й бригады Кавказской гренадирской дивизии, с 1908 по июнь 1911 начальник 1-й Кавказской стр. бригады, затем начальник 52-й пех. дивизии. Ум. в нач. окт. 1911 в Тифлисе. <С. В. >

²⁹ **Граф Воронцов-Дашков Илларион Иванович**, р. 27 мая 1837. Сын действительного тайного советника. Обр.: Московский ун-т 1856. Произведен в офицеры из вольноопределяющихся 1858. Офицер л.-гв. Конного полка. Ротмистр гвардии с 1862, полковник с 1865, генерал-майор с 1866, генерал-лейтенант с 1876, генерал от кавалерии с 1890. Участник кампаний 1859-1862 на Кавказе, 1865 в Туркестане, Русско-турецкой войны 1877—1878. С 1866 пом. губернатора Туркестанской области, с 1867 командир л.-гв. Гусарского полка, с 1873 — также 2-й бригады 2-й гвард. кав. дивизии, с 1874 нач. штаба Гвардейского корпуса и член совета ГУГК, с 1878 начальник 2-й гвард. пех. дивизии, с 1881 главноуправляющий Государственным коннозаводством, министр

Имп. двора и уделов, одновременно канцлер российских императорских и царских орденов, 1897—1916 член Гос. Совета, с 1905 наместник Е. И. В. на Кавказе, командующий войсками Кавказского ВО и наказной атаман кавказских казачьих войск, с 30 авг. 1914 главнокомандующий Кавказской армией, с 23 авг. 1915 состоял при особе Е. И. В. Ум. 15 янв. 1916 в Алушке. <С. В.>

³⁰ Речь идет об одном из прапорщиков милиции — князе **Микеладзе**. <С. В. >

³¹ **Червинов Владимир Петрович**, р. 12 сен. 1857. Сын полковника. Обр.: Киевская ВГ 1875, ПВУ 1877, МАУ 1878, НИА. Офицер Киевской креп., артиллерии. Капитан с 1887, подполковник с 1894, полковник с 1898, генерал-майор с 1906, генерал-лейтенант с 1910. Участник Русско-японской войны. С 1895 нач. штаба 2-й саперной бригады, с 1900 командир 21-го саперного батальона, с 1906 начальник Кавказской саперной бригады, с 1909 комендант Карсской крепости. Ум. ок. 24 апр. 1912. <С. В. >

³² **Верхнеудинск** в 1934 г. был переименован в Улан-Удэ. <С. В. >

³³ Саперные батальоны входили в состав армейских корпусов и, как правило, имели тот же номер. 2-й Восточно-Сибирский саперный батальон входил в состав 2-го Сибирского армейского корпуса. <С. В. >

³⁴ Вероятно, имеется в виду **Агрошенко Вячеслав Григорьевич** (р. 1875.

Обр.: Псковский КК 1894, АВУ 1896. С 1915 - полковник). <С. В. >

³⁵ Алексеев **Николай Фомич**, р. 30 нояб. 1851. Обр.: Сибирская ВГ 1869, НИУ 1872, НИА. Офицер Туркестанской саперной роты. Капитан с 1885, подполковник с 1891, полковник с 1898, генерал-майор с 1907. Участник кампаний 1873 и 1876 в Средней Азии. С 1895 командир саперного батальона, с 1903 делопроизводитель технической части управления начальника Черноморского побережья, с 1907 по июнь 1911 начальник Иркутской саперной бригады, затем инспектор инженеров Иркутского ВО. 30 нояб. 1911 уволен в отставку с производством в генерал-лейтенанты. <С. В. >

³⁶ Имеется в виду Офицерская электротехническая школа. <С. В. >

³⁷ **Лечицкий Платон Алексеевич**, р. 18 мар. 1856. Сын священника. Обр.: Литовская духовная семинария (не окончил), Варшавское ПЮУ 1880, ОСШ. Офицер 39-го пех. рез. кадрового батальона. Подполковник с 1896, полковник с 1900, генерал-майор с 1905, генерал-лейтенант с 1908, генерал от инфантерии с 1913. Участник китайской кампании 1900-1901, Русско-японской и 1-й Мировой войн. 1901-1905 командир 1-го и 10-го Восточно-Сибирских, 7-го Кавказского и 24-го Восточно-Сибирского стрелковых полков, 1905—1906 командир 1-й бригады 6-й Восточно-Сибирской стр. дивизии и командующий той же дивизией, с 1906 командующий 1-й гвард. пех. дивизией, с 1908 командир 18-го арм. корпуса, с 1910 командующий войсками Приамурского ВО и

манdüющий 9-й армией. С 18 апр. 1917 в отставке. Летом 1918 член антисоветской организации в Петрограде. Ум. 18 фев. 1923 в тюрьме в Москве. <С. В. >

³⁸ **Плешков Михаил Михайлович**, р. 1 нояб. 1856 в ст. Николаевской Омского у. Из дворян Могилевской губ. Обр.: Воронежская ВГ 1874, НКУ 1876, АГШ 1884. Офицер л.-гв. Уральской каз. сотни, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1888, полковнике 1892, генерал-майор с 1902, генерал-лейтенанте 1907, генерал от кавалерии с 1913. С 1894 нач. штаба 1-й Донской каз. дивизии, с 1898 командир 29-го драгунского полка, с 1902 — 2-й бригады 2-й кав. дивизии, с 1907 начальник 7-й кав. дивизии, с 1912 командир 1-го Сибирского арм. корпуса, с 3 июля 1917 в резерве чинов при штабе Минского ВО. Во время Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта; 23—24 авг. 1918 возглавил попытку вооруженного переворота во Владивостоке, 1919 заместитель главноначальствующего в полосе отчуждения КВЖД, 22 фев. 1919 уполномоченный по охране государственного порядка и общественного спокойствия там же. В эмиграции в Харбине, в управлении КВЖД, на 8 янв. 1922 член Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке, сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича». Ум. 21 мая 1927 в Харбине. <С.В. >

³⁹ **Куропаткин Алексей Николаевич**, р. 17 мар. 1848. Обр.: 1-й КК 1864, ПВУ 1866, АГШ 1874. Офицер 1-го Туркестанского стр. батальона, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1876, подполковник с 1877, полковник с 1878, генерал-майор с 1882, генерал-лейтенант с 1890, генерал от инфантерии с 1900. Участник кампаний 1867-1868, 1875-1876, 1880-1881 в Средней Азии, Русско-турецкой войны 1877-1878, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1877 нач. штаба 16-й пех. дивизии, с 1878 заведующий Азиатской частью Главного штаба, с 1879 командующий Туркестанской стр. бригадой, в 1880-1881 начальник авангарда Кульчинского отряда, начальник отряда, действовавшего в Ахал-Текинском оазисе, с 1883 в прикомандировании к Главному штабу, с 1890 начальник и командующий войсками Закаспийской области, с 1898 управляющий Военным министерством, с июля 1898 военный министр и председатель Военного совета, с 1904 командующий Маньчжурской армией и всеми вооруженными силами, действующими против Японии, с мая 1905 командующий 1-й Маньчжурской армией, с 1906 в Свите Его Величества, с 12 сен. 1915 командир Гренадерского корпуса, с янв. 1916 командующий 5-й армией, с 6 фев. 1916 главнокомандующий армиями Северного фронта, с 22 июля 1916 Туркестанский генерал-губернатор и атаман Семиреченского каз. войска, с 5 июня 1917 член Александровского комитета о раненых. Генерал-адъютант (1902). Остался в СССР, жил в с. Шешурино Псковской губ. Убит 16 янв. 1925. <С. В. >

⁴⁰ То есть в Первую мировую войну.

⁴¹ **Радко-Дмитриев Радко Дмитриевич** (Радко Руско Дмитриев), р. 24 сен. 1859 в с. Гадец (Болгария). Обр.: Софийское ВУ 1879, АГШ 1884. Во время Русско-турецкой войны 1877-1878 — доброволец русской армии, затем на болгарской, 1887—1898 — на русской службе, затем снова в болгарской армии. Участник 1-й и 2-й Балканских войн. Генерал-лейтенант, болгарский посланник в Санкт-Петербурге. С началом мировой войны перешел в русское подданство, и 26 июля 1914 принят на русскую службу с чином генерал-лейтенанта (с 3 сен. 1914 — генерал от инфантерии) и назначен командиром 8-го арм. корпуса. С 3 сен. 1914 командующий 3-й армией, с 20 мая 1915 командир 2-го, а с 11 окт. 1915 — 10-го арм. корпуса, с 20 мар. 1916 командующий 12-й армией, с 20 июля 1917 в резерве чинов при штабе Петроградского ВО. Убит большевиками 18—19 окт. 1918 в Пятигорске. <С. В. >

⁴² **Лохвицкий Николай Александрович**, р. 7 окт. 1868 в Москве. Из дворян Санкт-Петербургской губ., сын присяжного поверенного. Обр.: 4-й Московский КК 1887, КВУ 1889, АГШ 1896. Офицер л\-гв. Измайловского полка, командир роты Павловского военного училища. Капитан гвардии с 1900, полковник с 1906, генерал-майор с 1915, генерал-лейтенант с 1917. С 1912 командир 95-го пех. полка, с 3 апр. 1915 командир бригады 25-й, а с 8 мая 1915 — 24-й пехотных дивизий, с 21 янв. 1916 командир 1-й Особой пех. бригады, с июня 1917 начальник 1-й Особой дивизии во Франции. Во время Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта; с 30 июня 1919 в прикомандировании к штабу Верховного главнокомандующего, с 14 июля 1919 командующий 2-й армией, с 27 апр. до 22 авг. 1920 командующий Дальневосточной армией, 2 июня — 1 окт. 1920 одновременно начальник штаба Главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. На 8 янв. 1922 во Владивостоке, член общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. В эмиграции с 1923 во Франции, с 1927 председатель Общества монархистов-легитимистов. Генерал от инфантерии. Ум. 5 нояб. 1933 в Париже. <С. В. >

⁴³ Барон **Унгерн-Штернберг Роман Федорович** (Унгерн-Штернберг фон Пилькау), р. 1887. Обр.: ПВУ 1908. Есаул 3-го Верхнеудинского казачьего полка Забайкальского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в конце 1917 начальник отряда в Даурии, окт. 1918 начальник Инородческой дивизии, с 23 окт. 1918 генерал-майор, с 8 дек. 1918 командир Туземного (Азиатского) корпуса, с 18 июня 1919 начальник Азиатской конной дивизии. Генерал-лейтенант. Взят в плен и расстрелян большевиками 15 сен. 1921 в Новосибирске. <С. В. >

⁴⁴ **Сухомлинов Владимир Александрович**, р. 4 авг. 1848. Обр.: 1-й КК 1865, НКУ 1867, АГШ 1874. Офицер л.-гв. Уланского Его Величества полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1874, подполковник 1877, полковник 1880, генерал-майор с 1890, генерал-лейтенант 1898, генерал от кавалерии с 1906. Участник

Русско-турецкой войны 1877—1878. С 1884 командир 6-го драгунского полка, с 1886 начальник Офицерской кав. школы, с 1890 начальник 10-й кав. дивизии, с 1899 нач. штаба, с 1902 пом. командующего, с 1904 ко-
1 мандующий войсками Киевского ВО (также Киевский, Подольский и
Волынский генерал-губернатор), с 1908 начальник Генерального штаба,
с 1909 по 13 июня 1915 военный министр, с 1911 также член Гос. Совета.
Генерал-адъютант (1912). В эмиграции в Финляндии, затем в Германии.
Ум. 2 фев. 1926 в Берлине. <С. В. >

⁴⁵ **Гриппенберг Оскар-Фердинанд Казимирович**, р. 1 янв. 1838. Из дворян Великого княжества Финляндского. В службе с 1854 (окончил частное учебное заведение), офицером с 1855 (произведен из юнкеров). Офицер 2-го рез. стр. батальона. Участник Восточной войны 1853—1856, усмирения польского мятежа 1863—1864, кампаний 1866—1869 в Средней Азии (ранен), Русско-турецкой 1877-1878 и Русско-японской войн. Майор с 1866, подполковнике 1868, полковнике 1872, генерал-майор с 1878, генерал-лейтенант с 1890, генерал от инфантерии с 1900. С 1867 командир 5-го Туркестанского лин. батальона, с 1870 — 17-го стр. батальона, с 1877 — л.-гв. 2-го стр. батальона и л.-гв. Московского полка, с 1888 — 1-й бригады 1-й гвард. пех. дивизии, с 1889 начальник Гвардейской стр. бригады, 1897—1898 начальник 1-й Гвард. пех. дивизии, с 1900 командир 6-го арм. корпуса, с 1901 пом. командующего войсками Виленского ВО, с 1904 командующий 2-й Маньчжурской армией, с 1905 генерал-инспектор пехоты и член Государственного комитета о раненых, с 1906 член Гос. Совета. Генерал-адъютант (1904). Ум. 25 дек. 1915 в Петрограде. <С. В. >

⁴⁶ Барон **Будберг Алексей Павлович**, р. 21 мая 1869 в Лифляндской губ. Из дворян той же губ., сын полковника. Обр.: Орловский КК 1886, МАУ 1889, АГШ 1895. Офицер л.-гв. 3-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1895, подполковник с 1899, полковник с 1904, генерал-майор с 1910, генерал-лейтенант с 1916. Участник китайской кампании 1900—1901, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1902 нач. штаба Владивостокской крепости, с 1913 ген.-кварт. штаба Приамурского ВО, с 15 авг. 1914 генерал-квартирмейстер, а с 23 дек. — нач. штаба 10-й армии, с 13 фев. 1915 генерал для поручений при командующем 1-й армией, с 19 авг. 1915 начальник 40-й, а с 21 окт. 1915 — 70-й пех. дивизии, с 22 апр. 1917 командир 14-го арм. корпуса. Во время Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта в распоряжении начальника штаба ВГК, с 3 мая 1919 главный начальник снабжений и инспекций при Верховном главнокомандующем, с 23 мая 1919 помощник начальника штаба Верховного главнокомандующего и военного министра с правами военного министра по управлению военным министерством, с 27 авг. 1919 и. д. военного министра, с 5 окт. 1919 в распоряжении ВГК, с 19 нояб. 1919 нач. штаба Приамурского военного округа. В эмиграции

с 1921 в Сан-Франциско, член Русского общества помощи национальной России, сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича», начальник 1-го отдела РОВС в США, председатель Общества русских ветеранов Великой войны; член Общества офицеров Генерального штаба. Ум. 14 дек. 1945 в Сан-Франциско. <С. В. >

⁴⁷ **Ирман Владимир Александрович** (Ирманов), р. 18 окт. 1852. Из дворян Киевской губ., сын полковника. Обр.: Московская ВГ 1868, АБУ 1870. Офицер 134-го пех. полка. Подполковник с 1893, полковник с 1900, генерал-майор с 1904, генерал-лейтенант с 1908, генерал от артиллерии с 1914. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878, китайской кампании 1900—1901, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1901 командир отдельного Забайкальского арт. дивизиона, с 1904 командир 4-й Восточно-Сибирской стр. арт. бригады, с 1906 комендант Владивостокской крепости и командир 4-го Сибирского арм. корпуса, с 1912 командир 3-го Кавказского арм. корпуса, с 8 июня 1917 в резерве чинов при штабе Кавказского ВО. Во время Гражданской войны — в Добровольческой армии и ВСЮР; командир 1-й бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии, в июле 1919 врид командира 3-го Кубанского конного корпуса, 23 окт. 1919 переименован по Кубанскому казачьему войску в генералы от кавалерии. В эмиграции в Югославии, член Общества кавалеров ордена Св. Георгия, председатель отдела монархистов-легитимистов в Нови Саде и отдела КИАФ. Ум. 27 сен. 1931 в г. Нови Сад (Югославия). <С. В. >

⁴⁸ **Линевич (Леневич) Николай Петрович**, р. 24 дек. 1838. Из дворян Черниговской губ. Обр.: Черниговская гимназия. В службе с 1855, офицером с 1856 (произведен из юнкеров). Офицер 58-го, 78-го и 75-го пехотных полков. Майор с 1871, подполковник с 1875, полковник с 1878, генерал-майоре 1891, генерал-лейтенанте 1899, генерал от инфантерии с 1904. Участник кампаний 1860-1862 на Кавказе, Русско-турецкой войны 1877—1878 (ранен), кампании 1888 в Средней Азии, китайской кампании 1900—1901 и Русско-японской войны. С 1877 командир 2-го Кавказского стр. батальона, с 1879 — 84-го пех. полка, с 1885 начальник 2-й Закаспийской стр. бригады, с 1895 командующий войсками Южно-

Уссурийского отдела, с 1900 командир 1-го Сибирского арм. корпуса, с 1903 командующий войсками Приамурского ВО и наказной атаман приамурских казачьих войск, с 1904 командующий 1-й Маньчжурской армией, с 1905 главнокомандующий силами, действующими против Японии, с 1906 состоял по армейской пехоте. Генерал-адъютант (1905). Ум. 10 апр. 1908. <С. В. >

⁴⁹ Имеется в виду **Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД)**, проходившая по территории Маньчжурии (Северо-Восточный Китай) и соединявшая Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Была построена в 1897-1903 гг. КВЖД и так наз. «полоса отчуждения» вдоль нее принадлежали России.

⁵⁰ **Хорват Дмитрий Леонидович**, р. 25 июля 1858. Обр.: НИУ 1878. Офицер л. -гв. Саперного батальона. Капитан гвардии с 1894, полковник с 1898, генерал-майоре 1904, генерал-лейтенанте 1911. С 1895 командир 1-го Уссурийского железнодорожного батальона, с 1899 начальник Закаспийской железной дороги, с 1902 по 1917 управляющий и глава военной администрации КВЖД. Во время Гражданской войны — в белых войсках Восточного фронта; 10 июля — 14 нояб. 1918 возглавлял «Деловой кабинет» в Харбине и Владивостоке, Временный верховный правитель России. 28 окт. 1918 — 18 авг. 1919 Верховный уполномоченный Всероссийского правительства на Дальнем Востоке, 11 мая — 18 июля 1919 командующий войсками Приамурского ВО, с 15 июля 1919 также сенатор и главноначальствующий над русскими учреждениями в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Генерал от инфантерии. В эмиграции в Китае. Ум. 16 мая 1937 в Пекине. <С. В.>

⁵¹ **Корнилов Лавр Георгиевич**, р. 18 авг. 1870 в Семипалатинске. Сын коллежского секретаря. Обр.: Сибирский КК 1889, МАУ 1892, АГШ 1898. Офицер Туркестанской стр. арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба в Туркестанском военном округе. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Подполковник с 1901, полковник с 1905, генерал-майор с 1911, генерал-лейтенант с 1915, генерал от инфантерии с 1917. С 1907 военный агент в Китае, с 1911 командир 8-го пех. полка, с июня 1911 начальник 2-го Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи, с 1913 командир 1-й бригады 9-й Сибирской стр. дивизии, с авг. 1914 командующий 48-й пех. дивизией, с 11 сен. 1914 командир 1-й бригады 49-й пех. дивизии, с 30 дек. 1914 начальник 48-й пех. дивизии, с мая 1915 по июнь 1916 был в плену в Австро-Венгрии, откуда совершил побег. С 13 сен. 1916 командир 25-го арм. корпуса, с 2 мар. 1917 командующий войсками Петроградского ВО, с 29 апр. 1917 командующий 8-й армией, с 18 июля 1917 Верховный главнокомандующий. 27 авг. 1917 выступил против предательской политики Временного правительства, был арестован, содержался в Быхове. С 5 дек. 1918 в Новочеркасске, где возглавил Добровольческую армию, которую вывел в 1-й Кубанский («Ледяной») поход. Убит 31 мар. 1918 под Екатеринодаром. <С. В.>

⁵² Имеются в виду войска Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. <С. В. >

⁵³ Порто-франко (*итая.* porto franco — свободный порт) — порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

⁵⁴ **Эрцгерцог Франц-Фердинанд** — наследник Австро-Венгерского престола, был убит в Сараево членом сербской националистической организации Гаврилой Принципом. Это убийство послужило поводом для начала Первой мировой войны. <С. В. >

⁵⁵ **Саввич Павел Сергеевич**, р. 15 фев. 1857. Из дворян Харьковской губ. Обр.: Киевская ВГ 1873, КВУ 1875, МАУ 1876, АГШ 1883. Офицер

31-й арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Участник Русско-турецкой войны 1877-1878. Капитан с 1883, подполковник с 1887, полковник с 1891, генерал-майор с 1900, генерал-лейтенант с 1907, генерал от инфантерии с 1913. С 1894 нач. штаба 10-й кав. дивизии, с 1899 командир 134-го, а с 1900 — 124-го пех. полка, с дек. 1900 генерал для поручений, а с 1902 дежурный генерал штаба Киевского ВО, с 1903 Киевский, с 1905 — Костромской, а с нояб. 1905 — снова Киевский губернатор, с 1906 нач. штаба Иркутского ВО, с 1908 начальник 45-й, а с 1910 — 25-й пех. дивизии, с 1911 командир 5-го Сибирского арм. корпуса, с 1913 по 1917 член Военного Совета. <С. В. >

⁵⁶ **Великий князь Константин Константинович**, р. 10 авг. 1858 в Стрельне Санкт-Петербургской губ. Сын Вел. князя Константина Николаевича. В службе с 1858, офицером с 1865. Офицер Гвардейского экипажа и л.-гв. Измайловского полка. Участник Русско-турецкой войны 1877—1878. Капитан гвардии с 1887, полковник с 1891, генерал-майор с 1894, генерал-лейтенант с 1901, генерал от инфантерии с 1907. С 1891 командир л.-гв. Преображенского полка, с 1900 главный начальник, а с 1910 — генерал-инспектор военно-учебных заведений. Известный поэт и ученый. Президент Академии наук, с 1892 председатель Русского археологического общества, с 1905 — Палестинского общества. Ум. 2 июня 1915 в Павловске. <С. В. >

⁵⁷ **Воронкевич Александр Александрович**, р. 1861. НИУ 1881. Полковник инженерных войск. 1918 в гетманской армии; с 26 июля и на 30 нояб. 1918 командир 1-го инженерного куреня. <С. В. >

⁵⁸ Этот батальон в начале войны входил в состав 3-го Сибирского армейского корпуса. <С. В. >

⁵⁹ **Гурко (Ромейко-Гурко) Василий Иосифович**, р. 8 мая 1864 в Санкт-Петербурге. Обр.: гимназия, ПК 1885, АГШ 1892. Офицер л.-гв. Гродненского гусарского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. 1899—1900 военный агент при войсках буров. Подполковник с 1895, полковник с 1900, генерал-майор с 1905, генерал-лейтенант с 1910, генерал от кавалерии с 1916. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1901 военный агент в Германии, с 1905 командир 2-й бригады Урало-Забайкальской каз. дивизии, с 1906 — 2-й бригады 4-й кав. дивизии, 1906—1911 председатель комиссии по описанию Русско-японской войны, с 1911 начальник 1-й кав. дивизии, с 9 нояб. 1914 командир 6-го арм. корпуса, с 6 дек. 1915 командующий 5-й армией, с 14 авг. 1916 — Особой армией (10 нояб. 1916 — 17 фев. 1917 врио начальника штаба Верховного главнокомандующего), с 31 мар. 1917 главнокомандующий армиями Западного фронта, с 23 мая 1917 врасп. Верховного главнокомандующего. В июле 1917 арестован, в сен. 1917 выслан за границу. С 14 окт. 1917 в отставке. В эмиграции в Италии. Член РОВС. Ум. 9-10 фев. 1937 в Риме. <С. В. >

⁶⁰ **Милеант Гавриил Георгиевич**, р. 24 мар. 1864. Обр.: реальное училище 1881, ПВУ 1883, НИУ, НИА, АГШ 1894. Офицер 13-й арт. бригады, затем — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1891, подполковник с 1896, полковник с 1900, генерал-майор с 1906, генерал-лейтенант с 1913. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1900 заведующий передвижением войск Одесского, а с 1901 — Московско-Брестского района, с 1904 командир 53-го пех. полка, с 1905 начальник управления по организации обратного передвижения войск в Европейскую Россию, с 1907 начальник военных сообщений Санкт-Петербургского ВО, с 1913 нач. штаба Виленского ВО, с авг. 1914 нач. штаба 1-й армии, с 6 сен. 1914 начальник 4-й пех. дивизии, с 29 сен. 1915 начальник ГВТУ, с 15 мар. 1917 в резерве чинов при штабе Петроградского, а с 2 апр. — Киевского ВО, с 3 апр. 1917 командир 5-го арм. корпуса. Во время Гражданской войны — в Вооруженных силах Юга России в резерве чинов Войск Киевской области, с 3 нояб. 1919 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего. В эмиграции в Югославии, член Общества офицеров Генерального штаба. Ум. 1936 в Ерцегнови (Югославия). <С. В. >

⁶¹ **Самсонов Александр Васильевич**, р. 2 фев. 1859. Из дворян Екатеринославской губ. Обр.: Киевская ВГ 1875, НКУ 1877, АГШ 1884. Офицер 12-го гусарского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1885, подполковник с 1890, полковник с 1894, генерал-майор с 1902, генерал-лейтенант с 1905, генерал от кавалерии с 1910. Участник Русско-турецкой 1877-1878, Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1896 начальник Елисаветградского кавалерийского училища, с 1904 начальник Уссурийской конной бригады и Сибирской каз. дивизии, с 1905 нач. штаба Варшавского ВО, с 1907 наказной атаман Донского каз. войска, с 1909 Туркестанский генерал-губернатор, командующий войсками Туркестанского ВО и наказной атаман Семиреченского каз. войска, с 19 июля 1914 командующий 2-й армией. Застрелился 17 авг. 1914 в окружении под Сольдау (Восточная Пруссия). <С. В. >

⁶² Имеется в виду наступление армий Юго-Западного фронта летом 1916 г. <С. В. >

⁶³ **Балтийский Александр Алексеевич**, р. 18 июня 1870. Обр.: Рижское реальное училище 1891, Московское ПЮУ 1893, АГШ 1903. Офицер л.-гв. Кексгольмского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1908, полковник с 1911, генерал-майор с 1916, генерал-лейтенант с 1917. С 1911 заведующий обучающимися в академии Генштаба, с 20 мая 1916 нач. штаба 3-й Сибирской стр. дивизии. С 1918 в РККА, командующий армией, нач. штаба фронта. Ум. после 1939. <С.В. >

⁶⁴ **Дельников Михаил Иванович**. Обр.: Воронежский КК 1895, НИУ 1898. Полковник инженерных войск. В белых войсках Восточного

фронта. В эмиграции в зоне КВЖД в Китае, 1921-1923 член Союза русских инженеров, затем в США. Ум. 1968. <С. В.>

⁶⁵ По-видимому, речь идет о первой газовой атаке на восточно-европейском театре, произведенной немцами 18 (31)мая 1915 г.у Воли Шидловской близ г. Болимов (Польша).

⁶⁶ Вероятно, имеется в виду 55-й Сибирский стрелковый полк, который был третьим по счету полком 14-й Сибирской стрелковой дивизии. <С. В. >

⁶⁷ **Васильев Федор Николаевич**, р. 5 фев. 1858. Обр.: 2-я Санкт-Петербургская ВГ 1874, ПВУ 1876, АГШ 1885. Офицер л.-гв. Литовского полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Капитан с 1885, подполковнике 1890, полковнике 1894, генерал-майоре 1902, генерал-лейтенанте 1908, генерал от инфантерии 1914. С 1896 пом. военного губернатора Ферганской области, с 1901 командир 110-го пех. полка, с 1902 заведующий Азиатской части Главного штаба, с 1906 начальник 1-й стр. бригады, с 1908 нач. штаба Одесского ВО, с 19 июля 1914 нач. штаба 7-й армии, с 26 сен. 1914 командир 6-го Сибирского арм. корпуса. С 9 сен. 1917 в отставке. С 1920 в РККА. Ум. после 1923. <С. В.>

⁶⁸ **Триковский Николай Семенович**, р. 6 дек. 1864. Обр.: Минская духовная семинария 1884, Рижское ПЮУ 1886. Служил в Виленском пехотном юнкерском училище. Подполковник с 1905, полковник с 1907, генерал-майор с 1915, генерал-лейтенант с 1917. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1909 командир 104-го пех. полка, с 9 фев. 1915 командир бригады 3-й Сибирской стр. дивизии, с 7 окт. 1915 командующий той же дивизией, с 6 апр. по 17 июля 1917 командир 2-го Сибирского арм. корпуса. <С. В. >

⁶⁹ **Гучков Александр Иванович**, р. 14 окт. 1862 в Москве. Из купцов. Обр.: Московский университет. Управляющий Московским учетным банком. Председатель 3-й Государственной Думы, с 1915 член Государственного Совета, 2 мар. — 30 апр. 1917 военный и морской министр Временного правительства. В эмиграции, с 1921 член Русского Совета. Ум. 14 фев. 1936 в Париже. <С. В.>

⁷⁰ В воспоминаниях В. М. Молчанова «Борьба на Востоке России и в Сибири» указана станция Вольмар.

⁷¹ Имеются в виду так называемые **остзейские немцы** — потомки немцев, колонизовавших Прибалтику с XIII в. По присоединении прибалтийских территорий к России в результате Северной войны им были оставлены привилегии, которые они имели при шведском владении. Из числа остзейского дворянства вышло множество генералов и офицеров Русской армии. <С. В. >

⁷² В воспоминаниях «Борьба на Востоке России и в Сибири» указано более точно — г. Рыбинск Ярославской губ.

⁷³ Имеется в виду **Шапошников Борис Михайлович** (1882-1945), впоследствии маршал Советского Союза. <С. В. >

⁷⁴ Протоиерей **Павел Дернов** (1870-1918), кандидат богословия. Закончил Казанскую духовную семинарию, служил настоятелем Спасского собора г. Елабуги. Преподавал Закон Божий в Елабужском реальном училище, где учились Александр и Викторин Молчановы. В конце февраля 1918 г. вместе с другими жителями города был расстрелян красногвардейцами из отряда Колчина-Шадрина, прибывшего из г. Сарапула. Через несколько дней его сыновья Борис, Григорий и Семен (в возрасте от 16 до 20 лет) также были расстреляны. Акцией по расстрелу священника и его сыновей руководил сам С. Е. Колчин. <Д. Г.>

⁷⁵ До 1917 г. Елабуга и ее окрестности находились под большим влиянием **семьи Стахеевых** — эта фамилия была «на устах» всего населения края, а горожане говорили прямо: «Стахеевыми и держимся». Обладая огромным капиталом, Стахеевы стояли во главе целого ряда торгово-промышленных предприятий, в том числе: парохозяйства, хлебного, керосинового, соляного, винокуренного и мануфактурного дела. Основатель купеческого рода **Иван Иванович Стахеев** (1806—1885) входил в число самых богатых людей России. Он первым начал благотворительную деятельность в Елабуге: внес 100 тыс. рублей на строительство Елабужского реального училища (где впоследствии учились братья Молчановы) и др. Продолжатели династии и в последующие годы вносили значительные средства на благоустройство города. На их средства было построено Елабужское епархиальное училище, в 1902 г. в городе было проведено электрическое освещение, обустроен водопровод и др. <Д. Г.>

⁷⁶ Автор не совсем точен. Елабужский Спасский собор (с колокольной высотой 70 м) был построен в 1808-1816 гг. на средства, собранные жителями города и уезда. На средства А. И. Стахеева в 1848-1853 гг. в Елабуге была перестроена Никольская церковь. В 1870-е гг. в ее росписи принимал участие знаменитый художник В. В. Верещагин. {Ист.: Роцектаев А. В. Путеводитель по святыням Казанской епархии; <http://zhurnal.lib.ru>). <Л. Т.>

⁷⁷ Село **Алнаши (Алнашское)** до 1917 г. являлось центром одноименной волости Елабужского уезда; население составляло около 850 жителей, по национальности удмурты (в то время называвшиеся «вотяки»). Волость насчитывала 50 населенных пунктов, где проживали русские, татары, удмурты, марийцы (черемисы). Волость считалась центром хлебопашества. В настоящее время с. Алнаши — районный центр в Удмуртии. <Д. Г.>

⁷⁸ **2-й Уфимский армейский корпус** был создан в самом начале Белого

движения из частей Уфимского района как Штаб формирования частей Народной армии Уфимской губернии. С 30 сен. 1918 — Уфимский армейский корпус, с 19 окт. — Уфимский отдельный корпус. Осенью 1918 составлял основу Камской группы. С 1 янв. 1919 входил в состав

в составе Боткинской и Сводной Уфимской дивизий. 10 янв. 1919 реорганизован во 2-й Уфимский армейский корпус, включал 4-ю Уфимскую и 8-ю Камскую стрелковые дивизии и Уфимскую кавалерийскую бригаду. Ему была также придана Ижевская бригада (с авг. — дивизия). 14 июля 1919 вошел в состав 3-й армии, 17 авг. (утв. 12 окт.) 1919 преобразован в Уфимскую группу, которая по приходе в Читу была сведена во 2-ю Уфимскую стрелковую дивизию. <С. В. >

⁷⁹ **Блюхер Василий Константинович** (1890-1938), известный советский военный деятель из унтер-офицеров, с конца 1917 г. командовал красными частями на Волге, Урале и в Сибири. В июне 1921 — июле 1922 г. он был командующим армии Дальневосточной республики и непосредственно руководил штурмом Волочаевки в фев. 1922 г. В 1938 г. арестован, умер в тюрьме. <С. В. >

⁸⁰ В воспоминаниях В. М. Молчанова «Борьба на Востоке России и в Сибири» имеется уточнение, что в последнюю минуту расстрел был отменен.

⁸¹ **Кибардин Иван Никандрович**, председатель Елабужской земской управы (дек. 1909 - апр. 1917), надворный советник, действительный статский советник, кавалер орденов Станислава 2 и 3 ст., Святой Анны 2 и 3 ст.). Владелец типографии и писчебумажного магазина в Елабуге, издатель. <Д. Г. >

⁸² Возможно, имеется в виду **Стахеев Владимир Иванович**. По свидетельству очевидца событий 1918 г. в Прикамье, публициста А. Я. Гутмана-Гана: «В Сарапуле, как окружном промышленном городе, были сосредоточены главные советские учреждения и военные штабы. <...> Каждую ночь там убивались сотни заподозренных в контрреволюции, не внесших сполна налогов или вообще чем-то не понравившихся властям. Обреченные перед расстрелом подвергались страшным пыткам. Так, известный на Каме коммерсант В. И. Стахеев был убит и ограблен после двухнедельных пыток» (*Гутман-Ган А. Я. Ижевское восстание // Белое дело. Летопись белой борьбы. Берлин, 1927. Кн. 3, с. 148*).

⁸³ **Комуч** — Комитет членов Учредительного собрания, образованный в Самаре после освобождения города от большевиков, в который вошли лица, избранные в Учредительное собрание, разогнанное большевиками в январе 1918 г. К середине августа 1918 г. он насчитывал 34 чел., к октябрю — 95. Состав его был практически полностью эсеровским, с небольшим числом представителей от партий национальных меньшинств. <С. В. >

⁸⁴ **Феодосьев Петр Петрович**, р. 22 окт. 1887. Морской корпус 1906 (офицером с 1907). Капитан 2-го ранга. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 командир плавучей батареи «Чехословак», на 15 авг. 1918 флагманский артиллерист речной обороны Народной армии, затем командир 3-го (1-го) дивизиона Волжской флотилии,

5 нояб. 1918 — авг. 1919 в Морском министерстве; 23 дек. 1918 — 30 янв. 1919 командир бронепоезда Отдельной бригады Морских стрелков, весной-летом 1919 командир 3-го дивизиона Речной Боевой (Камской) флотилии, с авг. 1919 на Обь-Иртышской флотилии, с сен. 1919 командующий той же флотилией. Капитан 1-го ранга (с 24 июня 1919). Убит в начале 1920 у Красноярска. <С. В.>

⁸⁵ **Шишкин Иван Иванович** (1832—1898) — знаменитый художник-пейзажист и офортист, уроженец Елабуги. Его отец — Иван Васильевич Шишкин, купец 2-й гильдии, два раза избирался городским головой и один раз бургомистром Елабуги. В 1832 г. он на свои средства провел в городе водопровод. В 1858 г. совместно с П. В. Алабиным принимал участие в раскопках Ананьинской культуры близ с. Ананьино (7 км от Елабуги). И. И. Шишкин прожил в городе до 1852 г., после чего продолжил обучение в Казани, Москве и Санкт-Петербурге. Его кисти принадлежат более 800 работ. Около 10 картин изображают природу родного края, в том числе: «Сосновый бор. Мачтовый лес в Вятской губернии», «Лесная глушь», «Святой ключ близ Елабуги», «Лесные дали», «Корабельная роща», «Кама близ Елабуги». <Д. Г.>

⁸⁶ **Озол (Озолин) Вольдемар-Оскар Анжеевич** (Петрович). Обр.: Виленское ПЮУ 1907, академия Генштаба 1914. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; и. д. начальника штаба флотилии особого назначения, с 17 мар. 1919 подполковник, затем начальник штаба дивизии Морских стрелков. Участник Сибирского Ледяного похода, в сен.—окт. 1920 начальник оперативного отделения штаба Дальневосточной армии, сен. 1922 генерал-квартирмейстер Земской Рати. Полковник. <С. В.>

⁸⁷ **Старк Георгий (Юрий) Карлович**, р. 20 окт. 1878 в Санкт-Петербурге. Из дворян Выборгской губ., сын чиновника. Обр.: Морской корпус 1897. Контр-адмирал, начальник минной дивизии Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; с авг. 1918 рядовой в Народной армии в Казани, командир отряда судов на Волге, командующий Волжско-Камской флотилией, с осени 1918 командир бригады и дивизии Морских стрелков в Красноярске, 5 нояб. 1918 — авг. 1919 в Морском министерстве. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920-1921 в Харбине, с 18 июня 1921 командующий Сибирской флотилией, с 10 авг. 1922 одновременно помощник по морской части правителя Приамурского края, с сен. 1922 начальник тыла Приморья. При эвакуации 1922 командующий Сибирской флотилией в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции с 1923 в Маниле, с 1931 в Шанхае (член Офицерского собрания), затем во Франции (в Париже), на 31 янв. 1944 и 20 янв. 1949 почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке, 1946--1949 председатель Всезарубежного объединения русских морских офицеров. Ум. 2 мар. 1950 в Сен-Женевьев де Буа (Франция). <С. В. >

⁸⁸ **«Верден».** Имеется в виду французская крепость Верден, за обладание которой в течение почти всего 1916 г. велись ожесточенные бои, сопровождавшиеся огромными потерями. Название крепости стало нарицательным для обозначения неприступной твердыни. <С. В. >

⁸⁹ **Верхние Челны.** На дореволюционных картах встречаются различные варианты названия этого населенного пункта, расположенного на левом берегу р. Камы: Челны, Бережные Челны, Набережные Челны. В настоящее время — г. Набережные Челны (Республика Татарстан). <Д Г.>

⁹⁰ **Лукашевич Иван Николаевич**, р. 1869 в Глуховском у. В службе с 1889. Обр.: Киевское ПЮУ (офицером с 1892). Подполковник 162-го пехотного полка. В годы Первой мировой войны командир 230-го запасного пехотного полка Казанского военного округа (в г. Елабуга). В белых войсках Восточного фронта; летом—осенью 1918 командующий «Чистопольской армией», на 11 фев. 1919 комендант управления делами Верховного Правителя и Совета Министров. <С. В. >

⁹¹ **Галкин Николай Александрович.** Подполковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 глава подпольной организации в Самаре. С 8 июня 1918 начальник Главного штаба и командующий Народной армией, с 28 июля — управляющий Военным ведомством Комуча, с 24 окт. 1918 председатель комиссии по реорганизации бывшей Народной армии, затем генерал для поручений при ВГК, 31 янв. 1919 на него возложено формирование пехотных и специальных частей в пределах Уральской области (армии) из лиц неказачьего сословия с правами командира корпуса и присвоено наименование «начальника Яицкого отряда», с июня 1919 командир 11-го армейского корпуса в Южной армии, авг. 1919 начальник группы Южной армии. Генерал-майор (с 24 авг. 1918). <С. В. >

⁹² **Каппель Владимир Оскарович**, р. 1883 в г. Белёв. Из дворян, сын офицера. Обр.: 2-й КК 1898, НКУ 1900, АГШ 1913. Офицер 17-го уланского полка. Подполковник, начальник штаба 37-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 во главе отряда особого назначения Народной армии («Добровольческого Партизанского отряда подполковника Каппеля»), на 15 авг. 1918 командир бригады своего имени, сен. 1918 полковник, командир Самарского отряда, с 20 авг. 1918 возглавлял объединенные Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, с 17 нояб. 1918 командир Сводного корпуса (генерал-майор), с 17 мар. 1919 — 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии, с 14 июля 1919 — Волжской группы 3-й армии, с 4 нояб. 1919 командующий 3-й армией и Московской группой армий, с 9 дек. 1919 — Главнокомандующий Восточным фронтом. Генерал-лейтенант. Ум. 26 янв. 1920 у разъезда Утай в районе Нижнеудинска. <С. В. >

⁹³ **Блинов Геннадий Николаевич**, р. 24 окт. 1897 в Сюгинском заводе Елабужского уезда Вятской губ. Из дворян, сын управляющего Сюгин-

ским заводом. В службе с 1916. 4-я Московская школа прапорщиков 1917. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта; на 29 июня 1919 заведующий разведкой штаба Ижевской отдельной бригады; дек. 1919 командир батальона 1-го Ижевского полка. Капитан. Тяжело ранен, затем в Ижевской дивизии. Подполковник. С 1920-х гг. в эмиграции в США. В 1974-1981 гг. председатель Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско. Организовал посмертную публикацию книги полк. А. Г. Ефимова «Ижевцы и Воткинцы» (Конкорд, Калифорния, 1975). Ум. в 1981 г. <С. В.>

⁹⁴ Имеется в виду конный экипаж.

⁹⁵ **Романовские торжества.** Речь идет о торжествах, посвященных 300-летию династии Романовых, широко отмечавшемуся в 1913 г. по всей России и особенно в Костроме, где в Ипатьевском монастыре жил в годы Смуты и где получил известие об избрании на царство первый представитель династии — Михаил Федорович Романов. <С. В.>

⁹⁶ **Раскольников.** Ильин Федор Федорович, известный под псевдонимом «Раскольников» (1892-1939), член партии большевиков с 1910 г. В 1917 г. был произведен в мичманы по окончании Отдельных гардемаринских классов. С июля 1918 был членом РВС Восточного фронта, а с августа командовал Волжской военной флотилией красных. После Гражданской войны находился на дипломатической работе. Будучи в 1938 отозван с поста полпреда в Болгарии, он, опасаясь ареста, отказался вернуться в СССР. <С. В.>

⁹⁷ **Модестов Николай Иванович**, р. 1895. Обр.: Оренбургский КК 1913, АБУ 1914. В белых войсках Восточного фронта. На сент. 1918 г. командир 1-го батальона 13-го Уфимского стрелкового полка, капитан. В августе 1919 врид командира 16-го Уфимского стрелкового полка, подполковник. Участник Сибирского Ледяного похода. На июль 1920 полковник. В сент. 1920 штаб-офицер для поручений при начальнике снабжений Дальневосточной армии. Состоял в комиссии при Читинском казначействе по распределению средств на нужды Дальневосточной армии. К 1925 г. в Харбине. В 1950 г. на Тубабао (Филиппины), затем в США. Жил в Сан-Франциско, ум. в 1964. <С. В.>

⁹⁸ **Сюгинский стекольный завод** Можгинской волости Вятской губернии. Был построен на средства Елабужского купца Ф. Г. Чернова, начал работу в 1837 г., производил оконное стекло, бутылки. До национализации в декабре 1917 г. завод состоял в собственности товарищества «С. А. Сырнев и С. А. Шишков». В 1918 г. ок. 350 рабочих. С 1929 года — г. Можга; в настоящее время — районный центр в Удмуртии.

Потомственный казанский дворянин **Николай Александрович Блинов** служил управляющим Сюгинского стекольного завода с 1891 г. до 1918 г. Из Протокола заседания исполкома Совета рабочих депутатов Сюгинского завода от 29 июня 1918 г.: «Во всех протоколах не видно даже

малейших упреков по адресу хозяев, следовательно, можно думать, что между рабочими и предпринимателями завода издавна были хорошие отношения. <...> Решетников предложил рабочим взять завод в свои руки, а имущество владельцев конфисковать, в свою очередь Сырнев и Блинов просили рабочих исполнять все приказания Решетникова во избежание кровопролития, сами просили, чтобы всё имущество было конфисковано. То и другое рабочими было выполнено. <...> Узнав из газеты "Народная Воля" о постановлении Елабужского исполнительного комитета насчет их ареста, Блинов и Сырнев выехали из завода 9 мая 1918 г.» (ЦГА УР, ф. 1086, оп. 1, д. 1, л. 77 об - 79 об.). Однако примерно в октябре 1918 г. А. П. Сырневи Н. А. Блинов были арестованы и расстреляны в п. Вятские Поляны. У Н. А. Блинова было 5 детей: Геннадий, Орест, Злата, Надежда, Николай. Старший сын, Геннадий Николаевич, летом 1918 г. присоединился к отряду Молчанова. (*Лит.:* Можга: Документы, материалы. 1835-2005. Ижевск: Комитет по делам архивов при Правительстве УР, 2006, с. 72—135. *Вичужанин А. Г.* Можга. Городок над Сюгинкой-рекой. Ижевск: Удмуртия, 2001, с. 45).

Недавно коллегами из Ижевска было обнаружено документальное свидетельство того, что В. М. Молчанов был знаком с семьей Н. А. Блинова еще до начала Гражданской войны. В метрической книге Казанско-Богородицкой церкви села Можга (близ Сюгинского завода) имеется запись о крещении в августе 1916 г. младенца Ксении, дочери Александра Михайловича и Надежды Алексеевны Молчановых, проживавших в Сюгинском заводе. Восприемники: «девица Надежда Николаева Блинова и капитан-сапер Виктор Михайлов Молчанов» (ЦГАУР, ф. 235, оп. 1, д. 44, зап. 213, с. 333. См. Приложение 1). *Материалы для комментария любезно предоставили: С. А. Жилин и Е. И. Кудрик*

(Ижевск), а также Е. П. Шемякина (Ижевск). <Л. Т.>

⁹⁹ **Пучков Федор Абрамович**, р. 31 мая 1886. Обр.: Виленское военное училище 1906, АГШ 1914. Подполковник, старший адъютант штаба 57-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с 18 июля 1918 начальник штаба войск Народной армии Уфимской губернии, на 15 авг. 1918 начальник штаба 4-й стрелковой дивизии, 4 окт. — 5 дек. 1918, 18 янв. — 1 июля 1919 начальник штаба Уфимского отдельного корпуса (затем 2-го Уфимского армейского корпуса), затем начальник 8-й Камской стрелковой дивизии, участник Сибирского Ледяного похода. К 27 мая 1920 генерал-квартирмейстер, с 28 июля 1920 по 18 июня 1921 начальник штаба Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 по 10 авг. 1922 начальник штаба войск Временного Приамурского правительства и Земской рати, с дек. 1921 по 2 янв. 1922 одновременно войсковой атаман Уссурийского казачьего войска. Генерал-майор (1919). В эмиграции в США. В 1946-1953 гг. Председатель Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. Ум. 2 фев. 1953 в

¹⁰⁰ **Люпов Сергей Николаевич**, р. 7 окт. 1870. Сын подполковника. МАУ 1892, АГШ 1899. Генерал-лейтенант, командир 25-го армейского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; в самом начале белого движения возглавлял «Штаб вооружения Народной армии Уфимской губернии», с 7 авг. 1918 начальник 3-й стрелковой дивизии Народной армии, начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, 30 сен. 1918—6 янв. 1919 командир Уфимского (потом 2-го Уфимского) армейского корпуса, затем в распоряжении Верховного главнокомандующего, с 19 июля 1919 командир Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. В эмиграции 1928 в Харбине, председатель Дальневосточного общества ревнителей военных знаний. Ум. после 1943. <С. В. >

¹⁰¹ Имеются в виду чины **15-го Михайловского стрелкового полка**. Этот полк был сформирован летом 1918 в Уфе. Входил в состав 4-й Уфимской стрелковой дивизии. Один из самых прославленных полков в армии. Первоначально состоял исключительно из крестьян Михайловской волости — повстанцев. Отличался хорошими боевыми качествами, но слабой дисциплиной, позже в нем было много горнозаводских рабочих.

¹⁰² **Войцеховский Сергей Николаевич**, р. 16 окт. 1883 в Витебске. Из дворян Витебской губ., сын подполковника. Обр.: Великолуцкое реальное училище 1902, Константиновское артиллерийское училище 1904, АГШ 1912. Подполковник, начальник штаба 176-й, 126-й пехотных дивизий, Чешско-Словацкой стрелковой бригады. В белых войсках Восточного фронта; 26 мая 1918 во главе группы Чехословацкого корпуса освободил Челябинск, с 11 июня врид начальника штаба Чехословацкого корпуса с оставлением на должности командира 3-го Чехословацкого стрелкового полка и начальника Челябинской группы (с 11 июня 1918 полковник), с 17 окт. 1918 командующий Самарской группой войск, командир 6-го Уральского армейского корпуса, с 6 янв. по 18 авг. 1919 командующий 2-м Уфимским армейским корпусом (с 17 окт. 1918 генерал-майор; с 8 мар. 1919 на русской службе), 29 авг. — 1 окт. 1919 командующий Уфимской группой, с 12 сен. 1919 командующий Уральской группой войск, затем командующий 2-й армией, с 25 янв. 1920 Главнокомандующий Восточным фронтом, с 20 фев. 1920 командующий войсками Российской восточной окраины (Дальневосточной армии), 27 апр. 1920 откомандирован для связи с армией Деникина. В эмиграции в Чехословакии, член Общества офицеров-артиллеристов, военный министр, генерал армии. Арестован 11 мая 1945 в Праге. Пожизненное заключение отбывал на стройке 503. Ум. 7 апр. 1951 в лагере под Тайшетом (Иркутская обл.). <С. В. >

¹⁰³ Распространенный в то время буквопечатающий телеграфный аппарат.

¹⁰⁴ **Ханжин Михаил Васильевич**, р. 17 окт. 1871 в Самарканде. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Обр.: МАУ 1893, Михайловская

артиллерийская академия 1899, Офицерская артиллерийская школа 1903. Генерал-лейтенант, полевой инспектор при штабе ВГК. В белых войсках Восточного фронта; 1918 участник восстания на Урале. 8 июля — 24 дек. 1918 командир 3-го Уральского армейского корпуса (Уральский отдельный корпус) в Челябинске, 1 янв. (25 дек. 1918) — 20 июня 1919 командующий Западной армией, 6 окт. 1919 — янв. 1920 военный министр Всероссийского правительства. Генерал от артиллерии (20 апр. 1919). В эмиграции в Китае, начальник отделения Дальневосточного отдела РОВС в Дайрене, член Общества офицеров-артиллеристов, к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича». В 1945 арестован и вывезен в СССР, до 1956 в лагерях. Ум. 14 дек. 1961 в Джамбуле. <С. В. >

¹⁰³ **Джунковский Степан Степанович**, р. 16(18) авг. 1868. Из дворян Санкт-Петербургской губ. Обр.: ПК 1888. Генерал-майор, командир л.-гв. Драгунского полка, бригады 16-й кавалерийской дивизии, 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с 13 нояб. 1918 на учете при управлении начальника гарнизона г. Омска, с 28 нояб. 1918 начальник 2-й Уфимской кавалерийской дивизии (13 янв. — 23 мар. 1919 одновременно врид командира 2-го Уфимского армейского корпуса), которую возглавлял и в Сибирском Ледяном походе; апр. 1920 генерал для поручений при командующем войсками Российской восточной окраины, на 8 янв. 1922 в управлении КВЖД (работал в агентстве 8-го участка коммерческой части КВЖД), председатель Общества офицеров гвардии на Дальнем Востоке. Генерал-лейтенант (12 мая 1919). В эмиграции во Франции. Ум. 20 авг. 1926 в Париже. <С. В. >

¹⁰⁶ **Ещин Леонид Евсеевич**, р. в Нижнем Новгороде. Обр.: АБУ 1917. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта; янв. 1919 старший адъютант оперативной части штаба Ижевской бригады. Участник Сибирского Ледяного похода. Капитан (к дек. 1920). В эмиграции в Китае. Поэт. Ум. 14 июня 1930 в Харбине. <С. В. >

¹⁰⁷ **Щепихин Сергей Арефьевич**, р. 1880. Обр.: КК, АГШ 1908. Офицер с 1899, полковник, старший адъютант штаба 3-й армии. В белых войсках Восточного фронта; с 17 фев. (4 мар.) 1918 по начало июня 1918 начальник штаба Уральской армии, начальник войскового штаба Уральского казачьего войска, с 15 авг. 1918 начальник полевого штаба Поволжского фронта, осенью 1918 начальник штаба Народной армии, с окт. 1918 начальник штаба Самарской группы войск, с 1 янв. 1919 начальник штаба Западной армии, с 20 мая 1919 начальник снабжений Южной (затем Оренбургской) армии, с 7 окт. 1919 в распоряжении генерал-квартирмейстера Восточного фронта. Участник Сибирского Ледяного похода, янв. 1920 начальник штаба 2-й армии, к 27 фев. 1920 начальник штаба командующего войсками Российской восточной окраины. Генерал-майор (с 24 дек. 1918). В эмиграции в Китае, затем вернулся в СССР. <С. В. >

¹⁰⁸ **Колчак Александр Васильевич**, р. 4 нояб. 1874 в Санкт-Петербурге. Сын генерал-майора корпуса морской артиллерии. Обр.: Морской корпус 1894. Вице-адмирал, командующий Черноморским флотом. В белых войсках Восточного фронта. Летом 1918 в отряде кап. Орлова в Харбине, с 4 нояб. 1918 военный и морской министр Уфимской Директории, с 18 нояб. 1918 Верховный правитель и Верховный главнокомандующий. Адмирал (с 18 нояб. 1918). 15января. 1920 выдан красным и расстрелян 7 фев. 1920 в Иркутске. <С. В.>

¹⁰⁹ **Фортунов Борис Константинович**. Член Учредительного Собрания от партии эсеров. Летом 1918 в подпольной организации в Самаре, с 8 июня член штаба Народной армии от Самарского правительства, служил рядовым в отряде Каппеля; до нояб. 1919 начальник отряда в Южной армии, затем в Уральской армии. <С. В. >

¹¹⁰ **Манакин Михаил Михайлович**, р. 9 фев. 1862. Обр.: 2-й КК 1880, ПВУ 1882, АГШ 1893. Генерал-лейтенант, генерал-губернатор Приморской области, начальник Азиатской части ГУГШ. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1919 с семьей во Владивостоке. В эмиграции в США. Член Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. Ум. 17 июня 1932 в Загребе (Югославия). <С. В.>

¹¹¹ **Вотяки** — принятое в России наименование удмуртов. <С. В. >

¹² **Ефимов Авенир Геннадьевич**, р. 19 окт. 1888. Обр.: Симбирский КК 1907, НИУ 1910. В белых войсках Восточного фронта со взятия Казани. По окончании курсов военного времени академии Генштаба — в штабе 2-го Уфимского корпуса, с 24 фев. 1919 начальник штаба Ижевской бригады, капитан; затем Ижевской дивизии, с 11 дек. 1919 командир Ижевского конного полка, с 12 мар. 1920 командир Ижевского полка, с 25 авг. 1921 командир Ижевско-Воткинской бригады и колонны в Хабаровском походе, сент. 1922 командир Прикамского стрелкового полка. Полковник. В эмиграции с 1923 в Гирине и Шанхае, затем в США. Член Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, редактор «Вестника ОРВВВ», с 1967 сотрудник журнала «Военная Быль». С 1961 Председатель Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско. Ум. 25 апр. 1972 г. в Сан-Франциско. Автор воспоминаний «Ижевцы и Воткинцы» («Вестник ОРВВВ», №№ 198-239, 1954-1968 гг.), посмертно изданных в виде книги (**Ефимов А. Г.** Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками в 1918—1920 гг., Конкорд, Калифорния, 1975), стараниями Объединения Ижевцев и Воткинцев, прежде всего В. М. Молчанова и Г. Н. Блинова. <С. В. >

¹¹³ **Гинс Георгий Константинович**, р. 1887 в Новогеоргиевске. Обр.: 2-я Кишиневская гимназия, Санкт-Петербургский университет 1909. С 1910 г. на службе в Переселенческом управлении Главного управления землеустройства и земледелия. С весны 1918 г. профессор Омского политехнического института. С июня 1918 управляющий делами Западно-Сибирского комиссариата, заместитель министра народного просвеще-

ния Сибирского временного правительства, затем товарищ управляющего Министерством иностранных дел правительства адм. Колчака. С 1920 г. в эмиграции в Китае (Харбин), профессор юридич. факультета. С 1941 в США, профессор-историк, публицист, член Русской академической группы в США. Ум. 24 сент. 1971 в Редвуд-Сити, Калифорния. <С. В.>

¹¹⁴ **Добрынина Анна Васильевна** (в замужестве Сукина) — младшая сестра Лидии Васильевны, матери В. М. Молчанова. Владела скобяной лавкой, располагавшейся на первом этаже дома Молчановых в Елабуге. В этой же лавке до 1915 г. работал и младший брат Викторина, Сергей. Впоследствии жила в Новосибирске, работала бухгалтером (*информация предоставлена А. С. Молчановым*).

¹¹⁵ **Михайлов Дмитрий Михайлович**, р. 1888 в Мариамполе Сувалкской губ. Обр.: Виленское военное училище 1914. Поручик, командир батальона 46-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; участник Ижевского восстания, янв. 1919 — июль 1920 командир 1-го Ижевского стрелкового полка в Сибирской армии, авг.—окт. 1919 капитан, затем полковник. В эмиграции в Китае (Харбин), 1928 в китайской армии, после 1963 в Аргентине, после 1974 в Бразилии. Ум. 8 мая 1979 в Сан-Паулу (Бразилия). <С. В. >

¹¹⁶ **Багианц Яков Богданович**. Прапорщик. В белых войсках Восточного фронта; янв.-мар. 1919 командир эскадрона Ижевского дивизиона, с весны 1919 командир Ижевского конного дивизиона, в дек. 1919 поручик. Участник Сибирского Ледяного похода. В янв. 1922 командир батальона Ижевского полка. Подполковник. Полковник. В эмиграции в Китае. Убит хунхузами 9 мар. 1936 в Сан-Сине (Шитоухецзы) на Сунгари. <С. В. >

¹¹⁷ **Голицын Владимир Васильевич**, р. 9 июля 1878 в Волынской губ. Из дворян Рязанской губ., сын капитана. Обр.: Полоцкий КК 1895, АВУ 1897. Офицер л.-гв. Санкт-Петербургского полка и Отдельного корпуса пограничной стражи (с 1902 штаб-ротмистр). Полковник, командир 3-й гвардейской резервной бригады, штаб-офицер для поручений при штабе 8-й армии. Генерал-майор (по отставке 1917). Содействовал освобождению ген. Корнилова из Быховской тюрьмы. В Добровольческой армии с нояб. 1917 по 5 мая 1918; до 31 мар. 1918 генерал для поручений при ген. Корнилове, участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода при штабе армии, затем начальник военно-политического центра Нижней Волги, вапр. 1918 в Москве, затем с 30 июля 1918 в белых войсках Восточного фронта; с 4 авг. приступил к формированию штаба и полков 2-й Уральской дивизии горных стрелков, начальник этой (позже 7-й) Уральской горных стрелков дивизии, с 11 окт. 1918 уполномоченный по охране государственного и общественного спокойствия в пределах освобожденной части Пермской губернии, с 24 дек. 1918 командир 3-го Уральского горных стрелков корпуса, с 22 июня 1919 в распоряжении Главнокомандующего, с июля 1919 командующий Уральской

группой, с 28 авг. и на 26 нояб. 1919 начальник всех добровольческих формирований (дружин Св. Креста, беженцев и проч.) в Новониколаевске. Генерал-лейтенант (с 3 янв. 1919). В эмиграции в Китае. 1945 — в комитете старейшин Российского эмигрантского собрания в Харбине. <С. В. >

¹¹⁸ **Косьмин Владимир Дмитриевич**, р. 5 июля 1884 в Курской губ., сын

учителя. Обр.: Курская духовная семинария 1902, Чугуевское ПЮУ 1904, АГШ 1911. Офицер 218-го пехотного полка. Подполковник, начальник штаба 113-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; 2—3 авг. 1918 начальник штаба 1-й Уральской пехотной дивизии (потом 6-я Уральская горных стрелков), с 31 мар. 1919 полковник; весной 1919 начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, 3 авг. — 15 нояб. 1919 командующий Уральской группой войск. Участник Сибирского Ледяного похода. С 8 июля 1920 начальник дивизии броневых атамана Семенова поездов, затем генерал для поручений при главнокомандующем всеми вооруженными силами и походного атамана всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 30 июля 1920 генерал-квартирмейстер штаба Дальневосточной армии. Генерал-майор (с авг. 1919). В эмиграции в Китае, 1921-1923 в Харбине, к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича». Член правления Восточного Казачьего союза, к 1933 в Харбине, до 1941 в Шанхае, глава Российской фашистской партии. После 1949 — в Австралии. Ум. 25 апр. 1950 в Сиднее. <С. В. >

¹¹⁹ Автор имеет в виду сестру милосердия Лидию Попову, этот эпизод описан также в книге А. Г. Ефимова «Ижевцы и Воткинцы».

¹²⁰ Речь идет о 26-й стрелковой дивизии. Командовавший ею **Генрих Христофорович Эйхе** (1893—1968) окончил в 1915 г. 3-ю Петергофскую школу прапорщиков и к 1917 г. был штабс-капитаном. С нояб. 1919 по янв. 1920 г. он командовал 5-й армией красных. <С. В. >

¹²¹ **Дитерихс Михаил Константинович**, р. 5 апр. 1874. Издворян, сын офицера. ПК 1894, АГШ 1900. Генерал-лейтенант, с 3 нояб. 1917 начальник штаба Верховного главнокомандующего; 8 нояб. 1917 уехал на Украину, где стал начальником штаба Чехословацкого корпуса (до янв. 1919), с которым начал белую борьбу в войсках Восточного фронта; на 4 июля 1918 командующий вооруженными сухопутными и морскими силами Приморской области и командир Чехословацкого корпуса, с 8 янв. 1919 определен в русскую службу, с янв. 1919 начальник штаба русских войск Западного фронта, 20 июня — 4 нояб. 1919 Главнокомандующий армиями Восточного фронта, в июле 1919 также и командующий Сибирской армией, 9 авг. — 27 авг. 1919 также начальник штаба Верховного главнокомандующего и военный министр в правительстве адм. Колчака. С 4 нояб. 1919 — в распоряжении адм. Колчака, с 8 мая по 1 июля 1920 вр. Председателем Военного Сопровожения при главнокомандующем всеми воор. силами Российской восточной окраины. В

правителем и воеводой Земской рати, 1/11 июня — 3 нояб. 1922 воевода Земской рати. В эмиграции с 1923 в Шанхае, с 1924 начальник Дальневосточного отдела РОВС. Ум. 8 окт. 1937 в Шанхае. <С. В. >

¹²² **Лебедев Дмитрий Антонович**, р. 6 янв. 1883. Из дворян Саратовской губ. Обр.: Сибирский КК 1900, МАУ 1903, АГШ 1911. Полковник, член Главного комитета Союза офицеров. В Добровольческой армии с дек. 1917, на 30 дек. 1917 начальник штаба 1-го отряда армии. В фев. 1918 направлен в Сибирь. В белых войсках Восточного фронта; с 21 нояб. 1918 начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего, с 6 янв. 1919 генерал-майор, 23 мая — 12 авг. 1919 также и военный министр. 9 авг. — 16 нояб. 1919 командующий Отдельной Степной группой войск, с 16 нояб. 1919 командующий Уральской группой войск. В окт. 1922 начальник вооруженных сил Владивостока, до эвакуации Приморья в составе Урало-Егерского отряда. С дек. 1922 до весны 1923 при Управлении по устройству беженцев в Гензане (Корея). В эмиграции в Китае, к 1928 на Дальнем Востоке, сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича», на 1 сен. 1928 член секции Генерального штаба Союза служивших в Российских армии и флоте в Шанхае, основатель газеты «Русская Мысль». Ум. 6 мар. 1928 в Шанхае. <С. В. >

¹²³ **Сукин Николай Тимофеевич**, р. 1878. Из дворян. Обр.: МАУ 1899, АГШ 1908. Полковник Оренбургского казачьего войска. В янв. 1918 арестован за агитацию против войскового атамана. В белых войсках Восточного фронта; с 24 дек. 1918 командир 6-го Уральского корпуса, с 18 авг. 1919 в распоряжении ВГК, с 30 авг. 1919 в резерве чинов при управлении 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем, затем командир 2-го Уфимского армейского корпуса. Участник Сибирского Ледяного похода, до сер. фев. 1920 начальник Северной колонны 2-й армии; с лета 1920 начальник штаба главкома всеми вооруженными силами Российской восточной окраины. Генерал-майор (30 авг. 1918). В эмиграции в Китае (Шанхай), вернулся в СССР. Ум. после 1937. <С. В. >

¹²⁴ **Сахаров Константин Вячеславович**, р. 18 мар. 1881. Обр.: Кадетский корпус, НИУ, АГШ 1908. Полковник. В белых войсках Восточного фронта с осени 1918 (бежал из Астраханской тюрьмы). С 2 нояб. 1918 во Владивостоке, в распоряжении начальника штаба Верховного главнокомандующего, с 15 нояб. 1918 генерал-майор, с 23 нояб.

начальник гарнизона Русского острова, с 5 дек. 1918 начальник Учебно-инструкторской школы, с 29 мар. 1919 генерал для поручений при Верховном главнокомандующем, с 20 мая 1919 начальник штаба, с 20 июня командующий Западной армией, с 14 июля 1919 — 3-й армией, с 10 окт. 1919 командующий Московской группой армий, с 4 нояб.

главнокомандующий армиями Восточного фронта, с 9 дек. 1919 в распоряжении Верховного главнокомандующего, с 23 янв. 1920 (с дек. 1919) до 22 фев. 1920 снова командующий 3-й армией. Генерал-

лейтенант (с окт. 1919). В эмиграции в Германии, к 1 окт. 1921 член Общества взаимопомощи офицеров бывших Российских армии и флота. Ум. 23 фев. 1941 в Берлине. <С. В.>

¹²⁵ **Гайда Радола (Радион) Иванович** (Гейдль Рудольф), р. 14 фев. 1892 в Катаре (Далмация). Обр.: гимназия в Катаре, Артиллерийское военное училище 1910. Капитан австрийской, затем Черногорской и Сербской службы. В 1915 г. поступил на русскую службу. Капитан. 8 мар. 1918 поступил на чешскую службу, командиром 7-го Чешского полка. В белых войсках Восточного фронта; со дня выступления чехословаков в Сибири — с 25 апр. 1918; с 25 мар. 1918 начальник 2-й Чехословацкой дивизии и командующий Восточным фронтом (окт. 1918 — Екатеринбургской группой войск), с 4 янв. 1919 командующий отдельной Сибирской армией. 8 янв. 1919 определен на русскую службу с утверждением в чине генерал-майора и с зачислением по армейской пехоте, с 7 июля 1919 в отпуске по болезни. Генерал-лейтенант (17 янв. 1919). 17-18 нояб. 1919 поднял во Владивостоке мятеж против адм. Колчака, после подавления которого убыл в Чехословакию. 16 дек. 1927 лишен чина и заключен в тюрьму за попытку переворота по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Арестован в 1945 в Праге. Ум. после заключения 1948 там же. <С. В.>

¹²⁶ **Бакич Андрей Степанович**, р. 31 дек. 1878. Обр.: 3-я Белградская гимназия 1900, Одесское ПЮУ 1902. Офицер 60-го пехотного полка. Полковник, командир 55-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 командовал Сызранской группой Народной армии (прикрывавшей Самару со стороны Пензы), при отходе за Волгу — на 15 авг. 1918 начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии; с 19 фев. 1919 командир 4-го Оренбургского армейского корпуса, с 5 апр. 1919 генерал-майор. Генерал-лейтенант (1920). В эмиграции с мар. 1920 в Китае. Возглавил «Голодный поход» остатков Оренбургской армии в Монголию. 17 дек. 1921 взят в плен и расстрелян в мае 1922 в Новониколаевске. <С. В. >

¹²⁷ **Великий князь Кирилл Владимирович**, р. 30 сен. 1876 в Царском Селе. Сын Великого князя Владимира Александровича. Обр.: МК 1896, Морская академия. Офицер Гвардейского Экипажа. Капитан 2-го ранга с 1902, контр-адмирал с 1915. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 1909 старший офицер, а с 1912 командир крейсера «Олег», с 25 июля 1914 штаб-офицер для поручений военно-морского управления при Верховном главнокомандующем, с 16 мар. 1915 командир Гвардейского Экипажа и начальник морских батарей в Действующей армии. С мар. 1917 в отставке. В эмиграции во Франции. С 8 авг. 1922 местоблюститель российского престола, с 13 сен. 1924 Император. Ум. 12 окт. 1938 в Нейи близ Парижа. <С. В. >

¹²⁸ Имеется в виду **Великий князь Владимир Кириллович** (1917—1992),

вел в Сен-Бриаке во Франции, где и скончался. После смерти отца императорского титула он не принимал, но оставался главой династии и перед Второй мировой войной сыграл большую роль в сплочении русской правой эмиграции, расколотой при жизни его отца. <С. В. >

¹²⁹ **Великий князь Николай Николаевич**, р. 6 нояб. 1856. Обр.: НИУ 1873, АГШ 1876. Офицер л.-гв. Гусарского полка и учебного пех. батальона. Капитан гвардии с 1876, полковник с 1878, генерал-майор с 1885, генерал-лейтенанте 1893, генерал от кавалерии с 1900. Участник Русско-турецкой 1877-1878 и 1-й мировой войн. С 1884 командир л.-гв. Гусарского полка, с 1890 командир 2-й бригады 2-й гвард. кав. дивизии и начальник той же дивизии, с 1895 генерал-инспектор кавалерии, с 1905 главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского ВО, 1905—1908 также председатель Совета государственной обороны, с 20 июля 1914 Верховный главнокомандующий, с 23 авг. 1915 наместник Его Величества на Кавказе и главнокомандующий Кавказской армией, 2—11 мар. 1917 Верховный главнокомандующий. С 11 мар. 1917 в отставке. Генерал-адъютант (1894). В эмиграции с 1919 в Италии, затем во Франции. Возглавлял русскую военную эмиграцию. Ум. 5 янв. 1929 в Антибе (Франция). <С. В. >

¹³⁰ **Янушкевич Николай Николаевич**, р. 1 мая 1868. Из дворян Псковской губ. Обр.: Николаевский КК 1885, МАУ 1888, АГШ 1896. Офицер 3-й гвард. и грен. арт. бригады, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1899, полковник с 1903, генерал-майор с 1909, генерал-лейтенант с 1913, генерал от инфантерии с 1914. С 1905 заведующий законодательным отделом, а с 1911 пом. начальника канцелярии Военного министерства (с 1910 также профессор академии Генштаба), с 1913 начальник академии Генштаба, с 1914 начальник Генерального штаба, с 19 июля 1914 нач. штаба Верховного главнокомандующего, с 18 авг. 1915 пом. по военной части наместника Е. В. на Кавказе, с 13 сен. 1916 главный начальник снабжений Кавказской армии. С 31 мар. 1917 в отставке. Убит большевиками в начале фев. 1918 в поезде у ст. Оредеж. <С. В. >

¹³¹ Имеется в виду книга Г. Х. Эйхе «Уфимская авантюра Колчака». М., 1960.

¹³² Видимо, имеется в виду книга П. П. Петрова «Роковые годы». Калифорния, 1965.

Петров Павел Петрович, р. 26 янв. 1882 в Псковской губ. В службе с 1903. Обр.: Санкт-Петербургское ПЮУ 1906, АГШ 1913. Офицер 3-го Финляндского стрелкового полка. Подполковник штаба 1-й армии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 начальник оперативного отдела штаба Народной армии, затем командир 3-го Самарского стрелкового полка, с 31 дек. 1918 начальник штаба 6-го Уральского стрелкового корпуса, с июня 1919 дежурный генерал штаба Западной армии, с 18 сен. 1918 начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии, с

14 дек. 1919 командующий 3-й армией, к июлю — авг. 1920 начальник снабжений Дальневосточной армии, с 1 июня 1922 (10 авг. — 3 нояб. 1922) начальник штаба войск Временного Приамурского правительства (Земской рати). Генерал-майор (с дек. 1919). В эмиграции в Китае, начальник штаба Дальневосточного отдела РОВС. С 1933 в Японии. С 1947 в США, с 1953 председатель Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. Ум. 24 июля 1967. <С. В.>

¹³³ **Ижевская дивизия** была образована из восставших в августе г. рабочих Ижевского завода. Во второй половине нояб. 1918 г. остатки восставших прорвались за Каму, где соединились с частями Народной армии. 3 янв. 1919 из ижевцев была сформирована Ижевская отдельная стрелковая бригада (более 2 тыс. чел.), которая включена во 2-й Уфимский армейский корпус. 29 авг. 1919 бригада была развернута в дивизию. <С. В. >

¹³⁴ Здесь под «русской литературой» имеются в виду издания русской эмиграции.

¹³⁵ Ген. М. В. Ханжин командовал Западной армией до 20 июня 1919 г., после чего был смещен К. В. Сахаровым. <С. В.>

¹³⁶ **Зошенко Александр Петрович**, р. 15 нояб. 1868 (1869). Из дворян. Обр.: Сибирский КК 1887, КВУ 1889. Офицер Тобольского пехотного кадрового батальона. Полковник, командир 42-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; с 5 мар. 1919 начальник 3-й кадровой дивизии Омского военного округа, на 6 мар. 1919 — 2-й Степной Сибирской кадровой дивизии, с 17 мар. 1919 генерал-майор, в авг. 1919 начальник 13-й Сибирской кадровой стрелковой дивизии; на 3 мая 1919 также начальник гарнизона Новониколаевска. Участник Сибирского Ледяного похода; 1920 генерал для поручений при командире 3-го стрелкового корпуса, с 16 окт. 1921 генерал для поручений при командующем войсками Временного Приамурского правительства. В окт. 1922 при эвакуации Приморья глава всех семейных групп во Владивостоке. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае, 1930 в Харбине. Ум. 16 дек. 1936. <С. В.>

¹³⁷ В этом месте аудиозаписи звучат не вполне разборчивые слова «семнадцати... двухлинейные пушки».

¹³⁸ **Иванов-Мумжиев Петр Михайлович**, р. 29 июля 1874. В службе с 1892, офицером с 1897, Восточный институт 1910. Полковник, командир 10-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 в сторожевом отделе Лиги благотворительности во Владивостоке, с 11 июля до 27 авг. 1918 командир 1-й бригады 1-й Сибирской стрелковой дивизии, затем командир 1-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии, с 23 дек. 1918 также начальник гарнизона Раздольного, с 30 апр. 1919 в резерве чинов при штабе Приамурского военного округа, 29 июня по 1 авг. 1919 командующий Уральской группой войск, с 7 окт. 1919 генерал для поручений при начальнике штаба

ВГК, с 8 окт. 1919 председатель комиссии для устройства госпиталей и расквартирования войск в Омске, с 17 окт. 1919 председатель комиссии по разрешению всех вопросов по расквартированию в Омске и по производству реквизиции, затем представитель начальника военных сообщений дальневосточного района на ст. Пограничная, с 20 июля 1921 генерал для поручений при войсках Временного Приамурского правительства, на 4 сен. 1921 представитель командующего войсками Приамурского временного правительства на ст. Пограничная, с авг. 1922 начальник Камчатской области. Генерал-майор (1918). 2 нояб. 1922 эвакуировался на пароходе «Сишан» в Японию и Китай. <С. В. >

¹³⁹ Первая мировая война

¹⁴⁰ **Володкевич Александр Николаевич.** Обр.: Киевское военное училище 1908. Офицер 163-го пехотного полка. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; 15 окт. — 2 нояб. 1919 командир 2-го Ижевского полка. <С. В. >

¹⁴¹ **Ловцевич Леопольд Леопольдович.** Обр.: Казанское военное училище 1911, АГШ 1917. Офицер артиллерии. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; с 20 авг. 1918 начальник штаба Симбирской группы войск Народной армии, янв. 1920 подполковник штаба 3-й армии, дек. 1920 прибыл из Забайкалья во Владивосток с частями армии, с дек. 1921 до 1 июня 1922 начальник штаба 3-го стрелкового корпуса. Полковник. В эмиграции в Китае (Дайрен), в нояб. 1922 вел переговоры в Мукдене, член Общества офицеров-артиллеристов. <С. В. >

142 **Барышников Семен Нилович.** Обр.: АГШ 1914. Полковник.

В белых войсках Восточного фронта; в начале 1919 начальник штаба 3-го корпуса, с окт. 1919 начальник штаба Волжской группы войск, дек. 1919 врио командующего 3-й армией, в начале 1920 в Забайкалье начальник штаба 3-го корпуса. Генерал-майор (к окт. 1919). В эмиграции в Китае. Ум. в 1933 в Харбине. <С. В. >

143 **Романов Дмитрий Герасимович,** р. в 1897. Обр.: 1-й Московский

КК, Константиновское артиллерийское училище 1916. Поручик л.-гв. Стрелковой артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта Гражданской войны; командир батареи Егерского артиллерийского дивизиона в войсках атамана Г. М. Семенова. Полковник. В эмиграции в Китае (с 1922 г. в Харбине, с 1938 г. в Шанхае), с 1940 г. в США. Умер 27 февраля 1967 г. в Сан-Франциско. <С. В. >

144 **Нечаев Константин Петрович.** Обр.: Тверское кавалерийское

училище 1904. Офицер 5-го уланского полка. Полковник 5-го драгунского полка. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 командир кавалерийского отряда, на 27 авг. 1918 командир 1-го Казанского кавалерийского Добровольческого полка Народной армии, затем в

похода; с мар. 1920 начальник 1-й Маньчжурской конной дивизии, командир Волжского драгунского полка и (до 15 окт. 1920) начальник гарнизона Читы, с 2 сен. 1920 начальник 1-й Сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии, затем командир Сводной кавалерийской бригады, с 1 июня 1921 также начальник гарнизона Владивостока. Генерал-лейтенант (1920). В эмиграции в Китае, с 15 сен. 1924 в армии Чжан Цзолиня, 1925 военный советник, на 1 сен. 1926 начальник 65-й дивизии (русского отряда); к 1928 сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича». Вывезен в СССР. Расстрелян 1946. <С. В.>

145 **Чжан Цзолинь** (1876-1928). Китайский генерал, контролировавший часть территории Маньчжурии и Северного Китая и ведший борьбу с коалицией южан, опиравшихся на помощь СССР. <С. В.>

146 **Панов Василий Михайлович**, р. 17 дек. 1875 в ст. Усть-Уйской

Оренбургской губ. Из казаков Оренбургского казачьего войска. Обр.: 2-й Оренбургский КК 1894, НКУ 1896. АГШ. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; окт. 1919, фев. — мар. 1920 командир 2-й Оренбургской казачьей бригады. Участник Сибирского Ледяного похода, в начале 1920 командир Оренбургской казачьей бригады 3-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии, с 18 нояб. 1920, вначале 1921 начальник Сводной казачьей дивизии, весной и до лета 1921 командир Оренбургской казачьей бригады, к 15 июня 1922 генерал для поручений при командующем войсками и флотом Приамурского временного правительства. Генерал-лейтенант. Ум. 9 дек. 1936 в Шанхае. <С. В.>

147 **Круглевский Александр Владимирович**, р. 10 апр. 1891. Из дворян, сын полковника. Обр.: Воронежский КК 1908, ПВУ 1910. Капитан, начальник команды конных разведчиков л.-гв. 2-го стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта. Формировал 1-й Уральский кадровый стрелковый полк (затем 41-й Уральский стрелковый полк), окт. 1918 — янв. 1919 полковник, командир того же полка; летом-осенью 1919 начальник 11-й Уральской стрелковой дивизии, командующий Уральской группой 2-й армии (вывел остатки дивизии из-под Красноярска в Читу); мар. 1920 начальник Уральской дивизии, с мар. 1920 начальник 1-й сводной стрелковой дивизии. Генерал-майор (18 мая 1919). Убит в нояб. 1920 на ст. Даурия. <С. В. >

148 Автор имеет в виду **Сибирский тракт** — дорогу, соединявшую Европейскую часть России и Сибирь.

¹⁴⁹ **Жанен Морис** (1862-1946). Французский генерал, в 1919 г. главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке.

¹⁵⁰ 24 декабря 1919 в Иркутске произошел инспирированный эсе-

подавить восстание артиллерийским огнем, угрожая в ответ обстрелять город и фактически встав на сторону восставших. Посланный атаманом Г. М. Семеновым на помощь городу отряд генерал-майора Л. Н. Скипетрова с дивизионом бронепоездов был заблокирован чехами. После боев между восставшими и оставшейся верным правительству частью гарнизона власть в городе 5 января 1920 перешла в руки эсеровского Политического Центра, которому вскоре и был выдан «союзниками» адмирал Колчак. <С. В. >

¹⁵¹ Имеются в виду войска атамана Г. М. Семенова.

Семенов Григорий Михайлович, р. 1890 на ст. Дурулугуевской Забайкальской обл. Обр.: Оренбургское казачье училище 1911. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Осенью 1917 член подпольной антисоветской организации в Петрограде. В белых войсках Восточного фронта; с 19 нояб. 1917 в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 окт. 1918 командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 дек. 1918 командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 25 мая 1919 по 3 авг. 1919 командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 16 июня 1919 также уполномоченный командующего войсками Приамурского военного округа по охране государственного порядка и общественного спокойствия, с 18 июля 1919 генерал-майор и помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 11 нояб. 1919 командующий войсками Читинского (с 5 дек. Забайкальского) военного округа, с 24 дек. 1919 главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с Юфев. 1920 главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременное 19 нояб. 1918 походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апр. 1919 походный атаман Забайкальского и с 23 апр. 1919 Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апр. 1920 — походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апр. 1921 походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант (с 24 дек. 1919). В эмиграции в Китае, к 1928 на Дальнем Востоке, сотрудник «Казны Вел. Князя Николая Николаевича». Арестован 22 авг. 1945 в своем доме в пос. Какахаша, под Дайреном. Расстрелян 30 авг. 1946 в Москве. <С. В. >

¹⁵² **Правохенский Генрих Антонович**, р. 1879 в Пермской губ. Офицер 15-го Сибирского стрелкового полка (1910 из запаса). Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; на 9 мая 1919 командир 64-го Со-

ликамского Сибирского стрелкового полка; до 30 авг. 1920 командир 1-го конного атамана Семенова полка, полковник; осенью 1921 заместитель командующего Гродековской группой, с дек. 1921 командир 3-й Отдельной стрелковой бригады, 6—27 дек. 1921 также командующий Гродековской группой войск; участник Хабаровского похода, с 23 мар. 1922 генерал для поручений при управляющем военно-морским ведомством, с 15 мая 1922 помощник командира 1-й стрелковой бригады. Генерал-майор. В эмиграции в Китае. Ум. 5 июня 1932 в Харбине. <С. В. >

¹⁵³ **Дальневосточная республика** (ДВР) была создана большевиками в качестве буферного образования в условиях присутствия на Дальнем Востоке японских войск, конфликта с которыми большевики тогда стремились избежать. С окт. 1920 г. ее столицей была Чита; власть ДВР распространялась на территорию Забайкалья и часть Амурской области. <С. В. >

¹⁵⁴ Петропавловский завод. — Видимо, автор имеет в виду **Петровский завод** (с 1926 г. город Петровск-Забайкальский).

¹⁵⁵ **3-й корпус** (до 27 апр. 1920 3-й отдельный стрелковый) Дальневосточной армии. Образован 22 фев. 1920 в Забайкалье из остатков 3-й армии Восточного фронта. В его состав вошли: Уфимская (4-й Уфимский, 8-й Камский, 12-й Уральский стрелковые, Уфимский кавалерийский полки и Енисейская казачья бригада), сводная стрелковая (Ижевский, Уральский и Егерский полки и одноименные конные дивизионы, Оренбургская казачья бригада) дивизии, Волжская сводная отдельная им. ген. Каппеля бригада (Волжские конный и стрелковый полки) и (до 8 мая 1920) 1-я отдельная кавалерийская бригада (Казанский драгунский и Сводный уланский полки). Боткинский стрелковый отряд первоначально входил в состав 2-го корпуса, а затем вошел в состав Ижевско-Воткинской бригады 3-го корпуса. По приходе в Приморье располагался в основном в Раздольном, под Владивостоком. С 28 авг. 1921 включал Поволжскую, Ижевско-Боткинскую и 2-ю отдельную Сибирскую стрелковую бригады, Сибирский казачий полк и Сибирскую казачью батарею. После Хабаровского похода состоял из двух стрелковых бригад: Поволжской и Ижевско-Воткинской. Корпусу был также придан 3-й стрелковый артиллерийский дивизион. В авг. 1922 переименован в Поволжскую группу (рать), насчитывавшую на 1 сен. 1922: 2030 шт., 805 саб. и 8 орудий. Состояла из 2-х стрелковых полков (отрядов): Прикамского (бывш. Ижевско-Воткинская бригада), Приволжского (бывш. Поволжская бригада), Московского конного полка (ген.-майор Хрущев; 300 шт. и 450 саб.) — сведенные в одну бригаду 1 -й и 2-й кавалерийские полки 2-го корпуса и Анненковский конный дивизион, Поволжской артиллерийской дружины (бывш. 3-й стрелковый артиллерийский дивизион) и Поволжской инженерной дружины (3-й отдельный инженерный дивизион). Командир — ген.-майор В. М. Молчанов. <С. В. >

¹⁵⁶ **Еиудкин Петр Ефимович.** Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; летом 1919 формировал в Омске Егерский батальон охраны Ставки, 1919—20 командир Егерского полка в Сибирской армии. Участник Сибирского Ледяного похода, начальник Егерской дивизии, с мар. 1920 командир Егерского полка, с весны до осени 1921 командир 1-й стрелковой бригады. Перешел из 3-го корпуса в Гродековскую группу, затем командир Отдельной стрелковой бригады. Участник Хабаровского похода. Убит при попытке мятежа 2 июня 1922 в Никольске-Уссурийском. <С. В. >

¹⁵⁷ **Молчанова Наталия Константиновна** (урожд. Скордули). Родилась в Вятской губернии в 1892 г., из дворян. Ее прадед, генерал Д. К. Скордули, был выходцем из Греции. В 1907 г. отец Наталии, Константин Николаевич Скордули, умер, оставив вдову Екатерину Николаевну с 9 детьми (Наталия была старшей). Семья переехала к родственникам в г. Слободской Вятской губернии, где Наталия в 1909 г. закончила гимназию, затем в 1910 г. дополнительный VIII класс «для специального изучения русского языка». В 1912 г. работала классной дамой в той же гимназии. Вышла замуж за В. М. Молчанова в 1918 г. (по некоторым сведениям, до этого она была замужем за другим офицером, который погиб). Прошла с мужем Великий Сибирский поход Белой армии, во время которого здоровье ее было подорвано. Награждена Знаком Отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский Поход» 2-й степени (Удостоверение № 25, г. Чита, 11 мая 1920 г.). 26 октября 1921 г. во Владивостоке у Молчановых родился сын Михаил. В ноябре 1922 г. вместе с мужем покинула Приморье в числе остатков белых войск, совершила с малолетним сыном зимний переход в г. Гири. В мае 1923 г. Молчановы покинули Китай, переехали в Японию, откуда вскоре уехали в США — в августе 1923 г. прибыли в г. Сан-Франциско. В 1924 г. арендовали куриную ферму, где Н. К. много трудилась вместе с мужем. После того как ферма «прогорела», семья в 1927 г. переехала в Сан-Франциско. Наталия Константиновна работала на швейной фабрике, но состояние ее здоровья ухудшилось, работу пришлось прервать. В 20-е гг. она переписывалась со своими родными, перебравшимися из Вятской губ. в Москву (факт ее замужества за белым генералом был скрыт). В 1930 г. стала первой председателем Дамского кружка, образованного при Обществе русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско; устраивала праздники, вела уроки русского языка для детей. Скончалась 20 января 1931 г. (Ист.: Материалы из личного архива М. В. Молчанова; Материалы из личного архива семьи Скордули; «Вестник ОРВВВ» за 1929-1931 гг.). <Л. Т. >

¹⁵⁸ Американские войска покинули Приморье в январе — апреле 1920 г. <С. В. >

¹⁵⁹ Имеются в виду партизанские полки ДВР.

¹⁶⁰ Имеется в виду река Шилка — левая составляющая реки Амур.

¹⁶¹ **Вержбицкий Григорий Афанасьевич**, р. 25 янв. 1875. Из мещан г. Летичева. Обр.: Каменец-Подольская гимназия (не окончил), Одесское ПЮУ 1897. Полковник, командир бригады 134-й пехотной дивизии. При большевиках отказался от предложенной ему должности начальника 134-й пехотной дивизии, был приговорен за неповиновение к смертной казни, но, спасенный солдатами, уехал в Омск 8 дек. 1917 года. Спасаясь от преследования большевиков, перебрался в Усть-Каменогорск. В белых войсках Восточного фронта. Участник свержения большевиков и организации Усть-Каменогорского офицерского отряда, с 20 июня 1918 начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, с 20 июля 1918 генерал-майор, затем начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии. По очищении района р. Туры назначен уполномоченным правительства с правами генерал-губернатора по насаждению государственного и общественного аппаратов управления освобожденных районов Западной Сибири. В дальнейшем командовал Западно-Сибирским отрядом, с 12 янв. 1919 командующий 3-м Степным Сибирским армейским корпусом, на 26 июня 1919 командующий Южной группой Сибирской, затем 2-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода: начальник колонны на правах командующего армией в составе Южной и Тобольской групп, с янв. 1920 командующий 2-й армией, с 25 мар. 1920 командир 2-го Отдельного Сибирского стрелкового корпуса, с 22 авг. 1920 командующий Дальневосточной армией, командующий Вооруженными силами Приморской области, с 31 мая 1921 командующий войсками Временного Приамурского правительства и с 12 окт. 1921 одновременно управляющий Военным и Морским ведомством, в дек. 1921 — июне 1922 Главнокомандующий Дальневосточной армией, с 8 авг. 1922 помощник воеводы Земской рати. Генерал-лейтенант (с 31 янв. 1919). В эмиграции в Китае; с 1930 помощник начальника Дальневосточного отдела РОВС, 1932 начальник отделения Дальневосточного отдела РОВС в Харбине, с 1936 — отделения в Тяньцзине. Ум. 20 дек. 1942 в Тяньцзине. <С. В. >

¹⁶² Имеется в виду золотой запас России, который к 1918 г. был переведен в Казань и попал там при бегстве большевиков в руки правительства Комуча, а затем — правительства адмирала Колчака. <С. В. >

¹⁶³ **Смолин Иннокентий Семенович**, р. 1 янв. 1881. Обр.: Иркутское военное училище 1905. Подполковник 43-го Сибирского стрелкового полка, 4-го Финляндского стрелкового полка, помощник командира 3-го Финляндского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 возглавлял подпольную организацию в районе Туринска, с 20 июня 1918 командир партизанского отряда своего имени, с июля 1918 полковник, затем командир 15-го Курганского стрелкового полка, особой колонны из нескольких полков, на 9 мая 1919 командир 3-го Степного армейского корпуса, с 8 июля 1919 начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода,

с 27 янв. 1920 генерал-майор, командующий Южной группой войск, на 16 июня 1920 начальник Омской стрелковой бригады, с 23 авг.

1920 командир 2-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 также начальник гарнизона Никольск-Уссурийского, с авг. 1922 командир Сибирской группы. Генерал-лейтенант (1921). В эмиграции в Китае и США. Член Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. Ум. 23 фев. 1973 в Папеэте (Таити). <С. В.>

¹⁶⁴ **Остроумов Борис Владимирович**, р. 1877 в Саратове. Обр.: Саратовское реальное училище, Петербургский институт инженеров путей сообщения 1902. Работал на Транссибирской ж. д.; с 1911 г. руководил строительством Бухарской ж. д., затем Семипалатинской ж. д. С фев.

1921 по окт. 1924 — управляющий КВЖД, жил в Харбине. После подписания соглашения между СССР и Китаем в 1924 г. КВЖД перешла в советское управление; 3 окт. 1924 г. Остроумов, не имевший советского гражданства, был уволен. В начале 1927 г. китайские власти предложили ему возглавить строительство Хухайской ж.-д. ветки. После завершения этой работы он покинул Маньчжурию, переехал в г. Тяньцзинь. В 1930-е гг. служил председателем одного из комитетов Китайского управления железных дорог. В 1938 г. переехал во французский Индокитай (Сайгон). Летом 1940 перенес инсульт, вернулся в Тяньцзинь, где скончался в 1943 г. (*Ист.*: Материалы из личного архива внука Б. В. Остроумова — Б. Рэймонда; *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.). М.: ИРИ РАН, 1997.) <Л. Т.>

¹⁶⁵ Имеется в виду **Временное Приамурское правительство**, возглавленное Спиридоном Дионисьевичем Меркуловым, военным министром которого, а с авг. 1922 министром иностранных дел был его брат Николай Дионисьевич. В июне 1922 передало власть ген. М. К. Дитерихсу. <С. В. >

¹⁶⁶ Имеется в виду **Правительство Приморской областной земской управы**. Оно было составлено из социалистов и находилось под влиянием большевиков, однако власти правительства Дальневосточной республики в Чите над собой не признавало. Под его контролем, помимо Приморья, находилась территория Камчатской, Сахалинской, части Амурской областей и территория КВЖД. Было свергнуто 26 мая 1921 г. белыми частями, дислоцированными в Раздольном. <С. В. >

¹⁶⁷ Имеется в виду **Гродековская группа войск** — группировка войск Дальневосточной армии, располагавшаяся после оставления Забайкалья в Гродеково и подчинявшаяся не командованию армии, а «Главкомандующему всеми вооруженными силами Российской Восточной Краины» — ген.-лейт. Г. М. Семенову. Образована 25 мая 1921. В состав этой группы войск входили все казачьи части и части 1-го корпуса, пришедшие в Приморье (часть забайкальцев осела в районе Хайлара в полосе КВЖД) — 1-я конная дивизия, сводная и Оренбургская отдельные казачьи бригады, отдельный сводный стрелковый полк, и две (1 -я

¹⁶⁸ и 2-я) стрелковые бригады и Камский конный дивизион, выделившиеся из состава 2-го и 3-го стрелковых корпусов (в марте 1921, после съезда командиров частей армии в Гродеково последовал выход из состава 2-го корпуса ген. Осипова и из состава 3-го корпуса полк. П. Е. Глудкина). «Каппелевские» части, переходя в состав Гродековской группы войск, сохраняли свои старые наименования (Егерский, Уральский, Добровольческий полки; Красноуфимский, Камский конные дивизионы). После реорганизации 7 сен. 1921 включала 1-ю сводную стрелковую (Маньчжурский атамана Семенова, атамана Семенова личного конвоя, Уссурийский атамана Калмыкова и Камский адмирала Колчака отдельные стрелковые дивизионы), 2-ю сводную конную (Сибирский и Енисейский казахи и кавалерийский отдельные дивизионы) отдельные бригады, отдельный сводный и Забайкальский атамана Семенова (бывш. отдельный конный атамана Семенова дивизион) казахи полки. После отъезда атамана Семенова за границу 12 сен. 1921 вошла в подчинение Временному Приамурскому правительству и вошла в состав армии, сохранив в основном прежние формирования. Командующие: ген.-лейт. Н. И. Савельев (25 мая — 1 сен. 1921), ген.-лейт. Ф. Л. Глебов (1 сен. — 6 дек. 1921), ген.-майор Г. А. Правохенский (6-27 дек. 1921). <С. В.>

¹⁶⁹ **Серышев Степан Михайлович** (1889-1928), бывший поручик, который с осени 1917 г. командовал красными отрядами в Сибири. В апр. 1920 он возглавлял партизанские отряды в районе Хабаровска. Летом — зимой 1921 г. командовал составленной из них 2-й Амурской армией и был членом военного совета армии ДВР, затем до марта 1922 г. командовал Восточным фронтом ДВР. <С. В.>

¹⁷⁰ Упомянутые здесь письма Блюхера ген. Молчанову были опубликованы В. М. Молчановым в приложении к книге: *Ефимов А. Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками в 1918-1920 гг.* Калинин, 1975 (переиздание: М.: Айрис-пресс, 2008).

¹⁷¹ **Посьет** — поселок на юге Приморья. Назван в честь русского мореплавателя адмирала К. Н. Посьета (1819-1899).

¹⁷² В первых числах ноября 1922 г. <Л. Т.>

¹⁷² **Пепеляев Анатолий Николаевич**, р. 3 авг. 1891 в Томске. Сын офицера. Обр.: Сибирский КК 1908, ПВУ 1910. Офицер 42-го Сибирского стрелкового полка. Капитан, преподаватель тактики в школе прапорщиков. Служил у большевиков в охране лагеря австро-венгерских военнопленных. Принят в антисоветскую организацию кап. Достоваловым. В белых войсках Восточного фронта; 27 мая 1918 во главе офицерской организации возглавил восстание в Томске, поддержанное чехами, с 13 июня 1918 командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса. С авг. 1918 полковник, с 10 сен. 1918 генерал-майор, с 31 янв. 1919 генерал-лейтенант. С 25 апр. 1919 командующий группой (Северной) Сибирской армии, с 14 июля 1919 командующий 1-й армией, с 11 мар.

остатков армии. 20 апр. 1920 уехал в Харбин; работал извозчиком. Взят в плен 1923 в Якутии, приговорен к расстрелу, замененному заключением, до 4 июля 1936 в Ярославском политфоляторе. Работал краснодеревщиком на мебельной фабрике в Воронеже; 20 авг. 1937 арестован. Расстрелян 14 янв. 1938 в Новосибирске. <С. В. >

¹⁷³**Смирнов Сергей Петрович**, р. 5 сен. 1870. В службе с 1890, офицером с 1894. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 5 июля 1918 командир 1 -го Сибирского полка, с 30 дек. 1918 командир 2-й бригады 9-й Сибирской стрелковой дивизии, с 30 апр. 1919 начальник Уссурийской отдельной стрелковой бригады. Генерал-майор (с дек. 1918). 1920 генерал для поручений при командире 3-го стрелкового корпуса ДВА, с 20 июля 1921 начальник гарнизона Раздольного. В эмиграции в Китае. Ум. 18 апр. 1935 в Харбине. <С. В. >/

¹⁷⁴**Хрущов Александр Михайлович** (Хрущев), р. 31 окт. 1885 в Радзивилове Волынской губ. Обр.: Ярославский КК 1904, Елисаветградское кавалерийское училище 1906. Подполковник 11-го драгунского полка. В белых войсках Северного фронта; да 17 июня 1919 при штабе Главнокомандующего войсками Северной фбласти. В белых войсках Восточного фронта в Уфимской стрелковой дивизии и 1-й кавалерийской дивизии, командир Томского гусарского полка, 2-й бригады Маньчжурской конной дивизии, Сводной-Конной бригады, осенью 1921 командир Сводно-Конного полка, летом 1922 командир 1-го кавалерийского полка, сен. 1922 командир Мьсковского конного полка. Генерал-майор. В эмиграции в Шанхае, к 1 сен. 1928 член кавалерийской секции Союза служивших в Российских армии и флоте в Шанхае, служил в муниципальной полиции, учредитель Шанхайского офицерского собрания, затем в США. Ум. 13 июня 1976 в Сан-Франциско. <С. В. >

¹⁷⁵ Как свидетельствуют фотографии, в Гирине был Также и ген. Ястребцов.

Ястребцов (Ястребцев) Борис Владимирович. Обр.: АВУ. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; командир 40-го Верхнеуслонского Сибирского стр. полка, с 31 июля 1919 помощник Начальника 8-й Сибирской стр. дивизии, с 13 сен. 1919 в резерве чинов⁴ при штабе Иркутского военного округа, с 3 нояб. 1919 в распоряжении начатъника штаба Московской группы. Генерал-майор (с 31 июля 1919). Участник Сибирского Ледяного похода, 1920 командир 1-го Волжского стрелкового полка отдельной Волжской имени ген. Каппеля бригады 4 июля 1921 начальник школьно-просветительного отделения Особого отдела штаба войск Приамурского правительства, с 20 янв. 1922 генерал для поручений при управляющем военно-морским ведомством, с 29 янв. 1922 командующий 5-м белым повстанческим отрядом, с 1 апр. 1922 помощник командира Поволжской отдельной стрелковой бригады. В эмиграции в Китае, к 1923 в Гирине. <С. В. >

¹⁷⁶ Молчановы прибыли в Японию в конце мая 1922 г. *{Ист.: Письмо Н. К. Молчановой Е. Н. Скордули от 27 июля 1923 г. Личный архив семьи Скордули}*. <Л. Т. >

¹⁷⁷ **Сахаров Николай Павлович**, р. 18 авг. 1893 в Муроме. Обр.: Муромское реальное училище 1911. Прапорщик запаса 1912, студент Московского сельскохозяйственного института. Подполковник 9-го пехотного полка. Член Союза защиты Родины и Свободы. Летом 1918 командующий Восточным отрядом Северной Добровольческой армии (Муром). Руководитель восстания в Муроме 8—9 июля 1918. В белых войсках Восточного фронта; начальник Арского боевого участка Казани, с лета 1918 полковник, затем командир 3-го Казанского (потом 50-го Арского) стрелкового полка, затем командир Волжской дивизии; в начале 1919 начальник Симбирской пехотной дивизии, с сен. 1919 помощник начальника 1-й Самарской стрелковой дивизии, с 6 нояб. 1919 начальник той же дивизии, с дек. 1919 командир Волжской бригады 3-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода; с мар. 1920 командир Отдельной Волжской бригады, 1920 генерал для поручений при командире 3-го стрелкового корпуса, затем в прикомандировании к штабу войск Временного Приамурского правительства, с 1 по 13 июня 1921 начальник гарнизона Владивостока, с 25 авг. 1921 командир Поволжской бригады, с 29 июня, на 5 сен. 1921 генерал для поручений при командующем войсками того же правительства. Участник Хабаровского похода, дек. 1921 начальник колонны (5-го повстанческого отряда), с авг. 1922 снова командир Поволжской бригады, сен.-нояб. 1922 командир Приволжского стрелкового полка. Генерал-майор (23 авг. или 10 апр. 1919). В эмиграции: в 1923-1924 в США, затем в Китае (к 1941 в Шанхае), после 1949 вновь в США. Ум. 1951 в Сан-Франциско. <С. В.>

¹⁷⁸ **Свято-Троицкий кафедральный собор в Сан-Франциско** берет свое начало от первой русской православной церкви в Сан-Франциско, основанной в 1868 г. После продажи Аляски в 1867 г. российский Святейший Синод в 1868 г. принял решение о перенесении епископской кафедры с Аляски в г. Сан-Франциско. Императорское соизволение об открытии самостоятельной архиерейской кафедры в Америке последовало 10 июня 1870 г. Святейший Синод назначил на вновь учрежденную кафедру епископа Иоанна (Митропольского), который в 1872 г. и перенес кафедру и Духовное правление из г. Ситки (Аляска) в Сан-Франциско. В 1888 г. Император Александр III даровал собору в Сан-Франциско большой колокол весом 145 пудов с надписью: «Для кафедрального собора в г. Сан-Франциско Православной американской миссии <...> В память чудесного избавления Российского Императора Александра III с Августейшим семейством 17 октября».

В 1897 г. кафедральный собор в Сан-Франциско был перестроен и освящен во имя Пресвятой Троицы, однако в апреле 1906 г. он был разрушен во время случившегося землетрясения и пожара. С 1899 г.

епископом в Сан-Франциско служил владыка Тихон (будущий Патриарх Московский и Всея Руси) — вплоть до 1905 г., когда кафедра была перенесена в Нью-Йорк. Еще до землетрясения 1906 г. он приобрел и освятил участок для строительства нового храма в Сан-Франциско. В 1909 г. на этом участке был построен и освящен новый Свято-Троицкий кафедральный собор.

В начале 20-х гг., когда в Сан-Франциско стали прибывать русские эмигранты, Свято-Троицкий собор был в этом городе единственным православным храмом. Он стал настоящим центром жизни «русской колонии». При соборе были организованы многие русские общества и организации: Кружок артиллеристов (на основе которого было образовано Общество русских ветеранов Великой войны), Историческое общество, студенческий кружок, детский сад и др. В настоящее время собор относится к юрисдикции Православной Церкви в Америке (*Ист.*: 75-летний юбилей Русского Православного прихода, Сан-Франциско, Калифорния. Сан-Франциско, 1943; Сто лет первого Православного прихода в Сан-Франциско. Сан-Франциско, 1968). <Л. Т.>

¹⁷⁹ Участок для строительства Свято-Троицкого собора был приобретен епископом Тихоном к 1905 г. за 14 000 дол. — вероятно, под «средствами от Государя Императора» автор имел в виду эту сумму. Затем для строительства собора была получена банковская ссуда, на выплату которой ушло более 20 лет, долг был окончательно погашен в 1931 г. (*Ист.*: 75-летний юбилей Русского Православного прихода, Сан-Франциско, Калифорния. Сан-Франциско, 1943.) <Л. Т.>

¹⁸⁰ **Протоиерей Владимир Сакович**, р. в 1883 в Седлецкой губ. Царства Польского. Учился в Холмской духовной семинарии. С 1913 до дек. 1917 — настоятель Петропавловской церкви в Монреале (Канада). С 1918 г. до конца жизни настоятель Свято-Троицкого собора в Сан-Франциско. В течение 1920-х годов о. Владимир встречал в порту Сан-Франциско все прибывавшие пароходы с русскими эмигрантами, оказывал им всяческую помощь — и духовную, и материальную. Вел большую работу по сбору средств для выплаты ссуды на строительство собора. Скончался 13 сент. 1931 г. (*Информация предоставлена М. К. Сакович, 15.07.2009*). <Л. Т.>

¹⁸¹ В иммиграционной карточке-удостоверении А. Г. Ефимова (Alien's identification card) указана дата и место его прибытия в США: 1 сентября 1923 года, г. Сиэтл. (*Ист.*: Материалы из личного архива А. А. Ефимова). <Л. Т. >

¹⁸² **Шебеко Борис Константинович**, р. 1900. Из дворян. Обр.: 3-й Московский КК, ПВУ 1997. С октября 1919 г. в белых войсках Восточного фронта, в 1-й Самарской дивизии (с 1920 г. в Волжской бригаде). Поручик. В 1921 г. в Приморье адъютант ген. В. М. Молчанова. В 1923 г. в Гирине, затем в Шанхае. С августа 1923 г. в Беркли (США). Ум. нояб. 1975 (*Ист.*: *Shebeko B. Russian CivilWar (1918-1922)*). Oral history transcript,

tape recorded interview conducted by R. A. Pierce. University of California, Berkeley, 1961.) <Л. Т.>

¹⁸³ 25-этажное здание в деловом центре Сан-Франциско по адресу Саттер-стрит, 111 (на углу улиц Саттер и Монтомгери). Построено в 1926 г., в то время было в числе самых высоких «небоскребов» города. <Л. Т.>

¹⁸⁴ Форт Росс (Fort Ross) — бывшая русская крепость Росс, принадлежавшая в 1812-1841 гг. Российско-Американской компании. Находится на побережье Северной Калифорнии, примерно в 130 км севернее Сан-Франциско. Крепость Росс была основана Российско-Американской компанией в 1812г. как укрепленное поселение для ведения сельского хозяйства и снабжения Аляски продуктами питания, а также для пушного промысла. В 15 километрах южнее крепости в Тихий океан впадает река, которая была названа русскими поселенцами Славянкой (впоследствии получила английское название Russian River). Многие технические и иные новшества впервые появились в Калифорнии именно в крепости Росс: оконные стекла, ветряные мельницы, судостроительная верфь и др. В 1820-х гг. здесь была построена первая православная часовня вне Аляски. Однако из-за неблагоприятного климата хозяйство крепости приносило убытки, и в 1841 г. она была продана.

В XX в. в изучении и восстановлении этого исторического памятника немалую роль сыграла «русская колония», сформировавшаяся в Сан-Франциско с 1920-х гг. Живописные окрестности «Русской речки», как стала называться Russian River среди русских, были излюбленным местом летнего отдыха. Многие русские эмигранты часто посещали и расположенный неподалеку Форт Росс; русские организации Калифорнии участвовали в сборе средств на его восстановление после землетрясения и пожара 1906 г. В течение многих лет большую работу по изучению истории Форты Росс проводил А. Ф. Долгополов (1900—1977), председатель Союза первоходников в Лос-Анджелесе. (Ист.: <http://www.fortrossinterpretive.org> \ Александров Е. А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Сан-Франциско—С.-Петербург, 2005. С. 180). <Л. Т.>

¹⁸⁵ Имеются в виду демонстрации протеста против войны во Вьетнаме, которые были особенно многочисленными в Калифорнии.

¹⁸⁶ Вторая жена ген. Молчанова — **Лидия Васильевна Молчанова** (1899-1996). <Л. Т.>

¹⁸⁷ **50-летний юбилей Ижевско-Воткинского восстания** был торжественно отмечен в Сан-Франциско 29 сентября 1968 г. Мероприятие было организовано Объединением Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско, образованным в 1961 г. (на тот момент включало около 50 человек). В 1961 — 1972 гг. объединение возглавлял полк. А. Г. Ефимов. Празднование юбилея состоялось в банкетном зале Русского центра Сан-Франциско на Саттер-стрит (см. Приложение 2).

25-летний юбилей Ижевско-Боткинского восстания отмечался в 1943 г. в Шанхае, где в то время проживало много Ижевцев и Воткинцев. К этой дате был выпущен памятный знак «Ижевцы. Воткинцы. 1918-1943», который был прислан из Шанхая ген. Молчанову. <И. Т.>

БОРЬБА НА ВОСТОКЕ РОССИИ И В СИБИРИ

¹⁸⁸ **Вязьмитинов Василий Ефимович**, р. 22 фев. 1874. Обр.: Офицерский экзамен при Одесском ПЮУ 1894, АГШ 1904. Офицер 21-го пех. полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Подполковник с 1909, полковник с 1912, генерал-майор и генерал-лейтенант с 1917. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. С 9 дек. 1915 командир 15-го Сибирского стр. полка, с 7 фев. 1917 нач. штаба 20-й Сибирской стр. дивизии, с 8 мая 1917 начальник 136-й пех. дивизии, с 10 сен. 1917 командир 6-го Сибирского арм. корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР; с 1918 начальник отделения штаба армии, с 12 окт. 1918 начальник части Генерального штаба Военного и Морского отдела ВСЮР, с янв. 1919 начальник Военного управления, с 29 мар. 1920 начальник Военного управления ВСЮР, военный и морской министр Южнорусского правительства, затем начальник Военного управления в Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции 1920-1921 военный представитель в Болгарии, с 1923 в Югославии, правитель дел Державной комиссии по делам русских беженцев, член Общества кавалеров ордена Св. Георгия и Общества офицеров Генерального штаба. Ум. 29 янв. 1929 в Белграде. <С. В. >

¹⁸⁹ **Искосол-12**. Имеется в виду исполнительный комитет Совета солдатских депутатов 12-й армии. Таким комитетам после большевистского переворота принадлежала реальная власть в армии. <С. В. >

¹⁹⁰ **Парский Дмитрий Павлович**, р. 17 окт. 1866. Из дворян Тульской губ.

Обр.: Орловский КК 1884, КВУ 1886, АГШ 1893. Офицер 46-го пех. полка, по окончании академии — на должностях Генерального штаба. Участник Русско-японской и 1-й мировой войн. Капитан с 1895, подполковник с 1900, полковник с 1904, генерал-майор с 1910, генерал-лейтенант с 1915. С 1906 делопроизводитель ГУГШ, с 1908 командир 140-го пех. полка, с 1910 — 2-й бригады 46-й пех. дивизии, с 31 янв. 1915 начальник 80-й пех. дивизии, с 9 авг. 1915 в резерве чинов при штабе Киевского ВО, с 17 окт. 1915 начальник 55-й пех. дивизии, с 20 фев. 1916 командир Гренадерского корпуса, с 20 июля 1917 командующий 12-й армией, с окт. 1917 — 3-й армией. С 1918 в РККА, командующий Северным фронтом, член Особого совещания. Ум. 29 дек. 1921 в Москве. <С. В. >

¹⁹¹ **Дутов Александр Ильич**, р. 5 авг. 1879 в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Обр.: Орен-

бургский Неплюевский КК 1896, НКУ 1898, АГШ 1908. Офицер 1-го Оренбургского казачьего полка. Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 окт. 1917), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) дек. 1917 командующий войсками Оренбургского военного округа, с авг. 1918 генерал-майор, с 17 окт. 1918 командующий Юго-Западной армией (с 28 дек. 1918 Оренбургская отдельная армия). С 23 мая 1919 генерал-инспектор кавалерии (до 18 сен. 1919) и одновременно походный атаман всех казачьих войск (до 16 окт. 1919), 18 сен. — 16 окт. 1919 командующий Оренбургской отдельной армией, затем начальник гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 4 окт. 1918). В марте 1920 отступил в Китай. Смертельно ранен 24 янв. в руку и живот и скончался 25 янв. (6 фев.) 1921 в Суйдуне при попытке похищения. <С. В.>

¹⁹² **Алексеев Михаил Васильевич**, р. 3 нояб. 1857. Сын майора из солдат сверхсрочной службы. Обр.: Тверская гимназия 1873 (не окончил), Московское ПЮУ 1876, АГШ 1890. Офицер 64-го пех. полка. После окончания академии — на должностях Генерального штаба, с 1898 одновременно профессор академии Генштаба. Участник Русско-турецкой 1877-1878 и Русско-японской войн. Подполковник с 1894, полковник с 1898, генерал-майор с 1904, генерал-лейтенант с 1908, генерал от инфантерии с 1914. С 1894 младший, а с 1899 старший делопроизводитель Военно-ученого комитета Главного штаба, с 1900 начальник отделения генерал-квартирмейстерской части Главного штаба, с 1904 ген.-кварт. 3-й Маньчжурской армии, с 1906 обер-квартирмейстер ГУ ГШ, с 1908 нач. штаба Киевского ВО, с 19 июля 1914 нач. штаба Юго-Западного фронта, с 17 мар. 1915 главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта, с 4 авг. 1915 — Западного фронта, с 18 авг. 1915 нач. штаба Верховного главнокомандующего, с 1 апр. по 21 мая Верховный главнокомандующий, 30 авг. — 9 сен. 1917 нач. штаба Верховного главнокомандующего; 1898-1914 также профессор академии Генштаба. Зол. оружие (1906). Орд. Св. Георгия 4-й ст. (1914). Генерал-адъютант (1916). Основоположник Добровольческой армии. В сен. 1917 основал Алексеевскую организацию и формировал добровольческие офицерские отряды. 2 нояб. 1917 прибыл в Новочеркасск; с дек. 1917 член триумvirата «Донского гражданского совета», с 18 авг. 1918 Верховный руководитель Добровольческой арм4ш. Ум. 25 сен. 1918 в Екатеринодаре. <С. В. >

¹⁹³ **Степанов А. П.** Капитан, командир 1-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 командир того же полка; командир батальона чехов при взятии Симбирска, затем начальник отряда под Казанью. Полковник (1919). <С. В. >

¹⁹⁴ **Авксентьев Николай Дмитриевич**, р. 29 нояб. 1878 в Пензе. Из дворян. Обр.: Московский университет (не окончил). Эсер. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 член Директории. 1918-1919 член

«Союза возрождения». В эмиграции 1920-21 член Земгора (Российского Земско-Городского комитета помощи беженцам). В эмиграции во Франции, с 1940 в США. Ум. 4 мар. 1943 в Нью-Йорке. <С. В.>

¹⁹⁵ Имеется в виду **Збарский Борис Ильич** (1885-1954), председатель Елабужского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов первого созыва (апр. - окт. 1917), депутат Учредительного собрания по списку Совета крестьянских депутатов Вятской губернии, член партии социалистов-революционеров (1902-1906,1917). Пробыл в Елабуге до августа 1918 г. Биохимик, в 1924 г. в Москве совместно с проф. Воробьевым участвовал в бальзамировании тела В.И. Ленина. <Д. Г. >

¹⁹⁶ **Курушкин Тимофей Кузьмич**. Тифлисское ПЮУ 1907. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта; командир 16-го Уфимского Татарского полка. <С. В. >

¹⁹⁷ **Виноградов Петр Иванович**. АГШ 1906. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; с 5 дек. 1918 врид начальника штаба 2-го Уфимского отдельного корпуса. <С. В. >

¹⁹⁸ **Ковальский Григорий Яковлевич**, р. 1865. В службе с 1881, офицером с 1885. Полковник, командир 7-го стрелкового полка. Генерал-майор, начальник Оренбургской местной бригады. В белых войсках Восточного фронта; с 31 авг. 1918 командир 2-й бригады 4-й Уфимской стрелковой дивизии, с 10 янв. 1919 в распоряжении начальника Курганского военного округа, с 3 фев. 1919 в резерве чинов при штабе округа, с 6 мар. 1919 начальник гарнизона Петропавловска и уполномоченного по охране государственного порядка в Петропавловске и уезде, с 29 мая 1919 комендант Петропавловского уезда, с 25 июля 1919 в резерве чинов при штабе округа. <С. В. >

¹⁹⁹ **Сахаров Гавриил Иванович**. Полковник 190-го пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; на 15 авг. 1918 командир 13-го Уфимского стрелкового полка Народной армии. Ранен под Стерлитамаком в конце июля 1918; летом 1919 командир бригады, помощник и врид начальника 4-й Уфимской стрелковой дивизии, затем генерал для поручений при штабе 3-го стрелкового корпуса. Генерал-майор (с 22 июня 1919). <С. В.>

²⁰⁰ **Петр Амьенский** — французский монах-аскет, живший в XI в. Ему приписывается организация Первого крестового похода.

²⁰¹ **Веников Вячеслав Лукич**, р. 1887 в Елабуге, из елабужских купцов. Призван из запаса по Казанскому у. 1-я Одесская школа прапорщиков 1915. Поручик. В белых войсках Восточного фронта; 1918 интендант отряда ген. Молчанова (Прикамского полка), затем в Ижевской дивизии. В эмиграции в США. Ум. 2 мая 1929 в Беркли (Калифорния). <С. В.>

²⁰² **Бырдин Евгений Яковлевич**, р. 1876. Одесское ПЮУ (офицером с 1896). Полковник. В белых войсках Восточного фронта; на 15 авг. 1918, фев. 1919 командир 14-го Уфимского стрелкового полка На-

родной армии, который сформировал и стал его первым командиром. 14 сен. — 4 окт. 1919 начальник 7-й Уральской горных стрелков дивизии; с 29 сентября 1920 интендант Дальневосточной армии, с 1 июня 1921 главный начальник снабжений войск Временного Приамурского правительства, затем до 14 июня 1922 начальник снабжений военноморского ведомства. Генерал-майор (слета 1920). В эмиграции в Китае. Умер ок. 24 мая 1927 в Харбине. <С. В. >

²⁰³ Из-за последовавшей болезни и кончины генерала В. М. Молчанова в январе 1975 г. публикация осталась незавершенной.

ПИСЬМА

²⁰⁴ **Скордули Екатерина Николаевна**, урожденная Чистякова (1872-1964) — мать Наталии Константиновны Молчановой, первой жены В. М. Молчанова. Из дворян. С 1890-х гг. с мужем Константином Николаевичем Скордули и детьми жила в Вятской губернии. В 1907 г. овдовела, осталась одна-с 9 детьми (старшей, Наталии, было 15 лет). Семья жила бедно, матери приходилось работать аккомпаниатором и учителем музыки. В 1921 г. с младшими дочерьми Катей, Лидой и Любой переехала в Москву, где к тому времени обосновалась ее дочь Мария. В. М. Молчанов не был лично знаком с родственниками жены. Его переписка с семьей Скордули продолжалась примерно до 1932 г. Факт замужества Наталии Скордули за белым генералом им удалось скрыть. Е. Н. Скордули скончалась в Москве в 1964 г. (*Информация предоставлена Д. К. Скордули и Л. М. Шахиной*).

²⁰⁵ Имеется в виду **Екатерина Константиновна Скордули** (1903—1995),

одна из младших сестер Н. К. Молчановой.

²⁰⁶ Полковник А. Г. Ефимов (1888-1972) первоначально публиковал свои воспоминания «Ижевцы и Воткинцы» в «Вестнике Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско», начиная с № 198 за 1954 г., почти в каждом выпуске до № 239 за 1968 г. Еще при жизни автора строились планы издания воспоминаний в виде книги, однако осуществить это удалось уже после его смерти, стараниями руководства Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско. В конце 1973 г. Объединение обратилось с просьбой к издателю Виктору Камкину (Вашингтон), который откликнулся на письмо, подписанное генералом Молчановым, и предложил свои услуги. В публикуемом здесь письме В. М. Молчанова члену Объединения Г. Н. Блинову речь идет о подготовке материалов для публикации этой книги, которые были затем (в середине января 1974 г.) отправлены В. Камкину. (*Ист.*: МРКСФ, фонд 3409: Объединение Ижевцев и Воткинцев). <Л. Т. >

²⁰⁷ Из-за ухудшения состояния здоровья и последовавшей летом 1974 г. смерти В. Камкина книга А. Ефимова в его издательстве опу-

бликована не была. Затем «генералом Молчановым была назначена; специальная комиссия в составе Е. А. Леонтьева, В. П. Мак-Кей и Г. Н. Блинова для немедленного исследования и действий по изданию книги» (Протокол общего собрания Объединения от 18 августа 1974 г.). Г. Н. Блинов (с весны 1974 г. Председатель Объединения Ижевцев и Воткинцев) выбрал единственно доступный для Объединения вариант публикации — на ротаторе. В начале 1975 г. книга была отпечатана и сброшюрована в фирме, выполнявшей копировальные услуги и находившейся в небольшом городке Конкорд (где жил Г. Н. Блинов) неподалеку от Сан-Франциско. Предполагался тираж 500 экз., однако из-за допущенного брака он составил менее 400 экз. (*Ист.*: МРКСФ, фонд 3409: Объединение Ижевцев и Воткинцев). <Л. Т. >

²⁰⁸ **Луцков Петр Анисимович**, Обр.: Киевское военное училище 1909, АГШ. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; помощник начальника осведомительного отдела Ставки адм. Колчака; в 1920 состоял при командующем войсками Временного правительства Дальнего Востока, 17 мар. — 11 июня 1921 начальник штаба командующего сухопутными и морскими силами Временного правительства Приморской областной земской управы. В 1921 начальник штаба Приамурского военного округа ДВР. Генерал-майор. В феврале 1922 начальник полевого штаба Главкома Народно-революционной армии ДВР Блюхера. <С. В. >

²⁰⁹ В январе 1973 г. в Православном храме Св. Иоанна Крестителя в г. Беркли (близ Сан-Франциско) были установлены и освящены неугасимая лампада и табличка памяти Ижевцев и Воткинцев, изготовленные Г. Н. Блиновым — прихожанином этого храма. Надпись на табличке: «В память Ижевцев и Воткинцев, восставших 7 и 17 августа 1918 года против коммунистической власти, павших на поле брани или умученных и убиенных или в изгнании скончавшихся». <Л. Т. >

²¹⁰ **Старцев Николай Ефимович**, р. в 1898 г., из старообрядцев Оханского уезда Пермской губ. Из письма Н. Е. Старцева полк. Д. М. Михайлову от 26 марта 1973 г.: «...я изповстанцев-воткинцев, закончил Гражданскую войну в чине корнета и занимал должность адъютанта в Воткинском конном дивизионе при полковнике Дробинине» (МРКСФ, фонд 3409, кор. 1, папка 11). В эмиграции в Китае, затем в Сан-Франциско. В 1972-1974 гг. — Председатель Объединения Ижевцев и Воткинцев, до этого секретарь Объединения. Ум. 21 марта 1974 г. <Л. Т. >

²¹¹ **Maine State** — штат Мэн, расположен на северо-востоке США. Намеченный отъезд Н. Е. Старцева из Сан-Франциско не состоялся из-за его кончины в марте 1974 г. <Л. Т. >

²¹² Речь идет о должности Председателя Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско, образованного в 1961 г. по инициативе генерала Молчанова. Подробнее об Объединении см.: *Ефимов А. Г.* Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918—1920. М.: Айрис-пресс, 2008, с. 394-406. <Л. Т. >

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

А. Г. ЕФИМОВ
КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ КОМАНДУЮЩЕГО
БЕЛОПОВСТАНЧЕСКИМИ ОТРЯДАМИ
ГЕНЕРАЛА МОЛЧАНОВА*

Викторин Михайлович Молчанов родился 23 января с/с [старого стиля. — *Ред.*] 1886 года в г. Чистополе Казанской губ. Общее образование получил в Елабужском реальном училище. Военное — в Алексеевском военном училище в Москве, откуда, по производству в офицеры 24 марта 1906 года, вышел на службу во 2-й Кавказский саперный батальон. В 1908 году перевелся на Дальний Восток во 2-й Восточно-Сибирский саперный батальон, а в 1910 г. — в 6-й Сибирский** саперный батальон.

С началом Великой войны отпросился из Владивостока на театр военных действий в 7-й Сибирский саперный батальон, где командовал саперной ротой до назначения командиром 3-й Отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. Прокомандовал этой ротой до революции, неся тяжелую службу офицера инженерных войск, на долю которых позиционная война возложила многочисленные и трудные технические и боевые задачи. При штатном числе роты в 5 офицеров и 241 сапер, в роте штабс-капитана Молчанова за время войны выбыло из строя 8 офицеров (4 убитыми и 4 ранеными) и 559 сапер.

---

* Письмо А. Г. Ефимова Б. Б. Филимонову от 21 августа 1931 г. (рукопись, 14 с. Личный архив М. В. Молчанова). Текст рукописи печатается в соответствии с правилами современной орфографии, авторский стиль сохранен.

Настоящая биография была написана А. Г. Ефимовым для публикации в книге: *Филимонов Б. Б.* Белоповстанцы: Хабаровский поход зимы 1921-1922 годов. Т. 1, Шанхай, 1932, с. 59-63. Очевидно, после издания книги рукопись биографии была возвращена Ефимову. Филимонов Борис Борисович (1901-1952) — участник Белого движения на Восточном фронте, поручик; в эмиграции в Шанхае; автор книг по истории Гражданской войны в Сибири и Приморье. После кончины В. М. Молчанова в январе 1975 г. его биография из книги Филимонова была перепечатана в журнале «Первопоходник» (Лос-Анджелес), № 22, декабрь 1974 г. (номер вышел позднее), с. 46-49. — *Прим. сост.*

** К этому времени Восточно-Сибирские переформированы в Сибирские. — *Прим. авт.*

Случай имеет немалое значение в жизни людей, особенно военных. Заслуживает внимания следующий эпизод в военной жизни В. М. Молчанова. В июле 1915 года на позициях по реке Бзура немцы произвели первую на русском фронте газовую атаку. Во время этой атаки погибло около 10 000 [человек]. Погибли и 3 взвода сапер из роты штабс-капитана Молчанова.

Сам Молчанов с четвертым взводом находился на участке 53-го Сибирского стрелкового полка [*притисано карандашом*: 14 С. Д. — *вероятно*, 14-я Сиб. стр. дивизия. — *Сост.*] и во время атаки сидел у себя в блиндаже и читал газету. Ему попалась статья о газовой атаке, за несколько дней перед этим впервые произведенной немцами на французском фронте. В статье указывалось о борьбе с газами первыми примитивными способами.

Только что В. М. прочел это, как вбегает сапер и докладывает, что от немцев идут облака газа и пехотинцы падают от удушья. Штабс-капитан Молчанов бросился к взводу своих сапер, собрал их, всего около 40 человек и приказал [им] намочить тряпки водой, прикрыть ими рот и нос и дышать только через эти тряпки. С саперами штабс-капитан Молчанов занял участок пехотной позиции, где лежали трупы удушенных стрелков, а оставшиеся в живых бежали и ползли в тыл. У оставленных двух пулеметов были поставлены саперы. Остальные заняли места у бойниц. После прохода газов немцы вышли из своих окопов в полной уверенности, что захватят наши безнаказанно. Неожиданно их встретил пулеметный и ружейный огонь сапер. Понеся большие потери, немцы бежали обратно к себе.

Во время подачи команд штабс-капитан Молчанов отравился газами и был эвакуирован. Как только почувствовал себя немного лучше, вернулся [*зачеркнуто*: в строй] к своей роте.

[*Зачеркнутый абзац*: Эта военная удача, однако, не была личной удачей В. М. Молчанова. Он был представлен за отбитие атаки немцев к Георгиевскому оружию, представление к которому было поддержано всеми пехотными начальниками и особенно начальником 14-й Сибирской стр. Дивизии, но командир 6-го Сибирского корпуса, не приняв во внимание всех обстоятельств дела, признал этот случай ординарным отражением обычной немецкой атаки и представление к высокой награде не поддержал.]

Конец войны застал подполковника Молчанова на Рижском фронте. Здесь, во время развала наших войск, он был в управлении корпусного инженера и эвакуировал имущество.

Краткая биография
Командира 2-го полка 1-й бригады 1-й дивизии
генерала Молчанова.

Виктор Иванович Молчанов родился 23 января 1886 года в г. Троицк Казанской губ.

Общеобразован в г. Елабуга в Реальном училище. После — в Александровском реальном училище в Москве, откуда, по окончании в офицера 24 марта 1905 года вступил на службу в 2 Кавказский Сибирский полк. В 1908 году перевелся на Дальний Восток в 2 Влад.-Сибирский Сибирский полк и в 1910 г. в 6 Сибирский Сибирский полк.

В начале Первой войны он участвовал в Чивачской и других военных операциях в 7 Сибирский Сибирский полк, где командовал саперной ротой до назначения командиром 3-го Влад.-Сибирского полка. 3 Сибирский Сибирский полк участвовал в Чивачской операции до революции, после перешел служить офицером интендантской службы, и после окончания войны продолжил службу в 1-й бригаде 1-й дивизии в 1-й полк.

Первая страница краткой биографии генерала Молчанова, составленной А. Г. Ефимовым

На станции Вольмар подполковник Молчанов 20 февраля 1918 г. был неожиданно застигнут немцами. С одним из своих подчиненных он открыл по немцам стрельбу из здания вокзала. Брошенной в окно бомбой подполковник Молчанов был ранен в обе ноги получив 8 ран от осколков, и взят в плен. Залечив раны, он в апреле [1918г.] бежал из плена и пробрался в Елабужский уезд где поселился у своего брата — мирового судьи.

Летом 1918 г. большевики послали для сбора хлеба в Прикамские деревни вооруженные отряды. Сбор сопровождался насилиями и грабежами и вынудил крестьян организовать сопротивление для защиты своего добра и своей мирной жизни. Начали организовываться отряды для самообороны.

В волости, где жил В. М., также по постановлению волостного схода был организован такой отряд.

Большой любовью и популярностью во всем Елабужском уезде пользовался брат В. М. — мировой судья. Крестьяне выбрали его заведовать хозяйственными делами отряда, а В. М., как офицера, вызвали на должность командира отряда.

В отряде в начале состояло 120 пеших и 35 конных крестьян, вооруженных шестью винтовками, небольшим количеством охотничьих ружей и вилами. В первом же бою отряд разбил красных и захватил 2 пулемета и 22 винтовки.

Так началась борьба В. М. Молчанова с большевиками.

Во время одного похода поступила жалоба от крестьянки, что один из дружинников отряда произвел над ней насилие. Возвратившись в волость, В. М. потребовал от схода, чтобы насильник был расстрелян. Сход очень долго обсуждал это требование и наконец постановил: всю военную и гражданскую власть сосредоточить в руках командира отряда подполковника Молчанова.

По мере развития и расширения борьбы крестьян против большевиков начали организовываться крупные отряды, впитывавшие в себя отдельные небольшие отряды. Действия и порядок в отряде подполковника Молчанова стали настолько известны во всем уезде, что уездные организаторы пригласили его стать во главе всех вооруженных сил уезда. Отряд возрос до 9 000 вооруженных повстанцев.

В сентябре [1918 г.] неблагоприятный оборот дела на Волге заставил повстанцев уходить за Каму. Подполковник Молчанов получил приказ отходить на Уфу. С ним перешло добровольно

4 000 [человек], и отряд был впоследствии переформирован в 32-й Прикамский полк.

С этим отрядом подполковник Молчанов весьма успешно отражал попытки красных продвинуться на восток, где шли новые формирования. За отличия в этих боях он был произведен в чин полковника*.

За Каму отошли также восставшие против большевиков Ижевские и Боткинские рабочие. Армия Ижевских рабочих, переформированная в бригаду, расположилась к северу от Уфы. Рабочий состав бригады вызывал к ней большое подозрение — бригада считалась ненадежной и нежелательной в числе новых формирований. Вышедшие из Ижевска в теплое время рабочие-повстанцы не имели никакой теплой одежды, мерзли и раздобывали себе одеяние часто с обидой для местных жителей. Это только усиливало недоброе отношение к Ижевской бригаде, с которой к тому же не знали, что делать.

Посланный на инспекцию генерал Тиманов [*зачеркнуто*: Тихменев] донес, что Ижевская бригада представляет из себя великолепную боевую единицу — нужен только деятельный и боевой начальник, чтобы привести бригаду в порядок, снабдить ее всем необходимым, в первую очередь одеть людей. И тогда бригада будет отлично драться.

Выбор пал на полковника Молчанова, боевая деятельность которого вызывала общее признание.

Во время наступления на Уфу и далее к Волге действия Ижевцев под командой полковника Молчанова отличались стремительностью и постоянными удачами. Красные не выдерживали ни одного удара Ижевской бригады и обращались в бегство. Блестящее руководство полковника Молчанова ставило красных постоянно в тяжелые положения, и они несли большие потери при сравнительно небольших потерях у нас.

За эти действия полковник Молчанов был произведен в генерал-майоры.

В апреле 1919 г. Ижевцы, воспользовавшись обещанием Командующего 3-й армией генерала Ханжина отпустить их в Ижевск, как только он будет освобожден от красных, покидают бригаду и возвращаются на завод. В бригаде остаются офицеры и небольшой кадр.

---

* С 23 декабря 1918 г., Приказ Верховного Правителя от 20 января 1919 г. (см. настоящее Приложение). — *Прим. сост.*

Генерала Молчанова не хотят оставлять в бездействии, ему предлагают 4-ю Уфимскую дивизию, также показавшую в наступление на Уфу прекрасные боевые качества. Но генерал Молчанов отказывается от этого назначения и предпочитает остаться с небольшим числом своих славных соратников, веря, что во главе их ему еще придется совершить немало подвигов на службе Родной Земле. Эта вера генерала Молчанова в своих подчиненных и их ответная вера в своего начальника служили прочным залогом крепости и стойкости, проявлявшихся всегда и всюду Ижевцами.

После отступления к Уралу Ижевцы опять начинают возвращаться в свою бригаду, к своему начальнику, и бригада разворачивается в дивизию.

В боях на Урале и у реки Тобол Ижевская дивизия вновь гремит своими подвигами. Она перебрасывается на наиболее важные участки и всюду блестяще выполняет поставленные задачи.

Адмирал Колчак оценивает эти действия редкой и высокой наградой: дивизия получает Георгиевское знамя, а ее начальник генерал Молчанов одновременно награждается орденом Св. Георгия.

Но борьба с красными в целом неудачна для нас. Начинается отступление. Генерал Молчанов ведет ряд арьергардных боев и сдерживает противника в наиболее тяжелых условиях. Щегловскую тайгу Ижевская дивизия идет в арьергарде 3-й армии, также и при подходе к Красноярску, где создалось для всего фронта наиболее тяжелое, трагическое положение.

Генерал Молчанов последним подошел к району Красноярска, где собрались остатки 3-й армии. 2-я армия уже обошла Красноярск, город в руках красных — путь отступления отрезан. Надо пробиваться, но многие части, измученные и потерявшие надежду на какой-либо исход, сдают оружие. Командующий 3-й армией генерал Барышников не знает, на кого он может рассчитывать. Он приказывает командиру Волжского корпуса генералу Имшенецкому начать движение в обход Красноярска и для усиления остатков его корпуса придает только что подошедшую Ижевскую дивизию.

Но генерал Имшенецкий не знает, что у него остается для дальнейшего похода, и передает командование генералу Молчанову. Выставив заслон против красных, генерал Молчанов пробивается с остатками 3-й армии к северу и в дер. Подпорожье на р. Кан настигает 2-ю армию с генералом Каппелем во главе.

При подходе к Байкалу генерал Молчанов идет впереди, проби-
вая дорогу к Чите. Переход через Байкал был совершен благополучно.
За Байкалом, под дер. Хараузное, при атаке на красных партизан
на главе своих ординарцев, генерал Молчанов был ранен.

По приходе в район Читы части Армии были переформиро-
ваны, и остатки Ижевцев — около 900 человек — были сведены в
полк и вошли в состав Сводной дивизии. Для генерала Молчанова
было бы повышением назначение на должность начальника ди-
визии. Однако он выдвигается сразу на пост командира корпуса,
в состав которого вошли все остатки 3-й армии и некоторые
другие части.

Его бывший начальник, генерал Барышников не только
поддерживает это назначение, но входит [*зачеркнуто*: не считает
для себя обидным войти] в подчинение к генералу Молчанову
и становится его начальником штаба.

После боев в Забайкалье армия перебрасывается в Примор-
ье. Настает время военных действий. Командующий Армией
генерал Вержбицкий, занятый вопросами организации и тыла,
поручает ведение военных действий против главных сил красных
генералу Молчанову.

Таким образом, на него выпадает честь вести остатки когда-
то большой Армии Восточного фронта в последний бой против
поработителей Родины, нанести им последний удар, сделать
последнюю вылазку из осажденной крепости.

С присущей ему доблестью и стремительностью генерал
Молчанов наносит красным ряд ударов и в три недели дохо-
дит до Хабаровска. Необычайный успех, казалось, должен был
создать большой подъем и вызвать широкую поддержку этого
наступления. Но ожидания не оправдались. Проходит полтора
месяца тяжелых боев за Хабаровском. Армия тает, теряет веру в
возможность получить какую-либо помощь, приносит бесплодно
большие жертвы... Начинается отступление обратно.

Когда-то, по первому призыву восставших крестьян подпол-
ковник Молчанов немедленно встал на защиту их прав и иму-
щества. Теперь горячие воззвания генерала Молчанова встречают
равнодушие, и уставшее население предпочитает скорее быть
рабами коммунистов, чем с оружием в руках отстаивать честь
и независимость своей Родины, свою свободу и личное счастье.

Генерал Молчанов сделал всё, что было в пределах челове-
ческих сил, и свой долг выполнил до конца.

и уму сердца.

Меня не жалею, возлюбив Генерала Молчанова
за бездоговорную работу, и удаливее неслыханно
предупреждаю скорое для работы коммунистиче-
ским с профсоюзом во Франции, официальной
жест и независимости своей Родине, свою
свободу и личную славу.

Генерал Молчанов сохранил все это
всю в предании геноцидальных сил и
своей дом во Франции до конца.

21 августа 1931.

Последний Парулет!

Последний Парулет! Парулет! Парулет!
и группа молодых людей.

Биография составлена не автором, а
информация, переданная для публикации и др., а
составлена в виде еще одного Генерала Молчанова,
предупреждаю которых на командировку в
предупреждаю командировку в командировку в
качестве "защиты". Если же Парулет Парулет

21 августа 1931 г.

Господин поручик!

Посылаю Вам биографию генерала Молчанова и вторую половину документов. Биографию составил не обычным шаблонным путем, перечисляя даты производства и пр., а стараясь выявить ярче личность ген. Молчанова, продвижение которого на командных должностях происходило исключительно благодаря его личным качествам и заслугам. Если эта биография Вам не подойдет, используйте как материал по Вашему усмотрению. Но если вы найдете ее подходящей для Вашего труда, и при этом по каким-либо причинам захотите указать источник, т. е. что она составлена мною, прослужившим с генералом Молчановым почти всю Гражданскую войну (с января 1919 г.), то я очень прошу в этом случае не делать никаких значительных изменений и дополнений.

В первом письме я Вам указал неверно, что первый мост, взорванный красными, был у ст. Верино. Первым они взорвали Бикинский мост.

Большая просьба выслать обратно документы, как только вы их используете. Так как книга пойдет в печать, наверное, по частям и первые документы освободятся раньше, вышлите их, пожалуйста, вперед. За это буду Вам очень признателен. С большим нетерпением буду ждать появления Вашей книги. Желаю в ее составлении полного успеха.

Уважающий Вас

А. Ефимов

**МЕТРИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ
В. М. МОЛЧАНОВА***

Метрическая книга Казанской Духовной Консистории Спасской церкви города Чистополя, 1886 г.

Запись 9, с. 7.

23 января (родился), 26 января (крестили)

Викторин

выдано свидетельство

Родители: старший сортировщик Чистопольской почтовой конторы Михаил Иванов Молчанов и законная жена его Лидия Васильева, оба православные.

Восприемники: помощник почтмейстера Чистопольской почтовой конторы, Коллежский секретарь Алексей Васильев Добрынин и дочь Коллежского асессора Василия Иоанова Добрынина Варвара.

Священник Евгений Велецкий, псаломщик — Евгений Головцев.

---

* Национальный архив Республики Татарстан. Фонд 4, оп. 176, д. 354. Документ выявлен и предоставлен для публикации С. А. Жилиным и Е. И. Кудрик (Ижевск).

ИЗ «ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАПИСКИ
О СОСТОЯНИИ ЕЛАБУЖСКОГО РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА
ЗА 25 ЛЕТ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

О СОСТОЯНІИ
ЕЛАБУЖСКАГО РЕАЛЬНОГО УЧИЛИЩА
за 25 лѣтъ ея существованія.

(1878-1903 г.)

Составилъ по порученію Педагогическаго Совѣ-
та училища законоучитель, Священникъ Павелъ
Дерновъ.

ЕЛАВУГА.
Печати Н. Н. Кибардина.
1903.

- 15) Колотовъ Николай.
- 16) Мотрохинъ Анатолий.
- 17) Пипавинъ Николай.
- 18) Соловьевъ Александръ.
- 19) Тихоцправовъ Петръ.
- 20) Чикинъ Василій.
- 21) Шабалинъ Иннокентій.
- 22) Широковъ Борисъ.

Въ 1903 году 28 учениковъ.

VII классъ.

- 1) Атамановъ Петръ.
- 2) Гирбасовъ Василій.
- 3) Гирбасовъ Николай.
- 4) Завьяловъ Михаилъ.
- 5) Мотрохинъ Анатолий.
- 6) Пипавинъ Николай.
- 7) Тихоцправовъ Петръ.
- 8) Чикинъ Василій.
- 9) Шабалинъ Иннокентій.
- 10) Широковъ Борисъ.

VI классъ.

- 11) Ардашевъ Германъ.
- 12) Бекетовъ Александръ.
- 13) Богдановъ Иванъ.
- 14) Богомоловъ Александръ.
- 15) Виноградовъ Владиміръ.
- 16) Горевъ Валентинъ.
- 17) Грачевъ Валентинъ.
- 18) Кутше Валентинъ.
- 19) Ланинъ Иванъ.
- 20) Маладинъ Михаилъ.
- 21) Молчановъ Александръ.
- 22) Молчановъ Викторинъ.
- 23) Полевъ Леонидъ.
- 24) Пустошинцевъ Степанъ.
- 25) Стахѣевъ Николай.
- 26) Тарибукинъ Александръ.
- 27) Харнасонъ Александръ.
- 28) Юминъ Борисъ.

4. Распредѣленіе учениковъ по вѣроисповѣданіямъ и сословіямъ.

Ученики, получавшіе образованіе въ Елабужскомъ реальномъ училищѣ, принадлежали и принадлежать, въ громадномъ большинствѣ своемъ, къ православному вѣроисповѣданію, а по сословіямъ къ чиновническому классу, дворянству, купечеству и мѣщанству. Количество учениковъ изъ сельскихъ сословій—крестьянскихъ начинаетъ замѣтно увеличиваться въ послѣднее десятилѣтіе.

**ПОСЛУЖНОЙ СПИСОК ПОРУЧИКА 6-ГО
СИБИРСКОГО САПЕРНОГО БАТАЛЬОНА МОЛЧАНОВА****
Составлен 25 августа 1910 г.

Чин, имя, отчество	Подпоручик Викторин Михайлович Молчанов
Должность по службе	младший офицер
Ордена и знаки отличия	Не имеет
Получаемое на службе содержание	Жалование 876 руб. Столовые 240 руб.
Викторин Михайлович Молчанов родился 23 января 1886 г. Из какого звания и какой губернии Сын чиновника г. Чистополя уроженец	
Вероисповедания	Православного
Где воспитывался	В Елабужском реальном училище и Алексеевском военном училище. Окончил курс по 1-му разряду.

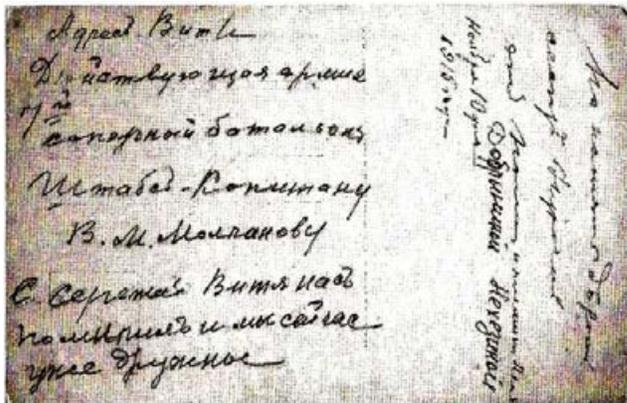
Прохождение службы

На службу поступил в Московское военное училище юнкером рядового звания	29 августа 1904 г.
По окончании полного курса в училище по 1-му разряду произведен в подпоручики. Назначен во 2-й Кавказский саперный батальон	Высочайшим приказом от 24 марта 1906 г.
Отпр. к месту служения с увольнением	в 28-дневный отпуск
Прибыл к батальону	5 мая 1906 г.
Командирован в Шушинский район для содействия гражданским властям	с 6 сентября 1906 по 20 июля 1907 г.
Командирован в составе Ленкоранского карательного отряда	с 11 апреля 1908 по 23 июня 1908 г.
Переведен во 2-й Восточно-Сибирский саперный батальон	Высочайшим Приказом от 23 августа 1908 г.
Прикомандирован ко 2-му Кавказскому саперному батальону	с 23 августа 1908 г.

* РГВИА. Фонд 409, оп. 2, п/с 288-702 1910г. Документ выявлен Е. М. Гончаровой. Печатается с незначительными сокращениями.

Предписано отправиться к месту служения	1 декабря 1908 г.
Прибыл к месту служения	16 января 1909 г.
Заведующим солдатской лавкой	с 1 февраля по 3 августа 1909 г.
Обучающим во 2-м отделении са- перного класса	с 9 февраля 1909 г.
Врем, командующим 4-й ротой	с 10 марта по 16 марта 1909 г.
Прикомандирован к 6-му Восточно- Сибирскому саперному батальону	Приказом по Иркутской са- перной бригаде от 5 августа 1909 г. за № 75 5 сентября 1909 г.
Отправился к месту прикомандиро- вания в 6-й Восточно-Сибирский саперный батальон	
Высочайшим приказом, данным 11 августа 1910 г., произведен за выслугу лет в поручики с переводом в 6-й Восточно-Сибирский саперный батальон со старшинством с 25 июня 1910 г. В службе сего офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия безпорочной службы, или отдаляющих срок выслуги по этому знаку.	
Холост или женат	Холост
<...>	
И. д. бат. адъютанта	поручик Абрамов

ФРОНТОВОЙ АДРЕС В. М. МОЛЧАНОВА В 1915 Г.

Фронтовой адрес В. М. Молчанова на обороте одной из семейных фотографий 1915 г. Надпись сделана младшей сестрой его матери — Аполлиной Васильевной Добрыниной (Семейный архив Т. М. Трибендис).

**МЕТРИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ О РОЖДЕНИИ И КРЕЩЕНИИ
КСЕНИИ, ДОЧЕРИ А. М. МОЛЧАНОВА***

**Метрическая книга Казанско-Богородицкой церкви
с. Можга Елабужского уезда Вятской губернии**

Запись 213, стр. 333

15 (рождение) / 19 (крещение) августа 1916 года

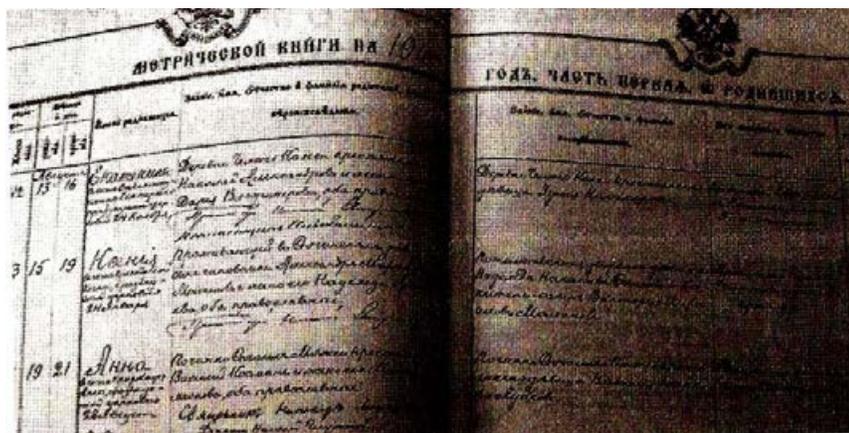
Младенец Ксения (в честь преподобной Ксении, празднуемой церковью 24 января)

Родители: Проживающий в Сюгинском заводе сын чиновника Александр Михайлов Молчанов и жена его Надежда Алексеева, оба православные

Восприемники: потомственная дворянка девица Надежда Николаева Блинова и капитан-сапер Виктор Михайлов Молчанов.

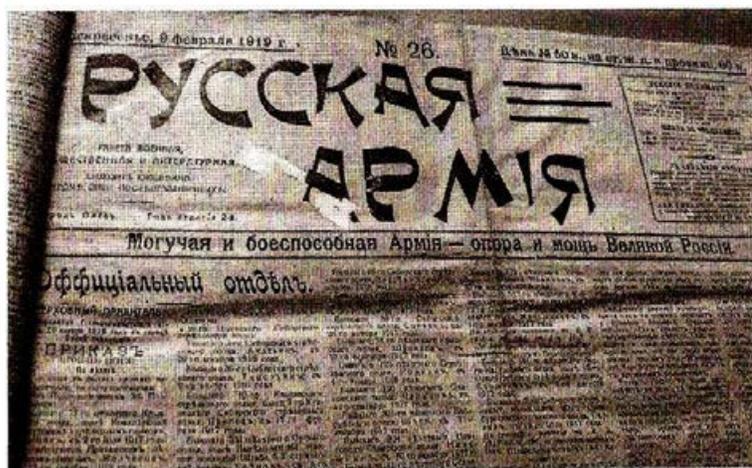
Протоиерей Николай Евтропов, один в приходе

* Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. 235, оп. 1, д. 44 (1906, 1916 г.). Документ выявлен и предоставлен для публикации С. А. Жилиным и Е. И. Кудрик (Ижевск).

Матаионовна, дворянка дворян а Мро.
 Надежда Николаева Толкина и Ки - Емт,
 Катань - селерь Викторъ сшефу -
 иель сшемаков

ПРИКАЗ АДМИРАЛА КОЛЧАКА О ПРОИЗВОДСТВЕ
В. М. МОЛЧАНОВА В ПОЛКОВНИКИ

Газета «Русская Армия» (Омск, 9 февраля 1919 г., № 26).

Материалы выявлены и предоставлены для публикации

С. А. Жилиным и Е. И. Кудрин (Ижевск)

**ДОКУМЕНТЫ ИЗ МУЗЕЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
В САН-ФРАНЦИСКО
(ФОНД ГЕНЕРАЛА Д. А. ЛЕБЕДЕВА)***

---

* МРКСФ, фонд 316, коп. 1. Museum of Russian Culture, 2450 Sutter St., San Francisco, California 94115, USA; www.museumofrussianculturesf.org. Благодарим Правление Музея за предоставление материалов для публикации. — *Прим. сост.*

Документ 1
СВЕДЕНИЕ
о списочном и наличном составе Ижевского стрелкового полка по состоянию к 26/VI [1920 г.]

С В Е Д Е Н И Е

о списочном и наличном составе Ижевского стрелкового полка по состоянию к 26/VI

Вид, родъ козвѣды	По списку				На зѣло				Итого
	Офиц.	Чиноуинноз.	Взрѣж.	Солдатовъ	Офиц.	Чиноуинноз.	Взрѣж.	Солдатовъ	
Врачъ полка	3	3	-	-	-	-	-	-	6
1-я батарея	2	13	-	65	3	3	45	8	121
2-я "	2	13	-	75	3	11	52	7	66
3-я "	1	12	-	68	4	12	42	5	66
Путевая ком.	2	4	-	34	2	4	28	5	43
Командная ком.	1	1	-	8	1	-	6	2	9
Газета, комитет	1	10	-	63	7	3	53	14	75
Офицерск. взв.	4	10	-	5	4	9	5	13	22
Хозяйств. часть	-	4	-	24	2	3	18	6	26
Околотокъ	-	1	4	4	1	3	4	1	10
Командъ	-	30	3	176	359	30	3	359	718
В С Е Г О	15	70	7	421	579	57	61	578	1075

Итого 1075
359

26-го июня 1920 г.
Ижевск.
г. Сулеймановъ

СВЕДЕНИЕ

О списочном и наличном составе Ижевского стрелкового полка по состоянию к 26/VI [1920 г.]

Название рот и команд	По списку							На лицо							Примечание				
	Штаб-офиц.	Обер-офиц.	Чинovníков	Врачей	Фельдшеров	Солдат		Лошад.		Штаб-офиц.	Обер-офиц.	Чинovníков	Врачей	Фельдшеров		Солдат		Лошад.	
						Срoв.	Нестр.	Срoв.	Обозных							Срoв.	Обозных		
Штаб полка	3	3	—	—	—	Всего	6	Всего	3	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1-й батальон	2	13	—	—	—	65	20	20	2	13	—	—	—	—	45	8	12	8	1
2-й батальон	2	13	—	—	—	75	13	13	2	11	—	—	—	52	6	7	6	7	6
3-й батальон	1	12	—	—	—	62	10	10	1	12	—	—	—	42	5	4	6	4	6
Пулеметная ком.	2	4	—	—	—	34	24	24	2	4	—	—	—	28	5	3	18	3	1
Комендантская ком.	—	1	—	—	—	8	4	4	—	1	—	—	—	6	2	4	—	—	—
Развед. эскадрон	1	10	—	—	—	63	74	74	1	9	—	—	—	56	5	68	6	6	3
Офицерский взв.	4	10	—	—	—	5	15	15	4	9	—	—	—	—	5	13	2	2	2
Хозяйств. часть	—	4	—	—	—	29	22	22	—	4	3	—	—	—	28	6	16	6	—
Околоток	—	—	—	1	4	4	5	5	—	—	—	—	—	—	4	1	4	1	1
Кондив	—	30	3	—	—	376	329	329	—	30	3	—	—	254	79	264	65	—	—
ВСЕГО	15	100	7	1	4	721	519	519	15	96	6	1	752	483	147	394	135	384	519

«25» июля 1920 г.
г. Сретенск

Альютант полка,
КАПИТАН

<подпись>

НАХОДИТСЯ В СТРОЮ

Июля 26 дня 1920 г.

Наименование части	Рот	Эскадронов	Команд	Штаб-офиц.	Обер-офиц.	Унт.-офиц.	Рядовых	Нестроевых	Итого солдат	Число ряд. в рот. (эскад.)	Строев. лошад.	Примечание
Ижевский стрелковый полк (с конным дивизионом)	5	4	2	13	74	404	22	—	426		324	В графе ун.-офицеров показаны подпрапорщики, фельдфебели и вахмистры.

Командир полка,
ПОЛКОВНИК

НАХОДИТСЯ В СТРОЮ

10 октября 1920 года

Название части	Рот, команд и эскадронов	Штаб-офицеров	Обер-офицеров	Подпоручиков, фельдфебелей (вахмистров)	Ст. ун.-офицеров	Мл. ун.-офицеров	Рядовых	Итого солдат	Число рядов	Лошадей строев.	Примечание
Ижевский стрелковый полк (с конным дивизионом)	3 роты 4 эскад. 2 пул. к-нды	9	75	25	120	239	9	393	—	286	

Командир Ижевского стрелкового полка,
Генерального Штаба ПОЛКОВНИК
Ефимов

Документ 4

СВЕДЕНИЕ О ЧИСЛЕННОМ НАЛИЧНОМ СОСТАВЕ

III укас. войск Гарнизона креп. Владивосток

Части по состоянию к 2 июня 1921 год

Сведения о численности наличной боевой части по состоянию к 2 июня 1921 г.

№ п/п	Наименование части	Численность	Примечание
1	Взвод	310	
2	Рота	460	
3	Компания	520	
4	Полк	1090	
5	Батальон	1090	
6	Рота	1090	
7	Компания	1090	
8	Полк	1090	
9	Батальон	1090	
10	Рота	1090	
11	Компания	1090	
12	Полк	1090	
13	Батальон	1090	
14	Рота	1090	
15	Компания	1090	
16	Полк	1090	
17	Батальон	1090	
18	Рота	1090	
19	Компания	1090	
20	Полк	1090	
21	Батальон	1090	
22	Рота	1090	
23	Компания	1090	
24	Полк	1090	
25	Батальон	1090	
26	Рота	1090	
27	Компания	1090	
28	Полк	1090	
29	Батальон	1090	
30	Рота	1090	
31	Компания	1090	
32	Полк	1090	
33	Батальон	1090	
34	Рота	1090	
35	Компания	1090	
36	Полк	1090	
37	Батальон	1090	
38	Рота	1090	
39	Компания	1090	
40	Полк	1090	
41	Батальон	1090	
42	Рота	1090	
43	Компания	1090	
44	Полк	1090	
45	Батальон	1090	
46	Рота	1090	
47	Компания	1090	
48	Полк	1090	
49	Батальон	1090	
50	Рота	1090	
51	Компания	1090	
52	Полк	1090	
53	Батальон	1090	
54	Рота	1090	
55	Компания	1090	
56	Полк	1090	
57	Батальон	1090	
58	Рота	1090	
59	Компания	1090	
60	Полк	1090	
61	Батальон	1090	
62	Рота	1090	
63	Компания	1090	
64	Полк	1090	
65	Батальон	1090	
66	Рота	1090	
67	Компания	1090	
68	Полк	1090	
69	Батальон	1090	
70	Рота	1090	
71	Компания	1090	
72	Полк	1090	
73	Батальон	1090	
74	Рота	1090	
75	Компания	1090	
76	Полк	1090	
77	Батальон	1090	
78	Рота	1090	
79	Компания	1090	
80	Полк	1090	
81	Батальон	1090	
82	Рота	1090	
83	Компания	1090	
84	Полк	1090	
85	Батальон	1090	
86	Рота	1090	
87	Компания	1090	
88	Полк	1090	
89	Батальон	1090	
90	Рота	1090	
91	Компания	1090	
92	Полк	1090	
93	Батальон	1090	
94	Рота	1090	
95	Компания	1090	
96	Полк	1090	
97	Батальон	1090	
98	Рота	1090	
99	Компания	1090	
100	Полк	1090	

1. Подпись
2. Подпись

СВЕДЕНИЕ О ЧИСЛЕННОМ НАЛИЧИИ В СОСТАВЕ
III учас. войск Гарнизона креп. Владивосток Части по состоянию к 2 июня 1921 год

Наименование части	Батальон, дивизион	Рот. эскад. бат.	Генералов	Штаб-офиц.	Обер-офиц.	Врачей и связ-в	Чиновник	Унтер-офиц.	Строев. сол.	Нестроев. сол.	Калат	Орудий	Винтовок	Револьвер.	Шашек	Снарядов	Винтовоч. патрон.	Пулеметных лент	Ручных гранат	Строевых лошадей	Обозных лошадей	Селел	Автомобил.	Повозок	Походных кухонь
Ижевско-Уфимский отряд	3	10	—	5	52	—	—	337	—	18	—	—	335	2	127	—	7850	—	3	—	14	—	—	1	1
Воткинский отряд	2	10	—	4	68	—	—	307	—	17	—	—	—	5	30	—	—	—	—	—	14	—	—	—	—
Всего в отряде	5	20	—	9	120	—	—	644	—	35	—	—	335	7	157	—	7850	—	3	—	14	—	—	1	1

1 июня 1921 г.
г. Владивосток

Начальник Штаба Войск Гарнизона
3 участка кр. Владивосток
Полковник

Документ 5
Приказ В. М. Молчанова от 2 декабря 1921 г.

Оперативное секрет
Начбригу I стрѣлковой Генмаіору ВОРДИЛОВСКОМУ.
2 декабря 1921 года НР.089/л. ст. Евгенъевка

П р и к а з
Остатки бригады, по прибытіи командирского полкова, отправитъ вьелозами по желдорѣ на станцію Усури, вѣд. В. Медвѣдскій.

Оставаюсь на посту Начбра Спасскаго. Командованіе бригадой районѣ станціи Усури возложить на Начбра бригады Полковника ДОМОНОВИЧА, если не будетъ назначенъ особымъ на то указаніемъ отъ Комвойскаго.

КОМКОРЪ,
Генмаіоръ *Молчановъ*

НАЧБРАКОРЪ
Генштаба ПОЛКОВНИКЪ *Домоновичъ*

2/12
В. М. Молчановъ
2/12

Документ 6
 СВЕДЕНИЯ О СТРЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
 И СОСТОЯНИИ ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА ЧАСТЕЙ
 3-го СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА. 19 июня 1922 г.

<Лист 1>

ВЛАДЫМИРЪ ШУБА
 3-го
 Стрѣльческаго Корпуса.
 19 1922
 № 128

СОВѢЩАНІЕ СЪЗВАНО.

1-му Генералъ-Квартермейстеру Штаба 3-й Инф. и
 2-го Бр., Приволжскаго Краевѣдства.

Присутствіе: 8 олицъ.

Предсѣдатель: 3-го стрѣльческаго Корпуса.
 Секція: 3-го стрѣльческаго Корпуса.
 Предсѣдатель: 3-го стрѣльческаго Корпуса.
 Секція: 3-го стрѣльческаго Корпуса.

В. П. Генералъ Штаба П. С. И. В. И. А. З. Б. Савуловъ
 И. П. Сверхквартирмейстер
 К. А. И. Т. А. И. С. Шиндлеръ
 М. П. С. И. П. Р. А. И. С. Шиндлеръ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Начальник штаба
3-го
стрелкового корпуса
19 июня 1922 г.
№ 1238

1-му Генерал-Квартирмейстеру Штаба войск и Флота
Вр. Приамурского Правительствия

кр. Владивосток

На № 0775/оп

При сем препровождаю сведения о строевой организации и состоянии офицерского состава частей 3-го стрелкового корпуса.

Сведения об экспедиционных частях Поволжской стрелковой бригады будут представлены дополнительно по получении их от частей.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 8 сведений.

п. л. Генерального Штаба ПОЛКОВНИК Савчук

И. д. Оберквартирмейстера Капитан Степанов

Верно: Старод. шт. кап. Вяткин

Сводение Ижевско-Воткинской стрелковой бригады

Сводение										
Ижевско-Воткинской стрелковой бригады										
Наименование части	Полков	Лейтенантов	Капитанов	Взводов	Секундаров	Взводов	Взводов	Взводов	Взводов	Взводов
Ижевская бригада	-	-	-	-	-	-	5	5	7	4
Свод-Добр. стр. полк	1	2	7	1	18	5	49	38	16	22
Воткинский исп. див.	-	1	-	-	-	3	29	14	12	8
Иж-Воткин. батарея	-	-	1	-	-	4	10	7	4	3
Итого	1	1	1	2	8	6	14	103	61	37

18 июня 1922 г.
 И. 438/сп.
 в г. Разольное.

И. п. Начальник Штаба Ижевско-Воткинской стрелковой бригады, Полковник БОЕИМОВЪ.
 Старший Адъютант, Штабс-Капитан Пелукинский.

БОИС: Старша Штаба 3, Штабс-Капитан *А. Шторм*

СВЕДЕНИЕ
Ижевско-Воткинской стрелковой

Наименование части	Полков	Дивизионов	Батареи	Батальонов	Рот	Эскадронов	Взводов	Штаб-офицер.	Серж-офицер.	Офиц. сост. на ком. должност.	Офиц. бойцов	Офиц. на адм. и нестр. дол.	Офиц. имеющ. при себе семьи
Штаб бригады	—	—	—	—	—	—	—	5	5	7	—	3	4
Свод.-Добр. стр. полк	1	—	—	2	7	1	18	5	49	33	18	8	22
Воткинский кон. див.	—	1	—	—	—	5	9	3	29	14	12	6	8
Иж.-Воткин. батарея	—	—	1	—	—	—	4	1	10	7	4	—	3
ИТОГО	1	1	1	2	8	6	31	14	103	61	34	17	37

18 июня 1922 г. П. п. начальник Штаба Ижевско-Воткинской стрелковой бригады,
№ 438/оп. полковник Ефимов. —
в/г Раздольное.

Старший адъютант, штабс-капитан Полунин. —

ВЕРНО: Старад Штакора 3, ШТАБС-КАПИТАН Вяткин

Добровольческий полк: В батальон по 2 роты, 1 офицерская, 1 пулеметная, 1 связь, и 1 нестрелковая. Из батальонных остатков по 2 взвода, из офицерской и из разведывательного эскадрона по 3 взвода и пулеметной роты 3 взвода.

Восстановительный полк: 2 эскадрона стрелковых, 1 эскадрон учебной к-ды, 1 эскадрон пулеметный и 1 учебный. Все эскадроны 2-х взводных и учебный эскадрон сновывающего состава.

4-я батарея: 2-х срудильная легкая батарея, состоит из двух взводов, вз каждой взвод по 1 орудию, 1 пулеметный взвод и 1 взвод разведчики и нестрелковая.

Старший Адъютантъ,
Штабс-Капитанъ ИСЛЕННЪ.

ВЕРНО: Старая Шмакова 3, Штабс-Капитанъ

Ислень

- Добровольческий полк: В батальоне по 2 роты, 1 офицерская, 1 пулеметная, 1 связь и 1 нестроевая. В батальонных ротах по 2 взвода, в офицерской и в разведывательном эскадроне по 3 взвода и пулеметной роте 3 взвода.
- Воткинский конн. дивиз.: 2 эскадрона строевых, 1 эскадрон учебной к-ды, 1 эскадрон пулеметный и 1 учебный. Все эскадроны 2-х взводные и учебный эскадрон обновзводного состава.
- 4-я батарея: 2-х орудийная легкая батарея, состоит из двух взводов, в каждом взводе по 1 орудию, 1 пулеметный взвод и 1 взвод разведчики и нестроевые.

Старший Аджютант,
Штабс-Капитан ПОЛУНИН

ВЕРНО: Старад Штакора 3, Штабс-Капитан *Вяткин*

Секретно с Копія.

Обер-квартир III.

Відповідостяк 18 ічня № 471.

На НР 1226. сообщаю:

1/ Киевский стрѣлковий полкъ состоитъ изъ 3-хъ батальоновъ; 6-ия 3-хъ ротного состава; рота имѣеть 3 зввоча. Крѣпъ батальонѣвъ въ полку: команда конныхъ развѣдчиковъ 3 звв., пулеметная команда 4 звв., команда телефонистовъ 1 отц. и нестроевая рота.

2/ По списку въ полку: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 60

На лицо: штабъ-офицеровъ - 3, оберъ-офицеровъ 46.
3/ На командныхъ должностяхъ состоитъ при штабѣ полка 5 офицеровъ,

включенныхъ въ батальонахъ 39 офицеровъ, въ командахъ 12 офицеровъ.

IV/ Офицеровъ бойцевъ нѣтъ. *Крѣпъ 14 + 3 отц. команд + 9 б. команд x 3*

У/ На нестроевыхъ должностяхъ 4 офицера.

VI/ На включеніи у офицеровъ семей состоитъ 7.

П.п. За Комполка Киевского, Полковникъ Астраханцевъ.-
Подковой Адамантъ, Капитанъ Никольскій.-

Вѣрно: Старшій штабс-офицеръ 3, штабс-капитанъ *В. Д. Митинъ*

Оберкваркор Ш.

Владивосток 18 июня № 471.

На НР 1226. сообщаю:

1) Ижевский стрелковый полк состоит из 3-х батальонов; б-ны 3-х ротного состава; рота имеет 3 взвода. Кроме батальонов в полку: команда конных разведчиков 3 взв., пулеметная команда 4 взв., команда телефонистов 1 отд. и нестроевая рота.

2) По списку в полку: штаб-офицеров 4, обер-офицеров 60.

Налицо: штаб-офицеров — 3, обер-офицеров 46.

3) На командных должностях состоит при штабе полка 5 офицеров, в батальонах 39 офицеров [*приписано: К-р бат. + 3 рот. ком. + 9 взв. команд. х 3*], в командах 12 офицеров.

IV) Офицеров бойцов нет.

V) На нестроевых должностях 4 офицера.

VI) На иждивении у офицеров семей состоит 7.

П. п. За Комполка Ижевского, Полковник Астраханцев. —
Полковой Адъютант, Капитан Никольский. —

Верно: Старад штакора 3, штабс-капитан *Вяткин*

С В Я Д Н И А

о структуре организации Южноуральского бассейна

Судебная служба
 Организация с целью
 в целях охраны
 в целях охраны
 в целях охраны

С целью охраны
 в целях охраны
 в целях охраны
 в целях охраны

С целью охраны
 в целях охраны
 в целях охраны
 в целях охраны

С целью охраны
 в целях охраны
 в целях охраны
 в целях охраны

С целью охраны
 в целях охраны
 в целях охраны
 в целях охраны

С целью охраны
 в целях охраны
 в целях охраны
 в целях охраны

И. В. Комаров, Восточного округа
 И. В. Комаров, Восточного округа
 И. В. Комаров, Восточного округа
 И. В. Комаров, Восточного округа

И. В. Комаров, Восточного округа
 И. В. Комаров, Восточного округа
 И. В. Комаров, Восточного округа
 И. В. Комаров, Восточного округа

СВЕДЕНИЯ
О строевой организации Воткинского стрелкового полка

Существующая строевая организация с указанием подразделений до взводов включительно:	О наличии количества в полку штаб-офицеров и обер-офиц. в отдельности:	Количество офицеров, состоящих на команд. долж., до к-ров взвод. включительно:	Количество бойцов-офицеров:	Количество офицеров, состоящих на административных и нестроевых должностях:	Количество офицеров, имеющих при себе на иждивении семьи:	Примечание
П о л к: 2 батальона, 4 строевых роты: 8 взводов: Пулеметная команда 2 взвода Команда службы связи 2 взвода Нестроевая рота 2 взвода	В полку: Штаб-офицеров — 7 обер-офиц. — 55 чиновников — 13.	Штаб-офицеров — 6 обер-офицеров — 27 чиновников — 1	Шт.-офицер. — 1 обер-офицер. — 26 чиновников — 6	Обер-офицеров — 2 чиновников — 6.	Офицеров, имеющих при себе семьи на иждивении — 19.	В графах 2 и 5-й в числе чиновников показаны: полк. врач, и свящ.

Командир Воткинского стрелкового полка,
П о л к о в н и к   Ф О Н - В А Х . —
 Полковой Адъютант, Подполковник Горчаковский. —
 ВЕРНО: Старад Штакора 3, Штабе-капитан *Вяткин*

КОМАНДИРЪ
АРТИЛЕРІЙСКАГО
дивизиона
III-го Серблов. корпусу
18 іюня 1922 года
№ 57/с.

Копія.
Срочно. Свѣдетно
Командиру корпуса

РАПОРТЪ

г-о. Владивостокъ Донску:

на № 1226.
1/ Въ составъ ввѣреннаго мнѣ дивизиона входятъ: 2 бата-
реи, Уральская пуделевная имени Генерала Круглиевскаго
рота, Сидерскій взвѣсъ, Кочанца Управленія дивизиона и
капръ Артиллерійскаго парка. Въ батареяхъ и Уральской ро-
тѣ по два взвѣсца.
2/ Въ дивизионѣ состоятъ: штабъ-офицеровъ - 10, оберъ-
офицеровъ - 40, чиновниковъ - 6.
3/ На командныхъ должностяхъ состоятъ: 33 офицера и
6-ть чиновниковъ.
4/ Штабъ-офицеровъ - 25.
5/ Не имѣется.
6/ Въ дивизионѣ: 8 офицеровъ и 2 чиновника, имѣющихъ при
себѣ на иждивеніи семьѣ.

Подписали:

Полковникъ Бекъ - И а м е д о в ъ . -
Анотантъ дивизиона, Капитанъ Л ю т к ѣ . -

ВЗНО: Старац Штатора 3, Штассъ-К а н т а н ъ .
В. М. М.

**КОМАНДИР
Артиллерийского**

дивизиона

III-го Стрелков. Корпуса

18 июня 1922 года

№ 57/с.

гор. Владивосток

Доношу:

РАПОРТ

Командиру корпуса

Копия.

Срочно. Секретно

1) В состав вверенного мне дивизиона входят: 2 батареи, Уральская пулеметная имени Генерала Круглевского рота, Офицерский взвод, Команда Управления дивизиона и кадр Артиллерийского парка. В батареях и Уральской роте по два взвода.

2) В дивизионе состоит: штаб-офицеров — 10, обер-офицеров — 46. Чиновников — 6.

3) На командных должностях состоит: 33 офицера и 6 чиновников.

4) Офицеров бойцев состоит — 23.

5) Не имеется —

6) В дивизионе: 8 офицеров и 2 чиновника, имеющих при себе на иждивении семьи.

Подписали:

Полковник Бек - Мамедов. —

Адъютант дивизиона, Капитан Лютц. —

ВЕРНО: Старад Штакора 3, Штабс-Капитан

Вяткин

к о п и я

В. Спѣшно, Свѣтло.

Сберь-квартирмейстеру Штаба 3-го стрѣлковаго корпуса

№ К. 1226.

Сообщаю, что Инженерный Дивизионъ состоитъ: 1/ Изъ Штаба дивизиона, 2/ Санитарнаго рота, 3/ Телеграфнаго Кабельнаго отряда и 4/ Полевато Инженернаго парка.

а) Штабъ состоитъ: изъ строевой, хозяйственной и технической частей, б) Сапелная рота изъ 4 взводовъ,

и) Телеграфно-кабельнаго отряда изъ 6 телеграфныхъ и 6 телефонныхъ станцій.

г) Полевая Инженерная паркъ: Изъ Инженернаго Хозяйственнаго Состава, Авто-мобильнаго взвода и Инженерно-техническихъ мастерскихъ со складомъ Ливернаго имущества.

и) Наличие въ дивизионѣ: Штабс-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 25

и) Служащихъ, состоящихъ на командныхъ должностяхъ до командировъ взводовъ включительно 16

4/ Служащихъ-общихъ / телеграфистовъ / 5

5/ Служащихъ, состоящихъ на административныхъ и нестроевыхъ должностяхъ 5

6/ Служащихъ, имеющихъ на своемъ индивидуальномъ семействѣ 1.

Командиръ Дивизиона
ПОДПИСАВШІЙСЯ САНСВЪ

18 июля 1922 г.

Адъютантъ Дивизиона

Поручикъ Словъ

№ 692

г. Владивостокъ

Съ полн. вѣрно: Старшій Штатс-офицеръ 3
ШТАБЪ-КАПИТАНЪ

В. Штатс-офицеръ

К о п и я
В. Спешно. Секретно.

Обер-квартирмейстеру Штаба 3-го стрелкового корпуса

На № 1226.

Сообщаю, что Инженерный Дивизион состоит: 1) Из Штаба дивизиона, 2) Саперной роты, 3) Телеграфного кабельного отделения и 4) Полевого Инженерного парка.

а) Штаб состоит: из строевой, хозяйственной и технической частей.

б) Саперная рота из 4 взводов.

в) Телеграфно-кабельное отделение из 6 телеграфных и 6 телефонных станций.

г) Полевой Инженерный парк: из Инженерного хозяйственного обоза, Автомобильного взвода и Инженерно-технических мастерских со складом инженерного имущества.

2) Наличие в дивизионе: Штаб-офицеров — 1, обер-офицеров — 25.

3) Офицеров, состоящих на командных должностях до командиров взводов включительно — 16.

4) Офицеров-бойцов (телеграфистов) — 5.

5) Офицеров, состоящих на административных и нестроевых должностях — 5.

6) Офицеров, имеющих на своем иждивении семьи — 1.

Командир Дивизиона,
ПОДПОЛКОВНИК САНКОВ

18 июня 1922 г.

№ 692
Адъютант Дивизиона,
Поручик Осипов

г. Владивосток
С подл. верно: Старад Штакора 3,
ШТАБС-КАПИТАН *Вяткин*

кошік

Срочно. Секретно.

Сборкажурну 3

на № 1226

1/ Корпусное Интенданство состоитъ изъ : а/ Управления, б/ Караульной команды и в/ рабочей команды.

2/ При управленіи: Штабъ-офицеровъ одинъ, Сборъ-офицеровъ пять и чиновниковъ девять. Въ командахъ офицеровъ нѣтъ.

3/ Командныхъ /стрелковъ/ количествъ не имѣется.

4/ Бойцевъ офицеровъ не имѣется.

5/ Офицеровъ и чиновниковъ, занимающихъ должности : а/ Корнетъ /полковникъ/ - одинъ, б/ Сборъ-офицеровъ для порученій : Калининъ одинъ, Штабъ-капитанъ одинъ, поручиковъ одинъ, подпоручиковъ одинъ и прапорщиковъ одинъ.

в/ Дипломатическихъ чиновниковъ три, г/ чиновниковъ для канцелярскаго дела и порученій /чиновниковъ/ три, ч/ Прикомандированныхъ чиновниковъ три.

6/ Имѣющихъ при себѣ на иждивеніи семьи: офицеровъ три и чиновниковъ три.

Интендантъ. Бего, оружейнаго корпуса
П. С. Л. К. С. В. Н. К. В. С. И. Ш. Е. В. Е. З.

Дипломатическіи Титулярный Советникъ Дроздовъ,
Съ подл. вѣрис: Стараѣ Штатсра III *и др.*

К о п и я
Срочно. Секретно.

Оберваркору 3

На № 1226

- 1) Корпусное Интендантство состоит из: а) Управления, б) Караульной команды и в) рабочей команды.
- 2) При управлении: Штаб-офицеров один, Обер-офицеров пять и чиновников девять. В командах офицеров нет.
- 3) Командных (строевых) должностей не имеется.
- 4) Бойцов офицеров не имеется.
- 5) Офицеров и чиновников, занимающих должности: а) Коринг (полковник) — один, б) Обер-офицеров для поручений: Капитанов один, Штабс-капитанов один, поручиков один, подпоручиков один и прапорщиков один, в) делопроизводителей чиновников три, г) чиновников для делопроизводства и поручений (чиновников) три, д) Прикомандированных чиновников три.
- 6) Имеющих при себе на иждивении семьи: офицеров три и чиновников три.

Интендант 3-го стрелкового корпуса,
ПОЛКОВНИК СГИБНЕВ

Делопроизводитель Титулярный Советник (подпись)

С подл. верно: Старад Штакора III ш-к Вяткин

ИВАННЪ БРАТЪ

полного

починого воспитателя
8-го стрѣлк. корпуса

10ня 17 дня 1922 г.

в.г. Рязаньск.

ва. № 1236 телеграмм

К С П И Я

Собь-квартирмейстеру Штаба 3-го стр. корпуса

Сообщаю, что во вѣренномъ мнѣ воспитатѣ имѣ-
ють при себѣ на издѣвкѣмъ семьи пять классныхъ
членовъ. Состальныя же пункты къ Госпиталю не отно-
сятся.

Титулярный Совѣтникъ УСПЕНСКІЙ

Смотритель Госпиталя

численнѣкъ всеннаго времени /исписъ/

Дѣлосведатель

численнѣкъ всеннаго времени /исписъ/

Съ подлиннымъ вѣрно: Старая Шляхера 3
СТАВЪ-КАШТАНЪ

В. П. Став-Каштанъ

К о п и я

ГЛАВНЫЙ ВРАЧ
полевому Ober-квартирмейстеру Штаба 3-го стр. корпуса
подвижного госпиталя
3-го стрелк. корпуса
Июня 17 дня 1922 г.
в г. Раздольное.

на № 1226 телеграммы

Сообщаю, что во вверенном мне госпитале имеют при себе на иждивении семьи пять классовых чинов. Остальные же пункты к Госпиталю не относятся.

Титулярный Советник УСПЕНСКИЙ

Смотритель Госпиталя,
чиновник военного времени (подпись)

Делопроизводитель,
чиновник военного времени (подпись)

С подлинным верно: Старад Штакора 3,
ШТАБС-КАПИТАН *Вяткин*

Свидетельство об окончании
Слободской женской гимназии Н. К. Скордули

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Представительница сего, ученица VIII дополнительнаго класса Слободской женской Гимназии *Наталія Константиновна Скордули* какъ видна изъ документовъ личнаго архива *Скордули* православнаго исповѣданія, рожденная *1892* года, по окончаніи общаго курса наукъ въ названнаго Гимназіи, поступила въ VIII дополнительный классъ въ *августѣ* мѣсяцѣ *1909* г., для специальнаго изученія *русскаго языка* и, находясь въ ономъ по май мѣсяцъ *1910* г., при *отличномъ* поведеніи, всѣмъ практически учебнымъ предметамъ, установленнымъ для ученицы VIII дополнительнаго класса, выполнила *отлично*.

№ 193

Въ настоящемъ году, при бывшемъ испытаніи ученицы VIII дополнительнаго класса, она, *Скордули* показала блестящія познанія:

• въ педагогикѣ и дидактикѣ	<i>отлично (5)</i>
• арифметикѣ	<i>отлично (5)</i>
• русскому языку	<i>отлично (5)</i>
• исторіи	<i>отлично (5)</i>
• географіи	<i>отлично (5)</i>

Въ продолженіе *1909/10* учебнаго года въ предвѣдѣть курсъ она имѣла успѣхи.

Въ Законѣ Божіемъ	<i>отлично (5)</i>
• начальныхъ преподаваній русск. языка	<i>отлично (5)</i>
• начальныхъ преподаваній практическаго языка	<i>отлично (5)</i>
• физикѣ	<i>отлично (5)</i>
• химіи	<i>отлично (5)</i>

Посему, на основании упомянутых правил, она, *Скор-
дуца*, какъ удовлетворяющая всемъ требованиямъ Высочайше утвержденного 24 мая 1870 г. Положения о женскихъ гимназияхъ издательства Министерствъ Народнаго Просвѣщенія и учебнаго вѣдѣнія VIII дополнительнаго класса женскихъ гимназій, утвержденаго г. Министерствъ Народнаго Просвѣщенія 31 августа 1874 г., пріобрѣтаетъ званіе домашней *учительницы*

Въ удостовѣреніе вышеизложеннаго и выдано ей, *Скордучи*, сіе свидѣтельство, на основаніи ст. XIX вышеизложеннаго Положенія, по опредѣленію Педагогическаго Совета, состоявшагося 3 іюня 1910 года, за малолѣтшею подписью и съ приложеніемъ печати. Гор. Слободскій, іюня . 15. дня 1910 года.

И. об. Предсѣдателя Педагогическаго
Совета *С. Демидовъ*

Начальница Гимназіи *В. М. Шенникова*

За Секретаря Педагогическаго
Совета *А. Демидовъ*

Включена въ книгу выдачи свидѣ-
тельствъ *Камелия Косицкая* въ Службу
въ мѣсяцѣ *Июль* по (дѣлов.) *1910*
выдана по II классной *кадетскому*
Службѣ *Служба*

Предсѣд. Педагогическаго Совета *С. Демидовъ*

Мисловодитель *А. Демидовъ*

Удостоверения на Знак отличия Военного Ордена
за Великий Сибирский Поход

Удостоверение.

Знак отличия Военного Ордена „За Великий Сибирский Поход“ 1-й степени (Терновой серебряной втульце со золотым крестом на Георгиевской ленте без банта) за № шестьдесят

№ шестьдесят действительно, пожаловано
Генерал-майору Молчанову, что
подписали со приложением казенной печати удостоверяется.

Гор. Чита 31 мая 1920 года.

Командующий Сибирско-Восточной Армией

Генерал-лейтенант

Начальник Штаба Генерал-полковник Штаба

Генерал-майор

Удостоверение № 6 выдано генерал-майору Молчанову

31 мая 1920 года, г. Чита.

Удостоверение

Знаком отличия Военного Ордена „За вели-
кий Сибирский Поход“ 1-й степени (Терновой
серебряной вонзю со золотым лисельм на Георгиев-
ской ленте без банта) за № м.с.м.м.м.м.м.

Истинительно пожало-
вано Генерал-лейтенанту Молчанову
что подписали со приложением ка-
зенной печати удостоверяется.

Командующий Восточной Армией
Генерал-лейтенант
Начальник Генерального Штаба
Генерал-Маиор

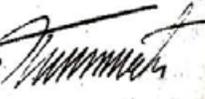
30 апреля 1921 года
[Signature]
[Signature]

Удостоверение № 6 выдано генерал-лейтенанту Молчанову
30 апреля 1921 года.

Удостоверение.

№ 25
Знакъ отличія Военнаго Ордена „За Вели-
кій Сибирскій Походъ“ 2-й степени (Терновой
серебряннй вѣнецъ съ золотымъ медемъ на В.лади-
мирской лентѣ безъ банта) за № 25 выданъ
пл. т. м. д. действительнаго, пожалована
Натальѣ Константиновнѣ Молчановой
подписали съ приложеніемъ казенной печати удосто-
воряется.

Гор. Чита, Май 11 дня 1920 года.

Начальник Штаба Далеко-Восточной Арміи
Генеральнаго Штаба Генералъ-Майоръ
Дезурный Генералъ
Генералъ-Майоръ

Удостоверение № 25 выдано Натальѣ Константиновнѣ Молчановой
11 мая 1920 года, гор. Чита.

Заграничный паспорт*

№ 18/203

Объявляется через сие всем и каждому, кому о том ведать надлежит, что показатель сего, *русский гражданин Викторин Михайлович Молчанов, род. в 1886 г., православный, с женой Натальей Константиновной, род. в 1892 г., и сыном Михаилом, род. в 1921 г., проживает за границей.*

В свидетельство того и для свободного проезда дан сей паспорт от Российского Консульства в Йокохаме *июня 28-го* дня 1923 года.

Взыскано по ст. 1 Тар. Конс. Пошл. 3 руб. — 3 иена 10 сен.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛ *А. Вильке*

Фото, подпись

*Припечатанная фотография
и подпись сим удостоверяются.*

---

* Оригинал см. вклейку. — *Ред.*

Иммиграционная декларация
с печатью о въезде в США 8 августа 1923 г.

(Established July, 1917, and amended August, 1921.)

DECLARATION OF ALIEN ABOUT TO DEPART FOR THE UNITED STATES

(See General Regulations No. 76.)

AMERICAN CONSULATE, *Jericho, N. Y.* *29 Aug 1923*
(Date)

I, *Viktorin Moltzenhoff* a citizen
subject of *Russia*

bearer of passport No. *12/2003*, dated *22 June 1923* issued by *Russian Consul in
Jericho*

am about to go to the United States of America, accompanied by *my wife, Katerina
and my son, Mikhail* *1 year 8 months*
(Name of persons included in destination passport.)

I was born *January 23, 1868* *Christopol, Russia*
(Date)

My occupation is *I'm an officer* I last resided at *Vladivostok, Vladivostok*
1922, and in salary *months, and intend to go to* *Jericho, N. Y.*
in three and four for *2* *years*
(Address in United States.)

Декларация иностранца, въезжающего в США
(перевод с английского)

Американское консульство в Иокогаме, Япония, 29 июня 1923 г.

Я, Викторин Молчанов, гражданин России, имею паспорт № 18/203, выданный 28 июня 1923 г. Российским консулом в Иокогаме, отправляюсь в Соединенные Штаты Америки вместе с женой Наталией и сыном Михаилом (возраст 1 год 8 месяцев).

Родился 23 января 1886 г. в Чистополе, Россия.

Профессия: офицер.

Последнее место жительства: во Владивостоке до декабря 1922 г. и проездом был в Китае и Японии. Собираюсь ехать в Сан-Франциско, Калифорния.

[Печать о въезде в страну на обороте декларации:]

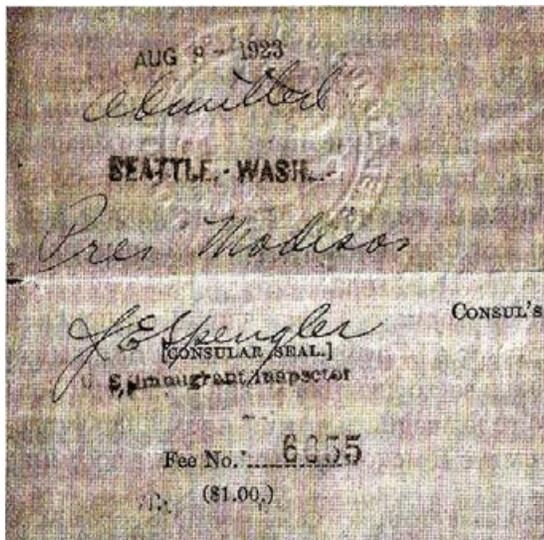
8 августа 1923 г.

Допущен

Сиэтл, штат Вашингтон

«Президент Мэдисон» *[пароход]*

Подпись

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СТАТЬИ О ГЕНЕРАЛЕ В. М. МОЛЧАНОВЕ

А. С. МОЛЧАНОВ РАЗОБЩЕННАЯ СЕМЬЯ МОЛЧАНОВЫХ*

Основатель семьи — мой дед, Михаил Иванович Молчанов (1850-1904). Его жена — моя бабушка, Лидия Васильевна Молчанова, в девичестве Добрынина (1862—1930), родившаяся в Яранском уезде Вятской губернии. В конце 1880-х годов семья жила в городе Чистополе Казанской губернии, где родились старшие сыновья Александр (1884—1920), Викторин (1886—1975) и дочь Зоя (1890—1929). Затем семья переехала в Царёво-Санчурск (ныне посёлок городского типа Санчурск Кировской области), где родился сын Сергей (1893—1989), мой отец. Из метрической выписки о рождении Сергея известно, что Михаил Иванович в 1893 году служил начальником Царёво-Санчурского почтово-телеграфного отделения, в чине коллежского регистратора. Затем семья обосновывается в городе Елабуге, где родилась дочь Валентина (1902-1986).

В Елабуге Молчановы занимали казенный двухэтажный дом рядом с почтово-телеграфной станцией, включавшей постоянный двор и конюшни для почтовых лошадей. В 1904 году глава семьи, Михаил Иванович, скоропостижно умер. Причиной смерти стал инсульт, случившийся в бане, при 11-летнем младшем сыне Сергее, моем отце. Предшествовало инсульту стрессовое состояние из-за утери на почте важного казенного пакета. Несмотря на то, что вскоре пакет был найден, нервный срыв привел к ранней смерти моего деда в 54 года.

Лидия Васильевна осталась вдовой (с пенсией по случаю потери кормильца в 14 рублей) с пятью детьми; младшей дочери Валентине было всего два года, старшей дочери Зое было 14 лет. С осени 1904 года двадцатилетний Александр учился на юридическом факультете Томского университета, а восемнадцатилетний

* Статья написана Анатолием Сергеевичем Молчановым, сыном младшего брата В. М. Молчанова, на основе услышанных от родителей воспоминаний и сохранившихся в семейном архиве документов.

Викторин — в Московском (позднее названном Алексеевским) военном училище. Одиннадцатилетний Сергей учился в Пермском реальном училище. Викторин после окончания военного училища в 1906 году помогал семье матери, ежемесячно перечисляя деньги из своего офицерского жалованья.

За участие в студенческие годы в кружке партии эсеров старший брат Александр после окончания университета потерял право работать в городе. В связи с этим ему пришлось работать юридическим консультантом в селе Алнаши Елабужского уезда, где он позднее становится мировым судьей. Был женат на Надежде Алексеевне (1892—1960).

Сергей, мой отец, в 1915 году поступил на архитектурное отделение Петроградского Политехнического института имени Петра Великого. В Петрограде уже училась его будущая жена и моя мать, Антонина Васильевна, в девичестве Шерстенникова (1892—1981), которая после окончания гимназии в городе Яранске Вятской губернии поступила на Бестужевские курсы Петроградского университета. События октября 1917 года застали их в Петрограде. Отец слышал выступление Ленина с балкона особняка Кшесинской, был свидетелем того, как толпа громила винные погреба Зимнего дворца. Родители рассказывали, как у них на глазах матросы на улице сорвали погоны с офицера и сбросили его в Фонтанку. В конце 1917 года, уже обвенчавшись, Сергей и Антонина Молчановы принимают решение уехать из Петрограда, где жить становилось всё труднее. Вначале 1918 года они переезжают к родным в Елабугу, где Сергей устраивается работать телеграфистом.

Средний брат — Викторин — после участия в боевых действиях Первой мировой войны (отравления газом, ранения, побега из плена и затем увольнения) в апреле 1918 года возвращается к матери в Елабугу. Вскоре он уезжает к брату Александру в село Алнаши, где начинает активную деятельность по формированию антибольшевистских сил. Местное население приветствовало его хлебом-солью, и под его руководством собрался значительный отряд. После занятия Елабуги белыми он возвращается туда и становится начальником военного гарнизона города.

Летом 1918 года семья Молчановых в Елабуге состояла из 8 человек: Лидия Васильевна, две ее дочери, три сына и две невестки. Ранее там же жил с семьей брат Лидии Васильевны

Молчановой — Александр Васильевич Добрынин (1881—1965). Его жена Елизавета Васильевна (в девичестве Шишкина) была племянницей знаменитого уроженца Елабуги — художника И. И. Шишкина. В 1918 году брат Елизаветы Шишкиной, сочувствовавший красным, стал соучастником расстрела елабужского священника и его сыновей. Летом 1918 года Викторин Молчанов, ставший начальником военного гарнизона Елабуги, по настоянию местных жителей отдает приказ о расстреле нескольких соучастников кровавых расправ красногвардейцев, в их числе был и Шишкин.

В августе 1918 года обстановка меняется и становится тревожной в связи с наступлением красных на Елабугу. Викторин Молчанов вместе со своим отрядом вскоре покидает город и убеждает всю семью Молчановых, в целях их безопасности, срочно покинуть Елабугу вместе с его отрядом. Ночью, захватив из вещей лишь самое необходимое и бросив свой дом с нажитым имуществом, вся семья отправилась вместе с Викторинем, под его покровительством и опекой. Так начались скитания семьи Молчановых со смутной надеждой вернуться в свои родные «пенаты» после победы над красными.

Вся семья погрузилась вместе с военным отрядом на один из волжских пароходов, прибывших в Елабугу из Казани. Пятеро женщин во главе с Лидией Васильевной и мой отец Сергей плыли на пароходе вверх по Каме, затем по Белой. Далее они добрались до города Камышлова (примерно в 150 км к востоку от Екатеринбурга) и по железной дороге уехали в город Новониколаевск (ныне Новосибирск). Через некоторое время женам Александра и Сергея предстояли роды. (10 сентября 1919 года в городе Новониколаевске родилась дочь Сергея — Маргарита, а вскоре — дочь Александра, Ксения.)

Отряд под командованием Викторина Молчанова с боями следовал на восток. В феврале 1919 года полковник Молчанов возглавил Ижевскую стрелковую бригаду (позже дивизию). Викторин всегда мало чем внешне отличался от своих солдат: носил солдатскую шинель, а став генералом, рисовал на сукне отличительные знаки (генеральские зигзаги) химическим карандашом. В бригаде вплоть до Красноярска служил казначеем старший брат Александр, а младший Сергей (мой отец) — вольноопределяющимся в одном из полков. Отец в боях практически не участвовал, так как с детства хромал из-

за перенесенной травмы тазобедренного сустава, а также был сильно близоруким.

Когда дивизия во главе с Викториним Молчановым дошла до Новониколаевска, часть семьи Молчановых с двумя грудными младенцами присоединились к военному обозу. Они передвигались на санях, так как Транссибирская железная дорога уже была под контролем чехов.

Суровая сибирская зима... Огромные санные обозы, в которых на восток двигались семьи повстанцев и беженцы. Несмотря на некоторые привилегии семьи Молчановых, санное передвижение было тяжелым и опасным. Сильные морозы подвергали большому риску жизнь младенцев, мороз сковывал пеленки, и отогревать их часто приходилось своим дыханием. Едва согревшись у костров, двигались дальше, часто не зная, сколько верст до ближайшего населенного пункта. Въезжая в деревню и останавливаясь в хате, зачастую не успевали еще и перепеленать младенцев, как уже вбегал вестовой и сообщал: «К селу приближаются красные!» Паника, пеленки мокрые, но надо снова запрягать лошадей. И снова в морозную стужу обоз с беженцами устремлялся в темные таежные дебри Восточной Сибири. Некоторые семьи, обессиленные трудностями сурового перехода, оставались в селах. Однако семья Молчановых пока на это пойти не могла. И только красноярские события стали для нее «Рубиконом».

В январе 1920 года дивизия под командованием Викторина Молчанова отходит к Красноярску, который к этому моменту захватывают красные. Солдаты измотаны изнуряющими переходами, отдельные отряды переходят на сторону большевиков. В пути вынужденно сжигаются повозки обоза. Обойти город можно было только верхом на лошадях, и остатки армии должны были обходить город с севера. Под Красноярском на семейном совете было принято решение о том, что женская часть семьи Молчановых с младенцами, а также заболевший сыпным тифом Александр вынужденно прекращают движение на восток и остаются на попечении Сергея.

Родители рассказывали мне о прощании с Викториним, которое состоялось в деревенском доме, переполненном беженцами: больными, женщинами, детьми. Мой отец Сергей был в это время в соседней хате — у постели умирающего брата Александра. Прощание было скорым: Лидия Васильевна бла-

гословила, напутствовала Викторина. Он пришел проститься с родными вместе со своей женой, Наталией Константиновной (урожденной Скордули). Сменив заболевшего Александра, она везла в переметной суме казну Ижевской дивизии.

Викторин с женой продолжают движение с Белой армией на восток. Александр Молчанов вскоре умер, и Сергей похоронил его там же, под Красноярском (место захоронения потеряно). Практически все оставшиеся члены семьи Молчановых переболели сыпным тифом.

Полк, к которому прибился Сергей, перешел на сторону красных. Чтобы спасти семью, он стал рядовым красноармейцем. В боях мой отец не участвовал по состоянию здоровья, он состоял инструктором в караульной службе. В семейном архиве сохранилась справка о том, что уже через несколько месяцев, 13 июля 1920 года Сергей был уволен со службы врачебной комиссией «в связи с понижением остроты зрения на оба глаза». Теперь на моем отце лежала вся ответственность за большую молчановскую семью из семи женщин от мала до велика (мать, две сестры, жена с дочерью, невестка с дочерью). Они отходят на запад и обосновываются в городе Мариинске (ныне в Кемеровской области). В последующие годы в родную Елабугу никто из них так и не возвращался...

Последним из родных, кто видел Викторина Молчанова, был его дядя Александр Васильевич Добрынин (младший брат матери Лидии Васильевны), работавший в годы Гражданской войны в почтовом ведомстве в Чите. Он встретился с генералом Молчановым в штабном вагоне перед его отступлением в Китай в 1922 году и узнал тогда о рождении у Викторина в 1921 году сына Михаила. Об этой встрече я, однако, узнал много лет спустя.

Лидия Васильевна в память о сыне Викторине носила медальон с его фотографией в военной форме, края которой она из предосторожности оборвала, чтобы удалить все знаки отличия. Этот замечательный медальон тонкой работы подарил матери сам Викторин, возможно, к ее пятидесятилетию в 1912 году. После смерти Лидии Васильевны его свято хранила младшая дочь Валентина, а затем эта памятная семейная реликвия перешла к ее дочери Татьяне.

Когда Молчановы обосновались в Мариинске в 1920 году, Сергей Михайлович первое время зарабатывал извозом соли.

Глава семейства, Лидия Васильевна, вела хозяйство, была доброй матерью и бабушкой. С августа 1920 по 1925 год мой отец работал техником в Мариинском районе Томской губернии, по долгу службы вместе с женой и дочерью Маргаритой кочевал по сибирской тайге. В 1922 году у них родилась дочь Злата, а в 1924 году в таежной деревне Вяземка Ижморского района Кемеровской области родился я — сын Анатолий.

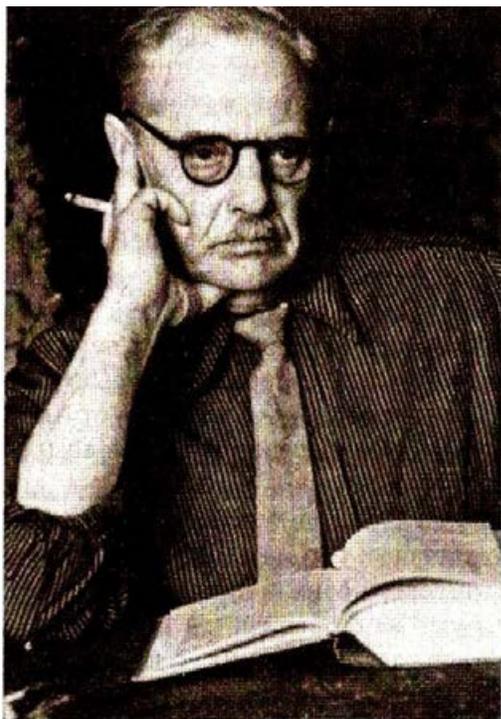
Сергей Михайлович работал прорабом в Переселенческой партии по строительству дорог и мостов в таежных районах Сибири. Работа эта была трудной и весьма опасной: вдали от населенных пунктов, контингент рабочих — от бывших уголовников, сосланных в Сибирь, до политических ссыльных. Несмотря на то, что мой отец был заядлым охотником и имел пистолет и охотничье ружье, нередко были угрозы в его адрес и попытки грабежа денег, предназначенных для выплаты рабочим.

Самым радостным и сытным временем за годы скитаний был, пожалуй, 1928 год, проведенный в селе Кузнецово. Прекрасный климат дополнялся окружающей красотой Алтайских гор. На лето к нам приехала из Мариинска бабушка, Лидия Васильевна, она водила нас купаться на целебную реку Кондома и утверждала, что в ней вылечила свой ревматизм. В 1929 году семья переехала в Томск. По-прежнему судьба забрасывала отца по работе в различные регионы Сибири — от Алтая до Нарыма, где находилась масса репрессированных и ссыльных по политическим мотивам.

В Мариинске в 1929 году умерла старшая сестра отца Зоя, а в 1930 году скончалась его мать Лидия Васильевна. В декабре 1931 года семья Сергея Михайловича переезжает в город Новосибирск, где уже жили его сестра Валентина и вдова брата Александра, Надежда Алексеевна, с дочерью Ксенией. Мои родители начинают обосновываться в этом городе опять с нуля, но обстоятельно, на долгие годы. Сергей Михайлович работал главным инженером Новосибирского областного отдела народного образования (ОБЛОНО), занимался строительством школ в городе и области.

Всю жизнь мой отец жил под страхом изобличения родства с братом — белым генералом Молчановым. Он изменил свои биографические данные, чтобы не было совпадений по месту и времени с биографией Викторина. В анкетах всегда сообщал, что в Гражданскую служил в Красной армии, автобиографию писал

искаженную, а для того, чтобы не запутаться в деталях, писал под копирку и сохранял на следующий год, когда для проверки НКВД надо было писать автобиографию заново. Во многом отца спасала работа в таежных дебрях и частые переезды. Однако наступил момент, когда представитель карающих органов задал отцу прямой вопрос о родстве с генералом Молчановым. Удалось отговориться только тем, что в Томской области был Молчановский район (к нашему семейству Молчановых никакого отношения не имеющий), и отец создал «легенду» о своем происхождении из этого района.

*Сергей Михайлович Молчанов в гостях у сына Анатолия
(Ленинград, 1958 г.)*

Благодаря врожденному законопослушанию и трудолюбию Молчановы жили обычной для того советского времени жизнью. Моя мать Антонина Васильевна (закончившая Бестужевские курсы) преподавала в школе русский язык и литературу, стала заслуженным учителем. Вплоть до смерти Сталина в 1953 году

она всегда со страхом ждала припозднившегося с работы мужа, имелся дома и заранее приготовленный узелок, с которым в те годы провозжали арестованных. Умерла мама в Новосибирске в 1981 году, а отец — в 1989 году, дожив до 96 лет.

90-летие С. М. Молчанова (3 октября 1983 г., Новосибирск).

*Слева — Валентина Михайловна,
родная сестра Сергея и Викторина Молчановых*

Их дочери (мои сестры) всю жизнь работали. Маргарита Сергеевна (1919—1976) — конструктором на авиационном заводе, затем помощником режиссера в Новосибирском театре оперы и балета, а в последние годы заведующей отделом кадров на заводе. Злата Сергеевна (1922-1997) преподавала в школе.

Я, Анатолий Сергеевич, с 16 лет начал работать слесарем на авиационном заводе в Новосибирске. В 18 лет добровольцем ушел в армию, окончил Томское артиллерийское училище (ТАУ—1). В феврале 1943 года мы с другом закончили училище, и весь наш курс был отправлен в воинском эшелоне на фронт. Эшелон сделал остановку в Новосибирске, где жили мои родители. При прощании на перроне отец, видимо опасаясь, что мы можем больше не увидаться, отозвал меня в сторону и рассказал всё, что до этого было под строжайшим табу. О том, что его брат Викторин — белый генерал, который сражался против большевиков и после Волочаевских событий эмигрировал в Америку. Связь с ним поддерживали через родственников жены Викторина (Скордули) до начала 30-х годов, когда начались сталинские репрессии.

В тот момент эта информация меня поразила, но вскоре в череде тяжелых военных будней она отошла на задний план.

Полтора года я воевал лейтенантом на передовой различных фронтов, был трижды ранен. Последнее, тяжелое ранение случилось в июне 1944 года на Белорусском фронте, после чего я в 20 лет стал инвалидом Отечественной войны и вернулся к родителям в Новосибирск. Мое возвращение с фронта стало для всего семейства Молчановых, а также для Добрыниных, радостным, объединяющим событием, которое заставило всех забыть былые житейские ссоры. Помню, как вскоре после моего возвращения дядя Саша Добрынин рассказывал и о своей последней встрече с Викториним Молчановым в конце Гражданской войны.

*Лейтенант Анатолий Молчанов
после возвращения с фронта (1944 г.)*

После войны жизнь пришлось начинать «с чистого листа». Непомерными усилиями мне удалось восстановить здоровье,

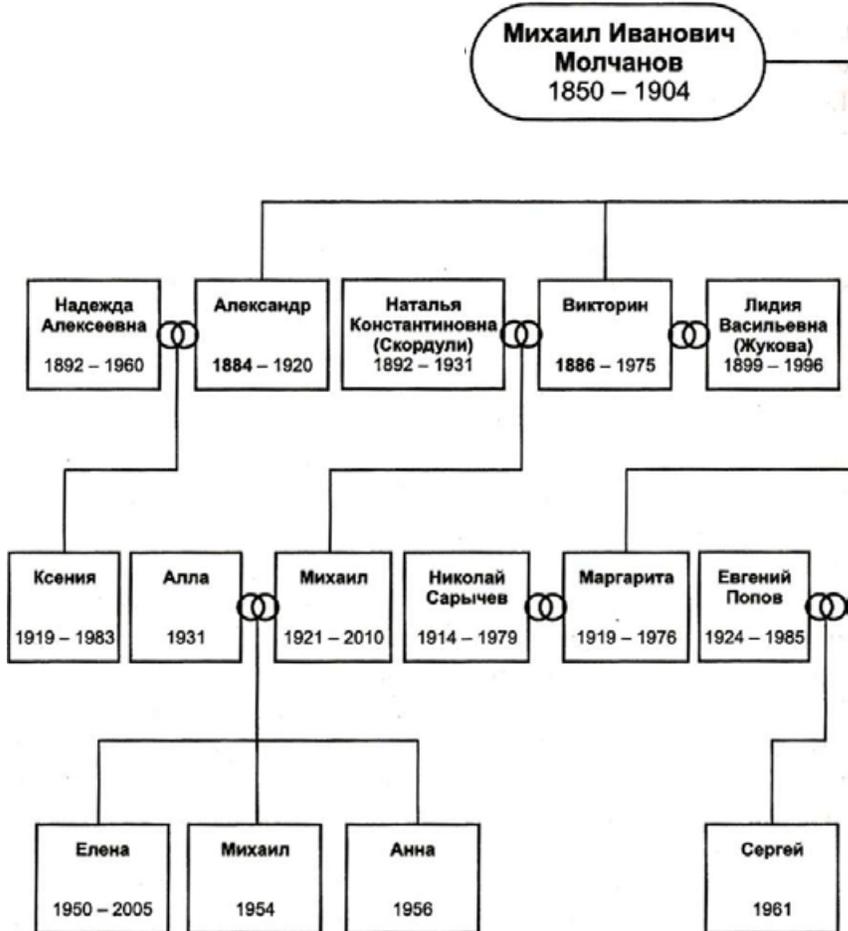
и затем я по стопам своего отца поступил в Ленинградский Политехнический институт. После его окончания я всю жизнь проработал в Ленинградском Центральном научно-исследовательском институте топливной аппаратуры.

Младшая сестра Викторина — Валентина Михайловна Молчанова (в замужестве Чегодаева) — проработала всю жизнь экономистом-бухгалтером в Новосибирске, дожила до 84 лет. Ее дочь Татьяна Михаил овна Трибендис стала ведущим инженером. Дочь Александра Молчанова, Ксения (1919—1983), стала кандидатом медицинских наук.

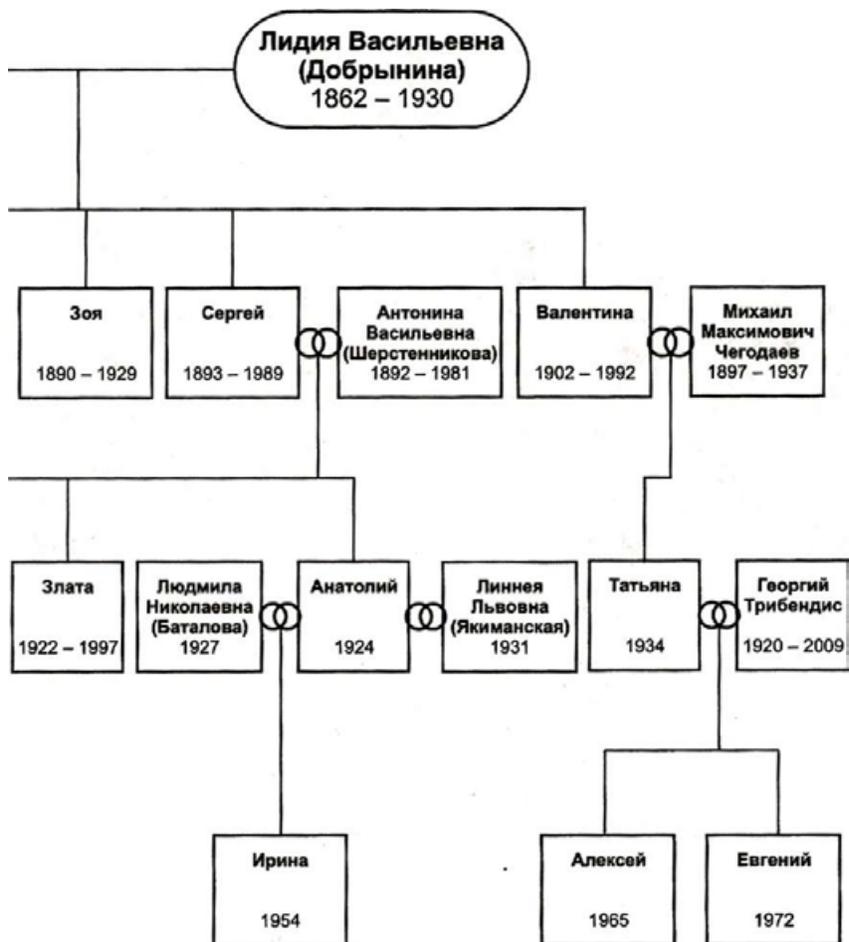
В 60-е годы образ генерала Молчанова появился на страницах художественных произведений: промелькнул в романе А. Иванова «Тени исчезают в полдень», а затем был более подробно выведен в романе Ю. Семенова «Пароль не нужен». В то время Юлиан Семенов имел возможность работать в закрытых архивах и нашел интересные материалы. В нашей семье сразу обратили внимание на эту книгу, где Викторин Молчанов фигурирует в связи с судьбой главного героя М. Исаева: якобы Исаев еще во время Гражданской войны на Дальнем Востоке примкнул к штабу Молчанова, выехал с ним в Китай, а затем на пароходе отправился через океан в Америку. Прочитав роман «Пароль не нужен», мой отец сразу заметил, что его брат Викторин изображен в нем умницей. Вскоре вышел на экраны и одноименный фильм. В одной из его сцен генерал Молчанов, а с ним и Исаев, стоят на борту парохода, отплывающего в Америку. Мой отец с улыбкой отметил, что его брат Викторин показан в фильме чуть ли не стариком, в то время как на самом деле ему было в 1922 году всего 36 лет.

После перестройки, с начала 1990-х годов стали появляться интересные публикации о генерале Молчанове и его Ижевской дивизии. Наше внимание привлекла первая из них — статья И. Кобзева «С красным флагом против красных» в журнале «Огонек» в 1990 году. После этого мы решили начать поиски потомков Викторина Молчанова в США. Самой первой активный поиск начала моя жена, Линнея Львовна Молчанова. Она использовала многие источники, доступные нам в 90-х годах (до широкого распространения сети Интернет): Фонды Национальной и Голицынской библиотеки, американские

Родословная семьи

Молчановых

Составители родословной:

А. С. Молчанов, Л. Л. Молчанова, Т. М. Трибендис

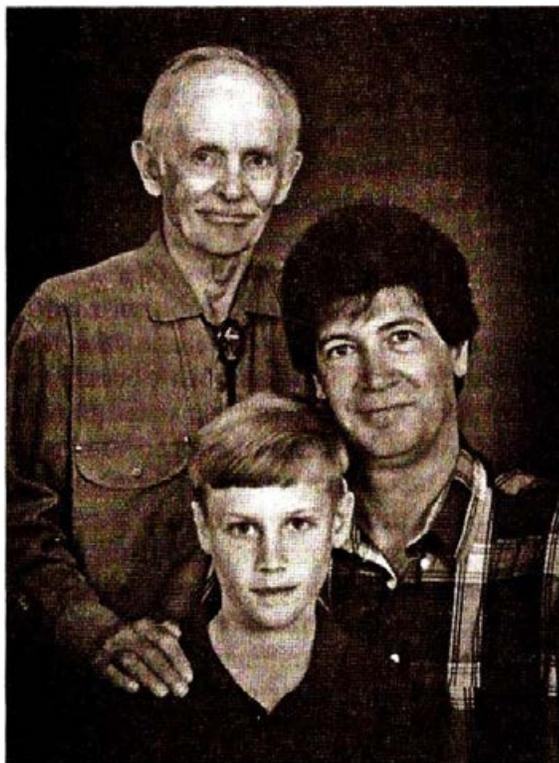
телефонные книги, имевшиеся в Американском центре Санкт-Петербурга. Прочитав воспоминания В. М. Молчанова в журнале «Первоходник», издававшемся в Лос-Анджелесе, мы пошли по ложному пути — стали искать семью Молчановых

*Анатолий Сергеевич и Линнея Львовна Молчановы
(Санкт-Петербург, 2009 г.)*

именно в этом городе. Мы послали запрос русскому священнику в Лос-Анджелесе, в надежде найти хотя бы место захоронения генерала Молчанова. Моя супруга узнала в Американском центре, сколько человек по фамилии Молчанов живет в этом городе. Их оказалось четверо, но все они, увы, никакого отношения к нам не имели. Однако в результате проведенной ею работы круг поиска сужался, и интерес к нему стали проявлять многие. Наконец, появление Интернета предоставило новые, исключительные возможности. Поиски увенчались успехом, когда в 2000 году Сергей Евгеньевич Молчанов (сын моей сестры Златы), живущий Новосибирске, сумел найти через интернет моего двоюродного брата — Михаила Викторовича Молчанова, проживающего с семьей в Северной Калифорнии. Теперь мы с Михаилом часто общаемся по телефону. Как только связь была налажена, Линнея Львовна составила генеалогическое древо всего семейства Молчановых.

К великому сожалению, два родных брата — Викторин и Сергей Молчановы — расставшиеся по воле судьбы и оба дожившие до солидного возраста, из-за политических обстоятельств в советской России до конца жизни так и не имели возможности не только встретиться, но даже что-либо узнать о жизни друг друга. Заветная мечта о встрече разобренных родных сбылась лишь через 88 лет. В 2008 году у нас в гостях была правнучка Викторина Анастасия.

*Три Михаила: сын, внук и правнук генерала Молчанова
(Калифорния, 1997 г.).*

Будем надеяться, что издание этой книги поможет потомкам осознать жуткую тщетность Гражданской войны, в которой не было ни победителей, ни побежденных, и посочувствовать былым непримиримым врагам.

*А. С. Молчанов
Санкт-Петербург, июль 2009 года.*

С. П. ПЕТРОВ
ГЕНЕРАЛ В. М. МОЛЧАНОВ - ЧЕЛОВЕК ДЕЙСТВИЯ*

Генерал Молчанов являл собой пример выдающегося русского боевого офицера. Мой отец, генерал Павел Петрович Петров был с ним очень близко знаком — они были боевыми товарищами в Белой армии еще до того, как было сформировано Колчаковское правительство. В 1923 году Молчановы останавливались у нас в Мукдене (Шеньяне), в Маньчжурии перед своим отъездом в Японию и затем в США. В 1947 году, когда мои родители, наконец, решили эмигрировать в Соединенные Штаты, именно генерал Молчанов, который к тому времени уже получил американское гражданство, прислал им и моему двадцатилетнему брату Дмитрию официальное приглашение (другой брат Никита и я приехали в Америку раньше), а также обеспечил финансовую поддержку для получения американской визы.

Еще в годы моего детства, проведенного в Китае, я часто слышал рассказы о легендарном генерале Молчанове. В моем детском воображении он рисовался в образе бесстрашного боевого командира с шашкой в руке, в пылу сражения ведущего своих бойцов вперед, в атаку. Когда я вырос и начал изучать историю Гражданской войны на востоке Европейской части России и в Сибири, я обнаружил, что в действительности генерал Молчанов не сильно отличался от того образа, который представлялся мне в детстве. Он был поистине храбрым командиром, который в 1918 году организовал в Вятской губернии антибольшевистский отряд в 7 500 штыков из крестьян Елабуги и ее окрестностей. Этот отряд мог бы вырасти до 15 000 повстанцев, если бы в наличии имелось больше винтовок¹. Во время весеннего наступления белых в 1919 году он взял ситуацию в свои руки и, чтобы предотвратить угрозу окружения, нанес удар Красной армии с тыла, в результате чего красные вынуждены были отступить по всему фронту. Ижевская дивизия, которой командовал Молчанов, заслужила славу одной из лучших дивизий в Армии Колчака. На Дальнем Востоке, в Приморье генерал Молчанов возглавил Белоповстанческую армию, которая в декабре 1921 г. заняла Хабаровск. Он был решительным, деятельным и талантливым командиром. Бойцы

* Перевод с английского Л. Ю. Тремсиной.

¹ *Moltchanoff V. M. The Last White General. Oral history transcript, tape recorded interview conducted by B. Raymond. University of California, Berkeley, 1972.*

относились к нему с благоговением, для них он был как отец, который всегда прав, а он разделял с ними все тяготы и своим примером укреплял их исключительный боевой дух.

Генерал Молчанов был человеком твердых убеждений. Для Викторина Михайловича все действия и поступки могли быть либо правильными, либо неправильными. Иных вариантов для него не существовало — независимо от того, что предлагалось в оправдание тех действий, которые он считал недопустимыми с точки зрения моральных норм. Например, он плохо относился к чехам на Восточном фронте Гражданской войны и не скрывал этого. Он считал их грабителями и изменниками, которые без предупреждения прекратили воевать против большевиков и, покидая Сибирь, крали российское золото и военное имущество. Он не мог понять, что чехи выступили в качестве союзников антибольшевистских формирований, зародившихся на Волге и в Сибири, не потому, что они были против большевиков, а по той причине, что Троцкий подписал Брестский мир, и в результате большевистский режим стал союзником Германии и Австро-Венгрии — главных противников чехов в их борьбе за независимость. Поэтому неудивительно, что когда в ноябре 1918 года окончилась Первая мировая война и Центральные державы капитулировали, чехи сложили оружие — подобно Великобритании, Франции и Соединенным Штатам — и стали прилагать все усилия к скорейшему отъезду из России. Мой отец, тесно сотрудничавший с чехами на первых этапах антибольшевистского сопротивления на Волге и в Сибири, понимал принятое ими решение закончить военные действия в России, но предпочитал никогда не обсуждать эту тему с генералом Молчановым, чтобы не потерять из-за этого своего близкого друга.

В первые годы эмиграции в Сан-Франциско генерал Молчанов был активным членом Общества русских ветеранов Великой войны, образованного в 1924 г. Однако в 1932 г. он вышел из него² из-за возникших разногласий с бароном А. П. Будбергом — Председателем и одним из основателей Общества. Теперь

¹ Сиюня 1926 г. В. М. Молчанов состоял членом Суда чести ОРВВВ (Вестник ОРВВВ, № 3, 1926. С. 1). В 1928-1930 гг. был председателем Суда чести, в 1929-1932 гг. — вице-председателем Общества (Вестник ОРВВВ, № 183, 1949, С. 43-44). — *Прим. Л. Тремсиной.*

² С 1 сентября 1932 г. одновременно Общество покинул и А. Г. Ефимов (Вестник ОРВВВ, № 75, 1932. С. 3). — *Л. Т.*

никто в точности не знает, что произошло, — нет уже в живых тех, кто мог бы пролить свет на этот вопрос. Однако можно предположить, что истоки этого конфликта следует искать еще в событиях Гражданской войны. В 1918 г. тридцатидвухлетний Молчанов был подполковником — одним из самых молодых боевых командиров в Белой армии. Каппель, Войцеховский, Пучков, мой отец и большинство других белых командиров, которые организовали антибольшевистское восстание на Волге и затем составили ядро Колчаковского командования, в то время тоже были подполковниками и полковниками и по возрасту были не старше 40 лет. В 1918—1919 гг. многие из них были произведены Колчаковским правительством в генерал-майоры за свои выдающиеся боевые отличия на фронте. Когда А. П. Будберг прибыл в Омск в мае 1918 года, ему было уже пятьдесят лет и он был генерал-лейтенантом Императорской Армии, перед этим командовавшим корпусом на фронте Первой мировой войны. Колчак назначил его Начальником снабжений при Верховном Главнокомандующем, а затем помощником Начальника штаба¹. Омск был переполнен генералами и полковниками старшего возраста, которые нашли для себя «теплые местечки» на разных административных должностях. В то же самое время на передовой Восточного фронта крайне не хватало компетентных старших офицеров. Более молодым генералам зачастую было нелегко взаимодействовать с Будбергом и другими генералами более старшего возраста. Последние не стеснялись «за спиной» называть более молодых генералов «выскачками».

Однако, кроме разницы в возрасте, были и другие существенные причины для разногласий между Ставкой и генералами на фронте. Полевые командиры постоянно требовали дополнительного снабжения продовольствием, военными припасами и большего количества новых бойцов. Ставка же по разным причинам все время с этим задерживалась. Вместо того, чтобы улучшить снабжение и транспорт, генерал Будберг всячески ругал фронтовых командиров. Всё это создавало внутренний раскол.

Была и еще одна причина для разногласий. Во время планирования весеннего наступления 1919 г., в Ставке и на фронте

¹ Очень короткое время барон Будберг также являлся исполняющим должность военного министра — в ожидании прибытия ген. Н. Н. Головина. В целом, он служил в Омске только пять с половиной месяцев — с 3 мая 1919 г. по 5 октября 1919 г.

были разные мнения по поводу выбора стратегии. Молодые фронтовые командиры были против всеобщего наступления белых. Имея неопытные войска и офицеров, большинство из которых не участвовали в больших военных операциях, они считали более разумным сначала «немного потрепать» (как объяснял это мой отец) передовые красные соединения и только потом уже начать всеобщее, сосредоточенное наступление — после того, как закончится период весеннего половодья. Они также полагали, что широкомасштабное наступление нужно отложить до того времени, когда будут набраны достаточные резервы, а также будет достигнуто соглашение с генералом Деникиным о скоординированном наступлении на Юге России. Колчак и его старшие генералы не хотели так долго ждать. Политические соображения, которые требовали демонстрации быстрых успехов на поле сражения, не были основаны на трезвых военных расчетах. В результате армия Колчака начала всеобщее наступление вдоль всего фронта длиной в 1100 километров — от Перми на севере до Оренбурга на юге.

Разногласия и взаимные обвинения между фронтом и Ставкой не были забыты и позднее в эмиграции, многие пронесли их через всю свою жизнь. Мой отец, чья книга о Гражданской войне на Волге и в Сибири¹ была названа британским историком Э. Модели «наиболее точным и взвешенным описанием, составленным участником боевых действий»², не придавал большого значения суждениям генерала Будберга. Отец считал, что его резкая критика боевых операций представляла собой не взвешенный анализ событий, а неуместный сарказм. Однако это мнение он не высказывал публично, в то время как генерал Молчанов, который был куда более прямолинейным офицером, чем мой отец, не смог сдержаться. В магнитофонной записи интервью 1970 года Молчанов цитирует свои резкие слова, сказанные Будбергу за много лет до этого: «...Вы, барон Будберг, занимали пост военного министра — Вы укрылись! А почему Вы не пошли командовать корпусом, почему Вы не пошли командовать дивизией? Наладить это дело?»³ Это лине брошенное

¹ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Рига, 1930.

² Mawdsley E. The Russian Civil War, Boston and London, 1987.

³ Данный фрагмент, сохранившийся в оригинальной магнитофонной записи (№ 513 В-2), не был, однако, включен в напечатанный в 1972 году английский перевод интервью. — *Прим. перев.*

в лицо обвинение? Очевидно, Молчанов в какой-то момент не сдержался и высказал Будбергу всё то, что долго переполняло его, — иначе он едва ли упомянул бы об этом через много лет в своем интервью для Университета Беркли.

Публикация «Дневника» барона Будберга¹ в Советской России в 1929 году тоже едва ли сыграла положительную роль — из-за своей негативной направленности «Дневник», очевидно, был использован большевиками в их пропаганде против белых. В нем Будберг подверг резкой критике адмирала Колчака, военное руководство которого, по мнению Будберга, было неумелым. При этом он не принимал во внимание негласное джентльменское обязательство, которое существовало среди генералов Белой армии, — не бросать тень на светлую память об Адмирале. Как и Николай II и его семья, Колчак погиб смертью героя от рук большевистских палачей, и для большинства тех, кто служил в его армии, он оставался — независимо от своих достоинств или недостатков — не только героем, но и символом Белой борьбы против большевистского режима. Чтобы избежать споров относительно военно-политической деятельности Колчака, последний Главнокомандующий Колчаковской армией, генерал М. К. Дитерихс в своем завещании даже распорядился запечатать на 50 лет все имеющиеся у него документы, связанные с адмиралом Колчаком и в целом Гражданской войной в Сибири².

По всей видимости, упомянутая выше стычка между Молчановым и Будбергом по поводу участия в боевых действиях была «последней каплей», которая окончательно испортила их взаимоотношения. Представляется маловероятным, что после этого генерал Молчанов и генерал Будберг могли долго оставаться членами одной организации. 1 сентября 1932 года генерал Молчанов вышел из Общества русских ветеранов Великой войны и, будучи человеком исключительно принципиальным, он до конца жизни так и не принимал участия в его работе. Полковник А. Г. Ефимов, который был у Молчанова начальником штаба Ижевской дивизии и вместе с ним в 1932 г. покинул Общество

¹ Барон Будберг А. П. Дневник. Берлин, Слово, 1924. Затем последовала публикация в Советской России: Будберг А. П. Дневник белогвардейца. Под ред. П. Е. Щёголева. Ленинград, Прибой, 1929.

² Дитерихс М. А'. Секретное приложение к циркуляру Начальника Дальне-Восточного Отдела Русского Обще-Воинского Союза от 15 июня 1937 г. (Архив Гуверовского Института, фонд П. П. Петрова). После смерти Дитерихса эти запечатанные материалы были переданы его вдовой в Пражский архив.

ветеранов, спустя много лет вновь присоединился к нему в качестве «почетного гостя»¹.

Живя в Сан-Франциско, генералы Молчанов, Пучков, Петров и полковник Ефимов составляли «квартет» старых бойцов, которые любили часто собираться и вместе проводить время, обсуждая былое. Молчанов, Пучков и Ефимов регулярно играли в винт, в то время как мой отец предпочитал шахматы. Подобно эпизоду из новой версии романа «Отцы и дети», Молчанов, мой отец и Ефимов в конце 1940-х годов часто посещали в качестве болельщиков футбольные матчи в парке Голден-Гейт в Сан-Франциско, поскольку их сыновья — Михаил Молчанов, Алексей Ефимов, Сергей и Никита Петровы — играли в одной команде, вместе с сыновьями других ветеранов Белого движения.

В последующие годы я уехал из Сан-Франциско и потерял связь с семьей Молчановых, но Викторина Михайловича я не забыл. Я всегда считал, что удостоился большой чести быть лично знакомым с ним. В своей книге «Упущенные возможности»², посвященной Гражданской войне на Восточном фронте, я написал о нем как об одном из наиболее выдающихся боевых командиров Белой армии. Я искренне рад, что текст интервью генерала Молчанова, записанного почти 40 лет назад, теперь будет доступен российским читателям.

*Сергей Павлович Петров
Калифорния, июнь 2009 г.*

---

¹ Полк. А. Г. Ефимов. Некролог // Альбом некрологов ОРВВВ, № 4. — Л. Т.

² Петров С. П. Упущенные возможности. Гражданская война в Восточно-Европейской части России и в Сибири, 1918-1920 гг. Москва, АИРО-XX, 2006.

ДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ПЕРЕХОДА ЧЕРЕЗ ОЗЕРО БАЙКАЛ*

11 февраля 1920 г. - 11 февраля 1930 г.

Группой членов О. Р. В. В. В. — участников Ледяного Похода — в воскресенье 16 февраля в 2 часа дня была организована юбилейная встреча «В воспоминание похода и перехода через озеро Байкал».

На юбилейный завтрак были приглашены все участники похода, члены Общества Р. В. В. В. и Кают-компании. Председатель Общества, барон Будберг был приглашен почетным гостем.

Собрались на завтрак 23 участника и участницы похода и 43 гостя. Перед началом завтрака генерал Молчанов предложил почтить молитвенным молчанием память вождей и воинов, на поле брани живот свой положивших, в гражданскую смуту умученных и убиенных и от нас отшедших. Далее генерал Молчанов в коротком докладе обрисовал обстановку, в которой находились части 2-й и 3-й армий при подходе к озеру Байкал. Генерал Молчанов, бывавший еще в 1910 году на озере Байкал по изучению острова Ольхон, знал особенности этого огромного озера и условия переправы через него в зимнее время. Байкал замерзает очень поздно. Но и замерзнув, он несет много неожиданностей. От изменений температуры и колебания уровня воды ледяной покров Байкала дает трещины. Когда лед трескается — раздается гул, подобный артиллерийской стрельбе. Трещины медленно расширяются и иногда доходят до сажени шириной и многих верст длиной. Через некоторое время лед опять начинает сходить, трещина пропадает, и края льда, соприкасаясь друг с другом, издают шум, напоминающий стрельбу нескольких пулеметов, причем осколки льда нагромождаются причудливыми барьерами до 2-х аршин высотой, переливаясь на солнце разноцветными искрами гигантских волшебных алмазов. По сведениям жителей, Байкал еще не замерз. Еще никто не переправлялся на ту сторону. По сведениям инженеров судостроительной верфи, посреди Байкала можно встретить огромную полынью. Но если бы ее и не было, многие боялись, что лед посреди озера еще недостаточно окреп. Было и еще обстоятельство, которое могло сильно затруднить

* Вестник Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско, № 44-45, 12 марта 1930 г., с. 7—10, без подписи. Вероятно, автором является полк. А. Г. Ефимов — редактор «Вестника ОРВВВ» в 1930-1932 гг.

переход — это необычная гладкость льда, как у полированного стекла. Лошади давно не перековывались за многотысячестерстный поход, имели совершенно стертые подковы без шипов. Кузниц, запаса подков не было, по льду Байкала лошади идти не могли. Наконец, жители сообщили, что ст. Мысовая занята красными и у них имеются там броневики. Благополучный переход через Байкал мог закончиться кровавой трагедией на том берегу.

Головная 3-я армия не имела артиллерии, а ручное оружие и пулеметы находились в скверном состоянии. Расстояние от Лиственничной до Мысовска было 60 верст. Сделать такой переход по льду, при совершенно невыясненных обстоятельствах о положении переправы и с возможностью боевых действий в конце перехода, считалось рискованным. Решено было сначала перейти к д. Голоустная вдоль западного берега Байкала, а оттуда идти на следующий день на ст. Мысовая. Расстояния примерно 45 и 45 верст.

10 февраля 3-я армия перешла в д. Голоустная. По прибытии на ночлег генерал Молчанов выслал 2 офицеров — поручика Ижевского полка Лушкина и поручика из штаба своей дивизии Понятовского — на ту сторону, в Мысовск, с задачей: разведать, какие силы красных занимают ст. Мысовая. Офицеры переоделись крестьянами. Проводником им служил один из жителей Голоустного, который ни за что не хотел их сопровождать и согласился только за большую сумму денег царским золотом и под условием, что он поедет, как пассажир. Разведчики должны были встретить колонну днем на льду в 10—15 верстах от Мысовска.

Ранним утром 11 февраля части 3-й армии начали спускаться на лед для знаменательного перехода. Яркое солнце и сверкающий лед слепили глаза. Но конец этого ослепительного дня казался темным и загадочным. Сзади — необъятные поля и мрачная тайга Сибири, морозы, голод, кровавые бои, измены, предательства, болезни... Что ждет остатки армии впереди, за этой гладкой ледяной пустыней?..

Впереди двинулся сборный конный отряд из всех частей, составленный из всадников, у которых лошади были перекованы на двух последних стоянках в местных кузницах, и из тех, лошади у которых еще имели подковы не вполне сношенные.

На повозки были взяты доски для устройства мостков через трещины. Для расчистки проходов через ледяные барьеры, образовавшиеся от старых трещин, были захвачены топоры и лопаты.

Байкал принял изгнанников ласково — полыньи не было. Был мороз, но не было сильного ветра. Передовой конный отряд «нацарапал» дорогу. Многочисленные задержки перед трещинами, часто трагикомического свойства, когда, например, трещина образовывалась под всадником, огорошивая его самого, его лошадь и соседей своим неожиданным появлением и громовым выстрелом, в общем, не задержали быстрого движения частей. Единственным печальным воспоминанием остались понурые лошади, верные друзья походной жизни, ныне выбившиеся из сил от плохого корма и предательской зеркальности льда и оставшиеся стоять или лежать грустными маяками на пройденной дороге.

3-я армия потеряла около 80 лошадей; часть их была в следующие дни «вывезена» на санях крестьянами, которые получили их в собственность.

Часа за два до заката солнца головные части стали подходить к Мысовску. Разведчики-офицеры встретили в 15 верстах командующего 3-й армией, генерала Сахарова, ехавшего с генералом Молчановым впереди в санях, и доложили, что красных в Мысовске нет. Там находятся японцы, которые знают о нашем движении и ждут нас. Находившиеся на жел.-дор. мосту японские часовые весело скалили зубы и кричали: «Банзай, Каппель!»

Ледяной поход заканчивался, уступая место другим, подготовленным судьбою походным и боевым испытаниям.

После Генерала Молчанова и полковник Фон-Вах в коротких словах обрисовал эпилог Ледяного Похода — переход частей 2-й Сибирской армии.

Арьергарду 2-й армии, состоящему из частей Добровольческой и Боткинской стр. дивизий, приказано было командующим 2-й Сибирской армией генералом Вержбицким прикрыть отход 2-й армии. Начдиву Добровольческой — полковнику Грамотову — было приказано оборонять село Голоустное с запада, до утра 13 февраля.

Начальнику Боткинской стрелковой дивизии — полковнику Фон-Ваху с конными частями всей 2-й армии приказано было при наступлении красных оставить Лиственничное, а в ночь с 12-го на 13-е отойти в Голоустное. Отход совершился ранее назначенного срока ввиду неожиданного появления красных отрядов, по тропам прошедших со стороны Иркутска, в обход на Голоустное. Отрядом местных большевиков предводительствовал

Карандашвили, который, под покровом сильного тумана, вышел с сопок на село и захватил врасплох измученную заставу Добровольческого полка. После короткого боя одна из самых важных сопок была занята красными. В это же самое время Боткинский конный дивизион захватил разъезд красных, двигавшийся на село Голоустное. Разъезд красных был атакован Воткинцами в конном строю, изрублен, и только начальник разъезда, юнкер Иркутского Военного училища, был взят в плен. Он сообщил, что местный гарнизон Иркутска, пополненный юнкерами [движется] со ст. Байкал на Лиственичное.

Ввиду создавшейся обстановки у [е.] Голоустное и наступления главных сил красных на Лиственичное, полковником Фон-Вах было решено отойти на сутки ранее. При подходе конного отряда к Голоустное Добровольцы вели бой со спускавшимися с сопок отрядами Карандашвили*.

Добровольцы, вытягиваясь из боя, начали отход под прикрытием Боткинского Конного Дивизиона. В последний момент отхода шальная пуля сразила младшего офицера Боткинского Кондива, прапорщика Худякова. Ввиду мороза и тяжелого ранения в живот прапорщик Худяков был оставлен в избе на берегу Байкала, на волю победителей. Судьба его осталась неизвестной.

Боткинская дивизия — одна из всех частей Сибирских Армий — сохранила 3 батареи — 12 орудий. Пушки, протасченные местами, в полном смысле этого слова, на руках у Воткинцев, через тайгу и по крутым, скалистым берегам Енисея, сослужили свою роль. В критическую минуту проложили армиям дорогу к Байкалу в д. Зима.

За всю тяжесть этого подвига Воткинцы получили от Георгиевской Думы Георгиевские Петлицы.

Переход через Байкал венчал всю кровавую Гражданскую войну, всех тех, кто беззаветно поднял знамя борьбы за Национальную Россию на берегах Волги, Камы, в горах Урала, степях и тайге Сибири.

С переходом через Байкал наступил, вместо отдыха, второй этап Белой борьбы в Забайкалье.

Во время завтрака барон Будберг обрисовал тяжелую борьбу героев Ледяного похода. Он подчеркнул, что военная история еще

* Имеется в виду известный красный партизан Нестор Каландаришвили. — *Прим. С. Волкова.*

не знает случая, в каком оказалась Сибирская армия. При полной измене союзников, наглом предательстве чехами Верховного Правителя, гибели лучшего своего вождя — ген. Каппеля, при измене начальников, с тылом, полным предателей и банд красных партизан, при суровом морозе, с 50 % заболевших сыпным тифом, с семьями — с честью и верой вырвались из когтей противника. Им был предложен тост за здоровье героев Ледяного Похода.

После барона Будберга слово сказал генерал Молчанов — за дам-участниц Похода, тружениц боевой жизни, скромно делавших свое женское дело, творя героические подвиги, даже иногда бравших винтовки и шедших плечо к плечу с борцами. Громкое «ура» присутствующих было наградой за их подвиг.

В середине завтрака генерал Молчанов провозгласил тост за здоровье Председателя Общества барона Будберга. Тост был покрыт громовым «ура».

За завтраком просидели до 5 часов, вспоминая былое — плохое и хорошее. Перед концом завтрака барон Будберг произнес речь, в которой, как и всегда, призывал всех членов О-ва и чинов армии к единению, предложив в знак этого единения собрать деньги на помощь по розыску Председателя Общевоинского Союза, генерала Кутепова. Во время сбора было собрано, вместе с пожертвованными Обществом В. В. В. 100 долларами, 164 дол.

Н. К. МОЛЧАНОВА (НЕКРОЛОГ)*

Ангел смерти коснулся наших рядов.

20 января скончалась доблестная участница Великого Сибирского Ледяного Похода, председательница Дамского кружка нашего Общества, Наталья Константиновна Молчанова.

Благоговейно преклонимся перед святой памятью покойной, вся жизнь которой была неустанным и действенным служением семье и Родине и жертвенным, подвижническим горением и любовью к ближним, к детям и ко всем страдающим и несчастным.

Благодарно будем помнить, что последние месяцы ее земной жизни были отмечены исключительно энергичной и плодотвор-

* Вестник Общества русских ветеранов Великой войны в Сан-Франциско. № 56, январь 1931 г., с. 1, 8—9; без подписи. Вероятно, автором является полк. А. Г. Ефимов — редактор «Вестника ОРВВВ» в 1930-1932 гг.

ной работой по нашему семейному объединению, по нуждам нашего собрания и по предоставлению нашим детям возможности проводить досуг в родной, русской обстановке.

Да упокоит Господь ее чистую душу и да ниспошлет осиротевшей семье и нам Свое благостное и смиряющее утешение!

Н. К. Молчанова

20 января с. г. скончалась всеми любимая и уважаемая Наталья Константиновна Молчанова, супруга нашего вице-председателя и председательница Дамского кружка. С глубокой скорбью встретили печальную весть все друзья и знакомые почившей.

Невольно припомнились этапы этой ныне погасшей жизни, страницы которой полны испытаний и непрестанных, мало заметных подвигов.

Среди тягости и лишений походной жизни провела Наталья Константиновна время Гражданской войны, не расставаясь со своим мужем от самого Прикамья. Стойко переносила она все невзгоды и подавала другим пример терпения и выносливости.

С удивительным героизмом перенесла она и все тяжести длительного и мучительного Сибирского отступления. Жесткие морозы, занесенная снегом тайга, забитые бесконечными обозами дороги, смерть, беспощадно косившая целые ряды, свирепый враг, преследовавший неотступно и поджидавший впереди, ломали волю и заставляли приходить в отчаяние и сдаваться. Немногие и из закаленных солдат протерпели до конца этот крестный путь, и из огромной армии лишь несколько тысяч пробили себе дорогу в Забайкалье. Каково же было перенести всё это маленькой, слабой женщине?..

В один печальный день отступавшие части принуждены были бросить всё свое имущество, все сани и следовать дальше только верхом или пешком. Пришлось и Наталье Константиновне, никогда не ездившей верхом, пересест в седло и делать переходы по 30—40 верст. Непривычная езда совершенно разбивала ее, иногда она падала, и лошадь от нее убегала, она невыносимо страдала, но не отказалась от продолжения мучительного пути.

Во время похода Наталья Константиновна, скромная и нетребовательная, приветливая, радушная, заслужила общее почитание и любовь. Когда после долгого похода измученные, прозябшие люди добирались до теплой избы, каждый стре-

миля скорей занять место на полу, растянуться, согреться и отдохнуть. Наталья Константиновна как будто и не уставала, она знала лишь одно место — у печки, сейчас же начинала печь лепешки или варить суп, чтобы накормить всех, кто попал с ней под одну кровлю.

Когда в штабе дивизии появился сыпной тиф, Наталья Константиновна была первой, кто самоотверженно, не считаясь со своими силами, день и ночь, на походе и на ночлеге, ухаживала за больными, и многие были обязаны ей своей жизнью. Заболевшему офицеру, не имевшему никакой теплой одежды, она отдала необходимую ей самой шубу. Тот не мог влезть в нее и закутывался, как в накидку, вспоминая потом, что только эта шуба спасла его.

За Сибирский поход Наталья Константиновна была награждена орденом, как и все, кто не склонил своего знамени перед врагом и сдаче в плен предпочел неизвестный путь скорби, лишений и смерти. Но никто не наградил и не мог наградить Наталью Константиновну за те подвиги самоотвержения, которые она проявила в походе, помогая здоровым, поддерживая слабых, ухаживая за больными. Светлая и благодарная память, сохранившаяся у всех, кто знал ее, является единственным признанием ее подвига.

Сибирский поход не прошел для Натальи Константиновны бесследно. По приходе в Забайкалье она страдала суставным ревматизмом в сильной форме. Это подорвало ее здоровье и силы, отозвалось на правильной деятельности сердца, но не ослабило ее крепкого, стойкого духа.

По приезде в Приморье она опять не получила заслуженного и необходимого отдыха, — беспокойная, нервная жизнь и постоянные волнения за мужа подтачивали ее здоровье.

Наконец, отступление в Китай, опять путешествие среди суровой зимы Маньчжурии, с маленьким сыном на руках, ночевки в китайских фанзах с бумажными окнами... и Наталья Константиновна тяжело заболела в Гирине. Заботы родных и друзей и сила ее неугасимого духа сохранили ей жизнь и победили тяжелую болезнь.

Затем Америка, фарма... Работа от зари до позднего вечера, иногда за полночь, в горячем стремлении помочь своему мужу устроить свой угол и скромное благополучие. Но злой рок преследует и тут. Неудачи в фермерском хозяйстве следуют одна за другой, даже специалисты не могут выяснить причины. Много

трудов, энергии потрачено — и всё напрасно. Пришлось бросить ферму, переехать в город.

И в городе Наталья Константиновна, не обескураженная неудачей, стремится, как только может, помочь своему мужу увеличить скудный заработок. Сначала идет на фабрику, но расстроенное здоровье не выдерживает темпа американской работы. Тогда она начинает брать на дом детишек, смотрит за ними в часы рабочего времени родителей, дает им уроки. Она очень любит детей, и дети, в свою очередь, быстро привязываются к ней.

Вместе с тем Наталья Константиновна со всей своей энергией, часто сверх своих физических сил, помогает мужу в его работе в Обществе, в устройстве различных праздников и вечеров. Никто никогда не встречает у нее отказа в просьбе помочь что-либо сделать.

Ее личная деятельность подготовила образование Дамского кружка, об учреждении которого она думала давно. С появлением Кружка Наталья Константиновна выбрана Председательницей, и опять энергично, с необычайной добросовестностью выполняла всё, что от нее зависело, стараясь взять на свои плечи возможно больше работы, чтобы освободить от нее тех дам, которые заняты на фабриках. Она развивала целую программу деятельности для кружка, в особенности заботясь о воспитании подрастающего поколения.

Между тем здоровье ее всё слабело, переутомленное и много пережившее сердце начало всё чаще и чаще отказываться служить. Наталья Константиновна этого не замечала или не хотела замечать. Даже уложенная в постель, она часто встает, бежит к телефону сообщить о сделанных к последнему вечеру приготовлениях, заботится о своих близких, беспокоится о домашних делах. За четыре часа до того, как у ней начался паралич, она дает урок своему ученику.

Физически уже совсем больная, она не хочет в этом сознаться и, как всегда, стремится побороть болезнь своей внутренней духовной силой. Как доблестный солдат, она до конца стоит на посту своего долга. И потому смерть ее явилась такой неожиданной, ее уход в иной мир — столь тяжелой потерей для всех нас, для всех, ее знавших.

Вечная память ее светлomu, прекрасному образу.

А. Е.

50 ЛЕТ СО ДНЯ ВОССТАНИЯ ИЖЕВЦЕВ И ВОТКИНЦЕВ*

29 сентября в Банкетном зале Русского центра Ижевцы и Воткинцы отметили 50-летие восстания их заводов против красной власти. Краткий отчет об этом юбилее, составленный одним из гостей — А. Ф. Долгополовым, был помещен в ближайшем номере газеты «Русская жизнь». Подробности были обещаны позднее.

Ижевцы и Воткинцы, во исполнение обещания, просят поместить некоторые дополнительные сведения, конечно, не задаваясь целью дать все подробности, и заранее приносят извинения за пропуски и ошибки.

Сначала немного данных о прошлом. Восстание против большевиков вспыхнуло в Ижевске 7 августа (нов. стиля) 1918 г., было поддержано 17 августа восстанием Воткинцев и распространилось на ближайшее крестьянское население.

Восстание нанесло сильный удар большевикам и отвлекло крупные силы от их, еще слабо организованных армий. 2-я красная армия была разгромлена полностью.

Но не только военные поражения, нанесенные двумя восставшими огромными заводами, были опасны для красной власти. Международные авантюристы строили свои планы захвата власти в России на поддержке их главным образом рабочими. Им были обещаны все земные блага, и среди них давно шла подготовка к революции, свержению «старого режима» и постройки «земного рая», в котором — «мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем».

Ижевцы и Воткинцы скоро на деле осознали цену обещаний и ответили восстанием. Лживая пропаганда и фальшивые лозунги оказались под угрозой дальнейшего разоблачения, и распространение восстания против красной власти грозило им гибелью.

Против восставших рабочих «рабоче-крестьянская власть» направила многочисленные надежные войска с большой пролойкой коммунистов и иностранных наемников.

---

* Газета «Русская жизнь» (Сан-Франциско), v. XLII, № 6645, 11 октября 1968 г., с. 5. Автором статьи (А. Е.), по всей вероятности, является А. Ефимов — в то время председатель Объединения Ижевцев и Воткинцев в Сан-Франциско.

После трех с лишним месяцев упорной борьбы восставшие рабочие, лишенные снарядов и патронов, отступили за Каму и влились в ряды других противобольшевистских борцов. Вместе с ними они продолжали еще 4 года тяжелую борьбу, красным не покорились и, истратив возможности для победы, отступили в Китай.

В Китае, главным образом в Харбине и Шанхае, Ижевцы и Воткинцы продолжали крепко держаться друг друга и имели свои объединения для взаимной дружеской помощи, для встреч и обмена сведениями, воспоминаниями о родных местах и взвешивали возможности, когда смогут вернуться «домой».

Распространение коммунизма в Китае заставило еще раз менять место изгнания.

Около сотни Ижевцев и Воткинцев обосновались в Сан-Франциско и других местах Калифорнии. В Сан-Франциско образовалась сравнительно большая группа. Здесь же проживает их старший начальник — генерал Молчанов. Сан-Францисское объединение обратилось как бы в центральное ядро для всех Ижевцев и Воткинцев, рассеянных по всему миру, и поддерживает со многими из них тесную связь.

Эта группа собирается ежегодно помолиться об освобождении Родины от красных поработителей, о здравии живых и вечного упоения павших в боях, погибших в большевистских застенках и умерших в изгнании.

В этом году исполнилось полвека, как началась борьба с врагами Родины, с угнетателями русского народа. Срок не малый для человеческой жизни.

Объединение постановило отметить эту дату расширенным собранием, пригласив на молебен и дружеский завтрак представителей частей, с которыми вместе боролись против общего врага.

Наши соратники откликнулись на приглашение и посетили юбилейное собрание. Присутствовали: от Волжан: Ген. Шт. полковник Попов, полковник Вырыпаев (он же адъютант генерала Каппеля), кап. Шебеко, пор. Голеевский; от Сибирской армии: ген. Хрущев, полк. Торопов, полк. Болотов и кап. Седьмых; от кон. егерей полк. Ленков; от 1-й стр. бригады пор. Леонтьев; от казачьих частей атаман Забайкальцев хор. Скрипкин; от броневых частей поручик Рождественский. К сожалению, не могли прибыть представители от Уфимцев и Камцев. Присутствовали

на собрании две сестры милосердия Ижевцев — Я. И. Попова и В. Г. Андерсон; присутствовали супруги наших почивших соратников: Е. М. Федичкина, П. Ф. Дробинина с дочерью, М. Е. Мартынова. Из младшего поколения был ефрейтор 1-го Ижевского полка М. В. Молчанов с женой.

Кроме бывших соратников по Восточному фронту, мы были счастливы видеть представителей армии Юга России в лице ген. Выгрна (ком. кав. дивизии), есаула кубанского войска [А. П.] Мяч с супругой Ниной Борисовной и добровольца донских партизан и корниловцев А. Ф. Долгополова. А. Ф. Долгополов передал полученные из Парижа приветствия от возглавляющего Объединение чинов Корниловского ударного полка полковника Левитова и председателя Объединения донских партизан-Степняков А. П. Падалкина.

Приводим эти два приветствия:

От полковника Левитова:

«Объединение чинов Корниловского ударного полка и я шлем славным борцам за честь России Ижевцам и Воткинцам приветствие ко дню вашего юбилея — 50-летия начала борьбы с интернационалом большевизма. О ваших подвигах мы знали еще на полях Родины, не забываем их и теперь. Путь нашей борьбы покрыт неисчислимыми жертвами, но они не были напрасны. Только благодаря этим жертвам свободный мир до сего времени остался еще не завоеванным чекистами Ленина. Все, кто им помогал, жестоко наказаны судьбой и теперь хорошо понимают, что несет с собой большевизм. Современная трагедия — Чехии не только наказание им за их предательство России, но и предупреждение всем, кто забыл про нашу борьбу за свою Родину. Мы, первые начавшие борьбу со злом большевизма, — ими и останемся до конца дней нашей жизни. Желаем всем вам бодрости духа и крепости сил на нашем крестном пути служения нашей многострадальной России. За Россию, за Ваше объединение — наше громкое корниловское УРА!!!

Подписано: Полковник Левитов».

От Донских партизан-Степняков:

«С Ижевцами и Воткинцами мы были духовно связаны в борьбе с большевиками с первых дней их восстания, так как их восстание, как и восстание на Дону, было всенародным сти-

хийным движением. Прошу Вас передать им от Объединения участников Степного похода искреннее поздравление с 50-летним юбилеем их восстания и заверить, что мы, «степняки», по-прежнему связаны с ними духовно и верим, что настанет время, когда по примеру Ижевцев и Воткинцев рано или поздно на Руси также вспыхнут всенародные восстания против советской власти. Если Господь не судил нам довести начатое 50 лет тому назад дело до победного конца, то оно увенчается успехом при новых восстаниях».

Передано А. Ф. Долгополовым, участником первых боев на Дону.

Кроме того, получено приветствие от Санта-Барбаровской группы Первопоходников (Южан); от представительства Общества ревнителей русской военной старины; от издательства и редакции журнала «Родные дали» (Лос-Анджелес); от командира 1-го Гренадерского полка 1-й дивизии РОА (Русской Освоб. армии) полк. Архипова.

Все эти приветствия, за невозможностью поместить в газетном отчете, будут отпечатаны в отчете Правления о юбилее, как и присланные приветствия от больных и живущих в дальних странах Ижевцев и Воткинцев.

Во время завтрака было выслушано много приветственных тостов. Из них следует упомянуть дружеские поздравления с юбилеем ген. Выграна, полк. Попова, полк. Ленкова и других гостей.

В своем тосте пор. Рождественский красочно, обстоятельно и с большим подъемом подчеркнул связь борьбы антибольшевистских армий, лишенных «союзниками» всякой поддержки, и настоящим временем — с волнениями по всему миру на расовой почве, по другим разным причинам и без всяких причин, но под несомненным руководством коммунистических главарей. Их давнишняя цель неизменна — не стесняясь средствами, завладеть всем миром под маской борьбы с капитализмом, милитаризмом, нацизмом и т. д. Он указал на путь служения Родине и народу Ижевцев и Воткинцев и всех добровольцев Белой Армии и на то, как сейчас, через 50 лет некоторые идеи Белого движения начинают восприниматься всем антикоммунистическим миром. Он призвал всех собравшихся продолжать нести знамя Белых борцов с коммунизмом до самого конца. Речь пор. Рождественского была бурно встречена всем собранием.

Генерал Молчанов в кратких словах отдал «должное нашим союзникам чехам», предавшим адмирала Колчака, загубившим в замерзших поездах тысячи наших раненых, больных, женщин и детей, прервавшим сообщение нашей армии с тылом и разграбившим Урал и Сибирь. Его слово заставило с болью вспомнить о самых мрачных страницах Сибирского похода, но правдивая оценка поведения «братьев-славян» вызвала шумное одобрение.

Поручик Голеевский вспомнил, как маршал Блюхер послал во время Хабаровского похода с двумя пленными Ижевцами требование прекратить борьбу, обещая пощаду и разные милости от соввласти. В противном случае грозил, что прибавится еще одна могила и на кресте будет имя генерала Молчанова. Прославленный маршал был вскоре уничтожен в подвалах Лубянки. А генерал Молчанов здравствует и поныне. Присутствующие прокричали генералу Молчанову громкое «Ура!»

Собрание затянулось до вечера.

Устройство юбилейного собрания и завтрака было поручено комиссии из 3 лиц: К. И. Сапегинной, казначею В. П. Сапегинуи М. А. Фролову. В. П. Сапегин был тяжело болен, но поправился ко дню юбилея. В. И. Мерзляков на время болезни казначея заменял его. Комиссия блестяще справилась с организацией собрания, и особую благодарность заслуживает энергичная Клавдия Ивановна Сапегина. Большую секретарскую работу провел Н. Е. Старцев.

Ко дню юбилея была издана «Памятка № 2», за помощь в издании которой Объединение приносит сердечную благодарность полк. Ленкову и пор. Леонтьеву.

Ижевцы и Воткинцы искренне благодарят всех гостей, почтивших своим присутствием юбилейное собрание, и этим сделавших этот день памятным на долгое время.

А. Е.

К И З Н Ъ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ОБЪЕДИНЕНИЯ ИЖЕВЦЕВ И ВОТКИНЦЕВ

в гор. Сан Франциско

СЕМЬЕ ПОК. ГЕНЕРАЛА В. М. МОЛЧАНОВА

Дорогие Лидия Васильевна, Миша и семья:

Объединение ижевцев и воткинцев скорбит о потере дорогого для нас основателя и почетного члена генерала-лейтенанта Викторина Михайловича. Он был вдохновителем и руководителем существования нашего объединения.

Он служил для нас примером прежде всего как солдат, как глубоко преданный патриот нашей Родины. Он знал солдат, он любил солдат и солдаты верили ему и любили его, он появлялся в передовых цепях во время наступлений, а также был один из последних в арьергарде при отступлении.

Он вдохновлял своими действиями солдат, и они отвечали ему внезапным подъемом, свойственным только народной армии. Так например, артиллерия под командой прапорщика Кузнецова появилась на саях впереди наступающих частей и громила красного противника. Гимназистка ижевка Лидия Попова с гармонистом выбегали впереди цепей и создавали небывалый подъем танцем и игрой на гармонии в моменты наступлений. Нет в мире сил, которые могли бы задушить эти выражения национальных чувств.

Как начальник и командир отрядов, дивизии и корпуса, Викторин Михайлович проявлял свои гениальные способности, равные только адмиралу Колчаку и генералу Каптелю. Вышие военные начальники прислушивались к его предложениям и следовали им. Так например, его предложение обхода города Красноярска и бездорожного движения по реке Кан были приняты и исполнены. Его знание озера Байкал и его руководство перехода этого озера во время сибирского ледяного похода, спасло боеспособность остатков Белой армии.

Ведение им военных операций сильно беспокоило и тревожило большевиков. Их главнокомандующий сибирскими войсками товарищ Блюхер неоднократно обращался письменно к нему о прекращении военных действий, лично обещал всевозможные привилегии, получая взамен твердый и отрицательный ответ каждый раз.

Его умелое командование заслужило награждение ижевской бригады Георгиевским знаменем, и Георгиевского креста для него. Его планировка и руководство в успешном переходе через озеро Байкал, без ранее проложенной дороги, удостоило всех участвовавших в этом переходе специальной наградой ордена сибирского ледяного похода.

Мир праху твоему, дорогой Викторин Михайлович, и вечная память тебе.

Подполковник **Геннадий Н. Блинов**
Председатель объединения

*Открытое письмо Объединения Ижевцев и Воткинцев
в Сан-Франциско семье покойного генерала В. М. Молчанова
(газета «Русская жизнь». V. LIII, № 8125, 22 января 1975 г.)*

10 ян 25 БЛАГОДАРНОСТЬ 1975

Не имея возможности лично поблагодарить всех проявивших участие к нам в нашем горе, потере дорогого мужа, отца, дедушки и прадедушки Викторина Михайловича, прибегаем к помощи «Русской Жизни», всегда отзывавшейся на всякие нужды.

Приносим глубокую благодарность Владыке Митрополиту Владимиру, посещавшему болящего со Святыми Дарами в госпитале и на дому и отслужившему панихиду по усопшем Викторине после литургии 12 января в Св.-Троицком каф. соборе.

Благодарим протоиерея о. Георгия Бенгисена, приехавшего на первую панихиду, отслужившего ее и сказавшего задушевное надгробное слово.

Благодарим протоиерея о. Романа Штюрмера за усердные службы и прощальное слово. Спасибо матушке К. Н. Штюрмер за ее участие.

Спасибо большое протоиерею о. Михаилу Соколову, посещавшему больного на дому, за заупокойную службу на девятый день после кончины и за его назидательные слова. Спасибо протодиакону о. Тимофею и диакону Борису за их служение.

Мы душевно благодарны протоиерею о. Николаю Веглайсу за панихиду, отслуженную им в храме Св. Иоанна Крестителя в Берклее перед лампадой, сооруженной ижевцами и воткинцами; протоиерею о. Николаю Санину за панихиду в Калистоге и за венок им присланный; протоиерею о. Леониду Касперскому и свящ. о. Алексею Павловичу, пришедшим проститься с покойным и благословить его в последний земной путь.

Благодарим регента соборного хора П. Ф. Распопова и весь его прекрасный хор.

Спасибо, большое спасибо ижевцам и воткинцам за память и чудесные цветы, членам О-ва Ветеранов, пришедших сказать последнее прости и стоявших в почетном карауле, Сестричеству Св.-Сроицкого собора за его сочувствие и чудный венок, Кружку ревнителей духовного пения за трогательное письмо, соболезнование и молитвы.

Благодарим всех родственников, друзей и знакомых за посещение Викторина Михайловича в госпитале и дома и, после кончины, так тепло откликнувшихся выражением их соболезнования, карточками, цветами и жертвами в фонд борьбы с раком госпиталя Маунт Зайон и в другие организации.

Всем, помолвившимся за упокой души раба Божия воина Викторина приносим искреннюю благодарность. Спасибо и «Русской Жизни», открывшей для нас свои страницы.

Лидия Молчанова и Михаил Молчанов с их семьями

*Благодарность от семьи покойного генерала В. М. Молчанова
(газета «Русская жизнь». V. LIII, JV 8128, 25 января 1975 г.)*

С. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ БЕЛЫЙ ОРЕЛ

(Светлой памяти генерала В. М. Молчанова)*

«Величайшее испытание мужества чело-
века — потерпеть поражение и не пасть
духом!»

И. Ингерсолл

Впервые я встретился с генералом Молчановым на Урале летом 1919 года у Кусинского завода. После гибели нашего бронепоезда «Волжский» командир послал меня с донесением в штаб Ижевско-Воткинской дивизии. Поздно вечером я добрался до штаба, стоявшего в доме управляющего завода. Меня привели к генералу. Как сейчас помню его энергичную и худую фигуру в защитной гимнастерке с генеральскими погонами того же цвета. Большой открытый лоб и поразившие тогда меня, сверлящие как бы насквозь глаза.

— Сколько тебе лет, доброволец?

— Пятнадцать, Ваше Превосходительство.

Генерал улыбнулся, протянул и пожал мне руку, приказав адъютанту накормить меня. Но закончить ужин не удалось. Началась стрельба и наступление красных. Я слышал, как генерал четко и решительно отдавал приказания: «Подать мне коня! Еду к нашим цепям!» Затем, взглянув на меня, заметил штабному офицеру:

— Посадите его в штабную повозку! Пусть отдохнет мальчик!

Эта первая встреча осталась для меня памятной на всю мою жизнь, ведь не всякий генерал пожимал руку солдату-добровольцу! Я понял тогда, почему Ижевцы и Воткинцы так любили и уважали своего командира.

После Кусинского завода, вторая встреча произошла около Петровского завода уже в Забайкалье. Больной тифом, я лежал в розвальнях с другим добровольцем. Наша колонна шла по дороге в Петровск. И вдруг из перелеска слева началась стрельба. Засвистели пули над обозом. Казалось, нам конец, ведь все больные еле двигались и были без оружия. И вдруг команда:

— Стой, сверни с дороги!

* Газета «Русская жизнь». V. LIII, № 8126, 23 января 1975 г., с. 2—3.

Рождественский Серафим Павлович (1903—1992) — в возрасте 15 лет участвовал в Ярославском восстании, затем в Белых войсках Восточного фронта до ноября 1922 г. В эмиграции в Австралии, Франции, Германии, с 1949 г. в США. (Ист.: Александров Е. А. Русские в Северной Америке. Биографический словарь. Сан-Франциско-СПб., 2005). — Л. Т.

Сзади нас скакали конники с обнаженными шашками. Впереди он сам — генерал Молчанов. В одной руке маузер, другая была забинтована. Накануне он был ранен. Быстро наши всадники развернулись с дороги и по снегу поскакали туда, откуда летели пули. Через несколько минут стрельба прекратилась. Партизаны убежали.

Лежа в розвальнях, больные шептались:

— Ну, и молодец наш генерал, совсем как Белый Орел! С таким командиром не пропадешь!..

Другая встреча произошла у станции Борзя в Забайкалье. Красные, прорвавшись в поселок, неожиданно напали на штаб генерала Молчанова. Не растерявшись, штабные во главе со своим командиром — кто в чем был одет (это было в начале зимы 1920 года) — выбежали с винтовками на улицу, отстреливаясь от красных. Сопrotивление штабных было столь неожиданным для красных, что они поспешили отступить. И когда команда разведчиков с бронепоезда, спешно высланная к штабу Ижевцев, подошла — всё было уже кончено. Нападение красных было отбито.

— Пошли пить чай! — спокойно пригласил Викторин Михайлович.

Затем начался наш отход, под ударами Краснознаменной армии, на линию КВЖД, сдача китайцам оружия, потом Приморье, военный переворот во Владивостоке и снова война — Хабаровский поход.

«Белоповстанцев» вел на Хабаровск генерал Молчанов. Плохо одетые, а стояла лютая зима, добровольцы быстро расправились с оборонявшими подступы к Хабаровску частями Дальневосточной красной армии и заняли Хабаровск. Здесь были захвачены большие военные трофеи и вооружение. Всё то, чего не хватало белоповстанцам и что лежало на складах во Владивостоке, сохранилось японцами и не отдавалось нам.

Нужен ли был Хабаровский поход? — теперь сомневаются многие. Но тогда сомнений не было ни у генерала Молчанова, ни у его белоповстанцев.

— Наш долг перед Россией и народом — бороться за его Свободу, пока мы живы, — говорил генерал Молчанов. — Поход на Хабаровск — риск, и вся наша надежда — на восстания в тылу красных. Должен же народ понять, кто «они»!..

Надежды, увы, не оправдались, и народ еще не понял «их»!

Здесь, в Хабаровске, как и в Борзе, генерал Молчанов лично со своим штабом отбил ночное нападение на штаб красных

партизан Бойко. Красные партизаны, не привыкшие к отпору, бежали, понеся большие потери.

Во время Хабаровского похода красный маршал Блюхер два раза посылал парламентаров с письмами к генералу Молчанову, предлагая ему прекратить войну и сложить оружие, обещая лично ему свободу и всякие блага. Генерал не отвечал на эти письма, а парламентарам (бывшим офицерам) он говорил:

— С предателями и изменниками не разговариваю!

В последнем своем письме маршал Блюхер, раздраженный упорством генерала Молчанова, уже угрожал: «...Не согласитесь — тогда пеняйте на себя. Рука революционного и пролетарского правосудия настигнет вас, где бы вы ни находились — тогда не просите никакой пощады!»

Но судьба сулила иное: рукой «революционного пролетарского правосудия» был расстрелян в 1937 году в подвалах Лубянки сам красный маршал Блюхер. А генерал Викторин Михайлович Молчанов, окруженный любовью и заботами своей семьи, почетом и уважением своих соратников и друзей, дожил в эмиграции до глубокой старости.

Снова мы встретились через 28 лет уже в Сан-Франциско. Все походы и бои остались позади и стали забываться. Новая жизнь и новые интересы. И все же, когда мы встречались, Викторин Михайлович живо интересовался жизнью в Советском Союзе и политической борьбой с коммунизмом.

Работая в большом предприятии, Викторин Михайлович всегда помогал своим землякам, устраивая их на работу, подавая советы. Был он глубоко верующим православным христианином и много лет и энергии отдал здесь, в Сан-Франциско на служение нашей церкви.

И можно ли сомневаться, что в летописи Гражданской войны, в истории Белого Движения имя генерала Молчанова, доблестного командира рабочих-добровольцев, легендарных Ижевцев и Воткинцев, не будет забыто.

На долгом жизненном пути ему пришлось пережить много горестей и разочарований, но он оставался до конца верным Белой идее, доблестным командиром и чутким человеком. Несмотря на все испытания, он не падал духом, а верил в Правду Божью. С этой верой в наше правое дело, в борьбу за Свободу и счастье русского народа, он ушел от нас навсегда. Но мы его никогда не забудем и будем помнить все его заветы.

ИЛЛЮСТРАЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ОФОРМЛЕНИИ КНИГИ

Первая сторона переплета

Фото генерала В. М. Молчанова, Владивосток, 1921 г. (Личный архив М. В. Молчанова).

Корешок переплета

Знак отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский поход» 1 -й степени. Принадлежал ген. В. М. Молчанову (фото Л. Тремсиной).

Четвертая сторона переплета

Фото: Гирин, 1923 г. (Личный архив М. В. Молчанова).

Первая страница рукописи биографии ген. Молчанова, написанной А. Г. Ефимовым в 1931 г. (Личный архив М. В. Молчанова).

Медальон, подаренный В. Молчановым матери, Л. В. Молчановой ок. 1912 г., фото: между 1910 и 1915 гг. (Личный архив Т. М. Трибендис).

Трибендис).

Памятная серебряная медаль участника Приамурского Земского Собора (июль-август 1922 г.), принадлежавшая В. М. Молчанову (фото Л. Тремсиной).

1- й форзац

Образ Казанской Пресвятой Богородицы, принадлежавший матери В. М. Молчанова, затем переданный ему и прошедший с ним весь Великий Сибирский поход (фото Л. Тремсиной).

Фото В. М. Молчанова, ок. 1915 г. (Личный архив М. В. Молчанова).

Фото Н. К. Скордули, между 1910 и 1915 гг. (Личный архив семьи Скордули).

Знак отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский поход» 1 -й степени, принадлежал ген. В. М. Молчанову; Знак отличия Военного Ордена «За Великий Сибирский поход» 2-й степени, миниатюрный вариант, принадлежал Н. К. Молчановой (фото Л. Тремсиной).

2- й форзац

Внизу слева: кадр кинохроники военного парада во Владивостоке в честь годовщины установления власти Временного Приамурского правительства 26 мая 1922 г. (Из фонда РГАКФД, г. Красногорск. Оп. киносъемок № 1152).

Фотографии, снятые в Гирине весной 1923 г. (Личный архив М. В. Молчанова).

Орден Св. Георгия 4-й степени, которым В. М. Молчанов был награжден в сентябре 1919 г. (фото Л. Тремсиной).

Памятный знак, выпущенный к 25-летию Ижевско-Воткинского восстания в Шанхае и присланный ген. В. М. Молчанову (фото Л. Тремсиной).

Контртитул

Генерал В. М. Молчанов. Сан-Франциско, 1968 г. Фото М. Иваницкого (фотография на контртитуле отпечатанного английского перевода интервью: *Molchanoff V. M. The Last White General. University of California, Berkeley, 1972*).

Подпись к фотографии на 4-й полосе второй вклейки

(Использована подпись к идентичной фотографии из книги: *Ефимов А. Г. Ижевцы и Воткинцы. Борьба с большевиками 1918-1920 гг. Конкорд, Калифорния, 1975*.)

Снимок командного состава Ижевско-Боткинской и Поволжской бригад в городе Гирине во главе с генералом Дитерихсом, генералом Вержбицким и генералом Молчановым

Март [на фотографии из архива А. А. Ефимова: апрель] 1923 г.

Нижний ряд (сидят на полу) слева направо:

- 1, 2, 3, 4 — чины Поволжской бригады
- 5 — поручик Богданов, н-к связи штаба Иж.-Вотк. бригады
- 6 — капитан Полунин, н-к штаба Иж.-Вотк. бригады
- 7 — корнет Старцев, адъютант Боткинского Конного дивизиона
- 8 — прапорщик Крюков — Ижевского полка

Второй ряд (сидят на стульях) слева направо:

- 1 — полковник Левицкий [Левитский] — Поволжской бригады
- 2 — полковник Сидамонидзе, командир Уфимского полка
- 3 — ген.-м. Ястребцев, командир Поволжской бригады
- 4 — генерал Вержбицкий
- 5 — генерал Дитерихс
- 6 — генерал Молчанов
- 7 — полковник Ефимов, начальник Иж.-Вотк. бригады

- 8 — полковник Савчук, начальник штаба 3-го корпуса
- 9 — полковник фон Вах, командир Боткинского полка

Третий ряд (стоят) слева направо:

- 1, 2, 3, 4 — чины Поволжской бригады
- 5 — полковник Сотников, командир Камского полка
- 6 — капитан Монгин, н-к штаба Поволжской бригады
- 7 — полковник Дробинин, командир Боткинского Конного дивизиона
- 8 — полковник Зуев, командир Ижевского полка
- 9 — полковник Черкес, командир Добровольческого полка
- 10 — подполковник Болонкин — Боткинского полка
- 11 — подполковник Столов — Боткинского конного дивизиона
- 12 — капитан Матросов — Ижевского полка

Четвертый ряд (стоят) слева направо:

- I — поручик Чермных, адъютант Камского полка
- 2, 3 — чины Поволжской бригады
- 4 — полковник Белянушкин, командир Волжского полка
- 5 — капитан Кременецкий
- 6 — подполковник Коврижников — Боткинского полка
- 7 — капитан Смолин — Ижевского полка
- 8 — шт.-капитан Никольский — адъютант Ижевского полка
- 9 — капитан Х
- 10 — капитан Федяшин — Добровольческого полка

Верхние ряды (стоят) слева направо:

- 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 — чины Поволжской бригады
- 10 — поручик Титов, адъютант ген. Ястребцева
- II — капитан Лучихин — Ижевского полка
- 12 — подполковник Быков — Боткинского полка
- 13 — капитан Одинцов — Ижевского полка
- 14 — капитан Колесников — Боткинского полка
- 15 — шт.-капитан Архипов — Ижевского полка
- 16 — поручик Журавлев — адъютант Боткинского полка
- прапорщик Федоров — Ижевского полка

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авксентьев Н. Д. 210, 293
Агапьев 106, 236, 239, 243
Алашеев Н. В. 23, 24, 211, 252, 253
Александра Федоровна, Императрица 112
Алексеев М. В. 210, 293
Алексеев Н. Ф. 44, 256
Алексей Николаевич, Цесаревич 25
Андерсон В. Г. 384
Аникины, братья 253
Атрошенко В. Г. 42, 256
- Багиянц Я. Б. 113, 123, 144, 146, 148, 150, 163, 237, 240, 274
Баев 107, 112, 113, 236, 237
Бакич А. С. 128, 277
Балтийский А. А. 60, 263
Барышников С. Н. 140, 143, 152, 280
Белков Н. К. 253
Березенич 231
Берсенев 241
Биркин В. Н. 27, 39, 40, 254
Блинов Г. Н. 7, 94, 213, 247, 268, 270, 273, 295, 296
Блинов Н. А. 202, 269, 270
Блинова Н. Н. 270
Блинова О. В. 249
Блюхер В. К. 81, 127, 180, 181, 247, 266, 287, 296, 386, 391
Будберг А. П., барон 51, 109, 259, 369-372, 374, 378
Бырдин Е. Я. 244, 294
- Вальтер, нем. лейт. 198
Васильев Ф. Н. 63, 264
Васильев 196
Вачнадзе, князь 28, 255
Вахрамеев, большевик 215
Веников В. Л. 225, 294
- Вержбицкий Г. А. 169, 170, 173, 175-177, 184, 285, 305
Верещагин В. В. 265
Виноградов П. И. 223, 294
Владимир Кириллович, Вел. князь 130, 277
о. Владимир Сакович, протоиерей 188, 290
Войцеховский С. Н. 103, 125, 132, 152, 154, 169, 228, 230, 233, 234, 243, 271, 370
Володкевич А. Н. 136, 280
Воронкевич А. А. 56, 262
Воронцов-Дашков И. И., граф 33, 39, 255
Вырпаев В. О. 383
Вязьмитинов В. Е. 196, 292
- ГайдаР. И. 128, 246, 277
Галкин Н. А. 90, 92, 268
Гассар 253
Гинс Г. К. 13, 111, 273
Глудкин П. Е. 160, 284, 287
Голеевский 383, 386
Голицын В. В. 120, 128, 243, 274
Головин Н. Н. 370
Гребенщиков 112, 237
Гриппенберг О.-Ф. К. 51, 259
Гурко (Ромейко-Гурко) В. И. 58, 262
Гутман-Ган А. Я. 266
Гучков А. И. 64, 264
- Дельников М. И. 60, 63, 196, 263
Деникин А. И. 60, 131, 189, 210, 244, 371
Джунковский С. С. 106, 272
Дитерихс М. К. 53, 128, 172, 181, 182, 275, 372
Добрынин А. В. 309, 355, 358, 362
Добрынина А. В. 274

- Добрынина В. И. 309
 Добрынина (Шишкина) Е. В. 356
 Долгополов А. Ф. 291, 382, 384
 Дутов А. И. 201, 292
- Евдокимов 112, 237
 Ефимов А. Г. 7, *НО*, 122, 125, 138, 140, 142, 143, 159, 174, 188, 189, 243, 244, 247, 250, 269, 273, 291, 295, 308, 323, 369, 372-374, 382
 Ефимов А. А. 290, 373
 Ещин Л. Е. 107, 236, 272
- Жанен М. 151, 281, 282
- Занфилов В. В. 22, 252
 Зошенко А. П. 134, 279
 Зуев 107, 112, 113, 236, 237
- Иванов-Мумжиев П. М. 135, 279
 Ирман (Ирманов) В. А. 51, 260
- Каландаришвили Н. А. 377
 Калашёв 94, 97, 207, 214
 Камкин В. П. 247, 249, 295
 Каппель В. О. 14, 91, 94, 97, 104, 106, 109, 115, 117, 127, 129, 136, 139-142, 147, 148, 150-152, 157, 210, 214-216, 222, 232, 233, 268, 304, 370, 376
 Карпов 100, 219, 223, 231, 243
 Керенский А. Ф. 70, 74, 86
 Кибардин И. Н. 84, 266
 Киприанов 185
 Кирилл Владимирович, Вел. князь 130, 277
 Кирсанов 226
 Ковальский Г. Я. 223, 294
 Кожевников, большевик 215, 216, 219, 221, 222
 Колокольников 223
 Колчак А. В. 18, 63, 108, 109, 117, 125, 128, 133, 140, 141, 144, 152, 153, 162, 164, 170, 176, 189, 195, 212, 227, 228, 273, 275, 281, 303, 304, 316, 368, 371, 372
- Колчин С. Е. 265
 Коновалов 107, 236, 237
 Константин Константинович, Вел. князь 55, 56, 131, 262
 Корнилов Л. Г. 53, 75, 210, 261
 Косьмин В. Д. 119, 275
 Круглевский А. В. 148, 151, 235, 281
 Кузнецов 112, 116, 237, 241
 Куракин 112, 237
 Куропаткин А. Н. 49, 51, 52, 257
 Курушкин Т. К. 216, 217, 294
 Кутепов А. П. 378
- Лебедев Д. А. 128, 173, 276, 317
 Левитов 385
 о. Леонид Викторов 175
 Леонтьев Е. А. 296, 383, 386
 Лечицкий П. А. 47, 51, 256
 Линевиц (Леневич) Н. П. 52, 260
 Ловцевич Л. Л. 140, 152, 280
 Ложкин 112, 118, 237, 244
 Лохвицкий Н. А. 50, 169, 258
 Лукашевич И. Н. 90, 91, 208, 209, 268
 Луцков П. А. 247, 296
 Лушкин 375
 Люпов С. Н. 99, 103, 108, 109, 217, 223, 227, 228, 271
 Ляпунов 112, 237
- Мак-Кей В. П. 296
 Манакин М. М. 109, 273
 Медведев А. С. 173, 175
 Меркулов Н. Д. 173, 176, 286
 Меркулов С. Д. 173, 176, 286
 Микеладзе (Михаладзе), князь 33, 34, 256
 Милеант Г. Г. 58, 263
 Михайлов Д. М. 112, 206, 237, 240, 274, 296
 Модестов Н. И. 97, 214, 215, 269
 Модели Э. 371

- Молчанов Александр Михайлович
20, 76, 78, 80, 81, 200, 201, 204,
251, 265, 270, 314, 354-358
- Молчанов Анатолий Сергеевич 9,
354, 359, 361
- Молчанов Викторин Михайлович
6-10, 13-191, 246, 249-251,
253, 265, 270, 273, 283, 288, 290,
292, 295, 296, 299-305, 308, 309,
311-316, 348, 349, 353-363,
367-376, 378, 386-393
- Молчанов Михаил
Викторинovich
8-10, 249, 284, 358, 366, 367,
373, 384
- Молчанов Михаил Иванович 20,
251, 309, 354
- Молчанов Сергей Михайлович
251, 354-360, 367
- Молчанов Сергей Евгеньевич 9,
366
- Молчанова Валентина Михайлов-
на 251, 354, 358, 359, 363
- Молчанова Зоя Михайловна 251,
354
- Молчанова (Шерстенникова)
Антонина Васильевна 355, 360
- Молчанова Лидия Васильевна,
мать В. М. Молчанова 20, 77,
251, 309, 354, 356-359
- Молчанова Лидия Васильевна,
вто-
рая жена В. М. Молчанова 291
- Молчанова (Якиманская) Линнея
Львовна 366
- Молчанова Надежда Алексеевна
355, 359
- Молчанова Наталия Константи-
новна, первая жена В. М. Мол-
чанова 160, 247, 284, 289, 295,
357, 361, 378-381
- Морев, доктор 100, 226
- Нечаев К. П. 144, 181, 280
- Николай II Александрович, Им-
50-52, 54, 60, 64, 67, 75, 96, 111,
112, 131, 187, 214, 290, 372
- Николай Николаевич, Вел. князь
131, 276, 278, 282
- Новицкий В. 67, 226
- Озол (Озолин) В.-О. А. 88-90,
93, 206, 267
- Орлов 237
- Остроумов Б. В. 171, 286
- о. Павел Дернов, протоиерей 77,
265
- Павлов 219
- Падалкин А. П. 385
- Панов В. М. 145, 147, 281
- Парский Д. П. 196, 292
- Пепеляев А. Н. 183, 287
- Переведенцев 218
- Петров П. П. 7, 132, 142, 147,
278, 373
- Петров С. П. 7, 368, 373
- Плешков М. М. 47, 257
- Понятовский 156, 157, 375
- Попов 383, 385
- Попова Я. И. 384
- Посмосов 237
- Правохенский Г. А. 157, 158, 282,
287
- Пучков Ф. А. 99, 106, 184, 223,
235, 270, 373
- Радко-Дмитриев Р. Д. 49, 258
- Раскольников (Ильин) Ф. Ф. 96,
214, 269
- Рин, нем. лейтенант 199
- Рождественский С. 383, 389
- Романов Д. Г. 14, 17, 280
- Рэймонд (Романов) Б. Д. 6, 8, 16,
18, 19, 286
- Саввич П. С. 55, 56, 261
- Саинов 242
- Салков 227
- Самсонов А. В. 59, 263

- Сапожников 80
Сапожников, казак 94, 96
Сахаров Г. И. 223, 294
Сахаров К. В. 133-135, 151, 154,
157, 160, 161, 169, 276, 376
Сахаров Н. П. 189, 289
Семенов Г. М. 158, 162, 164-166,
169, 170, 176, 281, 282, 286
Сергеев 234
Серышев С. М. 178, 287
Скипетров Л. Н. 282
Скордули Д. К. 284
Скордули К. Н. 284
Скордули Е. Н. 247, 284, 289, 295
Славин М. Т. 23
Смирнов С. П. 183, 288
Смолин И. С. 166, 170, 176, 237,
242, 285
Снарский И. А. 33, 255
Соколов 146
Сталин И. В. 31
Старк Г. К. 88-90, 183, 188, 213,
267
Старцев Н. Е. 249, 250, 296, 386
Стахеев В. И. 85, 266
Стахеев И. И. 265
Стахеевы, купцы 77, 200, 265
Степанов А. П. 210, 293
Сукин Н. Т. 128, 234, 276
Сухомлинов В. А. 50, 258
Сырнев А. П. 269, 270
Сыч Григорий 70, 197
Сычев Е. Г. 281
- Тер-Петросян С. А. (по кличке
Камо) 255
вл. Тихон, патриарх Московский
и Всея Руси 290
Трибендис (Молчанова) Т. М.
358, 363
Триковский Н. С. 64, 196, 264
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 75,
369
- Туголуков С. А. 253
Тулаев Г. Л. 24, 55, 253
Турков 1-й 216, 226, 234
- Унгерн-Штернберг Р. Ф., барон
50, 164, 168, 258
Ушковы, купцы 200
- Феодосьев П. П. 87, 88, 90, 93,
206-208, 212, 213, 266
Филимонов Б. Б. 299
Фон Вах Б. Э. 376, 377
Фортунатов Б. К. 109, 273
Франсуа, франц. офицер 225
Франц-Фердинанд, эрцгерцог
54, 261
- Ханжин М. В. 106, 120, 128, 134,
235, 271, 303
Хорват Д. Л. 52, 53, 171, 261
Хрущов (Хрушев) А. М. 184, 283,
288, 384
Худяков 377
- Червинов В. П. 35, 37, 256
Чернов Ф. Г. 269
Чернявский 41—44
Чжан Цзолинь 144, 183, 281
- Шапошников Б. М. 75, 264
Шебеко Б. К. 189, 292, 383
Шишкин И. В. 267
Шишкин И. И. 88, 267, 356
- Щепихин С. А. 108, 134, 235, 272
Эйхе Г. Х. 123-125, 132, 275, 279
- Юшков В. Ф. 253
- Яковлев 113, 237
Янушкевич Н. Н. 131, 278
Ястребцов (Ястребцев) Б. В. 288

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Тремсиная Л. Ю.</i> От составителя	6
<i>Молчанов М. В.</i> К читателям	В

ПОСЛЕДНИЙ БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

Устные воспоминания генерала В. М. Молчанова (перевод с англ. Л. Тремсиной)

<i>Рэймонд Б.</i> Предисловие к российскому изданию	13
<i>Рэймонд Б.</i> Предисловие к изданию 1972 г.	17
I. Детские годы и обучение.....	19
II. Служба на Кавказе	27
III. Служба на Дальнем Востоке.....	37
IV. Первая мировая война.....	54
V. Белое движение.....	78
VI. Контрнаступление красных	126
VII. Отступление в Китай	172
VIII. Возвращение в Россию: Приморье.....	173
IX. Пребывание в Японии.....	185
X. Переезд в Америку.....	186

СТАТЬИ И ПИСЬМА

В. М. Молчанов. Борьба на Востоке России и в Сибири.....	196
---	------------

Письма В. М. Молчанова

Письмо Е. Н. Скордули	247
Письмо Г. Н. Блинову.....	247
Письмо Г. Н. и О. В. Блиновым	249

Комментарии.....	251
-------------------------	------------

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Архивные документы

Ефимов А. Г. Краткая биография Командующего белоповстанческими

отрядами генерала Молчанова	299
Метрическая запись о рождении и крещении В. М. Молчанова	309
Из «Исторической записки о состоянии Елабужского реального училища за 25 лет его существования»	310
Послужной список поручика 6-го Сибирского саперного батальона Молчанова	312
Фронтовой адрес В. М. Молчанова в 1915 г.	313

Метрическая запись о рождении и крещении Ксении, дочери А. М. Молчанова	314
Приказ адмирала Колчака о производстве В. М. Молчанова в полковники.....	316
Документы из Музея русской культуры в Сан-Франциско (фонд генерала Д. А. Лебедева).....	317
Документы из личного архива М. В. Молчанова.....	346

Приложение 2. Статьи о генерале В. М. Молчанове

<i>Молчанов А. С.</i> Разобшенная семья Молчановых	354
<i>Петров С. П.</i> Генерал В. М. Молчанов — человек действия	368
Десятилетний юбилей перехода через озеро Байкал	374
Н. К. Молчанова (Некролог)	378
А. Е. 50 лет со дня восстания Ижевцев и Воткинцев.....	382
Открытое письмо Объединения Ижевцев и Воткинцев.....	387
Благодарность от семьи покойного генерала В. М. Молчанова.....	388
<i>Рождественский С.</i> Белый Орел	389
Иллюстрации, использованные в оформлении книги.....	392
Указатель имен	395

Научное издание

Молчанов Викторин Михайлович ПОСЛЕДНИЙ БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

Устные воспоминания, статьи, письма, документы

Ведущий редактор *Е. М. Гончарова*
Художественный редактор, оформление *А. М. Кузнецов*
Технический редактор *В. А. Артемов*
Компьютерная верстка *Г. В. Доронина*
Корректор *З. А. Тихонова*

Подписано в печать 21.10.11. Бумага офсетная.
Формат 60x90 1/6. Печать офсетная. Печ. л. 25,0.
Усл. печ. л. 25,0. Тираж 1500 экз. Заказ № 7058.

ООО «Издательство «АЙРИС-пресс»
129626, г. Москва, проспект Мира, д. 104.

Отпечатано в соответствии с качеством предоставленных издательством материалов

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ni, www.oaomnk.pij) тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685